

Created by free version of 2PDF

24л
Б90

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАРАГАНДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.Е.А. БУКЕТОВА

Е.А. Букетов

Собрание сочинений

В шести томах

Том 6

Вторая книга

Караганда
2006

Buketov university
Created by free version of 2PDF

ББК 84
Б 90

Букетов Е.А.
Б 90 Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т.6. книга 2. / Е.А. Букетов; Караганд. гос. университет им. Е.А. Букетова;
Ред. кол.: Е.К. Кубеев (гл. ред.) и др. – Караганда, 2006. с.

ISBN 9965-442-65-7

Ж22751

Вторая книга шестого тома демонстрирует многоаспектные грани литературного дарования Е.А. Букетова. Она включает рассказы, эссе, очерки, статьи, рецензии, написанные в разные годы, не утратившие свою актуальность и представляющие интерес для современного читателя.

ББК 84

Редакционная коллегия:

Кубеев Е.К. (гл. редактор),
Адекенов С.М., Ашимов У.Б. Бектурганов Н.С., Букетов К.А., Буркеев М.Ж., Жумашев Р.М., Малышев В.П., Масалимов А.С., Молдахметов З.М., Тахан С.Ш., Толымбеков М.Ж.

Б 4702250200
00 (05) – 07

Акад. Е.А. Букетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік университеті
ғылыми кітапханасы

ISBN 9965-442-65-7 (Т6)
ISBN 9965-442-03-7

© КарГУ, 2007

Buketov university
Created by free version of 2PDF

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестой том собрания сочинений академика Е.А. Букетова включает значительную часть его обширного литературно-художественного наследия на русском языке. Объем и жанровый состав материала продиктовал необходимость его группировки по двум книгам.

Книга первая содержит две повести - «Шесть писем другу» и «В орбите кочевок», различных по своей структурной организации, но пронизанных общей стилевой тональностью. «Шесть писем другу» - взволнованное автобиографическое произведение, выполненное в лучших традициях эпистолярной формы и рассказывающее о сложном пути личностного и профессионального становления ученого. Шесть писем точно обозначают основные вехи на этом сложном пути. За вымышленными именами, благодаря точным и метким характеристикам, легко угадываются реальные фигуры советской эпохи.

Человек и эпоха - главный фокус повести «В орбите кочевок», представляющей первую часть незавершенной трилогии об академике К.И. Сатпаеве. Редакция сочла необходимым учесть авторскую волю и опубликовать под названием, сохранившемся в рукописи, ибо оно несет в себе центральный лейтмотив произведения. Каждый человек, как и народ, имеет свою орбиту, подобно звезде на небосклоне, свой путь, предначертанный свыше и определяемый конкретными деяниями. Повесть демонстрирует новые пласты литературного дара Е.А. Букетова – тяготение к большой эпической форме, где свободно пересекаются прошлое и настоящее, а детально выписанный этнографический колорит и тонкие психологические характеристики соседствуют с проникновенным описанием природы. «Шесть писем другу» и «В орбите кочевок» окрашены ярко выраженной лирической тональностью, несущей в себе авторское видение мира и человека.

Книга вторая – разножанровая по составу, показывающая разные грани творческого наследия Е.А. Букетова. Она включает рассказы, очерки, эссе, статьи, рецензии. Совершенно неожиданен «Рассказ А.А. Плетнева о том, как он вора поймал», выполненный в сказовой форме, сочетающей драматическое и комическое начала. Очерк «Святое дело Чокана» свидетельствует не только о прекрасном знании исходного документального материала, но и собственном, прочувствованном осмыслении его. Монументальна личность академика К.И. Сатпаева в одноименном очерке. А эссе «Его интересно было слушать» и «Сергей Исакович Никитин», живо воссоздающие запоминающиеся фигуры бурятского и русского писателей, контра-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

стируют с неожиданной лирической тональностью научно-популярного «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике». Редакция полагает важным публикацию трех ранних статей, посвященных проблемам теории и практики перевода, не утративших свою актуальность почти полвека спустя. Театральные рецензии и кинорецензии, несмотря на то, что посвящены культурным явлениям своего времени, во многом поучительны для современных критиков, работающих в этих жанрах, по чистоте жанрового канона, где объективность подхода, а не субъективно-личностные пристрастия определяют суть оценки.

Необходимость подобного издания назрела давно. Оно – лучшее свидетельство многогранности таланта человека, прозванного в народе казахским Ломоносовым, и дар нашего глубокого почтения и памяти его имени.

Buketov university

Created by free version of 2PDF

СВЯТОЕ ДЕЛО ЧОКАНА

...Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал бы в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских...

Ф. М. Достоевский
Из письма Чокану Валиханову.

Федор Михайлович Достоевский... Немногочисленны те, кто пользовались душевно-сердечным расположением этого русского гения; стоило почувствовать малейшую фальш в поведении и образе мыслей человека, уже, казалось бы, снискавшего право на близость, как он тут же замыкался, становясь внутренне недоступным. А все притворное и неискреннее этот изумительный психолог разгадывал легко. И от того великий писатель сохранял неизменную и ровную привязанность к очень и очень немногим. Среди этих немногих был юноша, моложе Достоевского почти на пятнадцать лет, но тем не менее находивший возможным обращаться к нему коротко на "ты", и, обычно нелюдимый, подчеркнуто-вежливый, щепетильно-суровый, не допускавший даже намека на панибратство со стороны кого бы то ни было, Федор Михайлович принимал это как должное - таковы были узы братской нежности и нерасторжимого родства душ между друзьями. Он пророчил юноше большое будущее и был удовлетворенным свидетелем того, как быстро сбывались его предсказания. Молодой друг восходил так бурно и притягивал к себе так неотразимо, что к нему с большой добротой и приятельски-благожелательным вниманием относились знаменитый профессор-ботаник, ректор Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов, известнейший поэт Аполлон Николаевич Майков, великий географ и путешественник Петр Петрович Семенов-Тяньшанский и многие другие выдающиеся представители умственной элиты русского общества. Он был удостоен личного внимания самого царя, испытал на себе попечительную благосклонность могущественного канцлера, министра иностранных дел сиятельнейшего князя Александра Михайловича Горчакова; обер-прокурор святейшего синода граф Александр Петрович Толстой почитал за честь принимать его в графском доме и просить как почетного

Created by free version of 2PDF
Buketov University

гостя к обеденному столу, а молодой высокородный царский дипломат, будущий министр Н.П. Игнатьев, проявлял заботу о его здоровье... Он был окружен вниманием первых дам великосветских салонов, где недавно блистал Пушкин, а у сумрачного и желчного поручика Лермонтова рождался "стих, облитый горечью и злостью". Перед ним заискивали, ему навязывали свое общество, ему льстили, подхватывая каждое оброненное им слово, такие дворянские жуиры как Всеволод Крестовский – один из будущих угодливых литературных столпов благонамеренности и порядка под эгидой торжествующего зла.

Федор Михайлович, как известно, был совершенно независим в своих симпатиях и антипатиях, его мало заботило, что скажет на этот счет "княгиня Марья Алексеевна". Он полюбил юношу (именно этим редким в его устах глаголом "любить" характеризовал чуждый показных сантиментов Достоевский свою дружбу) и сохранил эту любовь до конца своей жизни. Может быть, что этот вечный труженик муками души, кровью сердца искупивший в маленьком, не всегда уютном семейном кабинете все страдания человечества, этот бывший узник "Мертвого дома", совершенно точно знавший цену добра и зла, этот скромный, застенчивый человек, терявшийся в шумном и нарядном обществе, этот постоянно нуждавшийся разночинец, совершенно чуждый интересам, присущим русскому барству, присущим сытым и довольным, может быть, в глубине души и упрекая своего друга за светские успехи, а может быть, считая эти успехи необходимыми для его будущей полезной деятельности. Может быть... На этот счет можно строить лишь догадки, точных данных история не сохранила. Но доподлинно известно лишь одно: сердечная привязанность осталась неизменной. Об этом свидетельствует следующий отрывок из воспоминаний жены писателя А.Г. Достоевской.

"...Восьмого ноября 1866 г. – один из знаменательных дней моей жизни: в этот день Федор Михайлович сказал мне, что меня любит и просил меня быть его женой. Был светлый морозный день. Я пошла к Федору Михайловичу пешком, а потому опоздала на полчаса против назначенного времени. Федор Михайлович, видимо, давно уже меня ждал: заслышав мой голос, он тотчас вышел в переднюю.

– Наконец-то вы пришли! – радостно сказал он и стал помогать мне развязывать башлык и снимать пальто. Мы вместе вошли в кабинет... Я с удивлением заметила, что Федор Михайлович чем-то взволнован. У него возбужденное, почти восторженное выражение лица, что очень его молодило.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

– Как я рад, что Вы пришли, – начал Федор Михайлович, – я так боялся, что вы забудете свое обещание...

– ...Я рада, что вижу вас, Федор Михайлович, да еще в таком веселом настроении. Не случилось ли с вами чего-либо приятного?

– Да, случилось! Сегодня ночью я видел чудесный сон!

– Только-то! - я рассмеялась.

– Не смейтесь, пожалуйста. Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими...

– Расскажите же ваш сон!

– Видите этот палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям. Так вот вижу я во сне, что сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги. Вдруг между ними что-то блеснуло, какая-то светлая звездочка. Я перебираю бумаги, а звезда то появляется, то исчезает. Это меня заинтересовало: я стал медленно перекладывать бумаги и между ними нашел крошечный бриллиантик, но очень яркий и сверкающий.

– Что же вы с ним сделали?

– В том-то и горе, что не помню. Тут пошли другие сны и я не знаю, что с ними сталось. Но то был хороший сон!..

...Он проводил меня до передней и заботливо повязал мой башлык. Я уже готова была выйти, когда Федор Михайлович остановил меня словами:

– Анна Григорьевна, а я ведь знаю теперь, куда девался бриллиантик.

– Неужели припомнили сон?

– Нет, сна не припомнил. Но я, наконец, нашел его и намерен сохранить на всю жизнь".

Уже более года прошло, как перестало биться сердце Чокана Валиханова, но его нетленный образ витает в мыслях, в душе Достоевского: в подарке друга, в палисандровом ящике он находит свой бриллиант, свою любовь, свою судьбу. Пусть это было сновидение, случайно сбывшееся ввиду особой игры воображения, но оно, это сновидение, не может не волновать читателя, даже того читателя, который может быть, относит себя к личностям, далеким от умиляющих сантиментов и расслабляющих эмоции, ибо нет ничего мистического в том, что к каждому из нас в решительные минуты жизни приходят, иногда утешая и успокаивая, иногда доброжелательно подбадривая, образы-видения самых любимых людей; приходят, наверное, потому, что нам эти образы-видения были дороги и мы никогда не расставались с ними.

Created by free version of 2PDF
Buketov university

Чокан Валиханов был человеком чрезвычайно общительным, у него было много друзей, среди них были и такие преданные и задушевные, как, например, друг детства, известный географ-путешественник, этнограф Н.Г. Потанин, пламенный, непримиримый поэт-петрашевец С.Ф. Дуров. Но ни один из них при общении со всесторонне образованнейшим, с непостижимо начитаннейшим, обладающим не только редкой наблюдательностью и целеустремленной логикой научного мышления, но и удивительной способностью образного, поэтического восприятия явлений жизни Чоканом не мог не претендовать на ведущую роль. И в этом смысле Федор Михайлович Достоевский был, пожалуй, единственным другом Чокана, к гению которого проницательный ум казахского ученого относился с трепетным благоговением. Дружба этих двух великих людей является ярчайшей страницей в истории братства русского и казахского народов, и не случайно она, эта дружба, ныне стала предметом научных исследований, психологических догадок, художественного творчества. К этой теме мы вернемся чуть позже, здесь же хочется отметить, что сердечная близость этих двух выдающихся личностей особенно ценна для нас тем, что Чокан Валиханов был первым сыном своего народа, достигшим, по выражению Ф.М. Достоевского, образования вполне европейского, был первым ученым-казахом, нашедшим широкое признание русской и европейской научной общественности. Эта дружба особо занимательна для нас еще и тем, что ни до, ни после Чокана Валиханова вплоть до 1917 года ни один наш соплеменник не проявил себя таким образом, чтобы так естественно, спокойно, непринужденно войти в круг самых выдающихся умов своего времени, чтобы предстать перед изумленным взором высших ценителей и мысли в таком блеске, с таким органическим, враждебным чувством собственного достоинства, как это сделал этот сын степей, этот киргиз-кайсак, этот царский от армейской кавалерии поручик. Он был первым из нашего народа, кто личным примером, вопреки всем противодействующим обстоятельствам, засвидетельствовал, на что способны люди, кочующие вслед за своими отарами в степных просторах окраин Российской империи и замороженные историческими условиями на уровне дикости и полудикости; он впервые засвидетельствовал, что люди, представление о которых у царя и его окружения не продвинулось ни на шаг с тех пор, когда поэт Державин в приступе подобострастия в сладкозвучных стихах возвел "государыню-мать" Екатерину в "богоподобную царевну Киргиз-кайсацкия Орды", и которых официально Петербург продолжал третировать, как номадов и туземцев, не зная и не желая знать с

Created by free version of 2PDF

какой великой жаждой эти "номады" и "туземцы" ждут своего духовного возрождения.

"Задачей своей жизни Валиханов считал служение киргизскому народу, защиту его интересов перед русской властью и содействие его умственному возрождению. Последнее для него возможно было только косвенным образом; он мог изучать свой народ и печатать свои труды на русском языке... Прямое же воздействие посредством писания и печатания на киргизском языке было бы праздным делом, потому что киргизский народ безграмотен. Но если бы у Чокана Валиханова была киргизская читающая публика, может быть, в лице его киргизский народ имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне", - так писал Г.Н. Потанин. "Если б Чокан имел в киргизском народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа и положить начало возрождению своих единоплеменников", - отмечал исследователь. Какая тяжелая, какая трагическая суть, какая горькая правда заключена в этих внешне спокойных фразах. Для тогдашней российской действительности эта правда была не нова. С тех пор, как в начале тридцатых годов восемнадцатого столетия племена Младшей казахской Орды добровольно связали свою судьбу с Россией, с русским народом, и это послужило благодетельным примером для племен Средней и Большой Орд, история нашего народа, жизнь и деяния лучших его представителей стали неотделимы от истории великого собрата, от судеб его выдающихся личностей. И наш первый ученый испытав в полной мере, вернее сказать даже в большой мере, все то, что испытывали те, кто оказывали своей деятельностью неоценимую услугу Отечеству. "Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром: будь то поэт, гражданин, мыслитель – всех их толкает в могилу неумолимый рок...

Рылеев повешен Николаем.
Пушкин убит на дуэли тридцати восьми лет.
Грибоедов предательски убит в Тегеране.
Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе.
Веневитинов убит обществом, двадцати двух лет.
Кольцов убит своей семьей, тридцати трех лет.
Белинский убит, тридцати пяти лет, голодом и нищетой.
Полежаев умер в военном госпитале, после восьми лет принудительной солдатской службы на Кавказе.
Баратынский умер после двадцатилетней ссылки.
Бестужев погиб на Кавказе, совсем еще молодым после

Buketov University
Created by free version of 2PDF

сибирской каторги...", – так писал А.И. Герцен в 1850 году. Позже он мог бы причислить к этому списку заживо погребенного в Сибири Н.Г. Чернышевского, тридцати шести лет, сломленного многолетней солдатчиной Т.Г. Шевченко, Н.А. Добролюбова, умершего двадцати пяти лет, Д.И. Писарева – двадцати восьми лет и многих, многих других. Теперь доподлинно установлено, что материалы к остропублицистической статье о злоупотреблениях властей в казахских степях, напечатанной в Герценовском "Колоколе" в 1862 году были представлены Чоканом Валихановым, однако мы не знаем, как осведомлен был А.И. Герцен о научной и общественной деятельности казахского ученого; скорее всего, не был осведомлен, но если бы он знал Чокана Валиханова, то пламенный Искандер без сомнения внес бы его в печальный, скорбный список жертв императорского скипетра, ибо по уровню одаренности и духовного развития; по чистоте и возвышенности жизненной цели он находился в ряду тех, которым тогдашняя действительность создавала самые несносные, самые жестокие условия бытования. И не удивительно, что Чокан Валиханов умер в 1865 году, не дожив и до тридцати лет. Это был, как писал Н.А. Некрасов по поводу смерти гения другого народа об украинце Т.Г. Шевченко, "случай предвиденный, чуть не желательный". Потомки ныне признательны Чокану Валиханову за то, что он, благодаря беспримерному мужеству, благодаря редкостной одаренности, соединенной с целеустремленным упорством, вписал свое имя в ряд любимейших имен народа. Он за короткое время прославился, как исследователь географии, этнографии, истории, языка и литературы родственного нам киргизского народа, а также так называемой малой Бухарии, как тогда называли Синцзянь-Уйгурскую автономную область Китая, во многих случаях первооткрывателем самых разнообразных научных фактов; он проявил себя выдающимся знатоком экономики, быта, верований, обычаев, прошлого и ему современного, словом, всего того, что касалось родного казахского народа. Все его труды отмечены печатью гения, а это означает, что многие его мысли, догадки, суждения и соображения остаются и доныне непреходяще ценными. В этом нас убеждают подробные научные изыскания в различных аспектах творческого наследия, проводимые теперь чокановедами. Чокан Валиханов не относился к типу кабинетных ученых, устремленных к постижению истины в определенной, узкой области, его интересовала жизнь во всех ее проявлениях; глубина этого интереса определялась его исследовательским даром, его редчайшим умением проверять алгеброй гармонию, а его трепетная отзывчивость, необыкновенная гибкость мышления – поэтично-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

стью, артистизмом его натуры, способностью образно и художественно видеть, чутко и эмоционально внимать. Именно в таких людях, как в фокусе сосредотачивается, накапливается и ярко высвечивается опыт поколений. И поэтому сама жизнь гения со всеми ее человеческими особенностями становятся поучительным материалом для познания духовных ступеней, по которым восходили народы к настоящему, и, следовательно, для познания истоков, во многом определивших наше достоинство и наши недостатки. Не праздный интерес человека, не знающего чем заниматься, не обывательская жажда покопаться в задворках чужой жизни побуждает нас к изысканию и изучению мельчайших нюансов в личной и творческой судьбе М.В. Ломоносова и Д.И. Менделеева, А.С. Пушкина и Абая, В.В. Маяковского и Сакена Сейфулина, а желание знать, подражать, сверять себя по этим немеркнущим образцам, получать от соприкосновения с ними живые творческие импульсы.

Мало жил этот человек, краткой была его деятельность. Но он жил так содержательно, проявил свой творческий темперамент так бурно и так плодотворно, что тщетно было бы дерзать на полноту описания его вдохновенных деяний и проникновенных чувствований, на глубину раскрытия психологической причинности, проявлявшейся в его воле и его поступках. И этот очерк о Чокане Валиханове является, может быть, лишь одним из отзвуков, которыми откликается наша душа, удивленная и пораженная непостижимой гармонией могучего духа выдающегося сына народа.

Пушкин гордился шестисотлетним дворянством. "Мое дворянство старее", – даже заметил он в скобках, отвечая Рылееву на упреки по этому поводу. Однако эта гордость не мешала ему преклоняться перед гением бывшего помора Михайло Ломоносова и восхищаться смелостью, находчивостью и размахом беглого казака Емельяна Пугачева. Валиханов имел не меньше оснований гордиться почти семисотлетним чингизидством. Он носил титул степного принца, султана поистине по-пушкински. "Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им", – писал великий поэт. Чокан Валиханов не мог испытывать перед кем бы то ни было что-то подобное подобострастию и унижению не только потому, что он был наделен природой особо обостренным чувством собственного достоинства, но еще и потому, что никто не мог его упрекнуть в незнатности и неизвестности его родового древа. Он считал себя потомком Тимучина, ставшего покорителем мира Чингисханом, и был правнуком знаменитого хана Аблая, царствовавшего в казахских степях во

Created by free version of 2PDF
Buketov University

второй половине восемнадцатого столетия. Интересно само восхождение Аблая к вершинам знатности и могущества. Это был период в истории Средней Азии и Казахстана, когда бесчисленные отпрыски некогда грозных властителей пребывая в претензии ни больше, ни меньше как на роль Батыя и Тамерлана, в жажде крови, мести и власти довели до крайнего раздробления и истощения народы обширного края. В этот период раздоров и распрей, взаимного изнурения и истребления, всеобщего измельчания и унижения прадед Чокана хан Аблай был, пожалуй, единственным властителем, который, благодаря личной доблести, уму и ловкости, сумел увлечь большинство казахского народа идеей единства и создал сильное объединение казахов Большой и Средней Орд, которому были подвластны к тому же прилегающие окраины нынешних Киргизии и Узбекистана. Теперь грозный союз казахских племен, успешно противостоял продвижению на запад китайцев, опьяненных только что закончившимся варварским истреблением целого джунгарского народа. Недолговечно было это объединение, но это было время особого духовного подъема казахского народа, вызванного чувством утверждения национального достоинства. "В предании киргизов Аблай, – пишет Чокан Валиханов о своем прадеде, – носит какой-то поэтический ореол; век Аблая у них является веком киргизского рыцарства. Его походы, подвиги его богатырей служат сюжетами эпических рассказов. Большая часть музыкальных пьес, играемых на дудке и хонбе, относится к его времени и разным эпохам его жизни. Народные песни "Пыльный поход", сложенные во время набега, в котором был убит храбрый богатырь Баян; "Тряси мешки" – в память зимнего похода на волжских калмыков, во время которого киргизы голодали семь дней, пока не взяли добычи, – разыгрываются до сих пор киргизскими музыкантами и напоминают потомкам поколения Аблая прежние славные времена".

Этот прадед Чокана умел окружать себя выдающимися людьми, подобными министрам и маршалам Наполеона, и песни и сказания о подвигах батыров Аблая хранятся в памяти народной до сих пор. И все же некоторые несложные умозаключения, вытекающие из фактов жизни и деятельности Аблая приводят к неутешительным соображениям относительно движущих помыслов знаменитого хана. Русский царь Петр Первый заботился в жизни о единстве и могуществе России; когда его охватили сомнения относительно возможностей наследника царевича Алексея к дальнейшему проведению этой великой цели, он не постоял перед тем, чтобы лишить его жизни, дабы этот малоспособный, малодушный и слабовольный человек впредь не претендовал на

Created by free version of 2PDF
Buketov University

императорский трон. По уровню взглядов на исторические обстоятельства, конечно, не сравнить образованнейшего русского царя, с, по-видимому, малограмотным ханом. И все же стоит обратить внимание на следующее свидетельство знатока казахского прошлого, писателя Сабита Муканова. "Аблай в 1770 году подчинил себе киргизов... В 1771 сына своего Адиля посадил владельцем Большой Орды. У Аблая было тридцать сыновей и он всех сделал предводителями отдельных подчиненных ему казахских родов".

Получается, что Аблай, достигший объединения степей ценою громадных усилий народа, ценою потоков крови и бесчисленных жертв, не придумал ничего лучшего, как раздарить подвластные племена и земли своим многочисленным сыновьям, и эти царевичи, движимые алчностью, чванством, тщеславием и взаимной завистью немедленно привели казахский народ к прежнему раздроблению и прежним раздорам. Тут поневоле вспомнишь, как всегда, меткое и точное определение А.С. Пушкина, данное им в заметках по русской истории: "Удельные князья – наместники при Владимире, независимы потом". Как недалек был в честолюбивых замыслах этот властелин, как его мало интересовало будущее народа! Конечно, можно с уверенностью сказать, что если бы хан Аблай стремился и завещал единство казахских племен, достигнутое при нем, то это завещание осталось бы пустым звуком. Отсталые кочевые племена с примитивной экономикой при тогдашних условиях не могли претендовать ни на государственность, ни на собственный путь развития. Позднее, когда внук Аблая Кенесары, такой же смелый, хитрый и ловкий фанатик, как его дед, пожелал повторить подвиги пращура, из этого ничего путного, кроме жестокостей и разорения, не получилось. И все же поражает, что самый знаменитый хан несчастного народа не мог подняться ни на йоту выше утоления собственной жажды власти. Недаром в казахском народе, столь чутком к проявлению благородных стремлений со стороны властителей, нет ни одного куплета, воспевающего помыслы хана Аблая о будущем благоденствии подвластных ему земель и племен, но зато много стихов, посвященных его могуществу и жестокому всевластью.

В родословной, составленной Чоканом Валихановым, его прадед Аблай означен, как потомок хана Жанибека, ведущего свой род от старшего сына Чингисхана Джучи. Но место Аблая в этой родословной наводит на некоторые размышления. Дело в том, что Аблай прожил семьдесят лет, причем в священном ханском достоинстве он числился лишь последние десять лет своей жизни, а именно в 1771-1781 годах.

Bukeov University
Created by free version of 2PDF

До этого ханом был Абульмамбет, прадед которого Жангир должен был быть, по этой родословной, прапрадедом султана Аблая. В исторических документах Абульмамбет почти не выступает один, а всегда вместе с султаном Аблаем. В народных сказаниях также вспоминают Абульмамбет-хана только в связи с Аблаем. Стоит подумать, почему этот дальний родственник хана имел на деле такое влияние, что хан без него не мог обходиться...

Не своеобразный ли этот Борис Годунов при слабовольном царе Федоре Ивановиче; Борис Годунов, не имеющий даже тех зыбких признаков родства, на основе которых тот взошел на русский трон? К этим соображениям приводят и следующее обстоятельство, в связи с которым мы обратимся к записям Чокана Валиханову. "Дед его, – пишет он, – тоже по имени Аблай, был владетелем города Туркестана и прославился такими воинскими доблестями, что получил грозное и почетное звание Кан-Ичер (кровопийца). Сын его, Вали, не мог поддержать славу отца; один из соседних владельцев, взяв Туркестан, убил его, только преданность одного из рабов спасла жизнь – его тринадцатилетнего сына Аблая. Верный слуга бежал со своим питомцем в Киргизскую степь. Юный Аблай, отвергнутый знатными своими родственниками, вступает в услужение богатому киргизу рода Якшилык". Писатель Сабит Муканов приводит несколько иную версию. Аблай бежал из Бухары, где его отец Абульфаиз был убит персидским Надиршахом, к своему родичу Абульмамбет-хану в Туркестан. Хан принял его плохо. Тогда, назвавшись сыном своего раба Сабалаком (немытый), пришел к богатому казаху и пас у него скот. Нетерпеливый честолюбец, естественно, не мог долго предаваться этому низшему занятию. Он бежал на Север, в степи Центрального Казахстана – Сары-Арку, по пути, посчитав, что родитель с отрезанным ухом (признак рабства) не будет способствовать его тщеславным замыслам, и предательски убил его. Черную неблагодарность этот великий честолюбец, как и все честолюбцы мира, не относил к своим недостаткам и это было, может быть, первое из бесчисленных убийств, совершенных этим человеком. Далее юноша показывает всяческую расторопность и жизнеспособность. Была большая битва, когда никому неизвестный Сабалак в решающий момент победоносно напал на врагов с воинственным кличем "Аблай!" и этим решил исход битвы. Здесь же прославленные батыры, которые станут потом сподвижниками Аблая, признали его знатное происхождение, ибо, по их представлениям, затмить их доблесть мог только ханский отпрыск, хотя до этого совершенно не ведали о существовании какого-то Сабалака, названного теперь возвышенным име-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

нем "Аблай", поскольку тот призывал на помощь дух своего деда Аблая. Народные предания с благородным простодушием вторят этой легенде и восхищенно пересказывают ее, ибо народу важны были смелые деяния Аблая и его батыров, а не генеалогические тонкости. Не поэтому ли в преданиях приводятся совершенно наивные аргументы в пользу недосягаемо высокого происхождения Аблая. Оказывается, хозяин при появлении пастуха Сабалака вздрагивал; несмотря на пастушеское положение был по-белокостному привередлив к еде; спал на спине, широко раскинув руки и полностью развернув ладони, признак того, что вскоре все окажутся в его железных объятиях и стальном кулаке и т.д. Теперешние дотошные потомки в поисках истины имеют склонность делать выводы на основе беспристрастного сопоставления имеющихся исторических сведений. Все знают, как ретиво размножались представители бело-костной знати, вдохновленные на это благое дело разрешением мусульманской религии иметь несколько жен (чингизиды это приняли, как разрешение иметь сколько угодно жен). Можно полагать, что при таком размножении в голове и сердце султана или хана в отношении родства и родственных привязанностей и обязанностей получалась большая путаница. И к такому хану в казахскую степь (по Ч.Валиханову) или в Туркестан (по С.Муканову) является босоногий, нищий мальчик, ведомый человеком с отрезанным ухом и навязывается в троюродные племянники, когда тут своими, родными, двоюродными племянниками хоть пруд пруди. В таких случаях властители плохо признавали и более близких родственников, поэтому правильно решил отверженный отрок, что лучше быть пастухом у бая, чем непризнанным и нежелательным родственником у хана. Другое дело, когда перед ханом появляется рыцарь в ореоле личной доблести и славы, во главе победоносного войска, предводителем которого он стал по праву мужества и полководческого искусства, и твердо, ясно, и четко заявляет: "Таксыр! Государь! Я твой троюродной племянник!" Тут уж не могло не дрогнуть сердце хана, не мог он не почувствовать, что нахал, подступивший с таким заявлением может быть не только троюродным, но и двоюродным, и даже родным племянником: настолько сильным, настолько неопровержимо убедительным доказательством являлось войско, стоящее за спиной новоявленного родича. И, конечно же, при таком способе доказывать свое родство к хану, Аблаю лучше всего было вначале убить своего "отца" раба, уж слишком много тот знал о своем сыне-султане. Дальнейшие события разворачивались таким образом, что ханом являлся Абульмамбет, а вершил дела Султан Аблай.

Акад. Е.А. Бекетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік университеті
ғылыми кітапханасы

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Случаев такого проявления родства в истории было немало. Сам Чокан рассказал в сохранившемся отрывке про Ондана, бежавшего из родных мест, боясь мести за убийство. "Он вышел, – в Малые ногаи, а оттуда к кайсакам, и по храбрости был признан за султана". Ораз-Мухаммед, касимовский хан, был сыном этого Ондана.

Можно полагать, что из всех имен, а в родословном древе Чокана Валиханова имя Аблай-хана очаровывало, пленяло, и возбуждало воображение, как только он стал понимать рассказы о жизни и деяниях своих предков, ибо в то время не было казахской семьи, казахского рода, где бы относились равнодушно и беспристрастно к своему происхождению. Традиционно повелось, что мальчик мог не знать еще счета чисел натурального ряда, не говоря уже об азбуке (которую ему, как правило, не всегда суждено было и знать), но он уже знал имена всех предков не менее, чем до седьмого колена. Причем среди этих предков непременно находился мудрый и могучий богатырь, дух-аруах которого витает над родом, внушая поклонение и обращение за поддержкой в решительные минуты жизни. Чаще оказывалось, что столь возносимый предок не был известен никому, может быть только, своим же потомкам, но последние не могли не наделять его изумительными качествами и не восхищаться ими в ожидании возрождения этих качеств в ком-то из следующих поколений. Эта наивная вера служила большим утешением для бедных и обездоленных. И уж нечего говорить о том, как возносился воспетый и воспеваемый степными златоустами Аблай-хан в семьях его многочисленных отпрысков, рассеянных по всей обширной территории Казахстана и, в мечте об аблаевском могуществе и почете, считавших себя обделенными и притесненными.

И вот в одной из таких семей появился мальчик, наделенный природой богатым воображением, редкой наблюдательностью, способностью впитывать, как губка, и эмоционально усваивать опыт окружающих, и при этом обостренно чувствовать и переживать непонятные для детского ума противоречия в жизни и поступках родителей и всех близких людей. Можно легко понять глубину и драматизм этих противоречий, если представить, как вчерашние самовластные владельцы казахских степей превратились или в скромных, преданных чиновников русского царя, как это случилось с умным и дальновидным отцом Чокана султаном Чингисом, или повторили судьбу светлейшего князя Меньшикова в Березове, как был сослан родной дядя Губайдулла за претензии на ханское положение в степях, или стали отчаянными и жестокими организаторами воинских набегов, граничащих с разбоем, как это произошло с двоюродным братом отца Чокана Кенесары. Все

Buketov University
Created by free version of 2PDF

остальные менее яркие личности метались между этими крайними путями, усугубляя драматизм, а порою и трагизм своего положения. И все они в своих малых и больших поступках воодушевлялись духом-аруахом хана Аблая. Редки были среди них (скорее, вовсе не было) такие, кто ко времени рождения Чокана был образован настолько, чтобы не верить в такую чепуху, как чудодейственная сила того, кто представлял кости, давно уже сгнившие в земле.

Не думается, чтобы взрослый Чокан чересчур обольщался своим белокостным происхождением, так называемым чингизидством своей крови. Еще менее, конечно, он был склонен придавать значение духу своего предка Аблая. К тому же он был слишком большим аналитиком, чтобы простые соображения, которые мы высказали выше о хане Аблае, не приходили ему на ум. Не думается, чтобы он случайно записал предание об Ондане, возвышение которого слишком прозрачно напоминает карьеру его прадеда. Этот рационалист, естественно, понимал и втайне, возможно радовался тому, что через Ондана, Аблая и ему подобных народ впрыскивал энергию, активность, жизнеспособность и, наконец, мудрость в расслабленные организмы потомственных властителей. Он был так же объективен и беспристрастен, как и Пушкин, спокойно перечислявший в автобиографических записках жестокости впавших в маразм крепостников-предков, как по отцовской, так и по материнской линии; Чокан знал, что таких было немало и среди его предков.

Природе часто угодно бывает наделять такими качествами, которые имелись у мальчика Чокана, слабые натуры. В этих случаях окружающая обстановка сложности положения и драматизм обстоятельств развивают в неустойчивых, склонных к хорошему развитию только в других, непротиворечивых условиях, натурах крайнюю неуравновешенность, метание от невозможной спеси, гордыни до пошлого самоунижения, до разрушающего все человеческое достоинства комплекса неполноценности. Безвозвратная потеря былых неограниченных привилегий породила среди чингизидов немало таких раздвоенных личностей. Чокана природа счастливо наградила, кроме всего прочего, еще и сильной, железной волей. И обстановка неуверенности, разброда, во многих случаях, печать которых лежала на всех, кого видели его наблюдательные глаза и слышали всеулавливающие уши, обостряли его чувство и ум, закаляли его упорство, усиливали его рационализм. Стоит посмотреть поближе на те условия, в которых рос и развивался будущий ученый.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Мухтар Омарханович Ауэзов рассказывает в одном из своих комментариев к созданной им исторической эпопее о великом Абае, как столкнулся с неимоверными трудностями при изучении биографии поэта, хотя поэт умер всего лишь за тридцать восемь лет до этого, да и писатель сам видел выдающегося земляка (ему было семь лет, когда умер Абай). Трудности эти были связаны с тем, что, сам Абай был образованнейшим человеком своего времени и был окружен достаточно грамотными людьми, письменные данные о жизни поэта не сохранились, кроме некоторых документов уездной и областной канцелярий. Сказывалось отсутствие традиций вести дневниковые и другие записи, беречь эпистолярное наследство. Единственным источником в этом случае являются устные воспоминания, которыми и воспользовался М.О. Ауэзов. "Читать о прошлом, – писал он, – приходилось в потускневшей, ослабевшей памяти моих престарелых собеседников; многое приходилось оживлять и своими догадками, расшифровывать путем сопоставления с рассказами другого современника Абая. С этими воспоминаниями приходилось обращаться бережно и осторожно. Как запоздалый путник, отыскав в пепле костра, оставленного давно ушедшим караваном тлеющий уголек, бережно и осторожно раздувает его, вызывая своим дыханием огонь". Нужно сказать, что здесь нашему знаменитому писателю повезло – он имел дело с людьми, видевшими, общавшимися с Абаем. А что говорить о тех устных воспоминаниях, которые передаются через поколения? Здесь рад бываешь и тому, если найдешь место, где был привал давно ушедшего каравана, и видишь, что на пепле оставленного костра растет буйная трава легенд и сказаний, в которые превратились дополненные и преображенные воображением поколений когда-то достоверные воспоминания современника. С Чоканам Валихановым нашему народу повезло. Благодаря редкой образованности, благодаря дружбе и близости с лучшими русскими людьми, мы имеем теперь в руках такое письменное наследство, какое не оставлял ни один деятель из нашего народа. Изучая творческое наследие Чокана Валиханова, мы ныне не только входим в захватывающий мир духовных интересов, свершений и помыслов этого выдающегося человека, но и видим блестящий пример бережного отношения к интеллектуальным достижениям и возможностям так называемых "инородцев", со стороны лучших представителей русского народа, мы с глубоким волнением чувствуем, как в головах и сердцах этих людей, совершенно не отягощенных никакими сословными и национальными предрассудками, никогда и не существовало никаких инородцев, а бы-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ли и есть народы, равные по возможностям, но отставшие по проклятым условиям исторического бытования.

К сожалению, наличные сведения и данные, по которым мы познаем деяние и восстанавливаем облик личности выдающихся людей, никогда нас не удовлетворяли, ибо одинаково дороги нам каждая оброненная мысль, каждый день и час их жизни. И поэтому материалы по биографии и творческому наследию Чокана Валиханова, оставаясь, как мы уже говорили, выдающимся явлением в историографии нашего народа, в то же время ныне недостаточно удовлетворяют наш возрастающий интерес к самобытной, неповторимой фигуре этого удивительного человека. На этих материалах лежит явная печать ущербного влияния условий жизни и традиций на вполне цивилизованного сына степей. В частности, мы не имеем никаких письменных источников о детских годах Чокана; между тем, он был отвезен в Омск, в кадетский корпус в двенадцать лет, в возрасте, когда приобретенное до этого накладывает вполне определенный отпечаток на будущее. Родители и близкие Чокана не берегли его эпистолярное наследство, поэтому очень мало сохранилось из того множества писем, которые получал общительный ученый от многочисленных корреспондентов. Словом, при изучении творческого наследия Чокана Валиханова радость от великолепных страниц, где ощущаешь подлинное дыхание самого ученого и его выдающихся друзей и современников, постоянно перемежается с горечью невозвратимых утрат, с сознанием исключительных трудностей в восстановлении многих интересных деталей в биографии ученого. И это целиком относится, как мы уже говорили, к детскому возрасту Чокана.

Чокан Валиханов родился в ноябре 1835 года. Он был, по-видимому, первым ребенком в семье молодого старшего султана Аман-Карагайского (потом переименованного в Кушмурунский) округа - административной единицы, созданной царским правительством для управления родами керей и уак, кочевавших в основном на территории нынешней Костанайской области. Старший султан, по рассказам, в то время с семьей проживал большей частью в крепости Кушмурун, с осторожностью ночуя летом на недалеком расстоянии от крепости, ибо многие султаны, в особенности самый непримиримый и грозный из них двоюродный брат Чингиса Кенесары, не могли свыкнуться с мыслью о потере былых привилегий и мстили отцу Чокана за верность русскому царю. Сохранился план этой маленькой крепости, нарисованный семнадцатилетним кадетом Чоканом в последний его приезд на каникулы в 1852 году. Судя по рисункам, казарма, домики для старше-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

го султана, чиновников и гарнизонного начальства да небольшие хозяйственные постройки с общей оградой из чего-то вроде досок или частокола, - вот что представляла собою эта так называемая, крепость.

"...В местности Кушмурун, – пишет Н.Г. Потанин, прошло детство Чокана. Когда Чокан поступил в кадетский корпус, я не помню, чтобы он что-нибудь рассказывал о Сырымбете; все его детские воспоминания, кажется, относятся к Кушмуруну". И на самом деле, урочище Сырымбет, где кочевали и зимовали мать и единоутробные братья Чингиса, расположено в трехстах-четырехстах километрах от Кушмуруна – расстояние немалое для того времени. В Кушмуруне же Чингис прослужил на должности ага-султана (старшего султана) почти до 1853 года, когда Чокан уже кончал Сибирский кадетский корпус. Поэтому, можно было бы предположить, что ребенок рос отчужденно от бабушки и других близких. Между тем, по свидетельству академика А.Х. Маргулана, "значительное влияние на духовный рост маленького Чокана оказала его бабушка Айганым. Для впечатлительного, одаренного от природы мальчика бабушка была неисчерпаемым источником знаний народной мудрости. В увлекательной форме она рассказывала Чокану старинные казахские легенды, предания, вспоминала исторические события недавнего прошлого, в которых сама принимала участие. Светлые воспоминания о бабушке – носительнице лучших народных традиций, обычаев Чокан сохранил на всю жизнь".

Как это могло быть? Трудно представить себе, чтобы вдова владетельного хана, хотя и лишенная теперь привилегий, но не оставившая причину "княжить и владеть", поехала вместе с сыном Чингисом и жила где-то в Кушмуруне, около него. Не таков был характер властной, гордой и твердой в своих принципах ханши, как она прозывается в тогдашних официальных документах. По преданиям, она, Айганым, предпринимала усилия, чтобы сесть самой на степной трон - ханскую белую кошму после смерти мужа, явно пренебрегая правами старшего пасынка Губайдуллы. Может быть, эта умная и ловкая дама слышала о многочисленных женщинах, которые головокружительно восходили достаточно твердо, до самой смерти, сидели на царском троне, имея на то часто очень сомнительные основания. Неизвестно, как разыгрались бы события, если бы Сперанский в благодетельном рвении об улучшении участи "инородцев" не упразднил ханскую белую кошму вообще. Проживание, даже кратковременное пребывание, степной царицы в Кушмуруне непременно осталось бы в памяти родов керей и уак, однако, на этот счет народная молва хранит молчание. И хранит молчание неслучайно: ханша не находила целесообразным выезжать в какой-то

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Кушмурун, когда она, как свидетельствуют документы, проникнута была единым помыслом - превратить урочище Сырымбета в нечто вроде родного поместья, построить усадьбу с невиданными для степей бревенчатыми домами с резными наличниками на окнах, мечеть при усадьбе и тем сохранить свое влияние на окружающие роды Атыгай и Караул, которых она именует чуть ли не своими подданными. Если вспомнить, как в казахских тогдашних семьях первый ребенок молодых супругов переходил целиком на попечение родителей супруга, как дед и бабка непременно нарекали себя родителями, а истинные родители переходили в разряд старшего брата и женге (жена старшего брата), как этот баловень с поощрения нареченных "родителей" рос, не признавая настоящего отца и настоящую мать и даже всячески пренебрегал ими, и как в этом наивном самообмане в патриархально-родовом семейном быту находили своеобразную прелесть, скрашивающую однообразное бытие, то трудно предположить, чтобы такая бабушка, как Айганым, несмотря на разнообразие ее интересов и деловых соображений, осталась равнодушной к первому внуку от любимого сына Чингиса, от сына, который, может быть, единственный в какой-то степени оправдывал честолюбивые мечтания страдающей властолюбивой матроны. "У тебя (у вас) нос не дорос, чтобы такого сына иметь", – сурово заявляла бабушка-родительница, держа на коленях или за спиной внука, сыну или снохе, или обоим вместе, при их попытке приблизиться к ребенку. Заявляла вполне серьезно и юмор положения можно было заметить лишь по легкой улыбке отвернувшихся истинных родителей. Айганым, бабушка Чокана, имела все права к такому заявлению. И можно полагать, что чисто патриархально-казахскими правами на внука Чокана Айганым пользовалась широко, ибо, к тому же это умная, наблюдательная женщина не могла не заметить рано проявившихся способностей сметливого, сообразительного мальчика. К такому суждению нас склоняет и то, что, по-видимому, семья Чингиса, вопреки вышеизложенным предположениям Н.Г. Потанина, большую часть жизни проводила в Сырымбете. Сохранилось свидетельство А.А. Сотникова, омского чиновника, ученого-ориенталиста, сыгравшего большую роль в становлении Чокана, о том, как он пребывал летом 1842 года в ауле Чингиса близ Ишима. Последнее означает, что аул Чингиса находился возле урочища Сырымбет. А.А. Сотников описывает ночь, проведенную в юрте Чингиса, при свечах, привезенных нарочным с бумагами из приказа. Из какого приказа не указывается. Думается, что нарочный мог привезти бумаги для Сотникова, чиновника особых поручений из Омска, из ближайшего Кокшетауского приказа, или же из

Created by free version of 2PDF
Buketov University

более дальнего Кушмурунского приказа для старшего султана Чингиса. Последнее вероятнее всего, так как трудно предположить, чтобы привозились бумаги для Сотникова, находившегося для сбора этнографических сведений. Надо сказать, что ага-султаны редко сидели в своих приказах-канцеляриях, степные дела решались в степи, и они, эти дела, ожидая решения, следовали часто за кочевками ага-султанского аула. Так, отец Абая Кунанбай, будучи ага-султаном Каркаралинского округа, управлял округом, живя как правило, в родном ауле, в 200-300 километрах от центра округа – Каркалинска, управлял примерно так, как римские проконсулы управляли вверенными им провинциями, сидя в Риме. Отсюда можно полагать, что ага-султан Чингис летом, когда сообщение упрощалось, жил в основном в родном Сырымбете и для Чокана наступала привольная жизнь возле бабушки Айганым. Вполне может быть, что она оставляла его в иные годы вообще у себя. На Айганым хан Вали женился, будучи в преклонном возрасте. "Дед Чокана Валихан", - пишет Н.Г. Потанин, – по семейным преданиям, не отличался способностями народоправителя... Валихан любил жуировать и был поклонником прекрасного пола..." Говорят, что в один из ханских выездов в аулы родов Атыгай и Караул, ханское око, недреманное к женским прелестям, заметило отроковицу-тростиночку и опытным взглядом оценило какой пышный расцвет красоты обещают неземное изящество ее движений, влажный блеск больших черно-смородиновых, притягательно-бездонных глаз, вишневая алость четко очерченных губ, хранящих за нежным створом жемчужный ряд зубов, а за ними сладчайший, живительный для стареющего августейшего тела нектар, любвеобильное ханское сердце необратимо вздрогнуло...

У хана Аблая, отца Вали-хана, было двенадцать жен. Это были дочери казахского, киргизского, кашгарского, каракалпакского, калмыцкого и др. ханов, нойонов и беков. От них имел 30 сыновей и 40 дочерей. Речь идет, естественно, о выживших в суровой обстановке кочевой жизни. Некоторые акыны атыгаевского-карауловского родов гордились тем, что Аблай не раз женат был на дочерях этих родов. В частности, знаменитый Шал-акын, обращаясь к Кенесары, говорил:

Я, если хочешь знать, в том роду рожден,
Что выдал деду твоему шесть красавиц-жен.

Но, по-видимому, в счет шли только жены-принцессы по крови. У менее удачливого и менее удачного сына Аблая Вали-хана жен был много меньше - не то пять, не то шесть. Айганым была последней.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

У властного, волевого и непоколебимого Аблая женщины в делах никакой роли не играли – они служили ему для отдохновения тела и души и являлись временным жилищем его детей. Не таким неподатливым был Валихан. У тоненькой тростиночки с большими черными глазами и нежно-алыми губами, после того, как она освоилась и трезво, деловито разобралась в обстановке, изучала мужа, проявились непокорно-твердый нрав, расчетный ум, честолюбивое сердце. Молодая токал (младшая жена), подчеркнуто сохраняя почтительное поклонение к старшим женам хана и неизменное уважение к их семьям, очень скоро склонила безвольного супруга к перенесению ханской ставки в Сырымбет, в родные кочевья Айганым, с оставлением, естественно, семей старых жен с их взрослыми детьми в зимовках и кочевьях старой ставки в Кызыл-Агаче, что возле нынешнего курорта Борового. Переход ханской ставки в Сырымбет означал уже единодержавное правление степями Айганым от имен хана Вали. Говорят, что Айганым использовала свое влияние на хана разумно и тем спасла ослабленного умом супруга от многих неразумных действий, которые могли быть следствием подстрекательства старших сыновей и родственников, считавших лишение их ханских и султанских привилегий узурпацией со стороны белого царя и мечтавших о воскрешении славы хана Аблая. Словом, об Айганым в степях сохранилось доброе воспоминание, как о разумной и справедливой владелице. Она, по-видимому была единственной среди потомков Аблая, кто проявил при лишении династических прав в высшей степени благоразумие и дальновидность – она немедленно объявила себя сторонницей новых обстоятельств и строго наказала сыновьям придерживаться этой линии. Она, может быть, была единственной, кто понимал, что исторические обстоятельства сильнее спесивых желаний и стремлений иных неумных и недальновидных представителей высшей степной бело-костной знати и что извлечь пользу из этих обстоятельств можно, лишь покорившись им.

В архивах сохранились свидетельства того, как эта дама стремилась упрочить свое положение, добившись разрешения царя построить усадьбу, мечеть при усадьбе, делала попытки заняться земледелием. Надо было иметь изрядную настойчивость, упорство и, наконец, мужество, чтобы выдержать ужасно медленное, скрипуче медленное вращение заскорузлой царской канцелярской машины: первую просьбу Айганым изложила этой машине, по-видимому, в 1822 году, поскольку 12 августа 1823 г. Западно-Сибирский генерал-губернатор Канцевич направил в Петербург, в так называемый Сибирский комитет, "покорнейшую просьбу об исходатайствований разрешения на постройку для

Created by free version of 2PDF

постоянного пребывания вдовы хана-Вали Айганым и семейства ее небольшого дома и при оном мечети для богослужения в пять тысяч руб..." Эта просьба была "удостоена высочайшего утверждения" в 1824 году. После такового "утверждения" машина продолжает совершать медленные и холостые ходы, десятки бумаг ходят в Петербург и обратно Тобольск и Омск с выяснением причин неисполнения, неполного исполнения и в каждой бумаге фигурирует назначенные пять тысяч рублей, и, наконец, 5 июня 1829 года Омское областное управление рапортует Западно-Сибирскому генерал-губернатору, что еще необходимо "внутренность выстроенного дома оштукатурить; направить у некоторых печей выбившиеся части; приделать ставни к окнам; и, главное, "...не по правилам поставленную мечеть оборотить в надлежащую сторону, для чего нужно сломать ее до основания". Только самой Айганым, наверное, было известно, сколько вдова владетельного хана испытала унижений и оскорблений, сколько она претерпела от чиновничьего крючкотворства и равнодушия, от непременного желания всех, кто прикасался к делу, погреть руки, "на высочайшей милостью пожалованных"; но так и полностью не использованных пяти тысячах: построены были дом и мечеть. Остальные дома и пристройки в усадьбе, которые известны читателям по известному рисунку Чокана Валиханова, были выполнены после. А.К. Гейне, видевший эту усадьбу в 1865 году, пишет, что то были "...несколько домиков во вкусе наших помещиков средней руки, а посередине – мечеть". Но, как бы то ни было, усадьба Айганым была первой цивилизованной постройкой во всей Средней и Большой Ордах и она являлась примером, демонстрирующим преимущество оседлой жизни. Это был прямой результат дальновидного сближения Айганым с русскими, особенно ввиду того, как другие аблаевичи, не избравшие этот путь, сеяли несчастья, смуты и трагедии. И, наконец, само появление в семье Чингиса такой личности, как Чокан Валиханов, есть следствие упорного стремления Айганым быть вблизи русских и использовать для жизни плоды цивилизации.

И все же не такова была Айганым, чтобы сосредоточить честолюбивые помыслы свои в пределах урочища Сырым-бет. В 1827 и 1829 годах она настойчиво добивается отправления ее "...с десятью лучшими и почетнейшими людьми к высочайшему его императорского величества двору, где бы... имела неоценимое удовольствие при лицезрении августейшего монарха засвидетельствовать изустную приверженность и доставить требы подвластного моего народа "...Не имея никакой действительной власти, она продолжает говорить о "подвластном ей наро-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

де", а к требам этого народа она относит необходимость царского указа, чтобы степные округа и волости управлялись только султанами. Желание Айганым "лицезреть августейшего монарха" было под вежливым предлогом отклонено, а относительно "треб" было дано указание впредь на должность ага-султанов и волостных управителей утверждать лишь лиц ханской крови. Это уже означает, что Айганым довольно действенно вмешивалась в политику царской администрации. В 1831 году она обращается с просьбой выехать в Омск ради устройства сына Чингиса на учебу, на что областной начальник генерал-лейтенант и кавалер де Сент-Лоран "изъявляет свою радость" и дает распоряжение обеспечить ее и сопровождающих ее лиц прогонными деньгами. В Омске же она выражает желание лицезреть лично Западно-Сибирского генерал-губернатора Вельяминова и тот же де Сент-Лоран, "не имея право отказать в ее о сем настоянии" (Айганым, по-видимому, умела располагать к себе), направляет ее в Тобольск.

Айганым была, пожалуй, единственной женщиной в казахских степях до революции, столь масштабно действовавшей в начале от имени хана Валия, а потом, после упразднения ханского правления, от имени ханской семьи и "подвластного ей" казахского народа, и с ней сибирская администрация не могла не считаться, поскольку в степях все же в высокое предназначение чингизидов еще верили и вдова хана имела определенное влияние на степные дела.

Айганым была, по-видимому, многогранно талантлива. Сохранилось предание о знаменитом надгробном плаче-жоктау, импровизированном ею в дни похорон любимого сына Мамеке (старший брат Чингиса) в 1831 году и удивительно проникновенно выразившем безысходное горе матери. И, может быть, она не проявила себя, как акын-импровизатор лишь только потому, что в степях в то время к сочинителям-импровизаторам знать относилась так же высокомерно и пренебрежительно, как дворянство относилось ко всем сочинителям до Пушкина и даже в пушкинские времена. При такой склонности души Айганым, думается, не могла не ценить степных златоустов, замечательных природных мастеров устного слова и, надо полагать, что они, эти мастера, с именами которых мы встретимся далее, не могли не найти в ней гостеприимную и приветливую хозяйку, внимательного и понимающего, а иногда, может быть, и поэтически восторженного слушателя. Это означает, что аул Айганым не был холоден и чужд степному искусству.

Можно полагать, что бабушка Айганым производила впечатление на маленького Чокана не только как рассказчица старинных былей-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

небылиц, но и как властная, твердая в своих решениях, пользовавшаяся всеобщим послушанием хозяйка большого аула младшей ветви валихановичей. Можно полагать также, что Чокану она не только занятно повествовала о деяниях прадеда Аблая и его богатырей, пересыпая свой рассказ стихами, пословицами, поговорками, которых она знала бесчисленное множество; но и о том, как деда Вали-хана его султаны и старейшины поднимали на белой кошме и как торжественно утверждали от имени белой царицы в ханском сане. Сохранилось длинное предписание по "обряду торжества по случаю утверждения Вали-ханом Среднего жуза и приведению его к присяге", состоящее из четырнадцати пунктов, где детально расписаны, как должны вести себя принимающие от имени ее императорского величества правящей должностью Уфимского и Сибирского генерал-губернатора генерал-поручик и кавалер Якоби и командующий Сибирской линией генерал-поручик Агарев; как и в каком порядке офицеры должны встретить, оказывая всяческие почести, ханскую карету, запряженную шестеркой; в каком строе должны быть выстроены эскадроны со знаменами; в какой момент должны сделать "на караул" с барабанным боем при звуке труб и литавр. После обряда приведения к присяге на Коране, надевание шубы и шапки (особо отмечено, что последнюю подает сам генерал-губернатор), а также целования и поднятия над головой сабли, т.е. принятие предметов, ее императорской особой милостью пожалованных, наступал последний пункт торжества. "...Для неувядаемой славы благодеющей монархии и во изъявление благодарности за матернее ея императорского величества попечение о благоденствии сей акт ознаменован быть выстрелами из ста орудий и ружей... (тридцать пушечных выстрелов) при звуке труб и литавр с барабанным боем... Между тем в доме правящего должность генерал-губернатора приготовлен быть имеет стол, за которым хан с султанами и лучшими старшинами, с генерал-поручиком и бригадиром также и штаб офицерами кушать изволят... При столе произведены будут пушечные выстрелы при питии здоровья: ея императорского величества, верноподанных ея императорского величества, новоутвержденного Валия-хана со всем вверенным ему народом". Таким образом, в утверждении, невиданным для степных жителей, хитрая царица демонстрировала перед среднеордынским владельцем силу и могущество империи и в то же время вольно или невольно возвышала роль хана перед склонными к непокорности султанами и старшинами. Воспоминание об этих торжествах у бабушки Айганым, может быть, заканчивалось грустным вздохом при невольном сопоставлении столь величавого былого с тем, как восемь лет

Created by free version of 2PDF

власти строили домик и мечеть вдове владетельного хана, может быть, вздох этот наводил быстро взрослевшего мальчика на различного рода размышления. И возможно, что она, заметив недетскую серьезность, набежавшую на лицо внука, тут же утешала его, говоря, что в таком бревенчатом доме, в каком живут они, не жил никто из его предков и что такая жизнь есть намного большее благо, чем все почести, оказывавшиеся ранее султанам и ханам, что намного лучше, интереснее быть просвещенным человеком, как отец его Чингис, чем быть малограмотным и темным владельцем степей. Она, побывавшая в Омске, в Тобольске на приемах во дворцах сибирских начальников, видевшая плоды европейской цивилизации и, должно быть, рассудившая практичным, земным умом, что все это дело рук человеческих, говорила, наверное, обо всем этом красиво, увлекательно и убежденно. И можно не сомневаться, что многое из того, что приобретал мальчик Чокан душою, умом и сердцем до двенадцати лет, связано было с колоритной фигурой Айганым.

Отец Чокана Чингис был известным в степях человеком. Сохранилась фотография, где запечатлен сидящий на стуле величавый старик с редковатой белой бородой и усами в парадном полковничьем мундире с густыми эполетами, в высокой папахе со свисающими чуть вперед плюмажем. Полковник, по-видимому, не отличался ростом: сабля красиво инкрустированными ножнами коснулась пола между ног, а рукоять ее прильнула почти к плечу. На груди, как можно судить по послужному списку, золотая медаль на александровской ленте и орден св. Святослава второй степени. На правильном, красивом лице с тонкими очертаниями прямой нос и чуть косящие глаза. Обращают внимание перстни с крупными, и должно быть, дорогими камнями на правом указательном и левом безымянном пальцах аристократически маленьких рук; обращает внимание потому, что в степях ношение колец, перстней мужчинами, особенно пожилыми, не было принято. Можно представить, какое внушительное впечатление производит этот человек на степных жителей в своем золоченном полковничьем мундире, с этим волшебно светящимися перстнями на пальцах в сочетании с ханским происхождением и знанием русской грамоты и русского языка, хотя он был всего лишь старшим султаном одного из многих округов, на которые разделились по "Уставу о сибирских киргизах" степи, недавно считавшееся единодержавным владением отца Чингиса - Вали-хана.

Султан Чингис Валиханов по народной молве характеризуется как человек образованный, многознающий и дальновидный. И, по-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

видимому, характеризуется так не без оснований. В то смутное время, когда представители торе - белокостной знати, большею частью недовольные новой политикой царской администрации, теряли авторитет и влияние в степях, надо было иметь достаточно такта, ума, выдержки и изворотливости, чтобы прослужить в должности ага-султана почти двадцать лет, переизбираясь через каждые три года. После освобождения от должности Кушмурунского ага-султана он продолжал служить советником в областном управлении, и далее, ага-султаном Кокшетауского округа. Сохранились архивные и литературные источники, из которых видно, что Чингис, будучи знатоком жизни, быта, обычаев, традиций, хозяйства, истории, устного творчества своего народа, оказывал большую услугу русским ученым в изучении казахского края. Он, по примеру своей матери Айганым, в Кушмурунском округе пробовал заниматься хлебопашеством; возвел школьный домик, дом для жилья – это были, конечно, не ахти какие строения, но все-таки и через них наглядно демонстрировались преимущества оседлой жизни.

В одном из сохранившихся документов сказано, что султан Чингис Валиханов русским языком "владел порядочно". Это, наверное, означает, что владел не в таком совершенстве, чтобы не приписывать слово "порядочно". Если проследить за обучением Чингиса в русской школе, то можно сделать вывод, что он русским языком "порядочно" стал владеть благодаря своим большим способностям. В 1830 году Айганым обращается к Омскому начальству, что «ее сын Чингис Валиев желает научиться по-российски читать, писать и политике», а в письме к Сент-Лорану по этому же поводу пишет: "...дети мои обучены татарской грамоте определенным ко мне бывшим генерал-губернатором Капцевичем в муллы Кут-Мухамметом Иманкуловым". Несмотря на полученное разрешение, отдавать своего сына на обучение в Омск ханша не торопилась и лишь через год, приехав вместе с сыном в Омск, она ходатайствует принять в азиатское училище вместе с Чингисом "пасынка ее Тореджана... и сверх того, товарищества им сына находящегося при ней муллы, Тобольского Татарина Валитши Уразматова-Мухамед-Галия". Все трое были приняты на Казеннокоштное обучение. И вдруг оказалось, что обучаются в Омске только Тореджан и сын татарина и ввиду этого областной начальник обращается в Кокшетауский приказ "...убедить ханшу Валиеву, дабы она не замедлила прислать сюда сына своего Чингиса"... Это было в июле 1831 года, Айганым не спешит отправить своего сына, "зрачка своих глаз" на учебу и в конце октября того же года Омский начальник снова пишет в тот же Кокшетауский приказ, что "...ханша Айганым уведомила... что сын ее

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Чингис имеет быть отправлен в Омск того же сентября, однако же сего не исполнила". Через год опять оказия. Айганым представляет в Кокшетауский приказ справку от 15 апреля 1833 года: "...Находящегося в Омском азиатском училище сына моего Чингиса Валиханова в прошлом 1832 году мои тюленгуты (бывшие дружинники хана - Б.Е.) дурным своим нравом сманили и без позволения генерала привели домой". Обучавшийся таким образом Чингис через год после представления этой справки в 1834 году оказался в должности ага-султана.

Айганым, конечно, стремилась к просвещению и всею душой стояла за то, чтобы сын получил русское образование и "научился политике". Но она была патриархальной матроной и в ней нет-нет да и проявлялось этакая госпожа Простакова с чисто барской жалостью и барским попустительством к любимому дитяти. Сказывалось и то, что сама Айганым, по-видимому, систематически не обучалась даже мусульманской грамоте, и, хотя, может быть, не раз назидательно повторяла известную поговорку "обучаться наукам, что иглой колодец копать", все же не очень осознавала, что учеба требует упорства, методичности, непрерывности и, наконец, жертв. Естественно, что при таком подходе к обучению великовозрастный Чингис (ему было девятнадцать лет, когда он поступил в азиатское училище), по "детскому неразумию" ни с того, ни с сего то сам оказывался в ауле, то вредные тюленгуты его сманивали, словом, нередко болтался на воле, оставив учебу на долю пасынка Тореджана и сына татарина. И не мудрено, что султан Чингис мог говорить по-русски не более, чем "порядочно".

Надо сказать, в тогдашних условиях в казахских степях люди, считавшиеся образованными, были образованны относительно, поскольку почти не было таких, кто получил сколь-либо систематические светские знания, и те, кто достигал кое-каких успехов в умственном развитии, в основном добивались этого за счет любознательности, слабо удовлетворяемой условиями степной жизни и малоемкой из-за непрочности и слабости основ, способствующих освоению нового. Все это полностью относилось к Чингису, который став сразу же после окончания училища ага-султаном, наверняка, не имел в достаточной мере ни времени, ни книг, ни исходных основ знаний, поскольку он даже положенные три года обучения в Омске использовал не полностью. Да и сам уровень обучения в казачьем училище был очень низок. Часть учителей, – пишет Г.Н. Потанин, – особенно в низших классах была урядниками; обращение с воспитанниками было грубое; в классах все было основано на долблении от сих до сих; за неуспехи и шалости сильно пороли". Следовательно, трудно говорить о сколь-либо

Buketov University
Created by free version of 2PDF

серьезных достижениях этого человека в самообразовании, если не брать в расчет опыт жизни способной и думающей личности. Мать Чингиса Айганым и многие другие понимали необходимость русского образования в том смысле, что оно давало преимущества в преуспевании в степной жизни. Был ли Чингис Валиханов выше этих утилитарных целей, пришел ли он в своем интеллектуальном развитии к тому уровню, чтобы воспринимать обучение детей более всего как способ их духовного облагораживания, нравственного возвышения, приобретения тяги к мыслительному, умственному труду, понимал ли, наконец, этот султан, что мусульманская схоластика – это еще не настоящие знания? На эти вопросы трудно ответить. Известно лишь одно, что из семи его сыновей (не говоря уже о четырех дочерях) четверо остались на уровне татарско-мусульманской грамотности, преподанной аульными муллами, и, надо думать, не оттого, что у султана не хватало средств на обучение детей. Чингизиды в народе характеризуются как люди, сочетающие холодность рассудка с жестокостью и необузданность страстей. Чувства, напоминающие жалость, сострадание, сопереживание, у них относились больше к недостаткам, чем к достоинствам. Вряд ли эти черты проявлялись в Чингисе так обнаженно, как у его непросвещенных предков. Будучи человеком любознательным и способным, он читал и знал столько, сколько позволяли условия, а это не могло не иметь облагораживающего влияния на его нравственные принципы. Кроме того, ввиду особых свойств царской петербургской бюрократии, не могущей терпеть вблизи себя таланты, ум и человечность, лучшие представители русской интеллигенции центробежными силами этого нетерпения выталкивались на окраины империи и таких людей было немало в Омске. Можно полагать, что личное общение Чингиса с этими истинно-образованными, истинно-гуманными людьми, начатое в годы учения в Омске и продолженное в годы ага султанства, естественно, должны были смягчить в нем черты, характерные для его предков, и, может быть, для некоторых из его родичей-современников.

В те времена, о которых идет речь, в казахских степях иной акын-импровизатор, не лезущий в карман за рифмованным словом, мог, смотря по обстоятельствам, столь же цветисто похвалить, сколь и мрачно охаять. В сохранившихся устных источниках наряду со стихами, где султан Чингис представляется как благоразумный, справедливый властитель-администратор, имеются и такие, где он называется жестоким обирателем народа. Не думается, что этим чингизидом владели особо сентиментальные эмоции при обращении с простыми

Created by free version of 2PDF
Buketov University

людьми. Однако можно полагать, что Чингис Валиханов не обладал той волчьей алчностью и неприкрытой склонностью к стяжательству, что были характерны для чернокостной знати, выдвинувшийся в связи с падением престижа султанов. Во всяком случае, в импровизациях акынов, столь падких к восхвалению богатств знати и баев, нигде не встречается упоминание о табунах Чингиса. А эти табуны у человека, прослужившего чуть ли не полвека на самых ответственных (речь, естественно, идет о должностях, дозволенных для "инородцев") степных должностях, могли бы накопиться.

Вызывает удивление, что именно христианнейший генерал-губернатор Капцевич прислал муллу-татарина в аул Айганым для обучения ее детей. Этот Капцевич, по свидетельству А.И. Герцена, любил все "приводить во фрунт и строй", и, может быть, вбивание заветов Аллаха и его пророка Магомета в головы "инородцев" было одним из методов "приведения во фрунт и строй". Как бы то ни было, в ауле Айганым росли истинно правоверные мусульмане, не пропускавшие пятикратного коленопреклоненного чтения Корана, и среди них был султан Чингис.

Правоверный мусульманин, зубривший с раннего детства Коран и в то же время образованный человек с любознательностью, проснувшейся и поддерживаемой от соприкосновения с русской культурой; добросовестный царский полковник и в то же время сын хана, родившийся во время потери аблаевской династией культа всеобщего поклонения и повиновения, во время разлада, разброда и вырождения; лучший знаток истории, этнографии, быта, культуры и словесного творчества своего народа, и в то же время рассудительный, холодный, твердый в своих намерениях администратор, умевший ладить как с своенравным начальством, так и с не менее своенравной степной знатью; чиновник, представитель самодержавной бюрократии, хорошо знающий цену бумаги, с ее суконно-канцелярскими, тяжеловесными оборотами, бумаги, вложенной в царскую административную машину, и в то же время остроумный степной оратор, умеющий тонко чувствовать силу слова и умственно пользующийся любовью своего народа к образности и меткости речи для того, чтобы решать запутанные степные тяжбы и споры одной поражающей воображение слушателей фразой – вот каким предстает по имеющимся сведениям отец Чокана султан Чингис Валиханов.

У Чингиса Валиханова есть одна биографическая отличительность, благоприятно сказавшаяся на цельности развития психологии его гениального сына – он имел только одну жену – Зейнеп, мать Чокана и других детей. Он был, пожалуй, в этом отношении единствен-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

ным из представителей степной белокостной и чернокостной знати, любившей, как тогда говорили, "обновлять постели". Чокан, таким образом, не испытывал все ужасы зависти, раздоров, ревности полигамной семьи, как это случилось с великим Абаем. Умерла Зейнеп, когда Чингису было за семьдесят. Старый султан не вынес одиночества и женился во второй раз... При этом, говорят, наставительно сказал молодой жене: "Ты прости мне мою старость, я буду прощать тебе твою молодость". Он, по-видимому, любил ясность в отношениях и не мог без особой надобности фальшивить.

Занимался ли Чингис воспитанием своих детей? Думается, что не очень много. В степях не было принято со стороны взрослых особо обращать внимание на детей, воспитывали обстановка и природа, а в целом народ. Но любознательному и впечатлительному Чокану достаточно было само присутствие такого влиятельного, авторитетного, сурового отца, к которому все окружающие относились с почтением и поклонением, ловили каждое слово его и каждое слово с неменьшей чуткостью ловил и его сын; из поведения отца и из его интересов в душе мальчика, наверное, оставались, запечатлевались штрихи, которые потом переварятся в чаще беспощадного и дотошного самоанализа. Может статься, при верховых разъездах по степным делам за отцом ага-султаном увязывался мальчик, и тогда отец, не позволявший себе переступить белокостный этикет и приблизить для бесед сопровождающих на почтительном расстоянии тюленгутов, скрашивал скуку бесконечно вьющихся степных троп рассказами из истории народа, его правителей, из опыта собственной жизни, приводил примеры остроумия и находчивости в состязаниях акынов-импровизаторов и находил в мальчике внимательного слушателя... На этот счет можно лишь гадать. Но, думается, одно верно – Чингис имел несомненное влияние на духовное развитие, на оформление характера и наклонностей своего сына, может быть, не всегда вполне отчетливо подозревая, на какую разборчиво-благодатную почву ложится все, чем, он производил впечатление на этого мальчика и вовсе, вероятно, не представляя, что, если его имя и будет упоминаться в истории его народа с какой-то долей почтения, то только в связи с тем, что он является отцом этого шаловливого, заласканного окружающими султанского отпрыска.

Неизвестно, какое место занимала в жизни мальчика его мать Зейнеп. Рассказывают, что это была сильная, волевая женщина. Она, говорят, имела на своего мужа большое влияние и, возможно, этим объясняется, что он не позволил себе иметь токал (младшую жену). Неизвестно, как складывались взаимоотношения между властной свек-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ровью и не очень склонной к покорности снохой, воспитанной в семье сановного Чормана, крупнейшего представителя чернокостной знати, не очень признававшей преимущества белокостного происхождения. Может быть, Зейнеп некогда в порыве желчи по поводу спеси и тщеславия аблай-ханского окружения могла, шепелявя сильнее обычного (этот недостаток ее сохранился в памяти потомков), сказать: "Нечего чваниться, у меня брат простого происхождения, а тоже полковник!" Такие или подобные реплики не могли не иметь значения в душе впечатлительного мальчика.

Люди не всегда склонны придавать значение детству и обращать внимание на знания, приобретенные в этом возрасте. Может быть, в этом нет ничего стоящего сожаления, когда речь идет об обычных смертных. Для выдающихся же личностей впечатления детства не бывают мимолетными: они с самой ранней поры, с широко раскрытыми глазами и трепетно-отзывчивым сердцем поражаясь и радуясь новизне познаваемого, запоминают все и потом, повзрослев, черпают из памяти, как из кладовой, необходимый творческий материал. Чокан Валиханов поступил в Омский кадетский корпус в 1847 году, двенадцати лет. По свидетельству Н.Г. Потанина, он не знал тогда ни слова по-русски. Через пять лет он вышел из корпуса юношей необыкновенной образованности и начитанности, с несравненным знанием тонкостей русского языка. Русское образование, в освежающие и облагораживающие пучины которого он окунулся, его захватило, заняло полностью. Он в первые два года не выезжал на каникулы. Но откуда такое знание быта, обычаев, верований, искусства, словесного творчества, преданий и исторических сведений у этого оторванного от родных степей с двенадцати лет и, казалось бы, быстро обрусевшего мальчика? Откуда тот едва проступающий эмоциональный колорит, та неуловимая, но чувствуемая задушевность в произведениях, где он пишет о своем народе и где самый придирчивый взгляд не мог бы обнаружить отступления от логики фактов? И здесь нельзя не полагать, что Чокан невообразимо много знал уже в эти двенадцать лет. А.С. Пушкин описал в детском стихотворении "Городок" богатую библиотеку отца, в которую он врос с шести-семи лет. У отца Чокана такой библиотеки не было. Но он, сын султана, мог видеть и слышать самых талантливых людей своих степей. И он, как губка, впитывал в себя исторические предания, десятки тысяч строк устных поэтических сочинений, запомнил массу поговорок и пословиц, успел обратить внимание на особенности быта и верований, и все это, войдя в плоть и кровь, сохранялось в памяти, чтобы потом в руках ученого, вооруженного вполне европей-

Created by free version of 2PDF
Bukrov University

ским образованием, подвергнуться научному сопоставлению и анализу и заиграть новыми красками, новым содержанием. Приведем примеры. В одном из своих произведений Чокан тонко разбирает игру на народных инструментах. "Кобыз, – пишет он, – род двухстороннего альта, струны делаются из конских волос и играют на них смычком. Кобыз имеет ту разницу... что у него нет верхней деки, корпус имеет фигуру круглую, ручка так вытянута, что струн нельзя к ней прижимать, берутся же разные тоны флажолетом. Вообще же это очень трудный и приятный инструмент". Конечно, так может писать человек, который знает этот инструмент и сам играет на нем. Когда же он мог научиться этому? Только в ауле, до двенадцати лет, ибо в кадетском корпусе, где он был единственным казахом, этот степной музыкальный инструмент вряд ли культивировался. А вот музыкально-грамотное, точное описание этого инструмента – это уже результат теоретических познаний, полученных в Омске. Между тем, игре на народных инструментах в детские годы Чокану было у кого научиться. Кроме степных музыкантов, которые появлялись в ауле султана и по приглашению и без приглашения, и могли жить сколь угодно долго, пока к ним не потеряют интереса или просто, ввиду характерной этим людям непоседливости, не обнаружат в себе охоту к перемене мест, у мальчика рядом жил любимец – дядя Ханкожа, изумительный знаток-исполнитель степных музыкальных кюев-раздумий и композитор. Сохранился портрет Ханкожи кисти Чокана; мужчина средних лет, с красивыми, правильными чертами лица, обрамленного густой короткой черной бородой, переходящей в бакенбарды, и высоким лбом. Большие глаза из-под черных бровей смотрят чуть сурово и изучающее, под таким взглядом внутренне сердечные и скромные люди скрывают готовые прорваться эмоции. Может статься, что именно и главным образом от этого красивого и, должно быть, немного не по-султански отрешенного от земных интересов человека и идет у племянника тонкое понимание музыки. Ведь нельзя же думать, чтобы столь любознательный Чокан не попробовал дядиным смычком воспроизвести слышанные им захватывающе-чарующие звуки и не такая уж натура была у него, чтобы оставить это дело после первых неудач. Во многих произведениях Чокан останавливается на известной народной поэме "Козы-Корпеш и Баян-Сулу" – одном из выдающихся явлений казахского народного творчества, значение которого с гениальной чуткостью разгадал А.С. Пушкин. Один из списков этой поэмы во время приезда в Оренбург в 1833 году он взял с собой и собирался напечатать. Об этом Чокан, конечно, не знал, но повесть о степных Ромео и Джульетте, сопровождала его всю

Created by free version of 2PDF
Buketov University

жизнь. Он знал и записывал несколько его вариантов, в том числе и в исполнении таких выдающихся акынов, как Жанак и Шоже. Надо думать, что источником его неослабевающего интереса и волнующего внимания к этому казахскому лирико-эпическому сказанию являлись незабываемые впечатления детства, когда мальчик, забросив все детские шалости и игры, завороженно слушал поэму из уст знаменитых певцов-сказителей своего времени.

Зрелый Чокан был рационалистом и, ввиду этого, он не верил в существование сверхъестественных сил, скептически относился к положительной роли в развитии общества религиозных верований. О наличествующем мусульманском духовенстве он пишет: "Вся степь наводнена полуграмотными муллами из татар и фанатическими выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых.... ...Личный их интерес... заключается в том, чтобы довести киргиз своим влиянием до такого слепого изуверства, при котором так легко живется всем этим старцам, паломникам и дервишам" ...Откуда такое отвращение к многочисленным отцам-наставителям, поддерживающим и укрепляющим якобы мусульманский дух в степях, у молодого человека, выросшего в правоверной семье, где была мечеть рядом, где учили начинать всякое дело и даже рот раскрывать со словом "бисмилла" ("слава аллаху") и где пропуск пятикратной молитвы – намаза считался большим проступком перед всевышним? Думается, что семена этого отвращения и этой ненависти уже заложены были в Чокане в том возрасте, когда он еще не знал ни слова по-русски. Если бы Чокан пришел к вышеприведенным выводам путем обычного научного анализа роли мусульманства в степи, не имея детского опыта жизни, связанного с верой в Аллаха, то он, думается, объективно и, может быть, не менее доказательно, высказал суждения об отрицательной роли этой религии в степях. И наверное, через беспристрастно ученое изложение не прорывались бы отзвуки когда-то испытанных болей, остатки когда-то выработавшейся в душе желчи. Можно твердо полагать, что истоком горьких, печальных эмоций Чокана являются впечатления детства, когда в ребенка усиленно вбивали неизменные задатки правоверного мусульманина. А о том, как велось обучение в мусульманских школах, насаждавшихся царским правительством, у тех, кто учился в них, сохранились страшные, кошмарные воспоминания. В этих школах, во всех без исключения, муллы учили таким образом, чтобы правоверные, истинные последователи пророка не знали ничего, кроме того, что они – рабы и еще раз рабы Аллаха и его пророка. Во всех этих школах применяли метод бездушного заучивания, от которого тупеет ум и тускнеет любопытст-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

во. Розги считались лучшим и непременным оружием для тренировки умственных способностей ребенка и не было муллы, который не был вооружен ими. Это было системой оглупления целого народа. После нескольких лет обучения таким образом большинство детей не добиралось до того, до чего ныне добирается в первые же месяцы обучения любой малоспособный первоклашка. А что говорить о заучивании Корана, текст которого не разрешалось переводить, а арабский язык редко знали сами муллы. И вот в одной из таких школ в Кушмуруне или Сырымбете учился у муллы-татарина, "присланного генерал-губернатором", мальчик Чокан. Можно представить, какую разницу ощущал одаренный мальчик между тем, что он слышал в юрте от акынов-импровизаторов, певцов, остряков, и тем, что он видел в школе, где тупо зубрились арабские буквы и заветы пророка и не произносилось ни одного живого казахского слова. Так у будущего ученого в детские годы наряду с очарованностью радостями жизни, с любовью к истинно-доброму и красивому, неосознанно и инстинктивно вырабатывались задатки ненависти и отвращения ко всему, противному духу свободного развития человека.

Есть одна удивительная особенность в интеллектуальном развитии Чокана. Невежественные радетели мусульманской религии, как известно, наложили запрет на живопись, на умение изображать явления жизни и природы кистью и карандашом. Казалось, искусство представлять на бумаге или каким-то другим путем образы виденного пространственное воображение было умерщвлено в зачаточном состоянии. Между тем Чокан Валиханов, пожалуй, единственный казах до революции, проявивший себя, как замечательный художник. Мы теперь имеем целый том рисунков, портретных изображений, жанровых картин и др., значение которых в нашей науке и культуре еще возможно недостаточно оценено. "Чокан, – пишет Н.Г. Потанин, – не знал ни слова по-русски и уже тогда любил рисовать карандашом. Дабшинский показывал картину, нарисованную Чоканам уже в Омске; русский город поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов". Этот рисунок сохранился: на нем изображен дом генерал-губернатора, величественное для того времени здание с часовней и флагом российской империи на крыше; перед домом по тротуару плетется укутанная во что-то неуклюжее дородная обывательница, ведя за руку ребенка; за домом слева в отделении видны купола и колокольни церкви. Любой выпускник среднего художественного училища мог бы быть автором этого рисунка. Сохранились и другие замечательные рисунки двенадцатилетнего Чокана. Все они нарисованы Чоканом после

Created by free version of 2PDF
Buketov University

приезда в Омск. Это и понятно. Чокан, судя по этим рисункам, до этого занимался рисованием, но делал это втайне, во всяком случае подальше от глаз муллы, и рисунки, естественно, уничтожал. И здесь, в Омске, он, наконец, оказался в условиях, когда мог открыто, не скрывая ни от кого, предаться любимому занятию. Вот отчего появились несколько замечательных рисунков, датированных 1847 годом.

Взрослого Чокана Валиханова современники часто сравнивали с М.Ю. Лермонтовым. Они, по-видимому, были схожи и в детском возрасте. Дар живописи у М.Ю. Лермонтова проявился рано, но великий поэт создавал свои детские рисунки при всеобщем доброжелательном поощрении и специальном обучении этому, тогда как казахский гений рисовал свои детские картинки, преследуемый "присланным генерал-губернатором" муллой, который видел в этом промысел шайтана – злого духа, научившего несмышленыша преступному подражанию делу Аллаха, который один только может создавать мирское разнообразие, никак не должное поддаваться изображению руками смертных. Это означает, что природные дарования, заложенные в этом мальчике, были настолько могучи и воля к их проявлению даже у ребенка – Чокана была настолько неукротима, что он инстинктивно пробовал свой талант и свои способности во всех областях жизни, где можно было выразить себя, найти себя и делал он все это часто вопреки противодействующей обстановке.

В дневнике Чокана Валиханова, которые он вел в 1856 году, путешествуя в окрестностях Иссык-Куля в Киргизии, есть такое примечательное место. "Мы приближались к самой трудной тропинке, которая должна была идти по самому краю отвесного обрыва саженей на 40 высоты. Еще не доходя до страшного места случился со мной казус. На дороге лежала огромная еловая колода. Я пришпорил лошадь. Лошадь поднялась на дыбы, но задела копытом дерево и упала. Силою падения меня выбросило в сторону, и я стал на ноги. Лошадь же, потеряв равновесие, рухнулась вниз по обрыву, и я только мог услышать глухой рокот и только увидел свою лошадь в реке, где между камней торчала голова и седло. К счастью, обрыв был отлогий, и лошадь, покатившись на 30 саженей, осталась жива. Случай этот имел хорошую сторону – нет худа без добра, за мной он упрочил в мнении киргиз смелость и ловкость". В Омском кадетском корпусе обучали гимнастике, фехтованию, верховой езде. Но можно полагать, что, если бы Чокан не испытал в детстве вольную жизнь степей, требующую далее для детей физической выносливости, жизнь импонирующую его живой, непоседливой, всеулавливающей натуре, если бы он не вырос в условиях, где, по

Created by free version of 2PDF
Buketov University

выражению Н.Г. Потанина, "сломя голову, скакал верхом на лошадях по степи, принимал участие в соколиной охоте", возможно, ученый не получил бы такого физического развития, которое проявилось в описанном случае в киргизских горах и о котором сам Чокан пишет с присущей ему иронией.

Таким приблизительно представляется детство Чокана Валиханова. Он в этот ранний период своей жизни получил сполна все, что могла дать обстановка и могла получить его восприимчивая натура.

Вероятно, у человека, который с детства воспитывается в среде, где суждено ему получить образование и провести всю жизнь, даже самые благоприятные впечатления детства не имеют такого накладывающего свою особую тональность на все будущее своеобразие, как у Чокана Валиханова. Ведь жизнь Чокана складывалась как бы из чрезвычайно полярных влияний, разделенных резкой чертой. Родные любимые степи и также полюбившийся цивилизованный город; земная, доступная, порою наивная мудрость степей и логически изощренная утонченная мудрость русских книг; степная простота и непосредственность в выражении чувств, неумение сдерживать их и язык начитанного и развитого человека, натренированный к тому, чтобы без необходимости не раскрывать мысли и переживания; степные каноны, утверждавшие умственное превосходство предков, и русское знание, призывающее к покорению невиданных для предков интеллектуальных высот, – из гениально неповторимого синтеза этих контрастных впечатлений и опыта жизни выработались, надо полагать, характер и духовный облик казахского юноши и в этом заключался секрет его неотразимого обояния, притягательной колоритности его фигуры, несравнимого своеобразия его блестящего остроумия.

Незримые, но крепкие, неразрывные нити связывают людей, как современников, так и разных поколений, когда близки народы, которых они представляют. Известнейший советский академик, геолог и географ Владимир Афанасьевич Обручев считал Григория Николаевича Потанина своим учителем. В последние годы жизни Г.Н. Потанин, всею душою любивший Сибирь, обосновался в Томске, где находился и В.А. Обручев, будучи одним из организаторов Томского химико-технологического (ныне политехнического) института. В.А. Обручев в двух книгах подробно описал жизнь, научную и общественную деятельность своего учителя. Многое В.А. Обручев воспроизводил по живым следам долгих бесед, темы которых для них, страстных путешественников по неизведанным краям, исколесившим и исходящим вдоль и поперек Центральную Азию, были неисчерпаемы, полны взаимного и

Created by free version of 2PDF
Buk&Tok University

неостывающего интереса. Благодаря этому, мы имеем сейчас достаточно подробные сведения об Омском кадетском корпусе, где обучались Чокан Валиханов и Григорий Потанин, не только по воспоминаниям самого Г.Н. Потанина, но и по описанию академика В.А. Обручева. По-видимому, старый этнограф и путешественник не раз с чувством рассказывал своему младшему соратнику о друге Чокане и тепло этих воспоминаний передалось В.А. Обручеву, ибо дружба этих двух отроков-кадетов обрисована владевшим недюжинным писательским талантом академиком образно и с большой задушевностью. Видно, что академика растрогала и покорила эта преданность памяти друга и сама эта дружба, которая развивалась и окрепла в далекие времена при самых неблагоприятных обстоятельствах для подобных взаимоотношений. Не следствием ли этого в какой-то степени являлись особые теплота и сердечное внимание со стороны маститого патриарха русской науки, которые неизменно проявлял он в последние десять-пятнадцать лет своей жизни к первому академику-казаху Канышу Имантаевичу Сатпаеву.

Вот как описывает В.А. Обручев распорядок жизни в Омском кадетском корпусе в те годы, когда учился Чокан Валиханов и Григорий Потанин. "...Утром детей будили до рассвета. Накинув серые шинели, они строились во фронт и пели утреннюю молитву; затем их вели через двор в столовую, где они получали по куску серой булки. Каждая круглая булка была разрезана на четыре части крест-накрест; служитель, несший десяток таких булок в левой руке в виде колонки, поднимавшейся до его лба, бежал вдоль столов, за которыми сидели мальчики, и правой рукой разбрасывал куски по столам. Мальчики подхватывали булки, разрывали на четыре части и ели. Четвертушка серой булки и составляла весь завтрак, после которого дети шли в классы, где занимались три часа с одним перерывом. Потом обедали. На обед были одни и те же два блюда – щи из кислой капусты и каша с маслом... После обеда еще три часа шли занятия. День кончался ужином из каши с маслом и кружкой кваса".

Как вел себя в стенах корпусного каменного дома привыкший к бесконечным просторам степей маленький Чокан, как подчинился страшно жестокому порядку корпуса этот забалованный степной барчук, не имевший и понятия о том, что когда-либо может наступить для него такое время, когда он, рожденный, казалось бы, для того, чтобы ему во всем потакали, все ему угождали, очутился в условиях, напоминающих те, о которых рассказывал мулла и в которых суждено пребывать всем грешным и неправоверным в потустороннем мире? Как отразилась на психологии мальчика эта жестоко разрегламентированная и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

не терпящая отклонений жизнь с надоедающими кусочками булочки, с кашей, кислыми щами и квасом, жизнь не имеющая ничего общего со степью и юртой, когда он мог сколько угодно спать и нежиться в постели, играть в асыки и мотаться на лошади, участвовать вместе со взрослыми в травле степных зверей, ночи напролет слушать акынов, сказителей и домбристов и привередничать при принятии пищи, требуя вкусного и сладкого?

Существует искушение, по которому двенадцатилетнего Чокана хочется изобразить овладевшим нестерпимой жаждой знаний и рвущемся в город, в кадетский корпус для того, чтобы удовлетворить свою неуемную любознательность. Конечно же, жажда знаний и любознательность были природным и неотъемлемым свойством натуры Чокана, но вряд ли из этого должно вытекать, что мальчик, выросший в ауле в беззаботном общении с окружающими, с природой, осознавал в себе эти отличительные качества и в соответствии с этим сознанием проявлял какую-то последовательную инициативу. Может быть, он и увлекался рассказами о том, что в русских городах человек становится многознающим и что только получив русские знания, можно стать взрослым, иметь золоченый полковничий мундир и золоченую саблю, как у отца. Но логично ли полагать, что эти экзотические для детского воображения перспективы увлекали его настолько неизменно и последовательно, чтобы он мог сознательно обуздать свое маленькое, трепетное сердце и с каменным лицом покинуть тот мир, в который он врос с молоком матери и неотъемлемой частью которого себя чувствовал.. Самый младший брат Чокана Кокиш, умерший сравнительно недавно, в двадцатых годах, рассказывал Сабиту Муканову нечто обратное. Мальчик, заслышав, что отец хочет повести его в далекий-предалекий Омбы, в который изредка ездит сам, и оставить там учиться, убежал из дома и чуть не два дня прятался в прибрежных кустах тальников. Весь аул сбился с ног, в его поисках, пока Чокан, не выдержав, по-видимому, голода или набравшись страха за проведенную в одиночестве ночь, не появился в ауле сам. Может быть, ему бы и хотелось посмотреть на этот чудо-аул, называемый городом, увидеть, как живут тысячи людей в одном месте и, не помещаясь, в деревянных домах, строят, наставляя один на другой, другой на третий, каменные дома, но перспектива остаться там почти навсегда его нисколько не увлекала и не радовала. Его уговаривали, но он вместо того, чтобы сесть в повозку или на оседланного для него коня, бежал за юрту. Чингис, потеряв терпение, грозно повелел поймать и связать его. И тогда до этого молчавшая мать спокойно, но твердо сказала: "Не делайте так.

Created by free version of 2PDF
Buksfoy university

Он умный мальчик, сам сядет в повозку!" Мальчик, насупившись, безнадежно остановил свой взгляд на матери, как будто говоря: "И тебе меня не жалко!" – и забился в угол повозки. Зейнеп, человек большой выдержки, дала волю материнским слезам только тогда, когда муж и сын в повозке и сопровождающие их верховые с оседланными запасными конями для султана-отца и султана-сына на поводу отъехали от аула.

В Омске султан остановился в доме чиновника генерал-губернаторской канцелярии Дабшинского, давнишнего друга, знакомого еще со времен учебы Чингиса в Омске. Дабшинский прекрасно владел казахским языком, работал переводчиком и именно такой человек был нужен Чингису для введения не знавшего ни слова по-русски сына в русскоязычный мир. Договорившись с Омским начальством об устройстве сына на учебу и попросив Дабшинского отвести Чокана в условленный день в корпус, Чингис собрался уезжать. Но не тут-то было. Мальчик забился в угол повозки и, свернувшись в жалкий и молчаливый комочек, не отвечал ни на какие уговоры. Чингису снова пришлось повелеть тюленгутам: "Отнесите его в дом". И тогда Чокан вскочил, зло взглянул на отца, и, нахохлившись, быстрыми шажками ушел в дом. Выехал Чингис, но в сердце его было тревожно: слишком несчастным выглядел мальчик, соскочивший с повозки и ушедший в дом, в ту комнату, где они жили вдвоем и где теперь он оставался один. Но эта тревога не сказалась на решении учить Чокана в кадетском корпусе. Решение было твердым, окончательным, ибо Чингис помнил, как из-за материнской жалости к нему сам он учился нерегулярно, недотошно и как потом постоянно с поздним и безнадежным раскаянием чувствовал это. И тем не менее Чингис не смог уехать, не посмотрев еще раз на сына: он остановился на окраине города, дождался позднего вечера и пришел к Дабшинским, немало удивив этим хозяев. Он здесь увидел, что сын спит крепким детским сном и, обрадованный и успокоенный, вернулся к своим спутникам.

Омский кадетский корпус, по описанию В.А. Обручева, был учебным заведением со строгими порядками, но, к счастью его воспитанников, эти строгие порядки не сводились, в отличие от многих военно-учебных заведений николаевского времени, к солдафонской приверженности к "фрунту и строю": большая часть преподавателей стремились воспитать из омских кадетов людей гуманных, справедливых и истинно образованных и в этом, к их чести, они многого достигли. Тем не менее и в этом учебном заведении существовала среди двухсот пятидесяти воспитанников своя внутренняя жизнь, не всегда до подроб-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ностей известная начальству и преподавателям. И в этой внутренней жизни было немало от традиций знаменитой русской бурсы, описанных Помяловским. "До 1846 года это была казачья бурса", – пишет Г.Н. Потанин и затем, свидетельствуя о том, что традиции бурсы продолжались и после преобразования Войскового казачьего училища в кадетский корпус, продолжает: "Каждый класс у нас имел своего вожака. Наша школьная среда была так малоинтеллигентна, что в классе, в котором был Чокан, вожаком был вовсе человек без умственного таланта. Это был мальчик с практическими наклонностями. Он начал с того, что каждое воскресение вечером у входных дверей встречал возвращающихся из отпусков кадетов и выпрашивал у них конфет, которые те всегда приносили. Он не съедал их, а в середине между воскресениями, когда все остальные кадеты свои конфеты уже истребили, предлагал им лакомства в обмен на карандаши, бумагу и прочее. Таким образом, у него вырос магазин всяких канцелярских принадлежностей: бумаги, карандашей, перочинных ножей, резинок и пр. Все это он опять ссужал товарищам за разные послуги: за снабжение записками по предметам преподавания, за репетирование и пр. Благодаря этому он учился сносно, хотя вовсе был лишен способностей. Чокан объявил ему войну; он начал преследовать с детской жестокостью его торгашество насмешками вооружил против него товарищей. Маленький мироед был разоблачен и уничтожен, и, оставленный без тетрадок и помощи, захудал окончательно в успехах по обучению. Низложив противника, Чокан сделался вожаком своего класса. Но он не мог оставаться без борьбы или без мишени для насмешек; он открыл поход против вожака нашего класса. Вкусы нашего класса были как будто повыше; наш вожак был хороший рисовальщик и забавный рассказчик, но господство его в классе может быть было основано более на том, что он изрос годами и был уже вполне сформировавшийся мужчина. Литературой он не интересовался и ничего никогда не читал; вероятно, Чокану было бы не трудно низложить его, но кампания Чокана была начата поздно, оставалось недалеко до нашего выхода из корпуса; мы вышли в офицеры, что и положило конец начатой кампании Чокана".

Удивительное дело: единственный мальчик-казах из степей, пришедший в стены корпуса, не зная ни слова по-русски, вдруг становится бурсацким вожаком своего класса, мало того, стремится простирать свое влияние и на другие классы. Легко ли удалось Чокану достичь такого положения и авторитета, – стоит над этим подумать. Маленький, диковатый сын степей, ломано начинающий говорить по-русски, творя при этом несуразные обороты и словосочетания, "киргизенок-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

басурманин" единственный среди двухсот пятидесяти кадетов не совершающий крестного знамения на утренней линейке, балованное дитя юрт, выросшее на свежей мясной и молочной пище и с трудом привыкающее к серому хлебу и кислой капусте, – это такая удобная мишень для насмешек и издевательств, что трудно представить себе, чтобы какой-либо великовозрастный кадет, воспитанный на высокомерии и пренебрежении к "инородцам", не впал в искушение поглумиться над маленьким султаном на потеху им же запуганных окружающих. Не знаем, нашелся ли в этот трудный период жизни взрослый, сильный, благородный кадет, который взял бы мальчика-казаха под защиту и тем спас бы его от разочарований и унижений. Скорее всего, такого кадета не было, иначе чуткое к проявлениям благодарства душа Чокана была бы полна благодарности и этого человека потомки непременно бы знали. Самый близкий друг Чокана Г.Н. Потанин, ровесник его, к которому сохранил он неизменную привязанность, был мальчиком тихим и незлобивым и в защитники Чокану не годился, скорее, возможно, было даже обратное. К тому же Н.Г. Потанин учился классом выше и, как он пишет, их сближение не началось со дня поступления в корпус; после свидания у Дабшинского они жили некоторое время врозь. И может быть, поэтому этот начальный период жизни Чокана в корпусе Г.Н. Потанин в своих воспоминаниях обходил. Остается предположить худшее. В последнем случае слабые натуры превращаются в духовно-дряблые с растоптанной душой, с вконец подавленной волей и с безвозвратно потерянным чувством собственного достоинства. Такие становятся в детской и отроческой среде, малую интелигентность которой подчеркивал Г.Н. Потанин, безответным предметом унизительных насмешек и жестокого издевательства. Не такова была натура Чокана Валиханова. Он, думается, вначале оказался на положении затравленного, но вовсе непобежденного зверька; и этот зверек, подстегиваемый могучей волей, превратился в матерого бурсака, вожака своего класса. Удивительно и другое. Маленький киргиз-кайсак прокладывает путь к господству в кадетской среде не только через культ силы и ловкости (хотя этот культ, по-видимому, продолжал играть роль), но и вооруженный тонким знанием русского языка и литературы, поражает противника метким словом, ядом остроумия, этим как-то облагораживая бурсацкий элемент во взаимоотношениях. И, может быть, это и есть тот случай, когда трудное несчастливое начало кадетства Чокана следует отнести к периоду особого везения в его жизни. Представить только, как степной мальчик, воспитанный на изнеживающих душу и тело ласках, на потакании к его шалостям и на исполнении всех его

Created by free version of 2PDF
Buketov University

желаний внезапно попадает в совершенно другой мир, где вместо ласки встречает детское задирание и детские жестокости старших кадетов, вместо потакания шалостям, вместо исполнения желаний – суровый порядок и полное равнодушие к тому, что творится в ребячьем сердце. И если Чокан в самом раннем возрасте сумел пройти это испытание на бесстрашие, упорство, ловкость и находчивость и при этом, закаляя волю, не только перестал вскоре быть страдающей стороной, но приобрел многое из того, что потом превратило его в того поручика по армейской кавалерии, который благодаря редкому умению управлять своими эмоциями, благодаря железному хладнокровию прожил, рискуя при малейшей ошибке поплатиться жизнью, чуть не полгода в Кашгаре, в том восточном городе, где с человеческими головами обходились столь же просто, сколь и с бараньими, то это ли не называть везением! Окажись возле него старший заботливый друг-защитник, Чокану удалось бы в большей мере избежать это испытание и, хотя нам теперь не известно, насколько ущемляюще сказалось бы последнее на блестящих достоинствах Чокана, которым мы, потомки, неизменно восхищаемся, все же уместно, по-видимому, сделать такое, не противоречащее логике фактов и в какой-то степени помогающее выяснению истоков этих достоинств предположение.

"При преобразовании училища в кадетский корпус, – пишет академик В.А. Обручев, – воспитанников разделили на две части: роту и эскадрон. В роту были выделены дети чиновников и пехотных офицеров, в эскадрон - казачьи дети: первых было около 200, последних – 50. Деление это было проведено в классах, и в спальнях, только обедали в общей столовой. Роту поместили в бельэтаже, эскадрон – в нижнем этаже. Ротные получили двубортные сюртуки с металлическими пуговицами, каски с белыми султанами и ранцы; казаки – казакины на крючках, кивера с помпонами, шпоры и шашки. В роту были присланы офицеры из столичных корпусов; им было поручено установить в роте порядки столичных корпусов и уничтожить в ней казачий дух... В эскадроне остались казачьи офицеры, лучшие из прежнего состава; им было приказано присматриваться к порядкам бельэтажа и переносить их в помещения эскадрона... Бельэтаж чувствовал себя: "Европой", нижний этаж – "Азией". В первом учили танцам и немецкому языку, казачат в те же часы – верховой езде и татарскому языку".

Маленький Чокан не попал в "Европу", он был зачислен в эскадрон и оказался в "Азии". Объясняется это тем, что эскадронные мальчики, будучи детьми из прилинейных (пограничных с казахскими степями) станиц, были ближе к Чокану, по складу воспитания, некоторые

Created by free version of 2PDF
Buketov University

из них знали казахский язык. Нам же известно, как это было оценено впоследствии самим Чоканом. Но не думается, что его "эскадронность" прошла мимо его внимания, если учесть, как он быстро взрослел в своем умственном развитии и как рано стал разбираться в исходных критериях, по которым люди делились на очень привилегированных, просто привилегированных, менее привилегированных и вовсе непривилегированных. И зная, конечно, что, по освященным временем традициям, он, ханский потомок, имел более всех этих двухсот ротных право быть ротным. Тут не могло не разыграться самолюбие даровитого маленького султана. Может быть, это тоже в какой-то степени прибавляло задора и природный любознательности, редким наклонностям к непрерывному умственному напряжению, которыми отрок Чокан счастливо отличался, если не от всех, то во всяком случае от подавляющего большинства и эскадронных, и ротных. Зачисление Чокана в эскадрон оказалось полезным и в другом отношении. Он, умевший при необходимости демонстрировать свой неподдельный аристократизм, в глубине души остался убежденным демократом, хорошо понимающим, что человеческие качества вовсе не зависят от искусственного деления людей по табелю о рангах. Этому пониманию во многом способствовала та эскадронная плебейская среда, в которой воспитывался кадет Чокан.

Омский кадетский корпус выпускал офицеров для службы в сибирских губерниях. "Не боясь солгать, – пишет Г.Н. Потанин, – можно выразиться, что Сибирский кадетский корпус был в то время лучшим учебным заведением во всей Сибири... Даже Иркутская и Тобольская гимназии уступали ему в выборе хороших учителей, не говоря уже о Томской, в которой в это время все учителя были какие-то допотопные фигуры. Поэтому в отношении учебных занятий детство Чокана было обставлено недурно". Приведем по воспоминаниям Г.Н. Потанина характеристики учителей кадетов, оставивших заметный след в душах и сердцах воспитанников. С самой лучшей стороны проявлял себя инспектор классов (по-нынешнему, вероятно, заведующий учебной частью) разносторонне образованный, артиллерийский офицер Ждан-Пушкин. "Он знал французский, немецкий и английский языки, был отчетливо знаком с историей европейской литературы, особенно английской, и с историей вообще. Случалось что иной предмет остается без преподавателя – Ждан Пушкин брал преподавание на себя. Так он временами читал нам алгебру, всеобщую историю и артиллерию, и каждый предмет он читал лучше учителя. Но, главным образом, его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах его

Created by free version of 2PDF
Buketov University

питомцев. Кадеты старались подражать ему. ...Костылецкий преподавал русский язык и русскую словесность. Он был собственно ориенталист, кончил курс в Казанском университете по восточному факультету... Он знал хорошо языки арабский, персидский и особенно наречие казанских татар... Для кадет Костылецкий имел большое значение; он отличался независимым характером и был очень остроумен; пошлость он преследовал ядовитыми насмешками; он был поклонник идей Белинского и почитатель таланта Гоголя; в своей истории словесности он руководствовался статьями Белинского". Здесь следует добавить замечание В.А. Обручева, сделанное им, по-видимому, по рассказам Г.Н. Потанина: "Костылецкий... свой курс составил по критическим статьям Белинского, но имени последнего ни разу перед учениками не произнес. Этим он спасал свой курс от запрета со стороны учебного начальства, так как Белинский в годы царствования Николая I считался в офицерских кругах вредным писателем".

Затем упоминается преподаватель истории Гонсевский. "Это был из наших учителей самый начитанный; он продолжал следить за своей наукой, выписывал много книг и, по-видимому, готовился к более серьезной профессии, чем преподавание в провинциальном среднем учебном заведении... Лекции его для нас имели большое значение. ...Особенно подробно он прочел нам историю Великой французкой революции, выставив ее культурные заслуги для европейского общества, сочувственно изобразив главных ее деятелей, что нисколько не изменило наших чувств в отношении к своему правительству и все мы из-под руки Гонсевского вышли глубокими монархистами".

И, далее, Г.Н. Потанин продолжает: "Не так удачно был выбран учитель естественной науки... он не имел никаких лишних познаний по своему предмету сверх того, что заключалось в обязательных для кадетских корпусов учебниках зоологии и ботаники Даля... Математика у нас шла не так хорошо. Специально подготовленный учитель не был выписан, и Ждан-Пушкин обыкновенно приглашал читать этот предмет кого-нибудь из офицеров, служащих в Омске.... Только Кучковский... толково и ясно преподавал геометрию, ...Евгений Иванович Старков... был очень способный человек... тихий, задумчивый и рассеянный. Ждан-Пушкин просил его познакомить нас поподробнее с географией Киргизской степи, что Старков и сделал; потом он далее напечатал свой "Географический очерк Киргизской степи". Это было для кадет очень полезно".

Обращает внимание, что в этом "лучшем учебном заведении во всей Сибири" достаточно увлекательно и хорошо велось преподавание

Created by free version of 2PDF
Buketov University

русского языка, литературы и истории; это сказалось на воспитанниках - некоторые из них выходили с определенным интересом к общественным наукам; естественнонаучные дисциплины, кроме геометрии и географии, велись слабо. Не было квалифицированных учителей. Если учесть, что все эти предметы велись на довольно элементарном уровне, то можно поверить словам одного из друзей Чокана Н.М. Ядринцева, что "Валиханов получил ничтожное воспитание в Сибирском кадетском корпусе". Да иначе и не могло быть. В этот корпус набирались мальчики самого разнообразного, очень невысокого уровня подготовки. Примером является сам Чокан, поступивший не умея ни слова говорить по-русски. Естественно, что, в виду этого, преподавание любых дисциплин не могло подняться выше самых элементарных основ знаний. Только при таких условиях артиллерийский офицер Ждан-Пушкин мог одинаково хорошо заменять любого учителя и даже вести преподавание лучше каждого из них. Чтение же литературы вне программы начальником эскадрона Кучковским почти преследовалось. Во всяком случае, это был не царский лицей, где обучался А.С. Пушкин. Такая аналогия является не так уж неожиданной, если вспомнить, что современники находили в характере Чокана что-то и от Пушкина. И, на самом деле, почему бы не сравнить. Пушкин поступил двенадцати лет, Чокан в кадетский корпус также двенадцати лет. Пушкин обучался в Лицее шесть лет, Чокан – в корпусе также шесть лет, оба они кончили курс обучения в восемнадцать лет. Но какая колоссальная разница в уровнях воспитания! Пушкин и его сверстники за те же шесть лет получили выдающуюся по тем временам подготовку и стали высокообразованнейшими людьми своего времени, весь пушкинский выпуск, за редким исключением состоял из лиц, занявших видное место в истории России; среди них, кроме самого А.С. Пушкина, мы видим таких, как декабристы Кюхельбекер и Пущин, будущий министр иностранных дел Горчаков, поэт Дельвиг и многих других.

Могли ли в Омском кадетском корпусе в какой-то степени приблизиться в обучении воспитанников до лицейского уровня? Думается, что не могли. И дело не в том, что были преподаватели хуже (это, конечно, имело место), но все-таки Костылецкий и Гонсевский по преданности делу, познаниям, может быть, не уступали, скажем, тому же Куницыну, которым восхищался Пушкин. Дело и не совсем в том, что Омский кадетский корпус был окраинным учебным заведением, ведь это было то время, когда Казанский университет, в особенности в период ректорства великого математика Лобачевского, ничем не уступал Петербургскому и Московскому университетам. Замеченная Н.М. Яд-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

ринцевым ничтожность полученных Чоканом программных знаний (а речь идет именно о них) в кадетском корпусе является следствием не менее ничтожной подготовленности мальчиков, уже приблизившихся к отроческому возрасту и, тем не менее, не прошедших нормального, скажем пяти-шестилетного курса начального обучения. И, естественно, что этот плебейский контингент Омского кадетского корпуса, эти дети малограмотных казаков, тянувших вечную лямку младших офицеров из прилинейных станций, чиновного люда сибирских городов, выросшие в семьях, где книга являлась редкостью, не шли по начальной подготовке ни в какое сравнение с детьми аристократов, поступивших в Лицей, после персонального обучения с помощью гувернанток, специально нанимаемых учителей по отдельным предметам. И поэтому, если для Лицея выпуск высокообразованных воспитанников был как бы правилом, то каким-то удивительным и счастливым исключением является для Омского кадетского корпуса появление из числа обучавшихся в нем таких выдающихся деятелей науки, как Чокан Валиханов и Григорий Потанин. Недаром Г.Н. Потанин, уже в преклонном возрасте вспоминая годы в кадетском корпусе, не называет ни одного имени, кроме Чокана, кто бы как-то отличился во время учебы в умственном развитии и проявил себя в дальнейшей деятельности.

Из этого вытекает, что омский кадетский корпус был учебным заведением, приспособленным для выпуска зауряднейших, послушнейших офицеров и чиновников и никак не был рассчитан для развития разнородных дарований своих воспитанников. "Кучковский – пишет Г.Н. Потанин, -- воспитывал нас в суровой дисциплине. Вообще ни среди наших офицеров, ни среди наставников никто не относился к кадетам ласково. Костылецкий не был из тех, которые ласкают. Гуманные и добрые Сулоцкий и Стариков были робки для того, чтобы обнаруживать приливы нежного чувства. Только один Гонсевский смело давал волю своему сердцу в этой казарме маленьких детей". Словом, из корпуса выпускались люди не только с весьма заурядным, весьма элементарным образованием, но и с приглушенными эмоциями. По-видимому, для царской администрации как раз и нужны были именно такие люди для службы в окраинных управлениях. Можно с уверенностью сказать, что если из среды воспитанников Омского кадетского корпуса вышли такие выдающиеся деятели науки, то этим два друга обязаны своему природному дарованию, на редкость удачно сопряженному с природным упорством в достижении цели на пути к истинным знаниям, к истинному духовному обогащению. Но есть и некоторая разница в интеллектуальном развитии друзей. Г.Н. Потанин, по

Buketov University
Created by free version of 2PDF

счастливой случайности, воспитывался до кадетского корпуса в семье просвещенного полковника Эллизена наравне с его детьми. Жена Эллизена оказалась хорошим и добрым педагогом: до поступления в корпус Потанин самостоятельно читал "Робинзона Крузо". Кроме того, Потанин учился на класс старше Чокана. У Чокана такой подготовки не было. Знания, полученные в степи, нужные ему в дальнейшем как ученому, на первом курсе корпуса, естественно, не могли пригодиться; Чокану, не знакомому с русским языком, надо было научиться говорить, а русскую грамоту начинать с букваря. Но совершилось чудо. "Развивался Чокан, – пишет Г.Н. Потанин, – опережая своих товарищей. ...Он уже был взрослый, тогда, как мы, старшие его летами, по сравнению с ним были еще мальчишками без штанов. То, что он знал и в чем превосходил нас, он не пропагандировал в товарищеской среде, но при случае бесперестанно обнаруживалось его превосходство в знаниях. Как бы невольно, он для своих товарищей, в том числе и для меня был "окном в Европу". Это было феноменально для того времени: киргиз-кайсак, обделенный, как казалось в то время, многим, самой природой умственными возможностями и способностями, так стремительно обгонял своих товарищей в овладении европейскими знаниями! И речь идет именно о знаниях, полученных сверх того и помимо того, что преподавалось в корпусе по его программе. Конечно же, знания Чокану не валились с неба, они результат благоприятной обстановки, имевшей место тогда в Омске, для удовлетворения этой любознательности. Но эта благоприятная обстановка была благоприятна именно для такой личности, как Чокан.

Кадетам один раз в неделю на воскресенье разрешалось покинуть стены корпуса. Чокан посещал дома знакомых. Одним из первых его покровителей был чиновник Сотников, отрывки из статьи которого описывающие аул султана Чингиса, мы уже приводили. Это был человек, по-видимому, как можно судить по названной статье, пылкий, восторженный, основательно образованный (он кончил Одесское восточное училище Ришелье) и он не мог не восхищаться понятливости Чокана и не мог не помогать ему в познании и чтении. Чокан бывал у художников, учителя рисования в корпусе Померанцева и, видимо, у этого веселого и беззаботного человека, любившего пошалить с приходившими к нему кадетами, учился рисованию. Бывал Чокан и у сердечного Гонсевского, но он к окончанию им кадетского корпуса из Омска уехал. В последние годы обучения в корпусе, как рассказывает Г.Н. Потанин, "Чокан стал ходить в дом Гутковского, который был в родстве с семейством сибирского чиновника Капустина. В этих двух

Created by free version of 2PDF
Buketov University

домах завершилось знакомство Чокана с внешкольной жизнью. ...Молодые люди... со вкусом к литературе и искусству посещали дом Капустина. Это был маленький клуб избранной омской интеллигенции, светилом которого был Карл Казимирович Гутковский, поклонник Кювье по философским вкусам, энциклопедист. Здесь собиралась лучшая омская молодежь; ни один замечательный проезжий не оставлял города, не побывав в этом доме". Душой этого кружка была неизменно приветливая, добрая, интеллигентная хозяйка дома Екатерина Ивановна Капустина, родная сестра великого химика Д.И. Менделеева.

Стоит представить себе, как подвижный, непоседливый Чокан, находясь в этих семьях, завороженный новизной всего, что слышит, словно окаменев, внимал лучшим эрудитам города Омска, а потом, запомнив название автора и книг не успокаивался, пока не доставал эти книги и не прочитывал, что знавшие его, например Г.Н. Потанин удивлялись искусству Чокана добывать книги. Несколько позже сам П.П. Семенов-Тяньшанский был тоже удивлен тому, что Чокан, не выезжая из Омска, составил богатую библиотеку по специальности. Чокану по его, по-видимому, настойчивой просьбе (выше мы уже говорили, как в корпусе мало поощрялось чтение) было разрешено брать книги из Фундаментальной библиотеки города. Это разрешение и для Потанина, как он пишет: "...было большим счастьем. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища "Путешествие Палласа" и "Дневные записи Рычкова". Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные обороты речи и затхлость бумаги – как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины!"

Чокану было четырнадцать-пятнадцать лет, когда все, в том числе и корпусное начальство, смотрели на него, как на путешественника и исследователя неизученных земель и стран: настолько он увлекательно умел говорить среди своих сверстников и даже перед старшими о том, сколько еще не открытых тайн хранят в себе Восток и Азия и сколько там сокровищ неизведанных.

Разумеется, Чокан, и вслед за ним Потанин не ограничивались чтением лишь книг путешественников, звавших в чарующие воображаемые страны, с ожидающими там трудностями и опасностями. Они страстно увлекались и художественной литературой. Их кумирами был Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Теккерей, Диккенс... Богатство чувствований, языка, неистощимая образность выражения мысли, неиссякаемый юмор художников слова восхищали молодых друзей. Им, выдаю-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

щимся писателям, они во многом обязаны умением легко, просто, точно и красиво писать и говорить, чем особенно отличался Чокан.

По воспоминаниям современников, Г.Н. Потанин был человеком твердым в своих жизненных принципах и в то же время отличался какой-то удивительно мягкой, сердечной, застенчивой добротой. Больше всего им владело желание сделать лишь добро и помнить лишь добро. Такие люди склонны отсеивать и запоминать из прошлого больше светлые и хорошие стороны, чем темные и неприятные. И, тем не менее, думается, что в Омском кадетском корпусе, к чести его начальства, не было развито фискальство и наушничество. Будь иначе, Г.Н. Потанин, несмотря на его склонность не помнить плохое, все же не счел бы возможным умолчать об этом. Наоборот, он рассказал о шалости одного чокановского одноклассника, которого класс не выдавал, чуть ли на несколько месяцев, лишаясь воскресного отпуска, пока начальство не уступило. По-видимому, в этом сказалось нравственное влияние вожака класса Чокана. Среди сверстников он пользовался таким авторитетом, что к нему находили нужным обращаться, например, с таким вопросом: "Чокан, как бы в этом случае следовало поступить благородному человеку?" Оказывалась, что никто среди кадетов не мог решить подобные вопросы легче и вернее, чем Чокан.

Чокан окончил Сибирский кадетский корпус в 1853 году. По этому поводу последовал высочайший рескрипт Николая Первого, пребывавшего в постоянных и неусыпных заботах лично о каждом из своих подданных: "Известно и ведомо да будет каждому, что мы Сибирского кадетского корпуса воспитанника Чокана Валиханова в наши корнеты тысяча восемьсот пятьдесят третьего года ноября восьмого дня всемилостивейше пожаловали и учредили: яко же мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим подданным, оного Чокана Валиханова за нашего корнета надлежащим образом познавать и почитать; и мы надеемся, что он в сем ему от нас всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру подлежит..."

Царский офицер Валиханов поражал всех, с кем он соприкасался и кто умел ценить высоту духа и помыслов, удивительно богатым сочетанием специальных и общекультурных знаний, которые этот юноша каким-то непостижимым образом сумел достичь и нарастить на то жалкое основание, каким являлось воспитание, даваемое кадетским корпусом. Ни один современник не мог упрекнуть его, что он учился "чему-нибудь" и "как-нибудь". Можно было бы полагать, что знания Чокана, какими бы большими они ни были, есть все-таки знания, полу-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ченные в провинциальной окраине, и должны обязательно иметь отпечаток провинциальности. Но, по-видимому, есть редкие натуры, к которым это положение не должно относиться. Когда в 1860 году Чокан оказался в Петербурге и вращался в среде умственной элиты, ни один из тех, с кем он общался, не чувствовал и намека на необходимость быть в чем-то снисходительным. Казалось бы, если бы такая снисходительность в какой-то степени и имела место, то она при молодости Чокана (все, с кем он общался, были старше его) не была бы унизительной. Но к чести молодого ученого, надо констатировать, что он непринужденно и достойно равен был и с учеными, и с литераторами, и с политическими деятелями. И, тем не менее, в биографических сведениях, написанных Г.Н. Потаниным, есть одна фраза, на которую нельзя не обратить внимание. "Дуров в этот вечер отозвался мне о Чокане, что он много успел начитаться в литературе, относящейся до ближайшего к нему Востока, но очень беден общим образованием". Это была первая и последняя встреча Г.Н. Потанина с С.Ф. Дуровым и она состоялась в квартире последнего весной 1857 года. Казалось бы, в этом благожелательном отзыве ничего снижающего наше представление о юном Чокане Валиханове не имеется: наоборот, подчеркивается его начитанность. Но все же интересно было бы знать, что подразумевал С.Ф. Дуров под "бедностью общего образования". Конечно же, нельзя полагать, чтобы С.Ф. Дуров здесь имел в виду элементарную общую грамотность, пламенный петрашевец, мятежный дух которого не был сломлен ни приговором к расстрелу, ни тюрьмой, ни ссылкой, ни каторгой, образованнейший мыслитель, вооруженный самыми передовыми достижениями общественной мысли своего времени, продолжал жить идеями Белинского, Станкевича, Петрашевского, что это человек, некогда обсуждавший проблемы века в кругах Петрашевского и петрашевцев, где, как и при декабристах,

Витийством резким знамениты
Сбирались члены сей семьи, –

хотел иметь своим собеседником философа, знатока экономической и политической мысли на своем же уровне. В этом смысле Чокан мог не соответствовать желаниям С.Ф. Дурова. Последнее, на наш взгляд, и могло явиться для неугомонного в поисках идеала петрашевца единственным критерием для оценки общеобразовательного уровня. И все же можно усомниться в точности фразы, приведенной честней-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

шим и добросовестнейшим другом Чокана Григорием Потаниным через сорок лет после события по памяти.

Представим обстановку, когда якобы С.Ф. Дуров произнес слова, характеризующие знания Чокана Валиханова. Г.Н. Потанин после окончания Сибирского кадетского корпуса был направлен для службы в полку в Семиречье и затем на Алтай. Вернулся же он в Омск в том же 1857 году в Войсковое казачье правление. При окончании корпуса у Г.Н. Потанина взгляды на общественную жизнь были таковы, что он "представлял Россию несущейся вперед... В виде скачущей тройки... Николай I должен быть умнее Петра" и пять лет службы в захолустье ни на йоту не изменили его наивную веру в царя, умело правящего несущейся вперед тройкой отечества. "Когда я вернулся в Омск, – пишет Г.Н. Потанин, – появился катковский "Русский вестник", в нем «Губернские очерки» Щедрина и статья Громеко "Полиция вне полиции", сделавшие сенсацию и у нас в Омске. Все это я читал с увлечением, но Чокан, который меня навещал в Омске, напрасно бился со мною: я оставался по-прежнему двоеверным. Когда он после спора уезжал от меня, я сознавал себя большим невеждой, но все-таки не уступал; слишком глубоко вкоренились во мне те симпатии, которые он хотел разрушить". Чокан видимо устал убеждать своего упрямого друга. Григорию Потанину сверстник Чокан, кончивший кадетский корпус на год позже него, не был авторитетом. Какова бы ни была скромность Гриши, но ему было также как и Чокану всего лишь двадцать два года и даже "сознавая себя большим невеждой", он не мог победить свое самолюбие и дать себя так просто убедить. И тогда Чокан пошел на хитрость: он привез его на квартиру С.Ф. Дурова и оставил на один вечер. Этого вечера было достаточно, чтобы пламенные речи Дурова обратили упрямого Гришу из человека влюбленного в царя, поклоняющегося "великому" николаевскому тридцатилетию, человека, ожидавшего многих благ от нового монарха, в неумолимого противника самодержавия и самодержавного строя, каким остался Г.Н. Потанин с этого вечера на всю жизнь.

И здесь стоит подумать, не слишком ли упрощенно преподносит Григорий Потанин читателям свое превращение из преданного царю служаки в демократа, наполненного протестом против торжествующего зла, не слишком ли быстро произошло это обращение кроткого незлобивого юнца в серьезно мыслящего человека? Судя по воспоминаниям Г.Н. Потанина, никто кроме Чокана, до встречи его с Дуровым не обсуждал и не спорил с ним по общественным проблемам, высказывая соображения противные укоренившимся в нем кадетским убеждениям.

Bukejow University

Created by free version of 2PDF

Это и не мудрено. До этого Г.Потанин вращался в обществе казачьих офицеров, чьи интересы мало выходили за пределы "фрунта и строя" и удовлетворения живота своего. Единственное "окно в Европу", которое имел Потанин в кадетском корпусе в виде своего друга Чокана, и то было потеряно. Следовательно, единственный, кто мог нравственно подготовить Григория Потанина к такому быстрому разрушению его годами взлелеянных убеждений, был Чокан Валиханов. И когда Чокан почувствовал, что нужен последний, решающий толчок для обращения Потанина в новую веру, он повез его к С.Ф. Дурову, считая, что теперь петрашевец собьет окончательно с друга Гриши его дремучее политическое невежество, которое, по всей вероятности, и относил Дуров к "бедности общего образования".

Стоит также подумать, так ли уж был "беден общим образованием" Чокан Валиханов, чтобы об этом Дуров мог говорить растерянно сидящему перед ним, млея от восторга и краснея от стыда, наивному политическому несмышленышу Потанину? Г.Н. Потанин считает, что все кадеты без исключения вышли из корпуса с верой в царя и царское отечество. Этого, наверное нельзя отнести к Чокану. Он с пятнадцатишестнадцати лет вращался в среде критически настроенной омской интеллигенции и еще в годы обучения в корпусе был далек от того умиления и от того восторга перед державным скипетром, которыми был полон даже такой способный и аналитически мыслящий кадет, каким был Г.Н. Потанин, не говоря уже о других однакашниках Чокана. Об истоках политической зрелости Чокана пишет сам же Потанин. "Политические мои убеждения сильно расходились в это время с убеждениями Чокана. В течение пяти лет, как мы не виделись, Чокан все это время провел в Омске, в большом городе, где существовал кружок интеллигентных людей; я большую часть прожил в захолустье, в Алмаате или в одной из казачьих станиц на Алтае. А за это время большие перемены совершились; произошел севастопольский погром, появились "Губернские очерки" Щедрина, начал издаваться "Русский Вестник" со статьями Громеки, Тургенев сделался любимцем публики, выступил Чернышевский. Новые веяния донеслись и до Омска. В какоенибудь алтайское захолустье они доходили только с газетой или книгой, в Омск заносились и живыми людьми. Через Омск тянулись тогда освобожденные из ссылки декабристы и петрашевцы; некоторые группы назначали в Омске съезд для свидания. В обратную сторону повезли Бакунина – "саксонского короля", как звали его в сибирских городах".

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Можно представить, как неловко чувствовал себя Г. Потанин перед Дуровым, когда тот с беспощадной честностью показал "бедность общего образования" своего молодого собеседника. Потанин, должно быть, что-то лепетал по поводу своей неграмотности и своего невежества. И может быть, что добрейший и чувствительнейший Дуров принялся утешать юношу, говоря что-то вроде: "Чокану тоже мешала его общеобразовательная бедность, это пройдет..." и т.д. Вот эта или подобная успокаивающая фраза и могла сохраниться в памяти Потанина и он, будучи весь в плену взрывчатых впечатлений, произведенных в его душе Дуровым, с наивным простодушием ученого, чья голова постоянно занята множеством других проблем, передал эту фразу потомству в форме, которая послышалась ему в тот вечер потрясения и прозрения, совершенно не думая о том, что это характеристика могла относиться только к нему самому и никак не к Чокану Валиханову. Между тем, истинным учителем Потанина в деле его духовного перерождения был Чокан. Об этом пишет и сам Потанин: "Со мной совершился переворот. Я ушел от Дурова тем, до чего меня хотел довести мой друг Чокан. Собственно, это не был переворот: мое идейное содержание было уже сформировано в приблизительном духе, чего-то немного недоставало, чтобы переменить кличку". И в этом "сформировании этого содержания" и в этой "перемене клички", как видно из сказанного, выдающуюся роль сыграл Чокан. Впоследствии благодарный Потанин писал: "Я уже стал на ту стезю, по которой пойду в течение всей своей жизни. Читатель знает, что этой подготовкой я много обязан Чокану".

Этот случай из жизни Григория Потанина, рассказанный им самим, показывает что выпускник кадетского корпуса Чокан Валиханов вместо того, чтобы, следуя высочайшему и всемилостивейшему наставлению и предписанию, "прилежно поступать... как то верному и доброму офицеру надлежит", занимался чем-то диаметрально противоположным, а именно, обращал людей, влюбленных в царя и преданным его строю, в критически мыслящих демократов, обладающих по отношению к державной власти совершенно обратными чувствами. Думается, что ненужны никакие другие свидетельства, чтобы характеризовать насколько был вооружен передовыми идеями своего времени, на какой нравственной и духовной высоте находился царский офицер Чокан Валиханов, которому вскоре суждено было прославиться в качестве выдающегося ученого.

"В то время как взошел Борис, князь Андрей, презрительно прищурившись (тем особенным видом учтивой усталости, которая ясно говорит, что, коли бы не моя обязанность, я бы минуты с вами не стал

Created by free version of 2PDF
Bukhov University

разговаривать), выслушал старого русского генерала в орденах, который почти на цыпочках, на вытяжке, с солдатским подобострастным выражением багрового лица что-то докладывал князю Андрею.

– Очень хорошо, извольте подождать, – сказал он генералу по-русски, тем французским выговором, которым он говорил, когда хотел говорить презрительно, и, заметив Бориса, не обращаясь более к генералу (который с мольбой бегал за ним, прося еще что-то выслушать), князь Андрей с веселой улыбкой, кивая ему, обратился к Борису.

Борис в эту минуту уже явно понял то, что он предвидел прежде, именно то, что в армии, кроме той субординации и дисциплины, которая написана в уставе, и которую знали в полку и он знал, была другая, более существенная субординация, та, которая заставляла этого затянутого с багровым лицом генерала почтительно дожидаться, в то время как капитан князь Андрей для своего удовольствия находил более удобным разговаривать с прапорщиком Друбецким. Больше, чем когда-нибудь Борис решился служить впредь не по той писанной в уставе, а по этой неписанной субординации. Он теперь чувствовал, что только вследствие того, что он был рекомендован князю Андрею, он уже стал выше генерала, который в других случаях, во фронте, мог уничтожить его, гвардейского прапорщика".

Мы привели выдержку из романа Льва Толстого "Война и мир", где к князю Андрею Болконскому, служившему адьютантом у главнокомандующего Кутузова, приходит князь Борис Друбецкой, молодой человек из обедневшей семьи, поставивший целью, чего бы это ни стоило, выслужиться и дойти до степеней известных.

Вскоре после окончания в 1853 году Сибирского кадетского корпуса восемнадцатилетний Чокан Валиханов был назначен на должность адьютанта генерал-губернатора Западной Сибири и командующего войсками Сибирского военного округа генерала от инфантерии Г.Х. Гасфорта. По свидетельству Г.Н. Потанина, корнет, а потом поручик Валиханов "часто дежурил в доме генерал-губернатора, принимал просителей и в дни дежурства обедал у него (у генерал-губернатора - Б.Е.)".

Вспоминал ли Чокан, став одним из хозяев приемной части генерал-губернаторского дома и вполне освоившись с новой ролью, как более шести лет тому назад, он, степной мальчик, только что оказавшись в Омске, пугливо и диковато вглядывался в чудеса большого города и был поражен красотой и величием самого лучшего здания, здания-дворца, в котором жил, как ему объяснили властитель посильнее и покрупнее ханов из сказок? Он, наверное, вспоминал тот детский ри-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

сунок, где с недетской дотошностью и мастерством воспроизвел этот дом-дворец; и может быть, внутренне при этом улыбался тому стечению обстоятельств, которые привели его теперь сюда для царской службы. Для будущего знатока социальной и политической жизни родного края эта должность оказалась как нельзя более кстати. Чокан сразу же, со скамьи кадетского корпуса оказался в центре управления всей Западной Сибирью, в которую входили земли, населенные казахами Средней и Большой Орд. Он вполне мог здесь использовать свою редкую наблюдательность для того, чтобы изучить тайные пружины и движущие силы царской колониальной административной машины, изучить сибирское чиновничество во всей его неприкрытой наготе.

"Чиновничество царит в северо-восточных губерниях Руси и в Сибири, – писал А.Н. Герцен об этом времени, – тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится respublica. Самая власть царская, которая бьет как картечь, не может пробить эти подснежные болотистые траншеи из топкой грязи. Все меры правительства ослаблены, все желания искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано и все с видом верноподданического раболепия и с соблюдением всех канцелярских форм". Во всем этом адьютанту его превосходительства генерала Гасфорта корнету Чокану Валиханову приходилось убеждаться с первого дня своей штабной службы.

Приведем характеристику, данную омскому начальству одним из крупных чиновников сибирского ведомства полковником И.Ф. Бабковым. "Шестого июня 1858 года состоялось мое назначение обер-квартирмейстером Отдельного сибирского корпуса... Первое, что меня несколько озадачило по приезде в Омск, это иноплеменный состав высших начальствующих лиц: все они по происхождению принадлежали к иностранным народностям и большинство были иноверцы. Корпусной командир Гасфорт, военный губернатор области сибирских киргизов, имевший свое местопребывание в Омске, генерал фон Фридрих – оба немцы, лютеране, помощник военного губернатора полковник Гутковский – поляк, наказной атаман сибирских казаков генерал Кринский – поляк, дежурный штаб-офицер корпусного штаба майор Крулекевич – тоже поляк, начальник артиллерии генерал фон Вилькен – немец, начальник штаба генерал Гинтовк, латвин. Впрочем, его скоро сменил швед Кроерус. Таким образом, на омском горизонте появился еще третий швед, который по усвоенному русскими шведами и немцами правилу тотчас по вступлении в должность почел долгом позаботиться о своих финляндских собратьях, и вскоре успел пристроить

Created by free version of 2PDF
Buketov University

двух на хлебные, по тогдашнему времени, должности: майора Анондта на должность командира линейного батальона в Омске, несмотря на то, что этот швед никогда не служил в пехоте и не имел никокого понятия о строевой пехотной службе... Другому финляндцу – Гартлингу была предоставлена должность смотрителя омского госпиталя... Сам Гасфорт в те времена имел чисто немецкий антураж. Так, адъютантом у него были два брата Блюменталь, Эне-блад, которого сменил Фредерике, а потом Врангель. ...При Гасфорте состояли еще ...Гинце и киргиз Валиханов"...

Как видно из приведенного отрывка, служебное окружение Чокана, за редкими исключениями (среди последних, например, К.К. Гутковский, старший друг Чокана, впоследствии, как и следовало ожидать, оказавшийся в опале), сплошь состояло из личностей, которые чуть позднее Салтыков-Щедрин метко назвал "господами ташкентцами". Наиболее характерной чертой ташкентца, по выражению великого сатирика, являлось желание "Жрать! Жрать во что бы то ни стало, ценою чего бы ни было!... Он никогда не довольствуется одним, но, проглатывая этот кусок, уже усматривает другой!..." Омск в этом смысле являлся наиболее типичным, наиболее обширным Ташкентом, поскольку "...Ташкент, как термин географический, есть страна, лежащая на юго-востоке от Оренбургской губернии. Это классическая страна баранов, которые замечательны тем, что к стрижке ласковы и после оголения вновь обрастают с изумительной быстротой"... Кроме того, "...баранина...это очень вкусно!... Из него делают шашлык... вполне достойный внимания" ...Вот почему сюда устремился, по меткому выражению Чокана, "баварский немец, который оставил родной Мюнхен с сестрицей, оканчивающейся на спел, чтобы обирать киргизов в независимой Татарии и на их деньги шить жене померанцевые платья на цитрованных лентах". Характеризуя Омск того времени, друг Чокана С.Я. Капустин писал: "Сюда постоянно шел прилив новых личностей из столиц, Центральной России и всех ее окраин. – Финляндии, Остзейских губерний, Царства Польского, Крыма, Кавказа. Кроме людей, втянутых сюда не по своей охоте, сюда устремлялись люди, ищущие карьеры, поправления финансов, личности, замешанные в какой-либо истории, которой нужно дать забвение, и проч. и проч.". Словом, чиновничий люд Омска представлял собою некую

"...смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц ,
Они стеклися для стяжаний!"

Created by free version of 2PDF
Buk.bsu.by University

Главным ташкенцем в этой иерархии ташкентцев был генерал Густав Христианович Гасфорт. Мы должны остановиться на фигуре этого ташкентца, поскольку он сыграл определенную роль в жизни и деятельности Чокана. Все считали, что Гасфорт приблизил к себе Чокана и оказывал ему покровительсто; это было тем более странно, что этот киргиз-кайсак был единственным не немцем в его окружении. Тем не менее, это была правда. Чокан Валиханов пользовался личным вниманием Гасфорта, он во многом способствовал как научным занятиям молодого ученого, так и его служебному продвижению. Несмотря на это, в биографических материалах Чокана мы не найдем даже намека на благодарность со стороны Валиханова за эти генеральские благодеяния. Наоборот, поведение старого генерала являлось для молодого и развитого адъютанта предметом постоянных язвительных насмешек. Можно ли думать, что Чокан на добродетельное внимание со стороны старого генерала отвечал черной неблагодарностью? Думается, что нет. Чокан умел быть благодарным, и это было характернейшей чертой его личности. Но благодарность для него потеряла бы свой возвышенный и благородный смысл, если бы она не была связана с душевным расположением к генералу, деяние которого в том или ином случае могли бы быть отнесены к добру. Чокан не мог фальшивить, он не уважал Гасфорта, несмотря на его всемилостивейшее покровительство и благосклонное внимание. И к этому он имел основание.

Если воспользоваться градацией Салтыкова-Щедрина, генерал-губернатор Гасфорт, несомненно, должен быть отнесен к разряду ташкентцев-цивилизаторов. У великого сатирика один из подобных ташкентцев закладывал основы цивилизации во вверенном крае с помощью внедрения в обывательский быт телеги. Цивилизаторская деятельность Гасфорта отличалась куда более широким диапазоном: она простиралась от выдумывания особых мундиров для подчиненных, особых образцов седел, чепраков, конских уздечек до проектов "заградительной горной цепи" в Заилийском Алатау ("начальством спроектированные горы", – язвил по этому поводу Чокан) и даже новой религии для казахов, представляющей собой, по мысли автора, благодетельное соединение мусульманства с христианством. Такими цивилизаторскими проектами голова генерал-губернатора была перегружена, что вовсе не свидетельствовало в пользу ума этого сановника. Проницательные собеседники враз обнаруживали беспробудную глупость Гасфорта. "Он так пуст и глуп, что много говорить о нем не буду", - писал своему отцу приятель Достоевского и Чокана А.Е. Врангель. Но, по-видимому, в те времена человеку на должности генерал-губернатора и не было не-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

обходимости отличаться умом, ибо Гасфорт, этот бывший слушатель трех немецких университетов, обладая пятью докторскими дипломами, будучи кавалером орденов Георгия, Анны, Владимира с бантом, знака Железной короны, владельцем табакерки, осыпанной бриллиантами, и золотой шпаги, был как говорится, чином от ума избавлен. И потому, может быть, как свидетельствует тот же Врангель, во вверенном обширном крае слово его было законом и ему оказывалось чуть ли не божественное почитание.

Сам Гасфорт о собственном интеллектуальном уровне был совершенно обратного мнения. Будучи уверен, что десятилетие (1851-1861) его проконсульства в Западной Сибири было великим десятилетием, он считал вправе увековечить свою деятельность ношением двойной фамилии Гасфорт-Заилийский, установлением памятника в Березове, Тобольске или в Омске и т.д. и т.п. Один из перевалов Заилийского Алатау был назван перевалом Гасфорта. Про отставку Гасфорта Чокан сочинил быстро распространившийся меткий анекдот: будто, когда адъютант Чокан сообщил, кто едет вместо него, тот якобы возразил: "Но ему здесь нечего делать! Я все докончил". Он совершенно уверен был в том, что его "выдающаяся" административно-военная деятельность погубила в нем не менее "выдающегося" литератора-романиста. По-видимому, у себя в гостиной, среди млеющего в раболепном восторге окружения он любил разглагольствовать на эту заветную тему. Сохранились отрывки из дневника Чокана Валиханова, тонко воспроизводящие эти разглагольствования генерала. Эти отрывки удивительны тем, что Чокан, изобличая в себе недюжинный талант сатирика, дает неповторимо тонкую характеристику психологии выживающего из ума сатрапа. Вот образчик речи Гасфорта, где схвачена интеллектуальная суть генерала от инфантерии.

"– Да, матушка, муж твой был некогда романист, но занят крепко, романист, да только, так сказать, не тово (улыбка), не сентиментальный не тово, чтобы, какая-нибудь Жорж Занд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которым вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего. Я... (ковыряет между клыков). А сам я писал вроде Диккенса: в глубоко патетическом и вместе с тем в забавно юмористическом тоне (выпивает последний глоток пива). Жаль, господин Валиханов, что этих романов теперь у меня нет, я бы дал бы Вам в полное и неотъемлемое право ("т" с особенным ударением и скрипом), если бы Вы их издали под своим именем, то нет сомнения, Вы получили бы репутацию и авторитет лучшего писателя..." – Это краткое извлечение из дневниковых отрывков Чокана, на которые до сих пор почему-то мало обращалось

Created by free version of 2PDF
Buketov University

внимания, характеризует Гасфорта более точно и реально, чем перечень всех многочисленных благоглупостей, которые творились в Западной Сибири и казахских степях во время дясятилетия его генерал-губернаторства.

Известно, что такие недалекие умом люди, как Гасфорт, слыша постоянную похвалу своим действиям, восторги своим суждениям, особенно склонны предаваться иллюзиям благотворности не только своих деяний, но и самого факта своего существования. Это самодовольство и эта удовлетворенность часто выражаются во внешней кажущейся умиротворенности и доброте. Тот же Врангель, перечислив странности в поведении Гасфорта, пишет: "...несмотря на все эти выходки, все же следует сказать, что в сущности Гасфорт был добрый старик. Но что поделаешь, – слабость ума напускать на себя важность и грозность". Между тем, все знали, как страдали миллионы людей в крае от злоупотреблений под управлением ослепленного властью генерал-губернатора, страдающего феноменальным затмением ума. По свидетельству Г.Н. Потанина, в крае царил такой произвол, что все должности были оценены и продавались за определенную сумму. Взятки брались открыто. Мелкие власти, зная безнаказанность, чинили всякие безобразия. Вся администрация Омска жила в богатстве, имела хорошие дома, комфорт, а низы бедствовали. Чокан, будучи адъютантом Гасфорта, знал обо всем этом доскональнее всех. Позднее, когда уже место Гасфорта занял другой немец Дюгамель, Чокан в одном из писем, говоря о злоупотреблениях царских чиновников, заметил: "Я не помню даже при Гасфорте ничего подобного".

Теперь становится понятным, почему Чокан не мог питать к своему покровителю Гасфорту ни грамма уважения. Но работать у Гасфорта и пользоваться его покровительством ему было просто необходимо. Чокан мыслил достаточно трезво, чтобы не выступать перед Гасфортом и его скалозубским окружением в роли Дон-Кихота и не ломать копий о ветряную мельницу генерал-губернаторской администрации, тогда как положение адъютанта у всемогущего Западно-Сибирского властителя давало ему возможность подробно узнать нравы и методы лихоимства чиновничества, хорошо изучить социальную и политическую жизнь края, вести специальные научные изыскания, для чего иметь доступ к секретнейшим архивам. Кроме того, Чокан был во власти иллюзии, что, занимая ключевые позиции, можно личным примером и личными усилиями облегчить участь своих соплеменников. Чокан, как известно, остался верен этой иллюзии до конца

Buketon University
Created by free version of 2PDF

жизни, чем и объясняется его неудачная попытка за два года перед смертью стать старшим султаном одного из степных округов.

Можно легко себе представить, чем и как мог понравиться Гасфорту Чокан, после того, как, по-видимому, по рекомендации Гутковского, оказался в должности адъютанта генерал-губернатора. Рассказывают, что Гасфорт был болезненно неравнодушен к пышности и парадности. Это неравнодушие усиливалось, должно быть, оттого, что этот лютеранин не отличался знатностью происхождения. И именно, в силу этого, присутствию в своей свите чингизида, потомка хана и единственного по-настоящему цивилизованного киргиз-кайсака придавал особое значение. Прошло, надо полагать, не очень много времени, чтобы Гасфорт почувствовал, как отличается этот юный изящный инородец по тонкости восприятия, по пониманию душевных движений от уверенного в своей значительности и в своем величии шефа. Он, должно быть, понял, что такой адъютант ему просто необходим.

Вышеприведенный монолог Гасфорта, переданный потомству Чоканом, свидетельствует о том, что сановный старик был уверен в своей образованности, начитанности и у него доставало ума понять, что эту иллюзию необходимо поддерживать, ибо не мог же он, как высоко просвещенная и гуманная личность, не встречаться с такими апостолами гуманизма и многознания, как Михаил Бакунин или Семенов-Тянь-Шанский и уж вовсе не мог он при встрече с ними косноязычно нести околесицу. Юный Чокан, кладезь всевозможных знаний, умеющий к тому же эти знания преподносить таким образом, что будто он все это узнал от самого Гасфорта, оказался, как думается, незаменимым в таких случаях помощником. Особенное умение Чокана подсказать необходимое к данному моменту, его исключительный талант кратко, ярко и нескучно излагать сведения о казахских степях, способность быстро и точно, не теряя первородных красок, переводить цветистые обращения степных витий к первому в степях генералу белого царя, вероятно, очень импонировали склонному представлять себя ценителем знаний, остроумия и красоты слога Гасфорту во время его инспекторской поездки по землям Средней и Большой Орд летом 1855 года. Недаром после этой поездки появилась всеподданнейшая просьба Гасфорта о высочайшей милости присвоить корнету Валиханову воинское звание поручика не только потому, что Чокан при "совершенном знаний оной (службы - Б.Е.) и киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, принес большую пользу", но и потому что "он, султан Валиханов, потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России". Чокана нельзя было ставить ни в

Created by free version of 2PDF
Buketov University

какое сравнение с тем немецким окружением, которое ничего не хотело знать, кроме обворовывания и обирания; со всеми этими Фридрихсами, Граве, Гитовтами, Кройерусами, Гинце, которые никак не в силах были войти в понимание просвещенных интересов своего шефа, его литературно-художнических, философско-эстетических притязаний, и, по всей вероятности, выражали восторг и изумление совсем не в том месте, где этого ожидал хозяин. Другое дело Чокан. Этот юный провидец, надо полагать, сразу разгадал, какой пустой, но звонкой посудиной является его шеф, и в какой момент необходимо присоединиться к ее звону, чтобы войти в резонанс и усилить этот звон, что не могло, естественно, не импонировать чувствительному в таких случаях Гасфорту.

По-видимому, недалекий и в то же время не лишенный старческих сантиментов Гасфорт питал к своему юному адъютанту в какой-то мере действительно искренние чувства и, судя по биографическим материалам Чокана, остался верен этим чувствам. Теперь, когда пора многочисленных гасфортов, обиравших наш народ, канула необратимо в небытие, может быть, будет справедливо отдать должное этой неосознанной слабости неограниченного властителя степей, слабости, как мы знаем, так неоценимо благотворно сказавшейся на судьбе первого ученого-казаха. Окажись на месте Гасфорта пораньше тот же заменивший потом его Дюгамель, явно нерасположенный к Чокану, может быть, не было бы ни экспедиции в Иссык-Куль, ни путешествия в Кашгар, ни многих драгоценных исследований: Чокан, протянув несколько лет где-нибудь в захолустье лямку рядового офицера, не имея ни книг, ни архивов, ни общества, вышел бы в отставку доживать свой век в степной юрте. И в этом случае казахский народ лишился бы имени и трудов своего гениального сына, столь ярко показавшего великие духовные возможности своих соплеменников.

Думается, что умением играть на чувствительных струнах души спесивого и самовлюбленного старого генерала Чокан владел вполне. И главная особенность этой игры заключалась в том, что он обходился при этом без тривиального раболепства, без преданнейшего заглядывания в рот, без привычного чиновничьего самоунижения, в пределах чистой служебной субординации. Известно, что к человеческим качествам Чокана не могли придраться даже нерасположенные к нему современники. "Ловкий киргиз" – вот единственное выражение, которое могли употреблять некоторые из них, не найдя ничего другого убедительного для обоснования своей неприязни. Можно полагать, что этот эпитет "ловкий" и намекал на умение Чокана легко разгадывать и

Buketov University
Created by free version of 2PDF

тонко использовать сильные и слабые стороны тех, с кем он соприкасался, и это умение, должно быть, особенно ярко выразилось в его взаимоотношениях с Гасфортом.

Вспомним снова адъютанта Кутузова князя Андрея Болконского. Князь Андрей, как известно, один из лучших и любимых героев Толстого. Он - самая умная, самая высокообразованная, самая собранная личность из всех созданных неповторимо реалистическим воображением гениального писателя. Но почему этот воспитаннейший человек разговаривает со старым русским генералом, презрительно прищурившись и "с тем особенным видом учтивой усталости, которая ясно говорит, что если бы не моя обязанность, я бы ни минуты с вами не стал разговаривать". Ведет же себя умный и проницательный князь Андрей по отношению к этому генералу таким образом потому, что точно знает: насколько жалок этот стоящий навытяжку, почти на цыпочках, с выражением крайнего подобострастия на своем багровом лице генерал, перед ним, маленьким капитаном, настолько же он с тем же багровым лицом грозен, непорядочен и жесток к своим подчиненным и ко всем тем, кто от него зависит. Представляется, что именно подобным же образом вел себя Чокан Валиханов в приемной Гасфорта, куда приходило, вероятно, намного больше достаточно чиновных и достаточно сановных персон из породы господ-ташкентцев, не знавших из шкурных соображений предела подобострастию и самоунижению. Наверное, он щурил свои азиатские глаза с неменьшей выразительностью, сохраняя при этом в неменьшей степени совершенно безукоризненную внешнюю учтивость, чем такой же изящный, как Чокан, совершенно достоверный его литературный собрат.

Но какая колоссальная разница в условиях службы князя Андрея и султана Чокана. Болконский служит рядом с коллегами, которые отираются здесь в штабе главнокомандующего, чтобы быть подальше от поля битвы и поближе к удовольствиям беззаботной жизни. К богатому, родовитому, умному, блестящему, независимому, очень дельному, холодно учтивому князю Андрею это пустое окружение относится со смешанным чувством страха, зависти, благоговения и почтения. Князь Андрей на это отвечает снисходительным равнодушием. Но у князя Андрея начальником является Кутузов, которого Болконский не может не уважать, не может не любить не только потому, что он, Кутузов, является приятелем отца, но, главным образом, потому, что старый генерал мудр, человечен, благороден и справедлив. И ему просто приятно быть полезным такому выдающемуся человеку. И перед проницательным, видящим единственным высветившим старческим

Created by free version of 2PDF
Buketov University

глазом все насквозь, Кутузовым трудно было бы представляться иным, чем он есть на самом деле, да и в этом не было необходимости. Иной участи удостоен был адъютант Гасфорта Чокан.

Для окружения Гасфорта Чокан представлялся выскочкой, незаслуженно и случайно, благодаря причудам вельможи, оказавшийся в его свите. Для этих остзейцев и баварцев, привыкшим свысока и презрительно относиться к коренным жителям степей и смотреть на них, как на предмет обирания, чингизидство Чокана ничего не означало. Ум же Чокана, его выдержка, хладнокровие, интеллектуальное превосходство, неподкупность, и, наконец, само расположение к нему Гасфорта не могли не вызывать заведомо враждебного отношения со стороны этих людей, приехавших в Омск "на ловлю счастья и чинов". Чокану в этом враждебном и ненавидящем окружении надо было делать вид, что всего этого он не видит, не замечает и не чувствует; а служебные дела исполнять с такой прилежностью, тщательностью и предупредительностью, чтобы не дать ни малейшего повода к упрекам, кривотолкам, превратным оценкам и суждениям. И эту маску пунктуальнейшего и преданнейшего служаки он должен был носить и перед самим Гасфортом, которого он ставил нисколько не выше его немецкого окружения, проявляя, может быть, при этом еще большую осторожность, еще большую тонкость. И если при этих условиях Чокан Валиханов продолжает усиленно заниматься (а стоит посмотреть сохранившуюся часть его черновых тетрадей, чтобы убедиться, какое громадное количество научного материала он перебрал, проанализировал и записал), готовя себя к будущим путешествиям и выдающимся научным изысканиям, то можно понять, какой ежедневный подвиг совершал этот молодой человек. Причем надобно сказать, что он готовил себя к будущим превратностям судьбы путешественника не только научно, но и духовно, ибо это умение быть совершенно другим, чем есть, умение, которое блестяще оправдалось, когда он в Кашгаре в течение пяти месяцев выглядел натуральнейшим купцом Алимбаем, выработалось у него, как мы могли заметить, не где-нибудь, а именно на службе у Гасфорта. Стоит представить, как вырвался он после пребывания в этой чопорной, напыщенной, затхлой от напускной важности приемной Гасфорта в мир своих омских друзей, в общество Гутковских, Капустиных, Дурова, Потанина и других и давал волю накопившимся в его жизнерадостной, настроенной на неиссякаемый юмор душе и этим давал повод друзьям не только смеяться, но и с приятностью думать, вопреки истине, что этому молодому казаху и служба, и знания, и все в жизни не стоит особых усилий и даются с легкостью невероятной. Об-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

разчик того, как разряжался Чокан после исполнения служебных обязанностей, приводит Г. Потанин. Мы уже говорили, с какой целью привез Чокан Потанина к Дурову. "Чокан не остался у Дурова пить чай, – рассказывает Г. Потанин, – ему куда-то нужно было спешить. Он наскоро передал ему городские новости, рассказал, как он вчера был дежурным в доме генерал-губернатора, как генерал в пух и прах распек какого-то чиновника и в заключении приказал Чокану отвести этого чиновника на гаупвахту, и когда они вдвоем подходили к гаупвахте, как два чиновника, ранее посаженные под арест, сидевшие на веранде и игравшие в шашки, завидев идущих радостно вскричали: "Ведут! Ведут! (– Да, это страничка из Диккенса! – вставил Дуров); простился... и уехал".

Рассказчиком Чокан был удивительным, он умел, рассказывая, так представлять людей в лицах и так искусно при этом расставлять акценты, что самые будничные явления и события, в которых обыкновенный человек не видит ничего достойного юмора, оборачивались неожиданно смешной стороной. Иногда он давал выход накопившейся желчи черезвычайно едкими и жестокими насмешками. Из уст в уста передавали, как преследовал он известного в Омске генерала, чересчур гордившегося орденами и регалиями, анекдотом, ходившим в разных вариантах, что будто генерал тот ходит в самые лютые морозы с распахнутой шубой, чтобы были видны ордена, что будто прикреплял он орденские ленты к галошам, чтобы приходящие видели, что здесь находится его превосходительство. В другой раз Чокан подвел незадачливого молодого человека, простодушно сказавшего, что он, к сожалению, не знаком с господином Теккереем, к портрету писателя и самым серьезным образом представлял их друг другу. На такие саркастические выдумки Чокан был неисчерпаем. Об этой стороне характера ученого, пожалуй, ярче всех сказал Н.М. Ядринцев. "Узенькие глаза его сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала ироническая улыбка, это придавало ему нечто Лермонтовское и Чайльд-Гарольдовское. Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалась его племенная особенность (киргизы большие насмешники), под влиянием образования эта способность у Валиханова получила расцвет. Она получила характер сатиры и гейневского юмора. Острил он зло, я редко встречал человека с таким острым, как бритва языком".

Таков был адъютант его превосходительства Западно-Сибирского генерал-губернатора, командира отдельного Сибирского корпуса генерала от инфантерии Густава Христиановича Гасфорта, корнет, а потом

Created by free version of 2PDF
Buketov University

поручик Чокан Чингисович Валиханов. Сколько бы ни острил Чокан над окружающими его пошлостью, тупостью, лицемерием, мздоимством, он был вынужден пребывать в душных объятиях страшной атмосферы, создаваемой Гасфортом и его многочисленными алчными и ненасытными господами ташкентцами. В 1857 году Чокану еще только двадцать один год, но он пишет Ф.М. Достоевскому: "Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить". Он бы, пожалуй, и выполнил это свое намерение, если бы его заветное желание изучать Восток Родины случайно не совпало бы с видами начальства, и он, наконец, не смог не совершить свои знаменитые путешествия на Иссык-Куль и Кашгар и показать свои научные откровения ученому миру во всем немеркнущем и поныне блеске.

Чокан Валиханов напечатал при жизни только три произведения: "Очерки Джунгарии", "О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нань-Ду и малой Бухарии в 1858-1859г.г.", "Аблай". Первые два очерка были помещены в записках русского географического общества в 1861 году, а небольшая статья "Аблай" – в тогдашнем энциклопедическом словаре в 1860 году. Всего каких-то пять-шесть печатных листов. Много это или мало? Если вспомнить, что произведения великого Абая увидели свет через пять лет после его смерти в виде небольшой книжечки, пожалуй, в пределах тех же пяти-шести печатных листов, то для ученого-казаха, умершего почти за полвека до этого, даже эта мизерная опубликованная часть произведений Чокана кажется большим достижением. К тому же, как известно, даже эти скромные по объему публикации Чокана немедленно вызвали широчайшие отклики не только в России, но и Европе, в Австрии, Франции, Германии и Англии. В Англии, например, очерки Чокана были изданы в переводе на английский язык. Такой живой интерес к опубликованным произведениям Чокана можно было бы отнести к экзотическим сторонам деяний путешественника-казаха. Но, как известно, такие вспышки внимания быстро гаснут после первого же удивления. Интерес же к статьям Чокана оставался неизменным и постоянным. Его имя было твердо вписано в историю науки, его фамилия появилась во многих монографиях, учебниках, энциклопедических изданиях из-под пера самых маститых деятелей русской науки. Не будь у Чокана Валиханова удивительной научной наблюдательности, не будь непостижимо громадного количества самых разнообразных географических, исторических, экономических, лингвистических, этнографических и других сведений, которые он успел с одинаковой до-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

тошностью и одинаковым профессионализмом записывать, запоминать и обсуждать, не будь у него особого умения излагать факты и выводы по ним в образной, увлекательной форме, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно, вряд ли эти очень небольшие по объему очерки Чокана приобрели такой звучный резонанс при жизни автора и сохранили навсегда научно-историческое значение.

И все же прав был друг Чокана Н.М. Ядринцев, когда писал, что "...ничтожная печатная деятельность Валиханова далеко не соответствует ожиданиям, какие возлагали на него люди, коротко знавшие его". Друзья, конечно, частью знали, частью догадывались о той напряженной мыслительной деятельности, которую вел Чокан. И тем не менее, по-видимому, не всегда сознавали, как велико количество научных материалов, по подготовленности вполне заслуживающих быть напечатанными, и как еще больше заготовок, черновиков, законспектированных, записанных первоисточников, планов, наметок и замыслов, над которыми успевал трудиться этот офицер между заботами службы царской. В руках чокановедов, как полагают сейчас, имеется лишь часть огромного творческого наследия этого гения. Многое безвозвратно потеряно. К этому выводу приходят изучающие научную биографию Чокана.

Вот некоторый, совершенно неполный, но, наверное, характерный перечень научных трудов Чокана Валиханова, извлеченных из различных архивов и ставших теперь всеобщим достоянием. Труды, посвященные устному творчеству казахского народа – "Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой Орды", "Образец причитаний", "Песня об Аблае", "Песни Урака", "О формах киргизской народной поэзии", "Поговорки большой Орды" и др.; религии и верования казахов и сопредельных племен – "Тенкри (бог)", "Следы шаманства у киргизов", "О мусульманстве в степи"; истории народа - "Киргизское родословие", "Исторические предания о батырах XVIII века", "Аблай", "Шуна-батыр", "Заметки по истории южно-сибирских племен", "Заметки при чтении книги проф. И.Н. Березина "Ханские ярлыки" и др.; этнографические исследования "Вооружение киргиз в древние времена и военные доспехи", "Составные части киргиз-кайсацкого пороха", "О киргиз-кайсацких моллах и древностях вообще", "Юрта" и др.; экономические и социологические исследования – "О торговле в Кульдже и Чугучаке", 'Записки о судебной реформе", "О кочевках киргиз" и др. Если этот краткий перечень сам по себе свидетельствует об исключительной широте научных интересов молодого ученого, то при чтении этих произведений поражаешься тому, как этот человек за короткое

Created by free version of 2PDF
Buketov University

время все объял и во все проник. А ведь мы не включили в этот перечень называвшиеся выше крупные произведения, печатавшиеся частью при жизни автора и посвященные его знаменитым путешествиям в Киргизию и Западный Китай (Кульджу и Кашгарию). В этих выдающихся сочинениях Чокан Валиханов проявляет себя еще и дотошнейшим знатоком географии, флоры и фауны и др. Называя представителей растительного и животного мира описываемого края и рассказывая о них, он непременно приводит их латинское названия, иногда иллюстрирует высокохудожественными рисунками.

Есть один род произведений Чокана Валиханова, на которые еще, возможно, недостаточно обращается внимание – это дневники, которые он вел в путешествиях по Киргизии, в Кашгарию и Кульджу. Чтение этих дневников полезно не только тем, что они являются первоисточниками исторических и многих других архинужных для потомков сведений, но и доставляют читателю огромное удовольствие своими эстетическими, истинно-художественными достоинствами. Последние в немалой степени присущи вообще всем произведениям, вышедшим из-под пера Чокана Валиханова, но дневники эти, как никакие другие произведения его, изобличают в авторе незаурядного писателя-художника. Короткие отрывки из дневников, которые мы приведем ниже, пожалуй, лучше всего проиллюстрируют нашу мысль.

18 апреля 1856 г. Чокан выехал из Семипалатинска, направляясь в Верный (Алматы). Через три дня повозка его приближается к тому месту, где находится памятники Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Далее дадим слово самому Чокану.

"Возвратимся к дальнейшему течению нашей дороги. На пикете №2 мы переправлялись на правый берег. Это было ночью. В 10 верстах, не доехав до 4-го номера, стоит знаменитая в киргизских поэмах могила Козы-Корпеша. Мы хорошо изучили поэму и потому хотели непременно осмотреть и их могилу. По времени нашего отъезда из пикета №2 мы должны проехать через Кизилькийский пикет ночью. Но нам хотелось встать там в утро и на могиле напиться чаю: приятно в дороге пить чай и особенно на развалинах, на древних могилах. Думать о прошедшем и заботиться о настоящем. С этой целью ямщику приказано было ехать так, чтобы утром при восходе солнца, когда жаворонок поет первую песнь, когда с одной стороны мрак и ночные тучи уходят на север, с другой – с востока восстает утреннее багровое солнце и свет приятно освещает верхи дерев, воду каким-то чудным светом, чтобы в этот поэтический час он был у могилы.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Человек предполагает, но бог располагает. Всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарантаса. Истомленные лошади, скользя по грязи, перебирались шажком. Только усиленное хлопание бича и фырканье усталых коней и отчаянные крики ямщика нарушали однообразный бой дождя.

Скверная была ночь, и скверно было ехать. В тревожном сомнении, чтобы дождь не помешал задуманному плану, я несколько раз обращался к ямщику с вопросом: "Ну что, не разъяснело?" Ямщик, промокший до костей, брюзгливо отвечал: – "Нету", – потом, в виде обращения к судьбе, прибавлял: "Эка погода! брр..." и стряхивал набравшуюся на колени воду. Жаль мне было ямщика – если б ехали скоро, он давно бы отдыхал на теплой печке. Жаль было и памяти прекрасной Баян.

Так мы ехали час.

– Ваше благородие, – отнесся ямщик, – вот и могила!

Я высунул голову. Солнце тускло выходило из-за угрюмых туч, все небо было покрыто сплошной массой грязно-матовых облаков, дождь шел, как прежде, замылившиеся лошади едва тащились по грязному солончаку, налево за рекой виднелся через верхи тополей остроконечный шпиль могилы: она казалась сложенной из красного кирпича. В такую погоду нечего было думать о чае и комфортабельном осмотре киргизского антика.

– Кажись, и река в разливе, ваше благородие: не переедете, – заметил ямщик, как бы угадав мою тайную мысль.

– Ну, поезжай вперед, посмотрим в обратный путь, – сказал я, и, завернувшись в шубу, повернулся на правый бок, закрыл глаза, чтобы уснуть".

Один из лучших знатоков жизни и творчества казахского ученого большой русский писатель С.Н. Марков, приведя в своей книге о Чокане "Идущие к вершинам" этот отрывок, отмечает: "Эти заметки Чокана напоминают лучшие образцы русской прозы XIX столетия. В то время, когда Чокан писал их, ему было всего двадцать с лишним лет. Не надо забывать, что слова русского языка он стал произносить впервые лишь девять лет назад".

Хотя этого примера, пожалуй, было бы и достаточно, чтобы читатель мог убедиться, каким недюжинным литературным и поэтическим талантом обладал Чокан, не можем не привести еще один коротенький отрывок. В том же году Чокан прибывает в Кульджу, торговый город на Западной окраине Китая. Живо и занимательно описав, как в доме русского консула появились с визитом туголдай (китайский торговый

Bukatov University
Created by free version of 2PDF

пристав) и коголдай (его помощник) со свитой, ученый запечатлевает портреты почтенных гостей.

"Туголдай – худощавый старичок с подслеповатыми узкими глазами, украшенный огромными очками, с ястребиным носом. Рот у него несколько крив, и верхняя губа имела вид треугольника, основанием которого служили концы, а вершиной – середина. На этих губах торчало несколько волосков, и острый сухой подбородок был гладко оголен. Крошечные и замечательного сочетания сине-бурого цвета с кофейным зубы выглядывали из-под губ. Он не по летам жив и чрезвычайно разговорчив. Одет он в шелковый халат, опоясан черным поясом, на котором висят мешочек с табачком, веер.

Коголдай бледен, голова его лишена вовсе затылка, плоска как доска, на лицевой стороне которой привинчены глаза, нос, рот, а на другой – прикреплена коса. Он как будто не успел оправиться от испуга. Глаза как-то болезненно живы, они блуждают то направо, то налево, как глаза кошек, которыми украшались стенные часы".

Пожалуй, эти отрывки можно было бы использовать в школьных курсах литературы для демонстрации того, как с помощью слов достигается точность, живость и достоверность портретных изображений. И когда друзья и близкие Чокана сравнивали его с Байроном, Пушкиным, Лермонтовым и Гейне, то этим, думается, они хотели подчеркнуть не только демонически-гордый облик уверенного в своем предназначении гения, но и исключительный художественный, поэтический талант.

Именно этому природному дару, этому эстетическому чутью, многократно обостренному редкостной начитанностью, наука обязана тем, что во время путешествия в 1856 году "двадцать шестого мая Чокан сделал открытие, подобное обретению неизвестной страны" (С.Н. Марков). Речь идет об обнаружении величайшей киргизской народной эпопеи "Манас". "26-го числа мая, – записал в дневнике Чокан, – был у меня певец дикокаменный киргиз (рчи). Он знает поэму "Манас".

В открытии "Манаса" поражает и удивляет следующее. С киргизским рчи (певцом) Чокан Валиханов встретился и слушал его где-то на десятый день после вступления в земли собственного народа. Сказители манасчи, как правило, поют великую поэму непрерывно, в темпе, постепенно отдаваясь вдохновенному экстазу. Перебивать сказителя с просьбой повторить, разъяснить не полагается, ибо это означает сорвать с певца поэтический настрой и затруднить ему продолжение сказания. Естественно, что истинный ценитель искусства Чокан последнее не мог допустить. Возникает вопрос: где мог Чокан научиться киргизскому языку, чтобы столь тонко уловить смысл "Манаса" и пророчески

Buketov University
Created by free version of 2PDF

оценить художественное и историческое значение поэмы, поскольку он сам же пишет, что "кайсаки понимают их (киргиз - Б.Е.) с трудом: кроме множества чуждых для кайсаков слов, даже одинаковые слова имеют разное значение, часто диаметрально противоположное". Хронологические данные не допускают того, чтобы Чокан до этого мог находиться какое-то время в достаточно близком общении с представителями киргизского народа. "Знакомство мое с киргизами началось в 1856 году", – отмечает Чокан Валиханов в "Очерках Джунгарии". Предположить книжное изучение киргизского языка также невозможно, так как чуть позднее, рассказывая о своих записях извлечений из поэмы "Манас", сам же Чокан не без гордости отмечал: "Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумаге". Можно было бы объяснить столь быстрое постижение содержания "Манаса" тем, что молодой ученый до этого был знаком с поэмой. Однако никаких достоверных свидетельств на этот счет не имеется. Да и вряд ли в этом случае Чокана удивило содержание поэмы. "Манас, герой поэмы, – пишет он о своих первых впечатлениях от слушания эпопеи, – ногаец, вот бесстрашный охотник до сбора жен. Вся его жизнь состоит в драках и искательстве красавиц. Только нрав его не совсем восточный – он часто ругает своего отца, угоняет у него скот, вообще обращается с ним очень неделикатно. Вообще все кочевые народы уважают старость, и аксакалы (белобородые) пользуются у них большим почетом". Остается утверждать, что Чокан успел научиться языку за те первые десять-пятнадцать дней пребывания среди казахов Большой Орды, многие из которых, близко соприкасаясь с киргизами, знали их язык, а также среди самих киргизов, живое общение с которыми располагающе веселый и остроумный Чокан наладил, как следует из дневников, быстро. И вообще Чокан, по-видимому, обладал особой способностью к овладению языками. Выше отмечалось, что в чокановском кадетском корпусе эскадронных иностранным языкам не учили. Между тем, такой авторитетный свидетель, как П.П. Семенов-Тяньшанский пишет: "Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов... так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, со*племенных киргизам*".

Продолжая изучать "Манас", Чокан Валиханов с удовлетворением отмечает, что Манас выступает в качестве богатыря, который защищает слабых, воюет с калмыками и оставляет следы своих подвигов в сердце народном. Он приходит к выводу, что это народная эпопея есть "энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, ска-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

зок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица – богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Иллиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее.... "Манас" состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос "Сяметей" служит продолжением "Манаса" и это – бурутская (киргизская – Б. Е.) "Одиссея".

Эти строки нельзя читать без волнения. Нельзя читать без волнения потому, что они, эти строки, остаются поныне и навсегда самым точным, самым емким, самым ярким определением исторического, общекультурного значения великой киргизской эпопеи. Нельзя читать без волнения потому, что уже в советское время другой казах, знаменитый писатель Мухтар Ауэзов, вдохновленный своим гениальным предтечей, стал очарованным и увлеченным исследователем "Манаса". Чокан был первооткрывателем "Манаса" для мировой культуры. Место Мухтара Ауэзова в исторической судьбе "Манаса" хорошо определил Чингис Айтматов: "Все мы знаем, что когда в результате бездумного, безответственного, прочного, социально-вульгарного подхода к оценке устно-поэтического народного творчества над великим киргизским эпосом "Манас" нависла опасность запрета и утраты, именно благодаря гигантской эрудиции Ауэзова, благодаря его принципиальности и убедительности защиты, общественности удалось тогда отстоять это бессмертное достояние народа. Мы никогда не забудем этого гражданского и писательского подвига Ауэзова".

Можно лишь гордиться тем, что Чокан выступил первооткрывателем и первоисследователем "Манаса", бесценной духовной сокровищницы родственного народа. Он был первым цивилизованным ценителем киргизской поэзии, воплощенной в жемчужине киргизского народного творчества – "Манасе". Представляется, как Чокан, сидя в юрте на полу с сомкнутыми ногами и положив на правое колено тетрадь, справа налево почти стенографически (арабский алфавит позволял это) строчит, спеша за речью, первые в истории человечества записи "Манаса". Великая эпопея вдохновляла Чокана. Стоит почитать чокановский перевод на русский язык одной из частей "Манаса" – "Тризну по Кукетай-хану", как можно убедиться с каким подъемом он работал над текстом. Он находит в русском языке поразительно адекватные киргизским слова и образы. Русская речь, повествующая о подвигах киргизских богатырей, льется ритмически упруго, свободно и широко. И все же не это являлось главным для исследователя Чокана. Главным было другое. Пусть же об этом скажет сам Чокан. "Ученые уже давно

Created by free version of 2PDF
Bukeiov University

заметили важность для этнографии изучения памятников народной словесности, в которых лучше всего выражается характер народного быта и нравов. Любовь к старине и богатство преданий составляют особое достоинство кочевых народов Северной и Средней Азии. Предания эти сохраняются свято или в виде родных воспоминаний в памяти старейшин, как, например, юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особенным сословием певцов. Многие слова и обороты, неупотребительные в настоящее время, показывают их древность. Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновения. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии. История говорит о них очень мало, о других совершенно ничего".

Теперь можно понять, почему в дневниковых записях о "Манасе" слушатель, очарованный художественными достоинствами поэмы и удивленный некоторыми странностями в поведении Манаса, сразу же уступает место раздумчивому историку. "В этой поэме сталкиваются на Чуе, Ташкенте, Или и озере Иссык-Куль три народа: ногайцы, кипчаки и киргизы. Кажется, сближения их не могло быть, да и приход их на озеро, как говорили они сами, не далее, как 70 лет тому назад... Дикокаменным ордынцам небезызвестны ногайские предания: они знают Едыгея и рассказ их похож на киргизский (казахский - Б.Е.)... Странно: ногайцы замешаны во все предания кочевников среднеазиатских. Ногайцы "ташкентские" упоминаются в "Манасе", Джанбек, Асан-Кайга известны и здесь".

Приведенные раздумья ученого свидетельствуют о том, что именно "Манас" дал толчок и другому, более важному, более великому открытию – Чокан явился первым ученым, который впервые в истории подробно и последовательно исследовал жизнь и прошлое киргизов и представил перед удивленной русской и европейской общественностью этот изумительный народ в поэтическом ореоле обладателя редкой для всемирной литературы эпопеи "Манас".

Об уровне представлений о киргизском народе, называвшегося в те времена в русских и европейских источниках дикокаменными киргизами или бурутами, можно судить из следующих слов Чокана Валиханова, приводимых им в "Очерках Джунгарии": "Оканчивая свои этнографические заметки о бурутах и уйсунах (казахах Большой Орды – Б.Е.), я считаю нужным заметить, что не должно смешивать эти два совершенно различных народа. Об этом заботились в свое время гг.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Левшин и Мейндорф и особенно горячо отец Иакинф, но до сих пор им никто не внимал. Слова их были гласом вопиющего в пустыне, даже Гумбольдт и Риттер не могли понять хорошо, в чем дело: они думали, что буруты именно составляют Большую казахскую Орду и что эту-то Орду можно отличить от Малой и Средней. Но это было большой ошибкой со стороны почтенных корифеев науки. Большая, Средняя и Малая киргиз-кайсацкие орды составляют один народ "казах", отличительный от киргизов, называемый китайцами – бурутами, русскими – дикокаменными или черными. Эти два народа отличаются по языку, по происхождению и обычаям".

Читатель, наверное, обратил внимание, что путаница началась в названии двух родственных народов и что путаница сказывается даже теперь. Он, наверное, догадался, что, когда в данном очерке появляются извлечения из трудов Валиханова и других дореволюционных источников, то под словом "киргиз" надо понимать казахов, а к настоящему киргизу в этих источниках добавляется эпитет "дикокаменный". Неизвестно, когда началось это смешение имен народов, внесшее так много вреда не только в процесс исторического, этнографического изучения, в решение политических проблем, да и в само общение и обиход, в особенности, когда это общение усилилось благодаря Октябрьской революции. По Чокану Валиханову, оно, это смещение началось в те времена, когда беглые русские крестьяне, гордо называвшие себя вольными казаками, столкнувшись с киргизами, нарекли этим именем и казахов, желая отличить от себя представителей сопредельных племен, тоже называвших себя казаками (по-казахски "казак" и "казах" произносились тогда одинаково). И казахи, никогда не называвшие себя иначе как "казахи", пошли гулять по русским письменным источникам, официальным документам, да и в самом русском обиходе, как "киргиз", реже "киргиз-кайсаки", и еще реже "кайсаки". И потом это перекинулось в Европу. По поводу общности названия казахов и русских казаков Чокан пишет: "Нет сомнения, что казачество началось и развилось в Азии и перешло от татар. ...Привольные и обширные степи киргизские, как Украина для Руси, сделались местом стечения удальцов и батыров, искавших свободу и богатство в добычах. Если русские казаки, запорожские и донские, очень скоро составили отдельную и характерную народность, более или менее различную от великорусского населения, то нет сомнения, что смутные времена междоусобий орды, выгоняя не отдельные личности, как на Руси, а целые племена, способствовали образованию отдельной казачьей (подчеркнуто мной – Б.Е.) общины из разнородных племен". Теперь может вызвать

Created by free version of 2PDF
Buketov University

удивление утверждение Чокана Валиханова о том, что "кайсаки (которые называют себя "казак") получили название "киргиз" от русских, потому что наружностью и языком очень походили на киргизов". Исторически кажется на самом деле странным, чтобы горные жители, кочевавшие в глубинных долинах Тянь-Шаньских хребтов и отделенные от русских и России обширными степями казахов, пришли в соприкосновение с русскими казаками ранее последних. Между тем, существует легенда, которую положил в основу своей поэтической повести "Белый пароход" Чингиз Айтматов. По преданию, приводимому в художественной обработке этого писателя, киргизы когда-то жили на Енисее. Великую реку они называли Енесай – Мать-река, и о ней пели песню:

Есть ли река шире тебя, Енесай,
Есть ли земля роднее тебя, Енесай.
Есть ли горе глубже тебя, Енесай,
Есть ли воля вольнея тебя, Енесай.

Нету реки шире тебя, Енесай.
Нету земли роднее тебя, Енесай.
Нету горя глубже тебя, Енесай,
Нету воли вольнее тебя, Енесай.

И вот на этой реке однажды враги уничтожили племя киргизов. Чудом спаслись только мальчик и девочка, которых молоком своим вскормила Рогатая Мать-Олениха, только что потерявшая оленят, убитых людьми, и всю нерастраченную материнскую любовь направившая на вызволенных ею из беды детей. Мать-Олениха перевезла их на своей спине в Тянь-Шанские горы. От этих мальчика и девочки пошло новое, горное поколение киргизов. Оттого и племя стало называться бугу, что значит Олень, оттого и все бугинцы поклоняются Матери-Оленихе. Приводя новейший вариант легенды о Рогатой Матери-Оленихе, Чингиз Айтматов затрагивает таинственный период в истории киргизского народа. Чокан Валиханов, исследуя прошлое и современное ему киргизов и Киргизии, сделал замечательную попытку разгадать эту историческую загадку. Знакомство с киргизами Чокан начал с племен Бугу, того племени, возрождение которого сами киргизы связывают с Матерью-Оленихой. Именно это племя, пограничное с казахами Большой Орды, объявило в 1855 году о своем желании быть в российском подданстве. Естественно, что Чокан тоже был знаком с

Created by free version of 2PDF
Buketov University

этим мифом. Вариант мифа, записанный казахским ученым, несколько отличается от вариантов Чингиза Айтматова. Приведем его полностью.

"Бугу значит олень. О происхождении этого названия в народе существует значительный миф. Карамурза и Асан, охотясь за оленями на горах Аламышык, увидели в стаде маралов прекрасную девочку и мальчика с оленьими рогами. Они убили мальчика, схватили девочку, которая с воплем бросилась на труп брата и долго неутешно плакала. Предание гласит, что вследствие проклятия рогатой девы Асан и Карамурза не имели потомства.

Родоначальник Мурзакул, которому представили чудесную деву, отдал ее в замужество за своего внука Яманкула. По свидетельству потомства, эта родоначальница была женщина непростая (в смысле сверхъестественном) и прославилась своей необыкновенной мудростью под именем Муюз-байбиче (рогатой матери). Говорят, что впоследствии она лишилась необыкновенного украшения своего черепа и, смывая голову водой, приказывала служанке выливать воду в места, где не ходит человек. Служанка, исполнявшая эту миссию из любопытства, а может быть, не находя соответствующего прикрытого места, решилась вылить заветную воду и от этого зачала сына и дала имя ему Джелден (от ветра).

Дикокаменные киргизы свято чтят память этой рогатой матроны и до сих пор в горестных случаях своей жизни приносят в ее память жертвы рода с мольбами.

Она считается покровительницей озера Иссык-Куля и, по мнению народа, дух ее витает над Иссыккульской долиной".

Как видно, в этом также полном поэзии варианте нет упоминания об Енисее и киргизах, когда-то населявших берега этой сибирской реки. И тем не менее исторические источники свидетельствуют о пребывании киргиз на Енисее. "При покорении Сибири, – пишет Чокан Валиханов, – русские казаки нашли киргиз на Абакане и Юсе и вели с ними упорную борьбу с XVIII века. С тех пор внезапно исчезло имя этого народа в сибирских летописях". Ориенталисты были очень удивлены, когда в конце XVIII века народ с названием "киргиз" был обнаружен в теперешней Киргизии. На основании этого факта многие историки считали, что киргизы с Енисея были насильно переселены в теперешнюю Киргизию народами-победителями. По другим предположениям, сибирские киргизы, теснимые более сильными племенами, перекочевали в Тянь-Шань, присоединившись к родственным им бурутам. Между тем, сам киргизский народ в преданиях, собранных Чоканом, считал горы Тянь-Шаня исконной Родиной, колыбелью киргизских племен. В то же время, например, по "Манасу" Бук-Мурун, сын хана

Bukeev University
Created by free version of 2PDF

Кукетая, чтобы праздновать годовую тризну своего отца, перекочевал с окрестностей Иссык-Куля в Южную Сибирь, на Иртыш и Алтай.

Приводя подробно все эти данные, Валиханов пишет: "Вот в каком состоянии находится вопрос о происхождении нынешних дикокаменных киргиз. Для разъяснения этой путаницы мы обратились к народным преданиям и получили следующие данные:

1) народ, означаемый именем дикокаменных, черных киргиз называет себя просто киргиз, или, как сами они произносят, кыргыз. Название бурут, данное им калмыками и китайцами, совершенно им неизвестно;

2) киргизы считают своей родиной Анджанские горы;

3) предания о переселении из Южной Сибири между ними не сохранилось, но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на север распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи. На основании этих данных мы думаем... перекочевки их от Тянь-Шаня до Хангая и обратно продолжались и в последующие времена, что подтверждается и народными преданиями. Такие перекочевки остановились тогда, когда между Алтаем и Тянь-Шанем образовалось сильное владение ойратов или джунгаров". Это положение, выдвинутое Чоканом и подтвержденное последующими изысканиями востоковедов, является одним из блестящих научных достижений первого казахского ученого. Мы имели намерения взять на себя непосильную задачу излагать суть многочисленных научных достижений Чокана Валиханова. Но, заинтересовавшись суждениями ученого по поводу того, как казахи, сами того не ведая, стали прозываться "киргизами", а киргизы – "бурутами" или "дикокаменными", увлеклись, вероятно, той бездной поэзии, которой исполнены самые строгие, основанные на неоспоримых фактах, научные доказательства казахского ученого. И эта удивительная особенность научного стиля Чокана Валиханова невольно обращает внимание на следующее. Весной 1856 года к иссыккульским киргизам царским правительством была направлена экспедиция полковника Хоментовского. Перед экспедицией начальством ставилась чисто административная задача близкого ознакомления с киргизами, за год до этого добровольно ставших подданными Российской империи, и съемки их земель. Естественно, что эти цели были далеки от тех научных задач, которые ставил перед собой казахский ученый. Царский поручик, член экспедиции Чокан Валиханов мог спокойно заниматься определением численности населения, наличного количества скота, помогать или руководить работами по съемке местности, собирать другие данные, предписанные в программе экспедиции, и с чувством исполненного долга вернуться в Омск и продолжать службу

Buketov University
Created by free version of 2PDF

в приемной генерала Гасфорта. Во всяком случае у тех, кто снаряжал экспедицию, ни до какого "Манаса", ни до какой истории киргизского народа дела не было. Следовательно, научный труд о киргизах явился следствием личного творческого импульса беспокойного и любознательного гения. Где этот импульс получил начало? Ехал ли Чокан с заранее составленной программой дотошно научно изучать свой край или такая программа выработалась в ходе экспедиции по мере знакомства с киргизами? Можно наверняка утверждать, что было именно последнее, ибо история науки показывает, как за редкими исключениями получалось мало путного, когда человек с даром божьим размышлять, сопоставлять и находить незримые для обычного глаза связи явлений, начинал работать по заранее намеченной программе и как самые неожиданные откровения приходили к ученому там, где он, вольно следуя внутренней интуиции, отходил в исследованиях от намеченного. Трудно предположить, чтобы такая творческая личность, как Чокан Валиханов с педантизмом посредственности запланировал открытия для науки киргизов, Киргизии и "Манаса". Естественно, что он ехал в край сопредельных племен с жаждой увидеть новое, познать людей, их жизнь, нравы и обычаи. Но как обернется это познание, он вряд ли представлял. Вряд ли представлял то очарование и тот восторг, которые испытывал он, слушая "Манас", и ту творческую взволнованность, которая овладела им при раздумиях над содержанием "Манаса" как народного научно-исторического источника. Именно этой творческой взволнованностью можно объяснить те напряженные и кропотливые поиски, которые продолжал Валиханов после окончания путешествия, роясь в литературе и омских архивах и привлекая к этому делу друга Григория Потанина. От литературной и архивной работы он снова обращался к живым народным источникам, продолжая изучать киргизский народ и его страну при поездке в Иссык-Куль в следующем, 1857 году с целью подготовки Кашгарской экспедиции, и в 1857-1859 гг. по пути в Кашгар и обратно, когда ему пришлось углубиться в земли заиссыккульских киргизов.

Работы Чокана Валиханова о киргизах и Киргизском крае, объединенные позднее в объемистый труд "Записки о киргизах" и частью опубликованные при жизни автора в виде "Очерков Джунгарии", являются одним из выдающихся научных достижений первого ученого-казаха. Вместе с тем это – первое крупное научное исследование Чокана, где он во всем блеске показал свою многостороннюю эрудицию и свой громадный исследовательский талант.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Чокан оказался подготовленным к этому первому исследованию не только своим общим интеллектуальным развитием, но и постоянным изучением прошлого и настоящего своего родного края, своих родных степей. Материалы по родному краю до поездки Чокана на берега Иссык-Куля еще не оформились в виде цельных научных трудов, они хранились в памяти, в черновых тетрадях и записных книжках, но и в этом виде они оказали бесценную услугу ученому, дав возможность взглянуть на увиденное и услышанное в Киргизии глазами исследователя-творца, имеющего опыт в познании и раскрытии внешне малопонятной сути фактов и явлений. Научное значение ученых изысканий Чокана Валиханова по Киргизии безошибочно сумел оценить П.П. Семенов-Тяньшанский, когда посетив Омск в 1857 году, он ознакомился с материалами, собранными молодым казахом за двухмесячное пребывание в Иссык-Куле, и, несмотря на то, что эти материалы были еще не полными, большею частью черновыми, великий географ по приезде в Петербург смело рекомендовал никому еще неизвестного юношу-ориенталиста из Омска в члены очень авторитетного в то время объединения ученых императорского Русского географического общества. Действительным членом этого общества Чокан был избран 21 февраля 1857 года.

Важно и другое. Ведь при работе над "Записками о киргизах" мысли ученого, сосредотачиваясь на изложении фактов, суждений, прогноза и доказательств, в то же время обнаруживали многое такое, что относилось к далеким или близким аналогиям и связям. В этом смысле этот крупный научный труд, над которым с упоением работал ученый, был как бы огнивом, выбивающим искры многих новых творческих замыслов, воплощением которых займется Чокан в дальнейшем. Таким образом, первое в истории цивилизации исследование киргизов и киргизского края, проведенное столь талантливо и на столь же высоком научном уровне, оказало выдающуюся услугу и самому Чокану Валиханову, укрепив в нем веру в свои силы и возможности, обострив и развив неутолимую пытливость, отчеканив своеобразный чокановский способ диалектического проникновения в глубины явлений и научного видения сути вещей.

Есть еще одно обстоятельство, на которое, может быть, еще недостаточно обращалось внимание. Чокан по своему характеру не был сторонником душевных излияний, свои внутренние эмоции он не считал нужным делать достоянием даже самых близких. В своих трудах, связанных с изучением Киргизии и киргизского народа, он старается придерживаться лишь фактов. Он редко выдает свое отношение к ним,

Buketov University

Created by free version of 2PDF

когда это выходит за рамки научного анализа и осмысления. Но по всему видно, что он очень полюбил киргизский народ. Иначе почему он с такой любовью и с таким тщением создает портреты манапов Бурамбая и Сартая, мальчика-киргиза, киргиза в пестром халате, жанровый рисунок с тремя женщинами-киргизками? Стоит всмотреться в лицо манапа Бурамбая, на котором сквозь узкий разрез глаз искрит ироничный ум бывалого человека, точно знающего цену всему, что его окружает, как станет понятным, почему этот глава крупнейшего киргизского племени Бугу первым пришел к выводу вслед за соседями-казахами соединить свою судьбу с русскими, чтобы избежать китайско-кокандского господства, сопровождающегося невиданным насилием и искусственным разжиганием диких инстинктов и страстей у простодушных кочевых жителей гор, что вело к межплеменной враждебности, грозившей при безоглядной смелости и храбрости киргизов (последнюю черту наших горных родичей Чокан особо подчеркивает) самоистреблением целого народа. А вот портрет другого манапа Сартая – правильное суровое лицо и зоркий, холодный, пронзительный взгляд. Рядовой киргиз в ярком халате; должно быть не из знатных, но как этот широколобый человек с большими глазами спокоен и полон чувства собственного достоинства, и мальчик, с по-детски нежным лицом и с улыбчиво-доверчивым любопытством. Это лучшие портреты из всех, созданных Чоканом-художником. Этими портретами он с превосходной наглядностью показал, какие интеллектуальные силы в нетронутом состоянии дремали в то время в киргизском народе. По всему видно, что Чокан был неравнодушен к судьбе киргизского народа. Иначе чем объяснить, что больной Чокан Валиханов за несколько месяцев до смерти в письме генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому беспокоится о непорядках в управлении киргизами. "В дикокаменной орде, – разъясняет он Г.А. Колпаковскому, – аристократического элемента не существовало исторически, точно так же, как и централизации родового управления. Там каждый род управляется своим баем. Случалось, правда, что некоторые манапы, сильные родовичами, успевали приобретать главенство, как Урман и Бурамбай, хотя это было насилие, но люди эти имели несомненные достоинства, один – храбрость, а другой – замечательный ум. Мы же, назначив ничтожного и известного лживостью Сарымбека в звание ага-манапа, случайное явление возвели в постоянное достоинство. Это уже само по себе ошибка". Причем, по-видимому, Чокан даже не отделял в своих думах, мечтаниях и действиях киргиз от казахов. Заканчивая это письмо, он пишет: "Прошу у вашего превосходительства снисхождения, что я решился написать о

Created by free version of 2PDF
Buketov University

том, о чем вы меня вовсе не просили. Как киргиз, я не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно страждующих моих земляков".

Из отношения Чокана Валиханова к киргизам вытекает следующее. Чокан всей душою любил русский народ. Вся его жизнь и деятельность пронизаны и освещены этой любовью. Лучшие представители русского народа были душевно близки с Чоканом. Но Чокан любил и киргизский народ. Как ученый, он мог бы остаться к этому народу холодным и равнодушным, подобно тому, как многие работники науки часто, приобретая новые объекты исследований, новые интересы, остывают к пройденному и не считают нужным возвращаться к нему. Но Чокан был истинным интернационалистом. Он любил другие народы не из утилитарных соображений. Добрые, благородные чувства ко всем народам были неотъемлемой частью его души, его естества; эти чувства Чокан не мог декларировать, не мог он о них вещать, он просто носил их в сердце. И именно потому Чокан Валиханов, выступая, в соответствии с наставлениями своего друга Ф.М. Достоевского, просвещенным ходатаем за родные степи и за казахский народ, не забывал и полюбившихся киргизов; и, по-существу, как видно из приведенного отрывка письма Г.А. Колпаковскому, выступал ходатаем и за киргизов, не отделяя их от родных казахов.

Здесь, может быть, к месту сказать еще об одном обстоятельстве. Чокана Валиханова принято представлять как бесстрашного путешественника в Кашгарию. И это превратилось уже в расхожую легенду при характеристике деяний Чокана. Но, если вдуматься повнимательнее, это повторение избитых восторгов по поводу смелости, хладнокровия и выдержки, проявленных молодым киргиз-кайсаком в стране, где головы людей отрубались с такой легкостью, что и головы домашних животных, кажется, во многом обедняет облик ученого, хотя это было на самом деле так. Здесь не учитывается, что преданность науке требует не меньшей смелости, не меньшего нравственного напряжения. В отличие от героизма обычных смельчаков, проявляющих себя в нужный и часто ненужный момент, героизм истинного ученого, жертвующего всем ради науки, внешне бывает большею частью мало эффектен. Не всем выпадает случай проявить этот героизм и эту жертвенность, как, например, Архимеду, который при появлении убийцы сказал: "Не тронь моих чертежей", совершенно не думая о собственной жизни. Можно твердо полагать, что исключительной научной плодотворности путешествия в Кашгарию Чокан обязан той смелости, которая была присуща натуре ученого, для которого истина часто бывает дороже жизни. Из этого не вытекает, что никто, кроме Чокана, не смог бы по-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

сетить Кашгарию и вернуться оттуда живым и невредимым. Такой смельчак, вероятно, был бы найден. И все же повторить подвиг Чокана Валиханова не смог бы никто. Никто не смог бы в течение пяти месяцев пребывания в Кашгарии в образе купца Алимбая, рискуя ежечасно, ежеминутно быть узнанным и лишенным жизни, кропотливо собирать научные данные, легшие потом в основу еще более объемистого, чем "Записки о киргизах", труда "О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарин), в 1858-1859 годах", большая часть которого была наряду с "Очерками Джунгарии" опубликована еще при жизни автора и принесла ему всемирную известность. Здесь же следует сказать, что не все собранные Чоканом научные данные вместились в это произведение. Судя по архивным данным, так же, как в случае работы над "Записками о киргизах", осталось много сведений и фактов, ведущих к новым научным соображениям и к новым научным изысканиям. Только фанатично преданный науке Чокан Валиханов мог на виду пирамиды из человеческих голов пренебрегать опасностями и заниматься делами ученого. И в этом смысле его подвиг ничем не отличается от подвига Архимеда, продолжавшего думать о своих чертежах под мечом врага. Из этого следует, что Чокан Валиханов, как путешественник в таинственную и страшную Кашгарию, ценен для нас не как смельчак, переборовший ради исполнения предписанного невозможные тревоги и страхи, а как ученый, которому ничего не стоили эти тревоги и страхи, когда перед ним маячил ключ к познанию научных тайн, заключенных в маловедомом для науки тюркском Востоке. Изучающие жизнь и творчество Чокана, может быть, недостаточно обращают внимания на эти особые истоки ученого.

* * *

Не современникам дано постичь и оценить многообразие внутреннего мира и величие гениев. Только гениальный Белинский, единственный раз испытав на себе сумрачный тяжелый взгляд гусарского поручика Лермонтова, мог назвать его могучим духом. Мы имеем много отзывов современников о личности Чокана, хотя из знавших Чокана, может быть, лишь гений Достоевского постигал и вполне оценивал неповторимо богатую натуру его друга. Вот некоторые из них. "Все, что мне приходилось читать из его сочинений, носит несомненную печать громадного таланта" (А.К. Гейне). "Как блестящий метеор пролетел над нивой востоковедения... Чокан Чингисович Валиханов" (Н.И. Веселовский). "Чокан Чингисович – покуда единственный феномен между

Buketov University
Created by free version of 2PDF

киргизами, и в наших оренбургских степях, может быть, долго еще ждать такого явления". "Чокан Валиханов – такая способная, развитая и дельная личность, какой не появлялось ни между одними инородцами сибирскими". Даровитость Чокана не могли не отметить даже недруги. "Весьма ловкий и развитый азиатец" (генерал-губернатор О.А. Дюгамель). "Молодой и ловкий киргиз" (генерал-квартирмейстр И.Ф. Бабков). Все эти отзывы, высоко характеризующие личность Чокана, явились результатом, в одних случаях, обаяния личности ученого, в других – чтения его трудов, в третьих – служебных знакомств и взаимоотношений, и ни в одном случае не были следствием всестороннего изучения личности, деятельности и творчества Чокана. И в каждом случае носят на себе печать известной односторонности. Однако, надо сказать, что хорошо знать Чокана не могли и очень близкие друзья, такие, как Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Потомство не может быть неблагодарно этим двум деятелям русской культуры. Они в своих воспоминаниях и статьях донесли до нас живой облик Чокана Валиханова. Оба они относят своего друга к разряду необыкновенных личностей. В этом они не ошиблись. Однако некоторые их суждения и штрихи, невольно искажающие истинный облик Чокана Валиханова, потомками не могут быть приняты. И не от желания навести хрестоматийный глянец на образ великого человека, а оттого, что эти суждения и штрихи находятся в диссонансе со всеми данными, которые мы теперь имеем; оттого, что большое видится на расстоянии".

Г.Н. Потанин пишет: "Чокан был большой лентяй. У него хватало терпения записать сказку или предание, но привести свои бумаги в порядок он никогда не мог". Надо знать характер Григория Николаевича Потанина, чтобы понять невинную природу этого упрека Чокану. Естественно, что для нетерпеливого, спокойного, педантично аккуратного Г.Н. Потанина беспорядок в бумагах Чокана представляется чуть ли не самым страшным злом и он, пожалуй, не раз ворчал на сверстника и друга Чокана за этот беспорядок, и в поздних воспоминаниях старый Потанин с той же юношеской непосредственностью, что и при Чокане, продолжает ворчать на него. Такая оговорка чрезвычайно необходима, ибо читатели воспоминаний Потанина могут понять эти его слова в прямом смысле. "К науке он относился с азиатско-аристократической небрежностью" – продолжает Г.Н. Потанин. Здесь Г.Н. Потанин явно ошибается, несмотря на то, что против подобных ошибок гениально предупреждал Пушкин. Дело в том, что выдающиеся ученые, налету схватив факты, запомнив их до деталей, как правило, выводят из них изумительно правильные, стройные суждения, скрывая при этом громадную внутреннюю работу под внешней беззаботностью.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Ученые, добивающиеся подобных успехов долгим, кропотливым трудом, черепашьим движением от факта к факту, от вывода к выводу, никогда не понимали орлиного взлета воображения гениев. Потанин не мог, конечно, понять, что то, что он называет с намеком на национальную особенность "азиатско-аристократической небрежностью", на самом деле являлось моцартовской небрежностью. В отношении Г.Н. Потанина к Чокану, конечно, исключается черная зависть, которою питал, по Пушкину, Сальери к Моцарту, но эта вечная проблема Моцарта и Сальери в смысле творческих методов и возможностей будет, по-видимому, существовать во все времена, покуда существует человечество. "Жизнь в Петербурге и знакомство с кутящей богатой молодежью отразились дурно на его привычках; он вдруг приобрел (разрядка наша – Б.Е.) такие привычки, как будто вырос в положении барчонка. Входил и выходил из дома, не запирая дверей, кто-нибудь другой был обязан запирать за ним. Встав с постели, он призывал своего слугу киргиза; опрометью прибегал киргиз, неся лисий бешмет, и держал его в воздухе над спиной Чокана, не смея положить его. Чокан молча и рассеяно стоял посреди комнаты и не отдавал приказания; киргиз не смел четверть часа двинуться с места и стоял как вкопанный с распростертою в воздухе шубой. Таких байских привычек образовалось у него много".

В этой цитате поражает выражение "вдруг приобрел": вот это вдруг, намекающее на несвойственное Чокану легкомыслие, наводит на некоторые размышления. Потанин здесь, кажется, знал, но не вполне учитывал одну особенность натуры Чокана, на которую указывал друг последнего С.Я. Капустин: "Кажется, ни одна манера, ни одна черта характера кого-либо из его знакомых или раз виденных им людей не ускользала от его внимания, не получив известного рода осмысленности. По нескольким особенностям физиономий, по манере держаться, по схваченному на лету слову Чокан умел очерчивать целый характер, делать крайне остроумные предложения о его прошлой жизни, о его будущих похождениях". Тот же С.Я. Капустин отмечает "его всегдашнюю наклонность облекать свой рассказ в ироническую форму, ловко подделываться под тот же способ выражения мыслей действующих лиц рассказа и дополнять все это изумительной мимикой". Можно полагать, что подвела Г.Н. Потанина необыкновенная артистическая одаренность Чокана, его неподражаемая способность к розыгрышам. Сам же Г.Н. Потанин пишет, что Чокан: "...иногда дразнил друзей-филистеров, рассказывал о себе небылицы и приписывал себе гнусные поступки, которые он не совершал". Причем, по-видимому, он рассказывал так искусно, что друзья не всегда отличали от неправды. Вот

Created by free version of 2PDF
Buketov University

пример этому, приведенный самим Потаниным. "Чокан рассказывал, что однажды, когда он изображал "гром и молнию Невского проспекта" (современное выражение "Искры"), т.е. когда шел по Невскому, отпустив на длинном ремне саблю, Тургенев удостоил его своим вниманием и наступил ему на саблю. Затем Потанин добавляет: "Это, вероятно, Чокан присочинил". Г.Н. Потанин хорошо описал одну особенность в характере Чокана: "Не щадил он своих ближайших друзей и смеялся не только над смешными действительно чертами или пошлостью, но и над физическими недостатками. Но это не мешало обнаружить по временам нежную привязанность к своим друзьям, особенно после длинной разлуки. Но проходит месяц, другой, и эта привязанность куда-то прячется. Точно он не видит хороших качеств своего друга, а видит в нем только то, что мелочно и пошло. И он начинает его пилить и язвить. Нужно, чтобы с другом что-нибудь случилось – разлука или тяжкая болезнь, чтобы в Чокане снова обнаружились с прежним жаром привязанность к другу и нежная заботливость". В этих словах чувствуется, что Г.Н. Потанину так и осталось непонятной эта точно описанная противоречивость в характере его друга. Между тем, в этом мнимом противоречии и заключалась национальная особенность юмора Чокана Валиханова. Склонность к постоянному разыгрыванию друзей-сверстников Чокан усвоил от своего народа. В аулах казахи-ровесники, вышучивая друг друга, только в редких и особо тяжелых случаях считали неэтичным высмеивать физические недостатки наряду с другими. К примеру, виднейшие казахские писатели Габит Мусрепов и Габиден Мустафин. Их взаимная нежная привязанность известна всем. Но если послушать, что они говорят друг о друге в глаза и за глаза, можно подумать, что это злейшие враги, никогда не щадившие друг друга. Назвать друга в глаза и за глаза "кривоглазым болтуном", "уродом-горбуном", "жалким хромцом" с присочинением подходящих случаю небылиц было привычным выражением степного юмора. В этом был свой резон: физический недостаток перестает быть им, если он является предметом не жалости, а доброго смеха на основе здорового юмора. Можно представить себе, как изощрялся Чокан, разыгрывая, например, своего друга-ровесника Гришу Потанина. И одним из славных проявлений юмора Чокана следует считать, как этот киргиз-кайсак, когда-то в кадетском корпусе рядом с Гришей евший кашу из оловянной миски, вдруг враз превратился в барина, которому больше нечего делать, как лениться и отдавать глупые приказания опрометью и без толку шарахающимся слугам. Так испытывать Г.Н. Потанина Чокану было просто интересно. Он знал, с каким предубеждением относился не выходящий из нужды разночинец-плебей Потанин к

Created by free version of 2PDF
Buketov University

проявлению всякого барства. Он разыгрывал Потанина и разыгрывал так искусно, что тот все принимал за чистую монету. Стоит представить, какие чертики играли внутри Чокана, когда он увидел, как страдальчески морщится его друг, с жалостью глядя на вновь обретенного Онегина и Митрофана в одном лице! Потанин должен был смотреть на Чокана, так быстро превратившегося в сибарита и барина, именно с жалостью, ибо иные чувства не мог не иметь в тот момент, когда он видел признаки того, как его любимого друга быстро засосали пошлые привычки так называемой светской среды. Нам же теперь жалко искреннего, преданного дружбе добрейшего Потанина, что он сохранил в себе образ Чокана с этими невольными заблуждениями, хотя он много раз, настоятельно подчеркивал неподдельный демократизм Чокана. Именно Потанин рассказал о случае, которому, он, по-видимому, был свидетелем, когда на майском параде в Петербурге один молодой князь, шокированный тем, что его толкнул серый кафтан, сказал, презрительно морщась: "Почему не почистят публику?" На что Чокан быстро заметил: "А вы не читали, как Разин чистил публику? "

Из всех сверстников наиболее близко знал Чокана Г.Н. Потанин. Он с ним был близок по духу, по мечтаниям. Оба они были лучшими учениками Омского кадетского корпуса и своей дальнейшей деятельностью составили высокую честь этому заурядному заведению Сибири. Н.М. Ядринцев, оставивший воспоминания о Чокане, познакомился с ним в 1860 году, в пору расцвета его научной и общественной деятельности. Н.М. Ядринцеву, купеческому сыну из Тюмени, в том году было восемнадцать лет. Должны быть, он встретился с Чоканом, как пишет Н.М. Ядринцев, в Омске в 1863 году. Эти последние встречи не могли быть долгими, потому что годы после Петербурга Чокан жил в основном в степях. Естественно было бы полагать, что восемнадцатилетний юноша не мог быть судьей для феноменально образованного Чокана. Однако юноше вполне могло казаться, что он знает Чокана и может оценить его поведение, поступки, деятельность и характер безошибочно. В этом многое было, конечно, от юношеского апломба, но вместе с тем срабатывал некий рефлекс, связанный с тем, что, как выразился С.Я. Капустин, "самый гуманнейший сибиряк и россиянин относится к инородцу как взрослый к ребенку". В воспоминаниях, написанных лет через тридцать после смерти Чокана, уже пожилой Н.М. Ядринцев с наивной непосредственностью выложил свои юношеские впечатления такими, какими они были в то время и сохранились в памяти. Мы, потомки, должны быть благодарны этому доброму приятелю Чокана за эту юношескую непосредственность. Ибо это неволь-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ное, непреднамеренное заблуждение Н.М. Ядринцева позволяет нам теперь полнее раскрыть характер Чокана; было бы хуже, если бы автор стал анализировать свои тогдашние впечатления и стал вносить запоздалые коррективы. Вот каким выглядел Чокан в глазах Н.М. Ядринцева. "В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером как раз в пору его славы, он только что совершил путешествие в Кашгар, ориенталисты с ним заводили знакомство и я его застал с разными восточными манускриптами и картами. Тем не менее я скоро заметил, что он не был усидчивым ученым и тружеником, все ему давалось по части тюркской литературы легко потому, что он владел киргизским языком в совершенстве. Китайского он не знал, хотя и интересовался китайскими авторами в переводах. Он часто посмеивался над своими знаниями и говорил, что он ставит один китайский знак для счастья, когда играет в карты. Любил он представлять из себя делового человека, но скорее рисовался. На Невский в известный час он выходил гулять непременно с портфелем. На самом деле он вел весьма рассеянную жизнь". Непосредственно после смерти Чокана, в некрологе, написанном Н.М. Ядринцевым, "о рассеянной жизни" Чокана читаем еще четче: "Как в г. Омске, так и по приезде в Петербург Валиханов вращался в пустой военной среде, где на первом плане баклушничание, кутежи и бессмысленная светская жизнь. В таких условиях он увлекался сам светским лоском и праздною гусарскою жизнью".

Получается что манускрипты и карты, за которыми заставал его Ядринцев, никак не характеризовали образ жизни приятеля-казаха, а более характеризовали этот образ жизни гусарство и баклушничание; получается, что все, чем славен Чокан, он делал походя, в промежутках между гусарскими забавами... Какое глубокое заблуждение! И все же мы должны констатировать, что такой образ Чокана в памяти Н.М. Ядринцева существовал, и он честно представил его нам, потомкам. Было несколько причин, вследствие которых заблуждался Н.М. Ядринцев, и, заблуждаясь, очень жалел Чокана за праздно проведенную жизнь, благодаря губительному влиянию среды. Остановимся на этих причинах. Н.М. Ядринцев объем научной деятельности Чокана представлял по тем печатным извлечениям из его трудов, которые публиковались в то время. "Ничтожной печатной деятельностью" – назвал их Ядринцев. Он не знал громадной творческой продукции, которую имел Чокан в то время и о которой редко кому говорил. Одним из таких редких людей, кого посвящал он в свои творческие тайны, был П.П. Семенов-Тяньшанский. Вот что пишет этот, и более осведомленный, чем Н.М.

Created by free version of 2PDF
Bukeov university

Ядринцев, свидетель. "Те отрывки из трудов Валиханова, которые были напечатаны в изданиях Общества, далеко не исчерпывают всех собранных им обширных и богатых материалов, касающихся географии, истории и этнографии среднеазиатских государств и в особенности киргизского народа. Для собрания этих материалов Валиханов не щадил ни труда, ни пожертвований: тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучал среднеазиатские наречия, дорогою ценой скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи". Наверное, были и кутежи, и другие гусарские забавы, но вряд ли они занимали непьющего Чокана столько, сколько он, мистифицируя друзей, рассказывал о них, да рассказывал так, что у таких свидетелей, как юный Н.М. Ядринцев, манускрипты и карты, за которыми он заставал Чокана и которые в действительности для этого труженика были главным занятием, вспоминались потом, как случайность, а эта легенда, сочиненная самим же Чоканом, о рассеянной и праздной гусарской жизни, становилась в памяти характерной. К тому же, по-видимому, Н.М. Ядринцев представлял службу Чокана в Азиатском департаменте как службу сыновей сановных отцов, причислявших своих недорослей по протекции в тот или иной департамент, между тем как сам недоросль не имел и понятия об этом департаменте. Никак не мог Чокан только казаться деловым человеком, как это думает Н.М. Ядринцев. Для инородца, выбившегося в люди из азиатского кадетского корпуса благодаря личным достоинствам, надо было служить, а не числиться. Если бы было последнее, вряд ли такие деловые деятели того времени, как министр А.М. Горчаков (лицейский товарищ А.С. Пушкина), директора Азиатского департамента Е.П. Ковалевский, Н.П. Игнатьев назначали ему по службе двойное жалование, отпускали на любой срок с сохранением этого двойного содержания для лечения в степи и с нетерпением ждали его в Петербурге. "Китайского он не знал", – утверждает Н.М. Ядринцев. Мы знаем, что Чокан владел немецким и французским языками. Наверное, для овладения этими языками даже при способностях Чокана Валиханова требовалась время, и утверждение Н.М. Ядринцева не заслужило бы упрека в незнании им друга, если бы не было свидетельства о том, что этот удивительный человек, посмеиваясь над своими знаниями, успел как-то познать и китайский язык. Вот одно из этих свидетельств. В деловом письме Семиреченскому губернатору Г.А. Колпаковскому Чокан Валиханов добавляет: "Так как лист цзян-цзюна был,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

по словам манчжуров, написан таранчой, не совсем хорошо знающим их язык, и так как в Верном перевод прежнего листа был сделан при их помощи, они просили меня перевести с ними лист цзян-цзюна. Я осмелился поэтому распечатать и сделать перевод. Надеюсь, что ваше превосходительство не будете в претензии за это самоволие". Далее следует текст письма китайского цзян-цзюна в переводе Чокана. Вот к каким заблуждениям приводила постоянная склонность Чокана к юмору, к мистификации, за которыми оставались часто незримые для даже близких друзей его внутренний мир, его сокровенные думы и мечтания, боли и сомнения.

Чокан остро шутил над друзьями и близкими, не щадя их. Еще острее шутил над собой, еще менее в смехе щадил он себя. Такова была его натура, национальная черта его характера. "Он посмеивался над своими знаниями", – пишет Н.М. Ядринцев, совершенно не подозревая, что предметом язвительных шуток Чокана прежде всего был он сам, а потом уже другие. Обратите внимание на два сохранившихся рисунка, изображающих Г.Н. Потанина. На обоих рисунках Чокан, мастерски достигая портретного сходства, в то же время язвит над простодушием и казацко-крестьянским обликом Потанина, над отсутствием у друга утонченной интеллигентности, долженствующей быть у образованного человека. Чокан как будто говорит: "Учился, учился ты, Гриша, а остался мужик-мужиком, казак-казаком!". Это особенно ярко выражено в наброске пером: так и кажется, что на бульбовских мужицко-казацких устах Потанина не высохла еще горилка. Еще ехиднее изобразил Чокан сам себя. Лежит на кушетке, небрежно развалившись, довольный собою молодой человек в офицерском мундире; одною ногою уперся в ломберный столик, другую положил на нее; руки в карманах расстегнутого кителя, во рту дымящая сигара; ни дать, ни взять Хлестаков, только что получивший из деревни от нечающих души стариков последние деньги и находящийся в предвкушении, как славно проведет теперь он на эти деньги время! Надо было обладать безудержным природным артистизмом, чтобы так искусно и остро шутить над недостатками друзей, еще более над своими. Естественно, что и пресловутое барство, и кутежи, и баклушничание – все эти розыгрыши, часто принимавшиеся друзьями за правду, были в то же время смехом Чокана над собою, смехом сильного человека над своими действительными и мнимыми слабостями, человека способного при необходимости обуздать эти слабости.

Нельзя пройти мимо другого ошибочного утверждения Н.М. Ядринцева. "В Петербурге, пишет Н.М. Ядринцев, – он также не был осо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

бенно счастлив в своих знакомствах. Сойдясь с литературным кружком Достоевского, он не мог много заимствовать от него и сделаться серьезным тружеником науки. В этом кружке он познакомился с поэтом Всеволодом Крестовским и во время разговоров давал ему шутя темы для его испанских стихотворений, а сей поэт, питаясь красами остроумия талантливого Валиханова, немедленно строчил свои романсы". Все это, конечно, написано под впечатлением от рассказов самого Валиханова. А как он рассказывал, мы уже знаем. Теперь, конечно, никто не поверит, чтобы Достоевский и его кружок не способствовали Чокану "сделаться серьезным тружеником науки", что знакомство его с этим кружком не было счастливо. Мы знаем теперь, что в истории, может быть, не было более труженика-писателя, кроме разве О. Бальзака, как Достоевский. Разве можно говорить о влиянии какого-то Крестовского, когда в этом же кружке находился, возглавляя его, Достоевский? Крестовский, бывший моложе Чокана на пять лет, был скорее мишенью его шуток и мистификаций, чем лицом, влиявшим на поведение и образ жизни Чокана. А вот благотворное влияние Ф.М. Достоевского, А.Н. Бекетова, о чем свидетельствует Г.Н. Потанин, действительно было. Близость и знакомство с этими и другими замечательными русскими людьми были для Чокана, пожалуй, одним из выдающихся жизненных приобретений. О выдающейся роли Ф.М. Достоевского в жизни Чокана мы уже говорили. Чокан, как можно судить по дневникам и научным трудам, увлекался ботаникой, и это могло послужить поводом для сближения с А.Н. Бекетовым. Но более, может быть, привлекал его ученый-ботаник, как человек, ибо, как писал внук великого поэта А.А. Блок про своего деда – А.Н. Бекетов...принадлежал к тем идеалистам чистой воды, которых наше время уже почти не знает". Можно заранее полагать, что Чокан не мог длительно и систематически предпочитать гусарские забавы общению с такими людьми, как Ф.М. Достоевский, А.Н. Бекетов, А.Н. Майков, с людьми, своим благородством, мудростью, широтой натуры и многознанием более импонировавшими натуре первого казахского ученого; иначе трудно было бы объяснить привязанность к этим выдающимся личностям; привязанность, которую сохранил Чокан до конца жизни. Факты свидетельствуют о том, что петербургские знакомства Чокана были для него счастливыми; они, эти знакомства, духовно обогатили его, принесли ему большое нравственное удовлетворение.

* * *

Чокан Валиханов прожил всего двадцать девять лет с небольшим. С великой горечью потомки должны констатировать, что его активная научная деятельность закончилась, когда ему было всего навсего два-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дцать пять лет. Все его научные труды, кроме трех статей ("Записка о судебной реформе", "О мусульманстве в степи", "О кочевьях киргиз") и небольших заметок, датируется не позже 1860-1861 годами. Причем была болезнь, которая дала о себе знать до того, но особенно активизировалась во время пребывания в Петербурге в 1860-1861 годах. Чокан Валиханов выехал в Кашгарию с караваном купцов в июне 1858 года и вернулся в Верный (Алматы) в апреле 1859 года, пробыв в путешествии девять месяцев, из них пять – в самом городе Кашгаре. Генерал-губернатор Г.Ф. Гасфорт, возгордясь блестящим исходом предприятия, порученного Ч. Валиханову, доносит министру иностранных дел А.М. Горчакову: "Караван, посланный в мае минувшего года в Кашгар, успешно закончив свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с тем прибыл в город Омск и находившийся при этом караване поручик султан Чокан Валиханов, на коего, согласно высочайшей воле, возложено было известное Вашему сиятельству тайное поручение". Затем, перечислив опасности, пережитые Чоканом, а также указав на значительность полезных и желанных правительству сведений, вывезенных офицером, которые он, Гасфорт, повелел набросать на бумагу, пишет: "Но как всего виденного и слышанного не перепишешь, то полагал бы полезным послать означенного офицера в С.-Петербург для изустных пояснений в Азиатском департаменте, что и исполню, как только записка им будет составлена и он поправится здоровьем, расстроенным от многих лишений, коим подвергался в течение года".

Здесь обращает на себя внимание два обстоятельства. Гасфорт правильно заметил, что у наблюдательнейшего, обладающего редкой памятью Чокана действительно было столько сведений, что все их невозможно было перенести на бумагу. Он заметил и другое: Чокан вернулся из путешествия больным. Министерство иностранных дел торопит Гасфорта с присылкой поручика Валиханова с отчетом. Валиханов не может выехать, потому что, как рапортует Гасфорт министру, он, "прибыв в Омск, сильно занемог, так что при его природной слабой организации нельзя было определить исход этой болезни, долго продолжавшейся". Чокан смог выехать в Петербург только в конце января 1860 года. В Петербурге он находился до мая 1861 года, о чем свидетельствует письмо директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н.П. Игнатьева от 22 мая 1861 года генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю с уведомлением о командировании штаб-ротмистра Валиханова в родные степи, для лечения. Он болен тяжело. У неумеющего жаловаться Чокана в письме к Ф.М. Достоевскому вырывается: "Здоровье мое не хуже и не лучше,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

покашливаю, как и прежде, хотя пью кумыс, – впрочем, что скажет степь, вольный воздух, повозки". Письмо это писалось Чоканом сразу же после прибытия из Петербурга в родные степи, а в начале 1861 года А.Н. Бекетову он вынужден сообщить: "Здоровье мое все еще плохо". К осени 1862 года, по-видимому, наступило облегчение, ибо в сохранившихся нескольких письмах этого периода жалоб на здоровье не имеется. Но все же об окончательном выздоровлении, о выезде на свое постоянное место работы в Петербург, в Азиатский департамент Министерства иностранных дел приходится только мечтать. В 1863 году он продолжает болеть, ввиду этого непосредственный петербургский начальник Н.П. Игнатьев еще раз внушает омскому начальству, что Валиханов находится на родине в командировке, для лечения. Чокан продолжает болеть и на запрос Н.П. Игнатьева направить его в Петербург, на место службы, из Омска в апреле 1864 года отвечают: "Штабротмистр Валиханов, прибыв в город Омск, по болезни не смог следовать в С-Петербург и остался для излечения болезни в городе Омске". Насколько тяжело болел в это время Чокан, свидетельствует прибывший к весне 1864 года в Омск Потанин. "Он прислал за мной, так как не мог ко мне прийти. Я застал его лежащим посредине комнаты под киргизскими лисьими шубами. Подле него на полу лежала раскрытая книга Абель Ремюза. Чокан встретил меня словами "разлагаюсь". ...Он был грустен и жаловался на начальство".

Чокан проболел три года с короткими периодами облегчения. Наступило последнее, наиболее обманчивое облегчение, он едет в отряд Черняева, посланный против Кокандского ханства; едет потому, что пребывание в желанном Петербурге ему категорически противопоказано. Тем не менее, он полон мечты и замыслов. Перед выездом на юг, весной 1864 года он пишет из Омска К.Н. Гутковскому: "Завтра мы выезжаем: я в Аулие-Ату, чтобы пожинать победоносные лавры, а Муса (дядя Чокана Муса Чорманов - Б.Е.) – к себе в Баян-аул, чтобы подвизаться в доблестях гражданина. Думал в Питер, а попал в страну дикокаменных киргизов". Выезжая в Аулие-Ату, он мечтает: "Еду... для того, чтобы оттуда через Акмечеть проехать на Оренбург. Если бы это удалось, было бы хорошо". В июле 1864 года Чокан, разочарованный службой в царском экспедиционном отряде, покидает его и приезжает в аул одного из султанов Большой Орды Тезека, дальнего родственника (Тезек, также, как и Чокан, был правнуком Аблайхана, только от другой прабабушки), и в следующем 1865 году, в апреле гения казахского народа не стало. Он был похоронен невдалеке от Алматы, возле

Created by free version of 2PDF
Buketov University

станции Куян-куз, тогдашнего Капальского уезда Семиреченской области.

Больной Чокан пишет Ф.М. Достоевскому: "Итак, я остаюсь в Орде, лето проведу также в Орде, чтобы взять полный курс лечения кумысом, и к осени, если останусь жив, явлюсь в Петербург и обниму тебя так здорово, что, наверное, закричишь. В степи, брат, только скучновато, зато ленюсь, как хочу, и никто не мешает. Следуя совету одного доктора сибирского... я дал зарок ничего не делать, ничего не пишу, ничего не читаю, одним словом, не изнуряю умственных способностей – в этом заключается мое лечение и от этого происходит моя тоска. Здесь можно бы найти развлечения другого рода: охота с орлом, собакой, ружьем, но проклятое мое здоровье это никоим образом не дозволяет. Лежи да и только". В приведенном письме с присущим ему налетом легкого юмора он сообщает "голубчику Феде" о своем вынужденном ничегонеделании ("скучновато, но зато ленюсь, как хочу"). Это означает, что в этот момент Чокану было действительно тяжело, и наверное, очень тяжело. Да и подумать только. Не лишенный еще юношеской подвижности, деятельный, веселый, жизнерадостный молодой офицер, исполняющий службу при самых благоприятных обстоятельствах в центре, где делается царская азиатская политика; выдающийся ученый, близко общающийся с самыми высокоинтеллектуальными людьми своего времени, вынужден долгое время пребывать чуть ли не на постельном режиме летом в юрте, зимой в деревянном домике отца, снедаемый тяжелым физическим недугом, к которому невольно прибавляется не менее тяжелый нравственный недуг, связанный с его полнейшим духовным одиночеством. Самое страшное заключается в том, что он живет в любящем окружении и сам любит это окружение, но от этого его духовное одиночество, его нравственный недуг не уменьшается. Лучше всего написал об этом сам ученый в письме к поэту Майкову. "Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, когда я живу в степи, хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но разъединенный с ними чем-то неодолимым. Как я ни стараюсь с ними, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров, мы начинаем расходиться. Мои родные – люди добрые, честные и очень неглупые, но все-таки – киргизы, и притом киргизы аристократы (дикие аристократы, надо заметить, несколько сноснее образованных, потому что проще их) и потому имеют множество как национальных, так и сословных предрассудков и качеств. Особенно выделяются непомерное упорство и тщеславие (последнее можно назвать национальным). По-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

нятно после этого, что они имеют слишком высокое мнение о себе, о своем уме и проч. И понятно и то, что всякие советы или споры только раздражают их тщеславие и укрепляют упорство. Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем, и особенно у киргизов, которые до сих пор держатся шаманства, примешивая к нему гомеопатическую дозу ислама. Основание этой религии, как известно, составляет боготворение умерших предков, через это все обычаи и предрассудки предков делаются для киргизов священными. К тому же у киргизов много песен (я разумею это слово в том смысле, в каком разумела его в средние века, например, песня о Роланде), бездна поговорок и афоризмов, сочиненных когда-то умными отцами. На все свои убеждения и обычаи они находят готовый аргумент старины и думают, что правы. Я теперь сам начинаю избегать споров с ними, – это, как я заметил не раз, ставит меня же в смешное положение и возбуждает в них жалость, какую мы чувствуем при разговоре с слабоумными простаками. "Сказки собирает, – говорят киргизские старейшины про меня, – слабодушествует" (это говорится про гуманность). ...С местными султанами и богачами из черной кости я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами[1], которые теперь, хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалование и чтобы обращались, как с людьми, в противном случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся".

Тяжелы были условия, в которых пребывал Чокан, и его дружба с бедняками, с этими задавленными и простодушными детьми природы вряд ли компенсировала ту боль, которую приносила стена отчуждения от родных и близких. Мало того, общение с бедняками, как пишет сам Чокан, приводило к попыткам заступиться за них. Из этого заступничества ничего путного, кроме усиления враждебности со стороны степных власть имущих, не получалось.

Друзья познаются в беде. Больной Чокан Валиханов получает неизменную нравственную поддержку со стороны петербургских друзей. Директор Азиатского департамента сановный государственный деятель генерал-адъютант Н.П. Игнатьев заботился о больном Чокане Валиханове. Это было продолжением того отношения, которое проявлял к молодому казаху бывший директор этого департамента, сенатор и ученый Е.П. Ковалевский, который без обиняков называл Чокана гени-

[1] Рабами считались пленные.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

альным молодым человеком. Забота со стороны Н.П. Игнатьева была настолько трогательной, что стоит привести сохранившиеся письменные свидетельства. Н.П. Игнатьев обращается к генерал-губернатору Западной Сибири со следующим письмом. "М. Г. Александр Осипович. Причисленный по высочайшему повелению к Азиатскому департаменту, состоящий по кавалерии штаб-ротмистр султан Валиханов командируется в Область сибирских киргизов. Справка сия дана департаментом г. Валиханову собственно для того, чтобы представить ему возможность лечения кумысом, поправить на родине его расстроенное здоровье. Вследствие сего, рекомендуя вашему превосходительству сего молодого офицера, в котором я принимаю живое участие по его способностям и пользе, какую от его сведений можно ожидать для службы, я убедительно прошу Вас, в личное мое одолжение, оказать ему ваше благосклонное внимание и в случае надобности покровительство ваше". После приезда Чокана в Петербург, министр иностранных дел Горчаков, ознакомившись с результатами поездки поручика Валиханова в Кашгарию и очень довольный им, не только способствовал присвоению ему следующего воинского звания штаб-ротмистра и награждению орденом святого Владимира четвертой степени, но и настоятельно ходатайствовал перед царем о зачислении его для службы в Азиатский департамент министерства с сохранением содержания по военному ведомству сверх установленного по ведомству иностранных дел. Больной Чокан живет в Сырымбете, но недоброжелателей по военному ведомству в Омске беспокоит сохранение за пребывающим бог весть для чего в степях ротмистром двойного жалованья. На эти запросы генерал Игнатьев отвечает резко и определенно: "Азиатский департамент имеет честь уведомить Комиссариатский департамент в ответ на отношение от 29 минувшего мая, что состоящий по кавалерии штаб-ротмистр султан Чокан Валиханов доныне значится причисленным к Азиатскому департаменту и находится от сего департамента в командировке в области сибирских киргизов". И, уж чтобы не было двусмысленностей и кривотолков, Игнатьев добавляет: "Между прочим с целью, чтобы дать ему возможность заниматься лечением на родине, поправить расстроенное от служебных трудов здоровье". В июле 1863 года Н.П. Игнатьев обращается к А.Д. Дюгамелю направить штаб-ротмистра султана Валиханова в Петербург и опять же заботливо добавляет: "Вместе с тем не оставить уведомить меня, в случае, если болезненное состояние Валиханова не дозволит ему еще возвратиться в С.-Петербург". Одновременно Игнатьев ведет с Чоканом переписку. Можно представить, какой отрадой для Чокана являлись письма петер-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

бургских друзей Ф.М. Достоевского, А.Н. Майкова, А.Н. Бекетова, Н.С. Курочкина, Н.П. Игнатьева, Д.И. Романовского (крупного деятеля военного ведомства и ученого), Х. Фаизханова и многих других выдающихся личностей того времени. К сожалению, сохранилась лишь мизерная часть большого эпистолярного наследия Чокана Валиханова. Он пишет часто, поскольку это теперь хоть и несовершенный, но единственный способ общения с друзьями. Для него большое благо, что он за короткий период (год с четвертью) пребывания в Петербурге успел приобрести верных и преданных друзей. Сами имена этих друзей свидетельствуют о том, что Чокан понят, оценен и без скидки принят в круг людей, благородное значение деятельности которых, не говоря уже о Достоевском, стало известным современникам и в большей степени потомкам. В родном Омске, где он прожил до выезда в Петербург более двенадцати лет, почти никого из друзей не осталось. Сказался приезд нового генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, который в отличие от Гасфорта не считал нужным для своей ташкентской деятельности иметь, хотя бы для видимости, какое-то цивильное прикрытие. Остался умный, благородный К.К. Гутковский, единственный человек в омских чиновничьих верхах, к которому Чокан питал полное душевное доверие и непрерывно обменивался письмами, обсуждал самые разнообразные проблемы личной и степной жизни, да и тот, не выдержав стеснений со стороны новых ташкентцев, вынужден был уехать в Россию.

Больной Чокан весь в порывах к полезной деятельности, к исполнению замыслов, лелеемых ранее и возникающих теперь при проживании в степи и живом общении со своими земляками. К поэту А.Н. Майкову он обращается с просьбой. "Я хотел бы быть корреспондентом "Санкт-Петербургских ведомостей" о делах среднеазиатских и киргизских степей. Нельзя ли поговорить с редактором? Впрочем, Вы можете избрать другую газету, более близкую Вам. Нельзя ли также узнать у "Отечественных записок" можно ли у них будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у киргизов и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях, бросающие новый взгляд на историю этой Орды и объясняющие причины падения Орды". Он пишет профессору А.Н. Бекетову: "Ради бога, Андрей Николаевич, похлопочите в обществе (географическом обществе – Б.Е.), чтобы выслали мне в степь барометр, психометр и несколько термометров – та часть степи, в которой я живу, очень слабо исследована, а в климатическом отношении известно кое-что только о Верном. Занятия мои в степи идут успешно. Я собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен и занимаюсь теперь изучением киргиз-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ских законов, которые имеют связь с уложением Чингис-хана". Он продолжает изучать родной фольклор, ибо восхищен не только поэзией устного творчества, но он является, по его неоднократным высказываниям, одним из главных подспорий для его научных суждений и прогнозов, для раскрытия многих загадок в историческом прошлом степей. А вот мысли по наблюдению за климатом и природными условиями степей, по исследованию степных законов возникли здесь, после приезда в Сырымбет. Обращает внимание диапазон научных интересов больного Чокана – от изучения природы до изучения общественных явлений. Замыслы эти претворяются крайне плохо – слишком коротки периоды облегчений недуга. Его остро волнуют степные дела. Он теперь имеет возможность подолгу размышлять о них. Царская администрация задумала провести реформы в казахском судопроизводстве. По-видимому, по настоянию К.К. Гутковского, к Чокану обращаются с просьбой высказать свое суждение о готовящихся юридических уложениях для степей. Чокан, тщательно и всесторонне разобравшись в степных законах, начиная со времен Чингисхана, пишет изумительную по глубине суждений "Записку о судебной реформе", в которой он страстно защищает целесообразность оставления в степях традиционного суда биев. Нельзя полагать, чтобы Чокан не чувствовал архаизм и отсутствие будущего в таком отсталом способе установления истины и справедливости, как суд биев, однако он более всего боится, что над темными степными жителями будут глумиться, издеваться, обирать их крючкотворы-чиновники. Слишком велика у него ненависть к царскому чиновничеству, к его страшной, плотоядной психологии, навеянная "Губернскими очерками" Салтыкова-Щедрина, многими другими произведениями русской литературы, да и самой жизнью. "Записка о судебной реформе" была настолько блистательна по форме изложения и по логике доказательств, что царская администрация оказалась вынуждена оставить в силе суд биев (степных судей) в степях. Продолжая размышлять о степных делах, он видит, какой вред приносит ислам, в особенности в том виде, в каком он царским правительством распространяется и утверждается в казахском народе. "Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем", – пишет он, боясь последнего и уповая на первое.

Чем-то неотвратимо трагическим веет от этих последних лет жизни Чокана. Это не только годы болезни и физического угасания, но и годы крушения веры и надежд, на осуществление некоторых его идеалов в рамках существующего строя. Он слишком верил в роль доброго начальства в жизни народа. И в связи с этим выдвинул свою кандида-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

туру на должность ага-султана округа. Сам Чокан, пожалуй, лучше расскажет о том, что получилось с этой затеей. "Я думал как-то сделаться султаном, – пишет он Ф.М. Достоевскому, чтобы посвятить себя на пользу соотечественникам, защищать от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно-образованный – не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук. Господа эти, как областные, так и приказные, поголовно восстали против этого. Ты понимаешь почему. Областные лишились бы нескольких тысяч, которые они стягивали со старшего султана, а приказным, действительно, если бы я был султаном, пришлось бы идти по миру. Видишь, что тут для чиновников своего рода "быть или не быть". Надо заметить, впрочем, что на моей стороне из всех властей русских был один только г. Гутковский, который в это время исправлял должность губернатора и производил выборы. Чиновничество начинает подстрекать самолюбие богатых и честолюбивых ордынцев и пугать их, что если Валиханов будет султаном, то всем будет худо, он, мол, держится понятий о равенстве и отличать вас по роду, богатству, как свой брат натуральный киргиз не будет; пустили в ход и то, что я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде. Понятно, что подобные вещи действуют на народ полудикий и преданный своим обычаям и не могли остаться без последствий, особенно когда исходили от русских майоров (так киргизы называют всех русских чиновников). Мои земляки, как ты сам знаешь, всегда держатся русских указаний, может быть, вследствии восточной вежливости.

Таким образом, составляются две партии: одна, состоящая из четырех волостей баганалинцев, поколение дикого и кочующего около кокандских границ. Эта дикая толпа не хочет иметь султаном человека, который имеет голову, не гладко выбритую, и при том не совершающего омовения пять раз в день; при этом баганалинцы выражают опасение, что если меня сделают султаном, то я всех киргизов отдам в солдаты, а детей их в школу. Так им внушено.

Другая партия, преданная мне, состоит из трех волостей старопободданнических и из всех султанов этого округа. Начинаются выборы, перед тем ночью противная партия посещает секретаря губернаторского, баварского немца, который оставил родной Мюнхен... чтобы оби-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

рать киргизов... На выборах я торжествую. Меня выбирают большинством голосов. У меня 25, а у моего противника баганалинца 14. ...Дело, конечно, решенное; я имею все законные основания и притом, как человек образованный, должен быть бы предпочтен дикому ордынцу.

Губернатор говорит, что "надейтесь, господин Валиханов", я же думаю: еще бы не надеяться, когда Закон на моей стороне. Но противник мой не унывает, он по опыту знает, что деньгами можно сделать все, в прошедшую зиму он возил в Омск три тысячи рублей и освободил двух арестантов. В этом ему помогал секретарь, а секретарь говорит ему и теперь: собирай деньги и посылай людей в Омск, будешь ханом. Деньги идут в Омск. Я хотя много читал обличительных статей, но на этот раз думал – постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-нибудь. Гордость обуяла. Вдруг получаю известие от Гутковского, что поездка баганалинцев осталась не без успеха и что генерал-губернатор не хочет тебя ни за что утверждать. Оно и правда, что законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов, известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргизов, что в них, знаете, больше, этой восточной подобострастности. "Гирей сидел, потупя взор, в устах его"... и проч. Но при всем том, признаться, я такого пассажа вовсе не ожидал. Каково мой друг? Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, воспитавшихся в России). Земляки считают нас отступниками и неверными, потому что, согласись сам, трудно без убеждения из-за одной только политики пять раз в день хвалить бога, а генералы не любят потому, что мало этой восточной подобострастности. Черт знает, что такое, хоть в пустыню удаляйся".

Враждебно настроенное омское начальство и местные баи-заправилы находили много других поводов, чтобы устроить больному Чокану несносную жизнь в степях. Всячески притеснялся по службе отец Чокана. То нарочито распространяли слух, что Чокан ни в какой Кашгар не ездил и что царь, узнав про обман, сердит на него, то подкупали и сочиняли жалобу от имени "мужа", у которого якобы отобрал Чокан "жену", тогда как на самом деле этот "муж" вовсе не был мужем, а братом умершего мужа и хотел насильно жениться на вдове покойного. Чокан естественно, не мог не заступиться за обижаемую женщину.

Чиновничество и степные властьимущие имели все основания поступать таким образом, ибо уже само присутствие Чокана Валиханова в степях заставляло их лишний раз оглядываться при обирании темного народа. Чокан все более чувствовал свое бессилие: 'Черт знает, что

Created by free version of 2PDF
Buketov University

такое, хоть в пустыню удаляйся". И может быть, в этом смысле окажемся близкими к истине, если будем полагать, что больной, разочарованный, нравственно и телесно разбитый Чокан увидел в отряде Черняева ту пустыню, в которую надо было ему удалиться, чтобы не видеть степные безобразия. Чтобы представить вероятность такого предположения, стоит вспомнить трагический грустный вздох лежащего под шубами Чокана: "Разлагаюсь!" и жалобы его на омское чиновничество, когда навестил его Потанин. Это ведь было совсем незадолго до выезда Чокана в Аулие-Ату. Но мы знаем также, что могучий дух гения и при этом питал надежды воспрянуть для полезной деятельности ради соотечественников.

Чокан любил свой народ. Эта любовь приносила ему радость и отраду. Он был образованнейшим человеком своего времени, полным благородных устремлений. Его блестящий ум одинаково признавали и друзья, и недруги. Он был живым примером того, какие могучие интеллектуальные силы дремлют в сплошь неграмотном, темном степном народе. Он умел совершенно оценивать реальность и факты даже в тех случаях, когда речь шла о его собственной личности, и был абсолютно далек от преувеличения своих личных достоинств; но, как выдающийся рационалист, он не мог не понимать, что своей стремительной деятельностью и феноменальными своими постижениями он оказывает огромное влияние на честных и просвещенных представителей русского народа в переоценке своих рассовых предрассудков. Последнее отмечали многие современники Чокана. Он был первым казахом, который не сюсюкал подобострастно о преданности великому белому царю и не гнул унизительно свой хребет при упоминании о "благодеяниях" генерал-губернатора; он был первым казахом, который во всеоружии научных достижений своего времени, с достоинством рассказал русскому обществу о своих степях, о том, что добровольная близость казахов к России, к русскому народу есть исторически оправданная потребность истинного прогресса, что казахский народ жаждет ускорения цивилизующей роли русских на основе дальнейшего укрепления дружбы и братства между двумя народами. Это и было то святое дело, на которое указывал Чокану Федор Михайлович Достоевский на заре их дружбы и которое стало жизненной целью его друга-казаха. Чокан, как мы уже сказали, вряд ли преувеличивал свои достоинства и свои достижения, но он, думается, не мог не радоваться, не мог не испытывать отраду от того, как тепло были приняты и высоко оценены его научные труды, как много стало у него искренних, преданных и до конца понимающих его самого и его народ друзей из среды умствен-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ной и нравственной элиты русского общества; не мог не радоваться и не испытывать отраду от того, что он бросил плодоносящие семена своей любви в родной народ и своей веры в его будущее в души лучших и ведущих русских людей.

Чокан любил свой народ. Он был этой любовью прикован к своему народу, как Прометей к своей скале. И в этом заключалась его жизненная трагедия. Народ мало знал Чокана и еще менее понимал. Для знати черной и белой кости он был хитрым, ловким и преуспевающим царским офицером, добившимся невиданной для степного жителя чести – личной аудиенции у самого белого царя – и имеющий личную дружбу с самыми большими царскими жандармами (генералами), был человеком, перед которым надо заискивать, которого надо опасаться, тая до поры до времени черную зависть за его успехи и черную ненависть за его непонятную для них неподкупность и благородство. Мы знаем по цитированному отрывку из письма к Достоевскому, как накинулось это трусливое воронье, когда почувствовало, что Чокан болен и слаб и терзать его легко. С беднотой он был в дружбе, но могли ли иметь частные случаи дружеского обращения с людьми при отарах и косяках какое-то общественное значение, когда для этих людей Чокан оставался добрым, немного чудаковатым мырзой (барином), которого можно любить и уважать, но который, даже несмотря на его простоту, все же был не свой. Научные достижения Чокана, высокие думы, омрачавшие славное чело, все то, чем он горел в мечтаниях о настоящем и будущем своего народа, народ не ведал и не чувствовал. Родное племя, к которому был прикован великий его сын, было также безучастно и равнодушно, как безучастна, холодна и равнодушна была скала к мучениям Прометея. Коршун сомнений, бессилия и торжествующего зла безнаказанно клевал истекавшее кровью сердце страдальца за народное счастье. Это была страшная жизненная трагедия Чокана, прикрыть которую не всегда удавалось даже выдающейся воле и неистощимому юмору этого великого человека. Эта трагедия больше всего обозначалась в последние четыре года его жизни.

"По политическим убеждениям он принадлежал к крайним либералам", – пишет Г.Н. Потанин о Чокане. "Он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячего ее обновления", – добавлял он в другом месте. Ныне философские, социальные, экономические взгляды Чокана Валиханова хорошо исследованы чокановедами. Как мыслитель он приближался к идеям Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, высказываясь точно и определенно о несовместимости интересов богатых и бедных. И, тем не менее, будучи

Created by free version of 2PDF
Buketov University

сыном отсталого народа, чаяния которого занимали его в первую очередь, он слишком уповал на улучшение, гуманизацию царской администрации через разумно подобранных, образованных и добрых чиновников. Он настоятельно пропагандировал распространение просвещения в своем народе и страстно боролся против влияния мусульманского фанатизма, поддерживаемого царским правительством в степях, считая его первым врагом приобщения народа к истинным знаниям. Он не заблуждался, как мы знаем, относительно значения деятельности отдельных царствующих особ и царского чиновничества и, тем не менее, в особенности в последние годы жизни, больной Чокан отдал много сил, чтобы способствовать улучшению административного управления степей. На этом пути он испытал страшное разочарование и крушение своих надежд. Понимал ли больной Чокан, имея теперь в степях время для раздумий, что в его мечтаниях слишком много несбыточных иллюзий? Может быть, и понимал. Но он видел в этих иллюзиях единственную возможность помочь своему народу. Путешествуя по Западному Китаю, пребывая в Кульдже и Кашгаре, он с отвращением видел, как китайская администрация и военщина, натравливая одних фанатичных мусульман на других, в нужный момент сама принимала участие на той или иной стороне, устроила в родственной Западной окраине Китая, по существу, постоянную человеческую бойню, не ставя ни во что человеческую жизнь. В исторических трудах Чокан с омерзением и болью рассказывал о том, как китайцы с истинно китайской жестокостью истребили миллионный джунгарский народ. И именно поэтому Чокан не мог смотреть без боли и отвращения, когда видел элементы насилия со стороны некоторых ретивых деятелей-генералов, мнивших себя завоевателями и спешивших представить царю "реляции" о "победах" над строптивыми "инородцами". И в этом отношении "победоносные" действия полковника, а затем генерала Черняева в Аулие-Ате были той последней болью, которая прибавилась к тяжелому недугу Чокана, стремительно приближая его смерть.

Вот так "храбро" завоевывал Аулие-Ату полковник Черняев по его же рапорту от 6 июня 1864 года. 2 июня его отряд подступил к Аулие-Ате. Чокан Валиханов был послан парламентером с условием сдаться, он вернулся 3 июня с ответом от коменданта крепости дать четырнадцать дней на размышления. Черняев на это повелел Чокану Валиханову ответить беку, что его условия остаются неизменными и на другой день 4 июня открыл огонь по крепости. Через два часа отряд Черняева был в крепости. Потери Черняева – три легко раненных солдата, контужены один офицер и один солдат. Черняев продолжает с

Created by free version of 2PDF
Buketov University

гордостью, самодовольством докладывать: "Потери неприятеля в настоящее время еще не известны. Вчерашнего числа погребено жителями, по моему распоряжению, 307 человек". "Убитые почти все принадлежали к гарнизону", – лживо добавляет полковник, как будто картечь из его орудий избирательно попадала лишь на гарнизонных. Раненных оказалось 390 человек. Да, удивительной была эта битва, где "победил" отряд Черняева: со стороны "побежденного" убитых и раненных 700 человек, со стороны "победителя", – по существу ни одного! "Победой" в данном случае было названо преднамеренный расстрел беззащитных людей. Валиханов и многие другие офицеры стояли за продолжение переговоров, будучи уверены, что под натиском населения, охотно шедшего на сближение с русскими, кокандский бек вскоре сдаст крепость. Существенной помощи ему ждать было неоткуда, да и отряд вполне контролировал все подступы к городу. Черняев же повел переговоры для формы, он спешил; ему для победных реляций необходимо было возможно скорее расстрелять беззащитный город. Г.Н. Потанин писал впоследствии: "Подступив к Пишпеку (т.е. Аулие-Ате, Потанин здесь ошибся – Б.Е.) ...Черняев собирался взять его силой, пообещал солдатам позволить грабить город в течение одного дня. Чокан, воспитанный гуманной литературой 60-х годов, вращавшийся в кругу петербургских литераторов, поэтов и популярных ученых, водивший знакомство с Достоевским, ботаником Бекетовым и пр., узнав об этом решении генерала, бросился к нему, чтобы уговорить его отказаться от своего намерения. Генерал не согласился, произошел крупный разговор; Чокан разочаровался в Черняеве, оставил отряд и вернулся в Верный". Здесь стоит добавить, что Чокан ушел из отряда не один, а с группой недовольных офицеров, которые были потом наказаны.

Чокан из отряда Черняева приезжает, как мы уже писали, в аул Тезека, приезжает разбитый морально и физически. Выезжая в отряд Черняева, он в письме к К.К. Гутковскому шутил, как обычно: "Еду я, признаться, для того, чтобы получить чин, Черняев кажется, человек хороший и чина, может, не пожалеет". По-видимому, сразу же после прибытия в отряд, еще до размолвки, Чокан был представлен к следующему чину ротмистра со старшинством с просьбой утвердить в этом чине со 2 июня 1864 года (за два дня до печально знаменитой "битвы" за Аулие-Ату). Царская канцелярия скрипела медленно, как и прежде: представление прошло через руки военного министра Милютина 10 марта 1864 года. 14 марта того же года была "высочайшая" резолюция: "согласен", 16 марта бумага с этой резолюцией была зарегистрирована в недрах военного министерства. Когда она дошла и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дошла ли до Верного, неизвестно. Чокан Валиханов умер в апреле 1865 года. А надпись на плите памятника, поставленного в 1881 году генерал-лейтенантом Колпаковским по желанию генерал-губернатора Кауфмана Первого, гласила: "Здесь покоится прах штаб-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году". Почтенные генералы не знали, что султан Валиханов умер в чине ротмистра со старшинством.

Чокан живет в ауле Тезека, продолжает болеть и тем не менее, верный своей иллюзии относительно роли разумного и гуманного управителя, ревностно желает помочь военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому в управлении подвластными ему киргизами и казахами Большой Орды. Сохранилось несколько писем Чокана к генералу Колпаковскому. В этих письмах Чокан, как знаток, истолковывает смысл событий, происходивших в то время в Кульдже; в то же время письма эти полны забот и беспокойства о судьбе своих сородичей, живущих в Семиречье и Киргизии. Здесь, в ауле Тезека, в жизни Чокана произошло знаменательное событие – за несколько месяцев до смерти он женился на сестре Тезека Айсары. Судя по биографическим данным, женщины особого места в жизни Чокана, по-видимому, не занимали. Чокан умел рассудку страсти подчинять. "Любил ли Чокан, не знаю. – пишет Г. Н. Потанин, – в Омске у него были увлечения, но они далеко не заходили, а оканчивалось дело тем только, что он более обыкновенного декламировал стихи Полонского и Майкова". Ни в дневниках, ни в письмах Чокана, если исключить его временную женитьбу в Кашгаре по установленному там обычаю для гостей, нет указаний, чтобы сильно занимала его та или иная представительница прекрасного пола. Только в одном из писем к Достоевскому можно прочитать: "В последний вечер я занят был любовью по вашему совету с С. Расспросите ее, кажется, мы провели вечер приятно". Был другой случай, когда в ауле, после приезда из Петербурга, Чокан увлекся молчаливой, тихой, но внешне прекрасной служанкой. Возник конфликт. Родители восстали. Однако близость с этой женщиной была недолгой; Чокан быстро охладел. Может быть, причиной этому было полное отсутствие духовной общности. Теперь он женился на Айсары, такой же дочери юрт, как и та. А.К. Гейне, посетивший аул Тезека, через несколько месяцев после смерти Чокана, пишет: "...Мы пошли в юрту сестры Тезека, вдовы Чокана Валиханова. Мы выразили ей от души, что чрезвычайно сожалеем о преждевременной смерти ее мужа, который мог бы быть очень нам полезен и своими сведениями, и своим умом. Вдова была, видно, подавлена своим горем, но не ломалась и не хныкала. У ней очень доброе лицо". Говорят, что Айсары не отлича-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лась красотой, но была наделена природным умом. Можно полагать, что больной, разбитый Чокан тосковал по женской ласке, по заботливому вниманию близкого и любящего человека. Он знал, что не сможет доставить влюбленной девушке полного счастья и все же женился. И, может быть, не напрасно. Может быть, нежные ласки, жертвенно безрасчетная преданность, заботливый уход молодой женщины, этого наивного дитя природы, были последней наградой за физические и духовные страдания, которые перенес этот гениальный сын народа. Айсары впоследствии переехала к родным Чокана (так он завещал) и вышла замуж по тогдашним обычаям за родного брата покойного Жакупа. От этого брака родилась дочь Рабига. Престарелая Рабига рассказывала: "Когда отец обижал чем-то мою мать, оставшись одна, она горька плакала... Иногда, поссорившись с отцом, она говорила ему: – Почему ты все время обижаешь меня? А ведь твой брат Чокан очень уважал меня и никогда не обижал. Когда я входила домой, Чокан всегда соскакивал с места. Я ему говорила: "Ведь вы образованный и авторитетный человек, и я смущаюсь, когда вы встаете с места при моем появлении. Я делаю это из нежной любви к тебе. В чистом сердце, в чистой душе не должно быть места старшинству, не стесняйся зря, душенька, – вспоминала о Чокане мать".

Чокан умирал в ауле Тезека. "Устал, уходят силы, весь высох, остались одни кости. Скоро свет укроется от меня. Мне больше не суждено повидаться с моими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех" – писал он отцу. А чиновники царского правительства смотрели на умирающего гения по-своему, по-чиновничьи, охранительно. Сохранилось донесение Туркестанского генерал-губернатора военному министру от 11 февраля 1865 года. Оно, это донесение, достойно того, чтобы воспроизвести его полностью. "Со времени прибытия во вверенный управлению моему край я неоднократно получал неодобрительные от местных властей отзывы о штаб-ротмистре Валиханове, распространившем между киргизами Семиреченской области вредные для спокойствия края слухи. Летом истекшего года замечено было волнение умов кочевого населения в южной части Семиречья и в то же время получены более достоверные слухи о тех толках, которые позволяет штабротмистр Валиханов, даже в разговоре с местными властями. Были так же и прямые доносы на Валиханова и на тестя его, полковника Тезека, в распространении ими между киргизами возмутительных слухов и сношений их с владельцем Кашгара Якуббеком. Вследствие этого, предписав арестовать их обоих, я поручил произвести над ними формальное следствие. Ныне я получил донесение генерала Колпаковско-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

го, который излагая ход следственного дела, выражает сомнение, чтобы оно разъяснило виновность этих личностей вследствие невозможности добыть сколько-нибудь положительных улик, вместе с тем, признавая невозможным оставить штаб-ротмистра Валиханова на жительство в Семиреченской области, он просит распоряжения о высылке последнего на родину, в область сибирских киргизов. Вполне разделяя мнение военного губернатора Семиреченской области относительно необходимости удалить Валиханова из Семиречья, я сделал распоряжение о высылке его на родину". На этом донесении есть резолюция военного министра Милютина: "Написать генерал-майору Хрущеву, чтобы принять меры для наблюдения за штаб-ротмистрам Валихановым, и если он полагает, что пребывание его в Сибирской степи столь же неудобно, как и в Семипалатинской области, то переместить бы его на жительство куда-нибудь подальше от степи киргизской". Он же, военный министр, 8 апреля (Чокан, может быть, уже умер) 1865 года, на соответствующий рапорт начальника генерального штаба наложил резолюцию: "Перевести в один из кавалерийских полков по выбору самого штаб-ротмистра Валиханова. Генерал-лейтенант Хрущев мог бы ныне же прислать его сюда курьером. Генерал-адъютант Милютин". В рапорте имелся в виду один кавалерийский полк, размещенный во внутренних губерниях России. Может быть, Чокан вовремя умер, иначе быть бы ему пассажиром в той курьерской тройке, о которой писал Н.А. Некрасов:

Гремит, звенит - и улетает
Куда Макар телят гоняет.

Только для Чокана, по велению начальства, бедный Макар телят своих должен был погнать не в Сибирь, как обычно, а в обратную сторону. Трудно представить, что было бы с Чоканом, если бы он попал в полк, где служил, скажем, старший Карамазов. Это было бы погребением заживо, ибо те, кто готовили Чокану это иезуитское наказание знали, что значит оторвать Антея от родной почвы – любимых степей, омских и петербургских друзей, архивов и библиотек. И, может быть, его смерть была в этих условиях меньшим злом. Хотя мы знаем, что даже упокоившийся, мертвый Пушкин мог быть сослан в сопровождении жандармов в Псковскую губернию. Царь и его чиновничество владели особо изощренными методами по части издевательств над гениями русских и других народов обширной империи. Обращает внимание здесь двуличие Колпаковского. Этот генерал, как мы уже знаем, переписывался с Чоканом Валихановым и пользовался его услугами.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Отношения их, по-видимому были достаточно короткими, ибо в одном из писем Чокан просит Колпаковского: "Ваше превосходительство, оказали бы большую милость, если бы привезли мне несколько ящиков сигар гаванских от Терехова один так называемый пробный ящик". Последнее из сохранившихся писем, адресованных генералу, датировано 30 января 1865 года. В это же время (или даже ранее) этот генерал, не имея никаких улик против Чокана (он, конечно, знал, что таких улик и не должно быть), все же решил застраховаться и упросил выслать его из Семиречья. Можно было, конечно, пользоваться услугами знающего человека, но если этот человек не своего поля ягода, если он слишком честен, слишком благороден, его услуги для истинного карьериста с ташкентским уклоном в образе мышления и действия могут обернуться бог знает чем: лучше уж держаться от такого человека подальше. Да и сами слухи о крамоле, если они даже совершенно беспочвенны, карьеристу ни к чему. И тем не менее тот же Колпаковский, зная насколько популярны люди, близко знавшие Чокана и продолжающие сочувствовать его памяти, активно участвует в сооружении надгробного памятника, издания его трудов. Поистине неисповедима душа истинного карьериста.

Русские друзья Чокана остались верными ему до конца жизни. В 1867 году умер один из преданных друзей Чокана К.К. Гутковский. В том же году на заседании Совета Русского географического общества председательствующий П.П. Семенов-Тяньшанский сделал заявление о том, что покойный генерал-майор К.К. Гутковский обращался к нему с просьбой о содействии к изданию рукописей, оставшихся после смерти действительного члена общества Ч.Ч. Валиханова. Совет принял постановление издать труды Валиханова отдельной книгой в "Записках общества". Причем великий географ взял на себя редакцию издания. Однако дело затянулось. И, по-видимому, не от ослабления желания друзей издать книгу покойного ученого. Труды Чокана надо было собрать из разных источников, привести в порядок, свести в одно разночтение и т.п. Словом, само компанование сборника оказалось делом нелегким. Кроме того, надо было изыскать и средства на издание. Ко всему надо прибавить и то, что делом издания занимались очень крупные ученые, обремененные своими научными проблемами и многочисленными обязанностями. В 1889 году газета "Восточное обозрение" сообщила, что в Петербурге "...готовится к изданию собрание статей Чокана Валиханова, сборник его редактируется профессором Веселовским". Судя по сохранившимся письмам, Г.Н. Потанин и Н.И. Веселовский настойчиво продолжали проводить в жизнь дело об издании трудов покойного Чокана.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Причем их стараниями втягиваются в это дело генерал Г.А. Колпаковский, который обещал материальную поддержку, но не исполнил обещания, непременный секретарь Академии наук К.С. Веселовский, продолжают свое содействие П.П. Семенов-Тяньшанский, Ф.М. Достоевский, Н.М. Ядринцев и многие другие. Н.И. Веселовский, в то время проректор Петербургского университета, проделал очень тяжелую, очень трудоемкую и кропотливую работу по приведению в порядок и редактированию трудов Чокана Валиханова. Последнее усложнялось еще и размашистым, неразборчивым почерком ученого. Об этих трудностях почти отчаявшийся Н.И. Веселовский говорит в одном из писем. Но все же главным препятствием оставались средства на издание. Г.Н. Потанин пишет в 1892 году ориенталисту Г.Е. Катанаеву: "Остановка за деньгами, нужно пятьсот рублей... Я думаю так: открыли бы Вы подписку при отделе на сбор денег". А в письме Г.Н. Потанина от 31 декабря 1893 года Н.И. Веселовскому читаем: "Очень обрадовали вы меня своим письмом, потому что я понял его так будто вы имеете уже деньги на издание Чокана Валиханова. Откуда добыли и достаточно ли? Приложите ли портрет?" В сохранившихся фрагментах переписки благородных русских людей, затеявших на свой страх и риск издание трудов ученого-казаха, какой хлопотливой была затея и как нужно было быть преданным дружбе и науке, чтобы в течение трех с половиной десятилетий с лишним не оставить это дело, не остыть к нему, довести его до конца. Наконец, первый ученый – казах был издан в 1904 году отдельной увесистой книгой, на титульном листе которой крупным шрифтом было написано: "Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова". Ниже значилось: "Изданы под редакцией д.ч. Н.И. Веселовского". В истории казахского народа Чокан был первым сыном, ставшим автором печатной книги на русском языке. С этой точки зрения книгу Чокана следует считать выдающимся знаменательным явлением в жизни нашего народа, а год издания ее должен бы быть отнесен в список особо почитаемых дат. Друзья Чокана, впервые издавшие его труды, впервые выпустившие печатное слово казаха, совершили благородный, продиктованный сердцем и душой подвиг, который никогда не может быть забыт казахским народом.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

СЛОВО ОБ АКАДЕМИКЕ САТПАЕВЕ

Где,
когда,
какой великий выбирал,
Путь, чтобы протоптанней и легче?

В.Маяковский

Писать о жизни людей, деяния которых стали достоянием народа, всегда трудно, а иногда и опасно, ибо, имея исключительно добрые побуждения, можно написать что ни на есть неправду. Именно это имел в виду Хемингуэй, когда писал в своем «Африканском дневнике»: «В последнее время я с отвращением прочитал разные книги, написанные обо мне людьми, которым известно все о моей внутренней жизни, целях и побуждениях. Читать их все равно, что читать о бое, участником которого ты был, в описании человека, который не только при этом не присутствовал, но в ряде случаев которого и на свете не было, когда происходил бой. Все эти люди, которые описывали мою жизнь, – как внутреннюю, так и внешнюю, – писали с уверенностью, какой сам я никогда не испытывал». Легкое, может быть, недостаточно ответственное отношение к памяти выдающихся личностей часто, как мы знаем, порождает писания авторов, почему-то уверовавших, что в их собственное примитивное мышление можно уложить мысли и чувства большого человека. И тем не менее писать о жизни людей, оставивших добрый след в памяти народной, необходимо, ибо писать это значит изучать; изучать для того, чтобы в сегодняшнем и будущих поколениях с благодарностью использовать их щедрый дар в духовную сокровищницу общества; изучать потому, что в биографиях замечательных людей, как в фокусе, сосредоточен опыт их времени, без понимания и осознания которого человечество не могло бы преуспеть в целесообразном и справедливом устроении жизни.

Для нас особо необходимо, по-видимому, изучать жизнь тех немногочисленных подвижников духовного, научного созидания, чьи разум, способности, воля и инициатива пробудили в массе вчерашних кочевников необратимую и неукротимую тягу к творческой деятельности в укор тем, кто не верил в наше национальное будущее. В личных судьбах этих людей, как в зеркале, отражается удивительная судьба нашего народа, испытавшего на себе за какое-то историческое мгновение сказочный взлет, который позволил нам враз войти в

Created by free version of 2PDF
Buketov University

русло передовой науки, счастливо включившись в этот авангард мировой культуры и мирового прогресса, которым ныне является наша большая Родина.

История нашей национальной науки начинается с этой горсточки людей, которые шли рука об руку с выдающимся академиком-геологом и знаменитым писателем-ученым. Иногда думается, что эти два зачинателя совершенно неведомой для нас новой отрасли деятельности могли бы жить и творить поныне, если бы не сгорели до времени от нечеловечески самозабвенного напряжения сил. Кто был до них? Назвать некого. Разве Чокан Валиханов, этот случайный метеор на нашем небосклоне, предназначенном для звезд познания, но так и оставшемся темным и незаселенным до самой Великой Октябрьской революции. Какая это была трагедия для многих и многих поколений, что наша наука начиналась не с Ломоносова и даже не с Менделеева. От Ломоносова и Менделеева нас искусственно отталкивали и отчуждали.

И вот резкий скачок... Он не мог не сказаться на всех нас, на нашей психологии, на наших взглядах на окружающее, на нашем быте и на многом другом. Ибо это была ломка с переоценкой многого устоявшегося; ломка, не обходившаяся без борьбы и потерь. Стоит себе представить молодого человека, вкусившего благодаря условиям, созданным Октябрем, от древа познания и всей душой стремящегося продолжать начатое, и то окружение, с которым он связан плотью и кровью, но которое не имеет ни малейшего представления об особенностях умственной творческой работы и ценностях, приобретаемых этого рода деятельностью. А ведь это лишь одна из многочисленных сторон ломки, принесшей столько нового и благодатного в нашу жизнь, что мы лишь сейчас можем судить о том, что значили эти препятствия в смысле условий для наиболее полного проявления интеллектуальных возможностей творчески одаренного человека. Если еще учесть и то, что ко всему этому необходимо прибавлять трудности создания совершенно нового на пустом месте, то можно понять, как во всем этом должны были проявиться веками выработанные особенности нашего национального характера, и прорваться наружу та жажда познания, которая копилась в душе народа и выражалась только в мечтах, с удивительной эмоциональностью отражаясь в нашем фольклоре.

Вот какие мысли приходят на ум, когда думаешь о жизни и деятельности Каныша Имантаевича Сатпаева, ибо первый наш академик и первый президент Казахской Академии наук своей неутомимой и многогранной деятельностью как никто более выразил время начина-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ния, бурного становления и стремительного развития науки в бывших степях.

«Родился я в глухой степи, в семье кочевника-казаха». Вот однасединственная фраза, которая сохранилась в рукописных фондах академика о том периоде его жизни, который называется детством. Академик был слишком немногословен, когда он в тех или иных случаях был вынужден писать или говорить о себе. Между тем, для познавания всегда интересны и важны истоки. Гёте говорил, если хотите узнать поэта, побывайте у него на родине. Думается, что это относится не только к поэтам, но и ко всем лицам, заслужившим всенародную славу своей полезной и плодотворной деятельностью.

Родился Каныш Имантаевич в ауле Сатпая из рода Жодигер племени Каржас, ибо в то время в степях личность и место рождения определяли по родовому признаку. Позднее, с установлением Советской власти, этот аул получил наименование № 4 и отнесен к Аккелинской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области. Ныне это совхоз имени Сатпаева Баян-аульского района Павлодарской области. Зима в этих местах бывает суровой, и ранней весной, когда родился Каныш Имантаевич, аул находился в кыстау–зимовке. Этим мы обязаны тому, что ныне совершенно точно знаем место рождения академика Сатпаева. Родись он во время кочевок, было бы трудно точно сказать, в каком именно месте он появился на свет, ибо места остановок, привалов менялись из года в год. Зимовали Имантай-аксакал и его близкие на берегу речки Ащису у сопок, называемых Айрык, приблизительно в семидесяти километрах к юго-западу от известного поселения Баян-аул в Баян-аульских горах.

В степях в то время записей актов гражданского состояния не существовало, но мы точно знаем дату рождения ученого. Этому мы обязаны особой предусмотрительности отца будущего академика. День рождения своего сына – 12 апреля (31 марта по старому стилю) 1899 года – он решил записать на внутренней стороне обложки Корана. Запись гласила: «В год кабана или в 1899-м по новому исчислению, в месяц наурыз, или март в 31 звезду, в день понедельник всевышний даровал рабу своему сына Имантая. Нарекли его Габдулгани. Нет предела милостям создателя. Слава Аллаху. Аминь». Имантай-аксакал сделал эту запись на обложке Корана не случайно: священная книга в семье являлась «настольной» (мы берем это слово в кавычки, ибо в кочевом быту столов в ныне принятом смысле слова не было), ее очень берегли, и сохранность самой книги обещала сохранить и записи. Так

Created by free version of 2PDF
Buketov University

оно оказалось на самом деле. Набожный отец будущего ученого оказал этим большую услугу истории.

Каким был в детстве будущий академик? Чем он отличался от своих сверстников? Как он рос и развивался? К сожалению, на этот счет хронологически выверенных сведений не сохранилось. Сверстники Каныша Имантаевича, выросшие вместе с ним, вспоминают, что он был хорошим, незаносчивым, общительным мальчиком. В детали не вдаются. Общее состояние дел по сбору достоверных сведений о детстве академика как-то своеобразно резюмировал двоюродный брат его, бывший рабочий совхоза, ныне покойный пенсионер Акимтай. Один из журналистов обратился к нему, прося рассказать о детстве ученого. Престарелый Акимтай, человек острый, ироничный и резкий, ответил: «Да, я хорошо знаю брата Каныша. Мы внуки деда Сатпая, наши отцы Имантай и Жамин – родные братья. Я горжусь братом, может быть, более чем кто–либо. Но, убей меня бог, если бы я в то время знал, что Каныш станет Канышем, а не останется таким, как я, я бы запоминал каждый его шаг, каждое его слово. Беда в том, что никто тогда этого не знал. Я был чуть старше его, и помню, что он был хороший, рассудительный мальчик. Был послушен, и я на него не в обиде. Больше ничего не помню. Спрашивайте у других стариков, здесь у нас в ауле найдутся умеющие рассказать небыль как быль. Сколько уж прошло... Сам себя не помнишь... Не приставайте. Садитесь, угощайтесь кумысом, а мне пора намаз совершать». И все же мы приведем отдельные данные, которые, может быть, укажут на истоки некоторых отличительных черт в духовном облике академика.

Как Габдулгани стал Канышем? В этом сказались особенности отношения к детям в кочевых казахских семьях. Родители, достаточно просвященные в религиозных понятиях, давали новорожденным имена строго арабские. Обстоятельства, при которых был наречен Каныш Имантаевич, в памяти близких не сохранились. Однако, можно полагать, что имя Габдулгани, слагающееся из слов чисто арабского происхождения, было дано сыну Имантая-аксакала, если не по прямому указанию последнего, то, во всяком случае, не без влияния его, ибо он был довольно начитанным мусульманином. Однако, кажется, в данном случае имело значение не только звучание имени, но и заветное желание отца: «Габдул» в переводе с арабского означает «раб божий», а «гани» – «богатый», «состоятельный». Думается, что отец очень хотел, чтобы новоявленный раб божий был богатым, состоятельным человеком. В кочевых семьях очень любили детей. Каждого ребенка старшие этой семьи, этого рода ласкали, нянчили, носили на руках, давая разно-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

образные ласковые прозвища. Вначале эти прозвища исходили из корня настоящего имени, или, как говорили тогда, имени, закрепленного азаном (молитвой). С течением времени какому-то из прозвищ отдавалось предпочтение, к нему привыкали, мало заботясь о том, что оно совсем отдаленно напоминает (или вовсе не напоминает) настоящее имя. Таким образом, Габдулгани превратилось в Каныш, и мало кто ныне догадается, что имя получилось от переиначивания второй части первородного имени – Гани. Также мало кто догадался бы, что настоящее имя великого Абая – Ибрагим, а знаменитого Чокана Валиханова – Мухаммед-Канапия, если бы не свидетельствовали об этом биографические источники. С годами исходное имя редко кто вспоминал. Считалось, что раб божий имярек числится в небесах по имени, закрепленному азаном, и при чтении надгробной молитвы мулла справлялся о первородном имени покойного, но не всегда. Полагали, что потом на небесах как-то разберутся.

При рождении будущий Каныш по обычаю предков обрел и вторую мать – тетушка Кульжан (жена одного из дальних родственников) обрезала младенцу пупок и стала киндык-ана (дословно пупмама). В степях считалось, что киндык-ана имеет особое влияние на младенца, вплоть до того, например, что человек, взрослея, становится похожим на нее отдельными чертами характера. Поэтому в казахском быту того времени, когда речь заходила о недостатках или достоинствах того или иного человека, можно было слышать совершенно серьезный подкрепляющий аргумент: «Ведь у него (или у нее) киндык-ана такая-то». К киндык-ана со стороны киндык-сына (или киндык-дочери) всегда сохранялось чувство сыновнего (дочернего) уважения. Маленькому Канышу тетушка Кульжан была особенно близка: мать родила его, будучи уже серьезно больной туберкулезом, и потому киндык-ана, сама недавняя роженица, невольно стала кормилицей своего киндык-сына. Рассказывают, как, приезжая в родной аул, маститый, грузный академик заходил к своей киндык-ана Кульжан и садился, скрестив по-старинному ноги, на кошму рядом с маленькой, сухонькой, сморщенной старушкой и, точь-в-точь, как в детстве, начинал какую-нибудь ребяческую шутку, например, по-мальчишески ласково выпрашивал у нее сладости, «припрятанные» киндык-мамой для своего любимого киндык-сына.

Габдулгани родился, когда его отцу было 56 лет. Долгожданный первый сын у Имантая появился четыре года тому назад. Каждый родитель в степях мечтал о куче детей, о большой семье. Это подсказывалось не простым инстинктом продолжения рода. Родовой быт требо-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

вал, чтобы семья была сильной, чтобы род был могучим. Для этого нужны мужчины, много мужчин. Поэтому каждый отец мечтал, чтобы жена ему приносила много сыновей, чтобы род его размножался, чтобы он не остался «кубас» (дословно «одинокий сухарь» – оскорбительный эпитет, применяемый к бездетным), чтобы к старости была защита и опора. Имантай-аксакал, как мы уже говорили, был довольно просвещенным человеком и к тому же обладал недюжинным природным умом. Он чувствовал влияние таких перемен, когда в степях постепенно терялось значение крепкого кулака и длинного соила (палка с круглым наконечником – главное оружие всадника-джигита), когда бумаги в канцелярии уездных начальников начинали играть судьбой людей в большей степени, чем количество и сила джигитов той или иной семьи, того или иного рода. Поэтому, казалось бы, Имантай-аксакал мог быть довольным: жена его Нурум родила дочь и, поскольку более детей не было, он усыновил племянника своего Абсаляма, женил его и выделил в отдельную семью-отау. Не достаточно ли двух детей – дочери и сына? Оказалось нет. Аксакала втайне грызла мечта о сыновьях собственной крови, ибо не закроешь рот невеждам. Каждый может сказать: «Тебя сам бог обделил, ты же на самом деле – кубас!» Слишком крепко сидела в аксакале родовая закваска. И он в пятьдесят лет взял вторую жену. И вот: аллах не без милостей – второй сын. Это была большая радость, хотя, может быть, и несколько запоздалая. Но народная мудрость во всем находит утешение: «радость и добро никогда не бывают поздними» (игіліктің ерте-кеші жоқ).

Читатель, наверное, помнит, по описанию Мухтара Ауэзова, как в детском сердце маленького Абая холодным трепетом отзывалось соперничество между несколькими матерями в полигамной семье его отца Кунанбая, как это соперничество переходило на детей, подтачивая и разъедая чистоту эмоций в их наивных душах. К счастью, маленький Каныш в семье Имантая-аксакала не испытал этого. Мать его Алима умерла, когда младшему ее сыну Канышу было всего два года. Дети остались на руках стареющей Нурым, которая всю свою нерастраченную любовь сосредоточила на них. Однако родные и близкие, хорошо знавшие Алиму, полагают, что живи она дальше, дети ее были бы еще более счастливы, ибо она внесла бы много светлого и жизнерадостного в их жизнь, разнообразив спокойную тихую ласку и молчаливую заботу аже (бабушка, так ее прозвали дети Алимы) Нурым. Дело в том, что в этой семье между двумя матерями-соперницами сразу же установились почти невиданные для подобных степных семей отношения взаимного согласия и взаимной приязни. Мамаша Нурым, эта крупноте-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лая, смуглолицая, спокойная, выдержанная, вечно занятая по хозяйству женщина, по свидетельству знавших ее, была настолько проникнута заботами и чаяниями рода Сатпая, надеждами и думами своего мужа Имантая, что все больше испытывала нечто вроде угрызения совести за то, что оказалась бесплодной – единственная дочь, выданная замуж в счет не шла: дочери родятся для чужих – вещала народная поговорка. И говорят, когда девушка Алима из недалекого аула оказалась вдруг свободной, в виду смерти жениха, Нурым сама подсказала мужу взять ее в жены: девушка, «овдовевшая» еще в невестах, не могла претендовать на лучшую долю, как быть второй женой стареющего человека.

О чем думала мамаша Нурым, когда ее муж привез домой вторую жену – девушку, еще не достигшую двадцати лет? Наверное, ей было грустно. Пусть читатель снова вспомнит, как в романе об Абае Мухтар Ауэзов описал переживания умной и дальновидной матери поэта Улжан, когда ее стареющий, шестидесятилетний муж взял себе четвертой женой семнадцатилетнюю Нурганым. «Улжан – пишет Мухтар Ауэзов – была далека от ревности, ибо она привыкла владеть собой. Она как будто уже не считала Кунанбая мужем – он был отцом ее сыновей, родным человеком, связанным с ней долгой жизнью, многими годами общих переживаний. Все другие чувства к нему в ней умерли». Мамаше Нурым было уже пятьдесят лет (она была ровесницей Имантаю), и, можно полагать, что будучи умной и сдержанной, она покорилась своей участи, тем более, что она сама явилась инициатором этой второй женитьбы своего мужа. И все же рассказывают, что в тот самый момент, когда молодую женщину Алиму вводили в дом женой Имантая, мамаша Нурым исчезла. Женщины кинулись искать: бедная байбише сидела в отдаленном углу двора и тихо про себя плакала. Это было, говорят, последнее и единственное изъявление печали, которое пришлось увидеть друзьям и близким у мамаши Нурым по поводу второй женитьбы мужа.

С приходом молодой Алимы в семье Имантая произошло нечто удивительное и непривычное для жен-соперниц. Стареющий степняк с достатком брал, как правило, в токалы девушку из бедной и неродовитой семьи. И молодая женщина в руках властной байбише (первой жены) оказывалась, как правило, в роли служанки: она понукала последней, вымещая свою ревность и свою злобу. Редко, когда молодая токал, заимев влияние на старика-мужа, брала верх: это было чаще всего в тех случаях, когда байбише была бездетной и не имела опоры, а молодая соперница оказывалась своенравной и хитрой. В семье Имантая не случилось ни то, ни другое. Алима была стройна и красива: на ее

Created by free version of 2PDF
Buketov University

белом, чернобровом лице постоянно блуждала располагающая улыбка, она была смешлива, юмор ее был неиссякаем. Она как будто совершенно не придавала значения тому, что ее муж, серьезное и строгое лицо которого редко смягчалось, был на тридцать с лишним лет старше ее и что она пришла в эту семью, в этот род в качестве токал. Своим беззаботным и звонким смехом, простым, бесхитростным отношением ко всему, что ее окружало, умением найти во всем смешное и вызвать неожиданное веселье, она быстро расположила к себе родных и близких. Мамаша Нурым таяла перед ней, испытывая нечто вроде материнских чувств – дело совершенно невиданное между женами-соперницами в полигамных семьях. Прожила она в семье Имантая всего шесть лет – родила троих детей – дочь Газизу, сыновей Бокеш и Каныша. Память о ней сохранилась в семье и ауле Имантая краткой, светлой и улыбчиво-веселой полосой. Старики и ныне вспоминают ее *остроумные шутки и импровизации*. В степях острое слово, шутка ценились высоко. Отсутствие умения шутить, отсутствие, как мы теперь говорим, юмора приравнивалось к отсутствию умения думать, соображать и считалось большим недостатком. В казахских аулах обязательно вышучивали друг друга ровесники, женщины прохаживались в адрес младших братьев мужа и наоборот, родственники по женской линии (сваты и сватьи) вступали в состязания по части выдумывания шуток и шуточных ситуаций. По рассказам, мать маленького Каныша Ак-Алима (Белая Алима), как ее прозвали в ауле, обладала удивительными способностями находить смешное и всегда могла блеснуть своими импровизациями. В ауле жил один из младших родичей Имантая молодой джигит Сыздык. Он любил загадывать шуточные загадки. Как-то за кумысом (к Алиме аульчане любили заходить попить кумыс, в особенности к вечеру после трудового дня) Ак-Алима предложила Сыздыку загадку и сказала, что неразгаданная в срок загадка продается:

За той ли речкой за рекой
Горка дышит в две дыры.
Хоть гол хребет у горки той,
Зато густ тал вокруг горы.

В отведенное время Сыздык не смог разгадать загадку и пошел советоваться к младшему брату Имантая Жамину. Жамин захохотал: «Ты посмотри на себя в зеркало». Действительно, у Сыздыка в густой чаще бороды и волос на лице торчал горкой нос с двумя «дышащими

Buketov University
Created by free version of 2PDF

дырами» — ноздрями. Сыздыку пришлось ехать в Баян-аул за платьем для Алимы, чтобы выкупить загадку.

Тот же Сыздык был любителем поскверносло вить, что очень не нравилось Алиме, хоть в степном быту не очень в этом отношении стеснялись. Она решила пристыдить Сыздыка и пустила четверостишие:

На моего кайным ты глянь:
Красивый рот аллахом дан.
Но жаль: приятные уста
Извергают часто дрянь.

Услышав это четверостишие, Сыздык ходил к Алиме просить прощения и перестал сквернословить.

В степях врачебная помощь в те времена отсутствовала, специальные меры профилактики не предпринимались и, естественно, дети, могли переболеть всеми болезнями: оспой, корью, дизентерией и др. Большая часть детей умирала в раннем возрасте, и родители находили лишь слабое утешение в вере, что это связано с желанием самого Аллаха иметь около себя больше невинных, незапятнанных, чистых душ. Ак-Алима, недаром ее так прозвали в ауле, оказалась удивительно чистоплотной женщиной, и весь день была занята шитьем, штопанием и стиркой пеленок и одежек своих детей. Окружающие поражались домовитости, детолюбию молодой женщины, и многие готовы были подтрунить по этому поводу, да боялись острого языка Ак-Алимы. Рассказывают, что байбише Нурым во всем потакала и поощряла свою любимую соперницу. И потом, когда Ак-Алима умерла, у байбише Нурым длительное время появлялись на глазах слезы, когда она вдруг обнаруживала, что старается делать все по отношению к детям так, как делала покойная. И, слава Аллаху, дети, переболев всеми страшными болезнями, остались живы-здоровы и росли хорошо. Считали, что хорошая, добрая, благородная Ак-Алима умерла такой молодой с тем, чтобы взять всю тяжесть несчастий, отведенных небесами семье Имантая, на себя, и ее желания сбываются.

Такие воспоминания сохранились в ауле ученого о его родной матери. Мы сочли необходимым их привести, полагая, что в том неотразимом обаянии, которое было присуще академику, в его неизменной доброте, шедшей как бы от самой сути его натуры, в его находчивости и юморе, может быть, что-то было от рано умершей молодой матери

Buketov University
Created by free version of 2PDF

его, Ак-Алимы, которую ученый, к сожалению, не мог помнить в лицо, представляя ее облик из рассказов, которые он слышал уже повзрослев.

По свидетельствам аксакалов, близко и хорошо знавших отца ученого, стареющий Имантай очень любил своих детей и особо внимательно приглядывался к младшему Габдулгани-Канышу, ибо в каждой семье младший – главная опора стариков. Старшие женятся, отделяются в отау и, окунувшись в свои семейные и другие заботы, постепенно черствеют к старикам; и только младший остается с ними, являясь хозяином кара шанрак, – главного дома, где живут родители, – и от того, каким будет младший, этот кенже (последыш) зависят покой и счастье старости. Можно представить себе, какой прилив нежности вызывал у аксакала немного медлительный в движениях, большеголовый, лобастый мальчик: белизною лица, ясным взглядом глаз, в прищуре которых таилась материнская лукавинка, он напоминал покойную Алиму, а не по годам крупное тело, тяжелое подбровье выдавали свое, сатпаевское. Голова мальчика была примечательна – она была широка и выпукла в висках. Это, должно быть, очень нравилось аксакалу, ибо в народе выпуклые виски детей выдавались за особую примету, связанную с будущим умом, везением и счастьем: «виски выпуклы, как наполненный бурдюк» – произносилось в похвалу. В связи с этим примечательной особенностью строения головы академика хочется привести шутку, бытовавшую в семье Каныша Имантаевича. Врачи посоветовали пользоваться очками, и здесь выявилась неожиданная трудность – очки, какие бы ученый ни примерял, расходились широко у висков и никак не дотягивались до ушей. Это стало темой семейных острот. Академик отшучивался: глупцы-мальчишки в детстве, а теперь жена и дети называют котлоголовый – казанбас, а мудрый дед Имантай любил своего сына-кенже именно за этот «котел».

Академик Сатпаев недаром отдавал должное мудрости своего отца. Имантай-аксакал был действительно человеком недюжинного ума. Академик А.Х. Маргулан, не раз бывавший в свои студенческие и аспирантские годы в ауле Сатпаева, свидетельствует о том, как старый Имантай, остававшийся, несмотря на преклонный возраст, высоким, стройным и величавым, поразил его своим многознанием. Аксакала можно было слушать часами с неослабевающим интересом – так подробно он был осведомлен о прошлом своего народа и своего племени, изустно знал казахский фольклор и творчество поэтов-импровизаторов, хранил в памяти лучшие образцы тюрко-язычной восточной литературы. Имантай – аксакал слыл в своей среде очень грамотным человеком. Этого он, по-видимому, добился в основном постоянным чтением дос-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тупной литературы, т. е. самообучением, хотя, по свидетельству академика А.Х. Маргулана, некоторое время (правда,очень недолго) учился в азиатской школе в городе Омске. И было совсем неслучайным, что Имантай Сатпаев, будучи грамотным по-русски, активно участвовал во всероссийской переписи населения в конце прошлого века, что он, являясь корреспондентом Русского географического общества, записывал и пересылал последнему образцы народного словесного творчества, что услугами его пользовался друг Чокана Валиханова Г.Н. Потанин в своих разносторонних этнографических изысканиях. Можно полагать, что такой человек рано заметил способности своего сына-кенже и старался учить Каныша, не прерывая; так оно и было на самом деле.

Ныне биографы с благодарностью отмечают героическую роль рано овдовевшей матери Д.И. Менделеева в судьбе будущего великого химика – именно неизменная вера в задатки младшего сына-последыша заставила эту измученную непосильными заботами о прокормлении большой семьи женщину проявить нечеловеческую настойчивость и изобретательность при устройстве отрока из далекой сибирской провинции в столичный институт. Может быть, роль Имантая-аксакала в постижении сыном основ наук была не столь яркой, но одно несомненно: он поощрял учение именно младшего сына. Позднее сам академик в доверительных беседах признавался, что его старший брат был более способным, чем он.

Это высказывание, наверное, следует отнести и к скромности большого ученого, и к его любви к старшему брату, которого он лишился рано, в тридцатых годах, ибо нельзя считать, случайным, что при равных возможностях аксакал предпочел учить все же младшего, дав старшему только аульное образование и оставив его при себе дома.

Можно полагать, что любознательный мальчик Каныш не мог не испытать влияние отца, выделявшегося своей, как мы сказали бы ныне, образованностью и эрудицией. Несомненно, что первые сведения о прошлом и настоящем своего народа будущий ученый получил из уст отца, из его рассказов, красочно переписанных стихов прославленных степных златоустов, таких, как Асан-кайги и Бухар-жырау (последний приходился одним из предков Сатпаевых по боковой линии), изречениями и притчами мудрецов Востока. Он, будущий ученый, надо думать, гордился красноречием, находчивостью отца, когда приходилось ему быть не раз очевидцем или слышать о том, как отец, местный бий, разбирал многочисленные тяжбы сородичей с окрестных аулов и родов, где Имантай, по рассказам близко знавших его, показывал не

Created by free version of 2PDF
Buketov University

только стремление к справедливому решению спорных дел, но и умение примирять, успокаивать тяжущиеся стороны. Известно, что в подобных случаях в устах степных витий более всего убедительно звучали примеры из истории народа, заключенные в многочисленных преданиях, хранившихся в памяти поколений.

Позже Каныш Имантаевич по справедливости оценит склонность своего народа беречь рассказы о предках, из уст в уста передавать предание старины. Это помогло сплошь неграмотному народу сохранить массу сведений из своей истории. Не раз у него будет вызывать улыбку, а иногда и горечь, явное желание приукрасить прошлое в унижение к настоящему, кичливое бахвальство людей каждого рода явно преувеличенными деяниями своих предков часто в уничижение предков соседних родов, что приводило к ссорам и распрям из-за пустяков. Имантай-аксакал, более сдержанный в похвалах к своему прошлому, чем многие другие соплеменники (Каныш Имантаевич это определит потом), например, гордился тем, что отец его Сатпай умер в святых местах. Между тем, детали этой смерти не были известны, а трезвые соображения по этому поводу должны вызывать горестные раздумья. Этот почитаемый окружающими аксакал в 80 лет решил совершить паломничество в Мекку и стать хаджи. Сам он был недостаточно грамотен и сведущ, к тому же стар, чтобы совершить путешествие самостоятельно. Нашелся очень расторопный ходжа Мухамеджан, который собрал 12 аксакалов, жаждавших так же, как и Сатпай, стать хаджи, и паломники выехали в Мекку. Вернулся только хаджи Мухамеджан. Много было пересудов по этому поводу в степях. Обвиняли Мухамеджана, ставшего на костях хаджи, в гибели уважаемых старцев. Это был не первый случай в степях, когда у состоятельных людей появлялась к старости жажда во что бы то ни стало искупить грехи молодости и тогда эти люди ввиду своего невежества легко становились наживой для степных пройдох. Не рассказывал сыну Имантай-аксакал и о том, что не всегда слава о его предках была доброй. Знаменитый акын Шоже, например, осуждал деда Имантая Шотика, как скрягу и скареда, в то же время отдавая дань человечности его сына Сатпая:

Шотик, тебя опозорить легко,
Ты, как скаред, известен.
Да жаль Сатпая, сына твоего,
Он благороден, щедр и честен.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Эти и многие другие детали о прошлом своего рода Каныш Имантаевич узнает потом, позднее, когда иногда придется вступать в шуточные, а иногда серьезные состязания в остроумии со своими сверстниками или, вызвав недовольство, попадаться на язык к иному острослову-аксакалу. Рассказывают, как с завидным спокойствием принимал Каныш еще в ранние юношеские годы словесные «уколы», которые у других в подобных случаях вызывали бурную отрицательную реакцию. Это относили к рано проявляемой воле и выдержке его, ибо, как сказал Абай, «кричащий в гневе смешон, молчащий в гневе страшен». Конечно, Каныш Иматаевич уже тогда имел завидную волю и выдержку. И все же здесь более сказывалось просто равнодушие к этим «уколам», ибо Каныш Имантаевич рано смог понять, как неприлично бахвалиться своим прошлым и настоящим, укоряя во мнимых недостатках других. Долго, думается, Каныш Имантаевич будет внутренне улыбаться при воспоминаниях, как крепко еще сидела в его умном, рассудительном, склонном к самоанализу отце родовая закваска, заставлявшая даже его умалчивать о деталях в жизни и деяниях его предков, которые не могли быть отнесены к их достоинствам. И все же не будет, пожалуй, преувеличением, если утверждать, что, должно быть, существовали какие-то незримые наследственные нити, идущие от отца, в той духовной многогранности и в том неуловимом степном колорите неотразимого обаяния, присущим академику Сатпаеву и оставлявшим неизгладимое впечатление в пораженном и очарованном собеседнике.

Говоря об истоках этого неповторимого степного колорита, который в сочетании с выдающейся русско-европейской образованностью и ученостью, придавал духовному облику К.И. Сатпаева только ему характерные своеобразие и самобытность, пожалуй, не следует не учитывать, что будущий академик родился, вырос, провел детские и юношеские годы в одном из красивейших уголков Центрального Казахстана. Чудная природа Баян-аульского горно-лесного оазиса поражает воображение человека. Выше писалось, что будущий ученый родился в семидесяти километрах от поселка Баян-аул. Баян-аульские же горы начинались совсем невдалеке от аульных урочищ. Можно представить, как волновал отрока переход бескрайней шири кочевий к покрытым лесами каменным кряжам, как будто созданным, чтобы сторожить и оберегать серебряные глади изумительных озер. Мальчик на всю жизнь был очарован (он об этом говорил не раз) камнем-кольцом, находившимся рядом с зимовьем. Можно вообразить, какое восхищение и удивление вызывали у него изваяния природы на Баян-ауле, о кото-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

рых один из исследователей писал: «Здесь, действительно вырастают во всей красе всевозможные обелиски, эоховые пальмы, столбы, грибообразные и качающиеся камни, гроты, башни и другие памятники, созидаемые природой в непрерывных процессах разрушения ею своих произведений». И каждый камень-изваяние носил на себе легенды и предания о прошлом народа, о его чаяниях и думах. Особо запечатлевались в памяти романтические сказы, связанные с героическими подвигами предков, при отражении нашествий многочисленных завоевателей с востока. Природа Баян-аула была щедра на таланты. Не будем перечислять тех, кто жил и прославился до рождения ученого. Ими он был напоен из народных песен и преданий. Отметим лишь, что редко кому приходилось в глухих степях с детства видеть, слушать, быть в знакомстве с таким количеством славных современников, как это посчастливилось будущему ученому. Среди этих выдающихся людей мы могли бы назвать замечательного поэта и мыслителя Султан-Махмута Торайгырова, бывшего старше Каныша Имантаевича лишь на каких-то пять-шесть лет. Думается, что не могло не поразить воображение не лишенного честолюбия юноши, как этот больной, физически немощный молодой человек умер в неполные двадцать семь лет, успев завоевать всенародную славу. Не раз в ауле Имантая бывал знаменитый певец и композитор, любимец и баловень народа, человек трудной, но легендарной судьбы Жаялу-Муса. Не раз, думается, юный Каныш слушал философские беседы отца с жившим рядом известным степным мудрецом и поэтом Машур-Жусупом Копеевым, отличавшимся непостижимой для того времени книжной образованностью.

Но вернемся к тому, что писал о себе ученый. «Родился я в глухой степи, в семье казаха-кочевника. Великая Октябрьская революция застала меня сельским (аульным) учителем в глухом Баян-аульском районе Павлодарской области... Летом 1921 года в Баян-аул приехал на лечение профессор (позже академик) Томского технологического института Михаил Антонович Усов. Во время наших прогулок по гранитным массивам Баян-аула он много рассказывал мне увлекательного о геологии и горных богатствах Казахстана... В том же 1921 году по путевке Семипалатинского губоно я приехал в г. Томск и был принят на геолого-разведочное отделение горного факультета Томского технологического института... Окончив в 1926 году курс горного факультета, я с путевкой и напутствием профессора Усова был направлен на работу в Центральный Казахстан». Так скупо очерчен академиком тот отрывок в жизненном пути, который окончился для него приобретением специальности горного инженера-геолога. Он не пишет о том, что

Created by free version of 2PDF
Buketov University

был одним из первых казахов, получивших инженерное образование; не пишет и о том, что в те времена лиц, окончивших средние специальные и высшие учебные заведения, можно было по пальцам перечесть, да и те не успевали поработать по специальности, ибо ввиду нехватки грамотных людей мобилизовывались в учреждения по управлению государством и народным хозяйством, и Каныш Имантаевич был первым инженером, устоявшим против мимолетного требования времени и твердо ставшим на путь будущего знатока геологии своих степей, начав свою деятельность непосредственно в поле, в партии, в качестве геолога-поисковика. Он не вспоминает и о том, что время его учебы – двадцатые годы, когда страна, только что пережившая ужасы Гражданской войны, направила все свои усилия на борьбу с разрухой. В казахских степях тяжело давалось новое. Консервативные силы не уходили без боя. Степям нужны были достаточно образованные люди, чтобы разъяснять массам смысл всего того, что делается для их блага. Такое образование Каныш Имантаевич уже имел. Он окончил Семипалатинскую учительскую семинарию. В степях в то время плохо понимали, что такое «инженер», и заветной мечтой родителей было, чтобы их дети стали учителями, адвокатами, судьями. И само желание юноши ехать продолжать образование, чтобы стать инженером, было новым, непонятным многим сородичам и близким, а с ними по установленной традиции молодой человек обязан был советоваться перед *таким важным шагом в жизни. Сородичам же казалось, что Каныш* уже постиг все тайны знаний, окончив такую русскую школу, и название которой не выговоришь: «Семинария». «Сын Имантая едет научиться камни собирать... Переучился, видать, перетянул какой-то узел в мозгу», – так рассуждали в то время многие из окружающих. Надо было обладать волей будущего академика, чтобы перебороть этот психологический барьер и, уволившись с почетной должности (в 1921 г. он работал судьей), ехать на полуголодный паек студента в совершенно незнакомые края.

Само появление в известном сибирском институте юного казаха в качестве студента было, по-видимому, сенсацией: так мало училось в технических (да и во всех других) вузах представителей отсталых окраин бывшей царской России. Когда недавно один из корреспондентов обратился к дочери известного Томского профессора Л.Л. Тове с вопросом, что она, А. Тове, может рассказать о К.И. Сатпаеве, та ответила: «Ваше сообщение: Сатпаев окончил наш институт» вызвало у меня грустную улыбку и воспоминание, и мысль: «Какая я древность». Вы знаете только то, что он окончил, а я могу сообщить первое упомина-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ние о нем... Как сейчас слышу слова Петра Львовича, моего покойного брата: «Мама, у нас новый студент – киргиз!!! Ты бы знала, какой он умный, способный, как он старается все узнать и схватывает на лету!!!» Сатпаев для теперешнего поколения – это непонятно. В те времена (Петр Львович окончил в 1926 году) еще не вошло употребление – казах, и кроме того, это был первый нацмен. Теперь в этом нет ничего удивительного».

История науки сохранила в памяти такой эпизод. Лет триста с лишним назад профессор Кембриджского университета, известный в то время математик Бэрроу, обратился к ректору университета дать ему отставку с единственным условием, чтобы на его место был определен один из его молодых учеников, который, как он убедился в этом, намного талантливее его, тоньше и острее постигает глубины науки. Этим учеником Бэрроу был Ньютон. Открытие гения Ньютона было самой выдающейся заслугой этого великодушного человека, заслугой, которой мог был позавидовать любой другой ученый. Мой народ ныне воздает должное одному из замечательных сыновей русского народа академику Усову Михаилу Антоновичу, ибо это он сыграл решительную роль в счастливом повороте судьбы Каныша Имантаевича, ибо он впервые заметил в аульном юноше черты будущего выдающегося ученого. Бывшие питомцы Томского технологического института вспоминают, что принимать личное участие в судьбе студентов, особенно из национальных окраин, было в правилах М.А.Усова. Скудность профессорского пайка совершенно не имела влияния на врожденную широту усовской натуры, и некоторые из этих студентов (в том числе и К.И. Сатпаев) подолгу жили у него дома. Усов любил казахские степи, незримые нити прошлого связывали его с казахским народом. Он был учеником и соратником знаменитого геолога и путешественника, писателя-фантаста В.А. Обручева. Оба они, и Обручев, и Усов, были приятелями одного из изумительных представителей дореволюционной интеллигенции, неутомимого путешественника, географа, этнографа, фольклориста Г.Н. Потанина. Потанин умер в возрасте 85 лет за год до приезда К.И. Сатпаева в Томск. Но ведь Г.Н. Потанин – это тот Потанин, который был одним из лучших друзей нашего Чокана Валиханова, учился с ним в Омском кадетском корпусе, вместе служил после окончания учебы. Это тот Потанин, который оставил самые теплые воспоминания о Чокане, его отце и родственниках. Это тот Потанин, который, как слышал Каныш, за пять лет до смерти, будучи уже престарелым человеком, приезжал в степи, гостил у казахских друзей недалеко от родного Баян-аула, и не по возрасту неутоми-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

мо записывал народные притчи, сказания, песни. Руки замечательных учителей Каныша Имантаевича хранили тепло от рукопожатий друга и наперстника Чокана, а значит и тепло от рукопожатий самого Чокана. Не знаменательно ли, что с приездом юного Каныша в Томск оказались связанными одной нитью имена самых выдающихся сыновей своего народа – Чокана Чингисовича Валиханова и Каныша Имантаевича Сатпаева? Может быть, юному, романтически настроенному Канышу не раз казалось, что изумительный, сказочный предшественник его Чокан, легендарный и короткий жизненный путь которого не раз, по-видимому, бывал темой бесед в кругу Обручева и Усова, протягивает через этих русских друзей руку ему, призывая к смелому восхождению к вершинам науки.

Исследование жизненного и творческого пути академика Сатпаева, ученого и общественного деятеля, эрудита, чье авторитетное мнение оказывало решительное влияние на многие аспекты в бурном, динамичном развитии республики, только начинается. Не современникам дано единым мысленным взором с достаточной полнотой и объективностью охватить все деяния таких необычных людей, каким был К.И. Сатпаев, ибо редко кто из тех, кто соприкасался с ним, оставался безразличным к его личности. Однако бесспорна одна истина, которую высказал недавно соратник нашего Каныша известный академик Д.В. Наливкин: «Кем мог бы стать Каныш Имантаевич, если бы он жил много сотен лет назад, сказать трудно. Несомненно, он не стал бы поэтом. Для этого он был слишком практичным, слишком жизнерадостным... Строительство новых городов, созидание гигантских, стремящихся ввысь сооружений более подошло бы для него. Но не вполне. Все же строительство – это узкая специальность. Каныш Имантаевич был человеком широких, разносторонних интересов. Его увлекала вся природа, во всем ее разнообразии, со всеми ее загадками... Каныша Имантаевича можно представить только в одной роли! – главы Науки... Каныш Имантаевич был настоящим главой науки. Какую бы работу он ни начинал, каков бы ни был ее объем, он неизменно становился ее бесспорным руководителем, и сама ценность работы возрастала».

Велики и разнообразны деяния этого человека. Поэты пишут стихи и песни о его делах, писатели воссоздают его образ, а народ слагает легенды. Старики и дети, например, очень верят в то, что кто-то из сверстников академика вспомнил, как Каныш с детства любил камешки и играл только ими, тогда как все другие мальчики играли в костиасыки: что будто у мальчика при виде иных камней сосредоточенно застывали глаза под широким лбом.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Думается, что прав был брат ученого Акимтай, когда говорил, что Каныш Имантаевич в детстве своем был таким же мальчиком, как и все. Он так же, как и все мальчики того времени, самозабвенно играл в асыки и другие детские игры, гонял ягнят и жеребят, стыл на ветру, увлеченный нехитрыми забавами, и вряд ли он особенно задумывался над смыслом вещей, заключенным в камнях. Но простим простонародной фантазии ее наивные выдумки, ибо человек от природы таков, что не может не наделять любимых сыновей и дочерей своих различными необыкновенными и отличительными чертами. Для нас сегодня достаточно поучителен великолепный пример мужества и смелости, трудолюбия и дерзания, вдохновения и размаха ради народа и для народа, которым характеризуется весь творческий жизненный путь Каныша Имантаевича, ибо интерес народа к его детским и отроческим годам проистекает из необычности содеянного Сатпаевым после того, как он окончил институт и стал подготовленным к зрелой деятельности человеком. В этом пути мы могли бы отметить три детища социалистического строительства в республике, которые неоспоримо связаны с именем и деятельностью первого нашего академика. Это – медная кладовая (и кладовая многих других ценнейших металлов и неметаллов) страны – Жезказган-Улытауский горнорудный район, где впервые нашли приложение выдающиеся способности Каныша Имантаевича как неутомимого геолога-поисковика и незаурядного организатора геолого-разведочных работ. Это – институт геологических наук Академии наук Казахской ССР, который был организован Канышем Имантаевичем, и где он проявил себя ученым, пытливый ум которого цепко накапливал разрозненные факты пятнадцатилетней практической деятельности в Жезказгане, чтобы в будущем найти пути для обнажения чувствуемой, но невыявленной связи между этими фактами и ими обусловленными явлениями, что позволило дать не только свежее оригинальное направление, но и большой размах исследованиям этого ныне широко известного научного учреждения. Это, наконец, Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики, где он был первым президентом и духовным отцом многих ценнейших начинаний, превративших это средоточие мысли республики в один из крупнейших и уважаемых научных центров страны.

Жезказганский и Улытауский районы (в центре их ныне находится город Жезказган) нашей республики еще до революции были известны своими медными и угольными копями, основанными на случайно найденных поверхностных обнажениях. Естественно, что по ним совершенно невозможно было судить о народнохозяйственном значе-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

нии месторождения, ибо не были известны ни запасы ценных ископаемых, ни их доля в рудной массе, ни формы и глубина их залегания. Можно себе представить трудности проведения систематической разведки, если учесть, что для такой работы требовалась довольно сложная техника (буровые станки, а к ним ремонтное оборудование, механические службы и т.д.), квалифицированные кадры и маломальски сносные условия для жизни и работы, потому что изучение такого сложного горнорудного комплекса, каким создала природа эту часть Центрального Казахстана, требовало не недели и месяцы, а годы. К этому стоит прибавить, что этот район настоящих континентальных пустынь, дышащих зноем летом, трещащих морозом зимой, находился на расстоянии свыше четырехсот километров от ближайшей железной дороги. Все эти трудности молодым инженером были преодолены. Местные жители были обучены буровому делу, вместо громоздких строений вокруг станков, требовавших привозного строевого леса, были приспособлены юрты, словом, через 2-3 года после начала работ были получены неопровержимые данные, которые и легли в основу идеи создания в нашей стране Большого Жезказгана.

Ныне, когда в большом центре социалистической индустрии нашей республики – городе Жезказгане – работает Жезказганский горно-металлургический комбинат им. К.И. Сатпаева с его известными во всем мире рудниками, обогатительными фабриками и медеплавильным заводом, легко представить себе въявь тогдашние мечты молодого геолога. Эти мечты просто, кратко, с инженерными и убедительными технико-экономическими выкладками были изложены в первом обобщающем труде К.И. Сатпаева «Жезказганский меднорудный район и его минеральные ресурсы», изданном в 1932 году. Уже после первых лет геологических изысканий Каныш Имантевич твердо убедился в громадном значении результатов проводимых им разведочных работ и смело утверждал: «Жезказган представляет в потенции одну из богатейших мировых провинций меди, в пользу которой в будущем уступят пальму первенства большинство известных медных провинций Америки».

Новое и смелое, свежее и значительное в самом начале, к сожалению, редко принималось за таковое. Люди сидевшие вдалеке от энтузиастов, колесивших по пустыням Центрального Казахстана и оглашавших впервые шумом бурильных агрегатов голодные степи, сомневались в суждениях полевого геолога, относя их к малоосмысленному оптимизму молодости. Можно представить, какую выдержку, самообладание, настойчивость должен был иметь К.И. Сатпаев, если ежегод-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

но, а то и по несколько раз в год, должен был доказывать необходимость продолжения работ во все большем объеме и добиваться их финансирования. И, наконец, дело дошло до того, что в 1933 году тогдашний Геолком решил вообще прекратить разведочные работы в этом районе: кипевшее дело было парализовано, оставались без работы десятки и сотни обученных специалистов, простаивало оборудование и т. д. По-видимому, не окажись во главе К.И. Сатпаев, Большой Жезказган в нашей стране был бы освоен намного позднее, может быть, мы ныне находились бы в начальной стадии этого процесса. Мудрость народа в том и заключается, что он умеет выдвигать в решительные моменты своей истории таких сыновей, которые достойно и вовремя прилагают свою энергию к разрешению актуальных проблем жизни. Таким сыном народа оказался в данном случае К.И. Сатпаев. Начались буквально мытарства по изысканию средств для продолжения работ. В течение двух лет руководители работ, которым не верили некоторые в верхах, самыми разнообразными путями добивались минимальной материальной поддержки от различных организаций для продолжения хотя бы части разведочных работ. И, наконец, когда были все пути и средства исчерпаны, К.И. Сатпаев добился в декабре 1934 года приема у Серго Орджоникидзе. Результатом этого приема явились слова Орджоникидзе, сказанные им позднее на сессии ЦИК СССР: «В ближайшем времени нам придется приступить к строительству Большого Жезказганского комбината. Там имеются богатейшие запасы медных руд. Они расположены в глубине Центрального Казахстана, вдали от железных дорог. Необходимо быстрее строить к Джезказгану железную дорогу от Караганды». Нелегко, очень нелегко было добиться Канышу Имантаевичу Сатпаеву такого признания результатов своего труда. Только теперь были созданы условия для более углубленного, для более разностороннего изучения всех богатств Жезказгана и для окончательного обоснования деталей создания Большого Жезказгана. Эта колоссальная работа была проделана коллективом геологов и многих других специалистов под руководством К.И. Сатпаева. Этот трезвый реалист, больше всего ценивший в жизни суровую логику и неоспоримую убедительность доказательств, умел быть лирически-взволнованным и эмоционально-патетическим поэтом, когда дело касалось тех заветных проблем науки и техники, осуществление которых обещают большие блага народу. Чем-то ломоносовски живописным и роскошным веет от пророческой фразы, которой закончил Каныш Имантаевич одну из своих первых статей о Жезказгане: «Когда над Улутау впервые пронесется гудок заводской сирены, то он,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

несомненно, найдет свой могучий отклик далеко во всех уголках Казахстана. Усилителем же этого «эха» будут: историческая популярность Улутау, его центральное местоположение, любознательность казахского народа и даже его природная склонность к песнетворчеству, причем в новых песнях, несомненно, будут звучать уже не былые ноты тоски и отчаяния, а другие, более бодрые ноты, полные мощи и отваги. То будут песни нового, нарождающегося, индустриального Казахстана». Мысль об индустриальной мощи своей республики – вот та проблема, которая мучила и жгла молодого геолога и в разрешение которой он внес больше, чем кто-либо другой из сограждан.

Каныш Имантаевич Сатпаев был ученым-геологом. Однако, все знавшие его близко могли бы твердо сказать, что любые другие области знаний, включая и те области, которые принято называть чистыми науками и где требуется большая способность к абстракции, были бы также по плечу этому человеку, ибо истинный и большой талант всегда многогранен. И, вероятно, то, что наш Кенеке по счастливому стечению обстоятельств избрал прикладную геологию, наиболее соответствовало потребностям его народа и республики и импонировало его живому и динамичному характеру, находившему удовлетворение в постоянных откликах на большие и малые земные дела. Можно полагать, что, размышляя о собственном творческом пути и путях своих соратников, он не раз их оценивал словами одного из своих почитаемых учителей – В.И. Вернадского: «Хотя с точки зрения вечности достижения чистой науки, двигающие на новый высокий уровень человеческую мысль, по сути вещей гораздо более значительны и в конце концов в истории планеты и человечества более могущественны, чем величайшие завоевания прикладного знания – текущей жизни, для современников гораздо большее значение имеют крупные достижения прикладного знания». И все же где та грань, которая отделяет так называемые чистые науки от прикладных наук? По-видимому, грань эта очерчена только для тех, о ком никогда не скажешь: «По высям творений как бы он шагал». Русская наука, воспитанником которой был К.И. Сатпаев, в лице лучших своих представителей явно пренебрегала этой гранью. Вспомним, что М.В. Ломоносов, обосновывая фундаментальные законы физики и химии, в то же время был автором и инициатором производства русского цветного стекла, издал «Первые основания металлургии или рудных» производить и всей своей деятельностью способствовал развитию России. Вспомним, что Д.И. Менделеев создал периодическую систему элементов, одно из высших достижений человеческой мысли, в то же время работал над способами

Created by free version of 2PDF
Buketov University

транспортировки и переработки нефти, изобрел пироколлодиевый порох, предложил ныне широко распространенный способ подземной газификации угля. Этой способностью переходить от решения частных научных и научно-технических проблем к обобщению большого масштаба и фундаментального значения К.И. Сатпаев обладал в полной мере.

Для жизни одного человека, чтобы отнести его в разряд замечательных, было бы достаточно изучения Жезказган–Улутауского рудного района и создание на основе его данных Большого Жезказгана – этого выдающегося явления в истории индустриализации нашей республики. Но для нашего первого академика это была только отправная точка. Этот геолог-практик, известный своими успешными изысканиями в Жезказгане, накопил столько фактов и столько размышлял над ними, что переход его на работу в институт геологических наук Казахстанского филиала Академии наук СССР явился естественным продолжением его геологических поисков, но уже в плане большого научного обобщения. Этим и разъясняется сама плодотворность исследований института геологических наук. Работая в этом институте и руководя растущим коллективом исследователей, К.И. Сатпаев явился одним из создателей так называемой металлогенической науки. Эта наука, благодаря работам К.И. Сатпаева, позволила геологам делать прогнозы по скоплению полезных ископаемых в той или иной точке выбранного района земной поверхности и составлять так называемые прогнозные карты, что приносит громадное облегчение в деле поисков месторождений руд. Естественно, что благодаря плодотворности идей, заложенных в основу металлогении, эта наука занимает выдающееся место в развитии всех наук геологического профиля. Сам К.И. Сатпаев отводил для себя скромную роль продолжателя идей своего учителя академика М.А. Усова. Но вот что писал известный профессор Ф.И. Шахов еще при жизни К.И. Сатпаева в 1960 году: «Метод комплексной структурно-региональной металлогении» К.И. Сатпаева является гораздо более совершенным, чем схема М.А. Усова, но по направлению он с ней созвучен». Академик Д.И. Щербаков свидетельствует: «Выдающаяся роль К.И. Сатпаева выразилась в том, что он, понимая необходимость привлечения всех ветвей геологической науки, а также геофизики и геохимии для составления прогнозных карт, сумел объединить работников разных областей геологических знаний, а также практических геологов».

Из этого следует, что практическая цель геологических наук – изучение земных недр с точки зрения использования их богатств на

Created by free version of 2PDF
Buketov University

благо общества – достигалась до недавнего времени самыми разнообразными методами исследования и поисков, и в соответствии с этими методами делились и сами геологические науки. Роль металлогенической науки, в развитии которой выдающаяся роль принадлежит К.И. Сатпаеву, сводится к синтезу методов, применяемых во всех геологических науках, с единой целью – предсказать распространение и сосредоточение полезных ископаемых в том или ином районе путем составления прогнозных карт. Если задача науки и сила ее заключается в умении предсказать те или иные закономерности или явления природы, то металлогеническая наука является самой передовой областью геологических наук. Можно понять, какими обширными и глубокими знаниями и громадными организаторскими способностями должен обладать человек, ставший во главе металлогенической науки, рожденной на основе синтеза достижений всех других геологических наук. Можно понять и то, что с именем К.И. Сатпаева связано не только развитие Большого Жезказгана, но и открытие и использование многих других самых разнообразных месторождений нашей республики, в особенности Центрального и Северного Казахстана, Рудного Алтая. Естественно и то, что, работая в сфере одних и тех же научных интересов в области геологических наук, выросли рядом с К.И. Сатпаевым его замечательные соратники академики республики Р.А. Борукаев, И.И. Бон, А.К. Каюпов, Г.И. Щерба, члены-корреспонденты Академии наук республики Г.И. Медове, Ж.А. Айталиев, П.Т. Тажибаев и многие другие.

Наука стала производительной силой нашего общества. В нее вовлекаются все большие массы людей. Академик Н.Н. Семенов считает, что в скором будущем в каждой или почти в каждой семье будет научный работник. Чем большее место занимает в жизни общества наука, тем большая роль отводится организации научного труда, руководству научными коллективами. Известный профессор Джон Бернал, много сделавший в области науковедения, считает, что организатору научных работ не обязательно быть ученым. По всей вероятности, такое суждение исходит не столько из самой сути и особенности организации научных исследований, сколько из того жизненного факта, что сочетание организаторских способностей с талантом ученого в одном и том же лице – явление редчайшее. Более прав, по-видимому, академик П.Л. Капица, который полагает, что, несмотря на трудности нахождения и выращивания таких людей, администратор научных работ должен быть и ученым, ибо «...он должен понимать смысл и цель

Created by free version of 2PDF

Buketov University

научной работы и должен правильно оценивать творческие возможности исполнителей, распределять роли по талантливости и так целесообразно расставить силы, чтобы все стороны развиваемой проблемы развивать гармонично». Нужно ли говорить о том, что К.И. Сатпаев проявил способности ученого-администратора вполне, руководя научными исследованиями в институте геологических наук. Но еще более многогранно проявились эти способности, когда была основана Академия наук Казахской ССР и К.И. Сатпаев стал ее первым президентом.

Пушкин, отмечая универсальность научных начинаний и постижений М.В. Ломоносова, писал, что он «...сам был первым нашим университетом». К.И. Сатпаев жил в век такого углубления и такой дифференциации наук, когда стремление к универсальности в постижении знаний в лучшем случае может привести к поверхностному дилетанизму, и потому личные научные интересы наш первый академик ограничивал геологическими науками. И, думается, ограничивал сознательно, не раз наступая, говоря словами поэта, на горло собственной песне. Ибо это у него записал более двух десятков казахских песенкюев знаменитый исследователь песенного творчества нашего народа Затаевич. Ибо это он, К.И. Сатпаев, написал одну из первых квалифицированных рецензий на первые спектакли первого казахского музыкально-драматического театра. Ибо это он наряду с геологическими поисками, как об этом свидетельствует академик Маргулан, вел и археологические изыскания, которые сыграли определенную роль в археологических исследованиях в республике. Ибо это он был, как это признают многие, известным знатоком этнографии, истории и фольклора своего народа. Словом, не случайной была поражавшая окружающих колоссальная эрудиция этого человека.

Помню, как в начале 1960 года К.И. Сатпаев пригласил меня, начинающего вузовского работника, для беседы. Речь шла о том, чтобы я ехал в Караганду руководить вновь организованным там химико-металлургическим институтом Академии наук Казахской ССР. Мое естественное волнение, связанное с первой встречей со столь знаменитым человеком, сразу исчезло: аксакал начал разговор с самых обыденных, традиционных расспросов о здоровье, о жизни родных, близких, коллег и т. д., т. е., с чего начинают все аксакалы моего народа беседу с младшими. И как-то незаметно эти расспросы перешли к моим педагогическим и научным делам, к исследованиям, проводимым на кафедре, где я работал. Тепло отозвавшись о руководителе кафедры, моем учителе академике В.Д. Пономареве, он тут же посмеялся над

Created by free version of 2PDF
Bukejov University

некоторыми странностями последнего. В этом смехе я уловил одну, редкую особенность юмора К.И. Сатпаева – через смешное в характере, в поведении своих коллег и соратников подчеркивать свое высокое уважение к ним. Затем Каныш Имантаевич рельефными, убедительными мазками обрисовал задачи, стоящие перед институтом; при этом он указал на то, как совершенно естественно, без какой-либо натяжки мои личные научные начинания и интересы увязываются с научными проблемами по освоению минеральных богатств Центрального Казахстана. Приятно было, что он особый упор сделал на необходимости моего личного научного роста, без которого невозможен настоящий, неподдельный авторитет руководителя академического научного учреждения. Словом, я ушел от него окрыленным и вдохновленным.

Позже, работая под его руководством, я убедился в том, что К.И. Сатпаев умел не только убеждать с академической добротой и неторопливостью, но и высказывать резкие, образные, запоминающиеся на всю жизнь замечания и упреки, давать властные, не терпящие возражений указания. Однако, К.И. Сатпаев, как никто другой, хорошо знал особенности творческих коллективов. Он всей своей научной организаторской деятельностью подчеркивал, что творческий коллектив – это не простой административно-оформленный коллектив трудящихся, а коллектив особенный, объединенный единством творческих интересов, и поэтому такой коллектив не терпит ни грани обычного администрирования. Необходимо обладать громадным тактом, особенным чутьем на угадывание склонностей и способностей людей, исключительным умением убеждать, чтобы создавать и цементировать такие коллективы. И, исходя из такого понимания роли руководящих кадров в науке, Каныш Имантаевич не жалел сил для отбора, воспитания, выращивания ведущих научных работников республиканской Академии. Особым его вниманием пользовались те, в ком он чувствовал наряду со склонностью к кропотливым научным изысканиям и заметные организаторские способности. И теперь, когда я встречаю виднейших в республике ученых и организаторов исследовательских работ крупного масштаба, деятелей науки близкого к К.И. Сатпаеву поколения, академиков республики А.Б. Бектурова, М.И. Горячева, Ш.Г. Чокина, Д.В. Сокольского, Н.У. Базанова, Т.Б. Дарканбаева, К.С. Кенесбаева, С.Б. Башиева, О.А. Байконурова, членов-корреспондентов республиканской Академии М.А. Ермекова, И.К. Каракулова, И.Н. Азербаева, С.Ч. Толыбекова и других, я в каждом из них чувствую что-то от К.И. Сатпаева, может быть, это сатпаевское не всегда точно можно назвать и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

охарактеризовать, но корни этого сатпаевского в них можно понять, – они длительное время вместе, рука об руку, страстно и напряженно работали над созданием материальной и духовной базы для развития науки республики на самом современном уровне и достигали на этом пути таких успехов, что их имена называют и будут называть с почетом и уважением после имени первого нашего академика К.И. Сатпаева. Каждому из этих людей науки, думается мне, не раз приходилось пользоваться советами, поддержкой К.И. Сатпаева, и наш первый академик не только учил этих росших вместе с ним своих коллег, но и многому учился сам у них, и в мудрости его было много от мудрости этих неповторимо своеобразных и самобытно талантливых людей. Свежесть мышления и дерзость инициативы, не покидающая этих соратников Каныша Имантаевича и поныне, не раз, мыслится мне, приводила их в решении многих и многих важных вопросов к острым разногласиям и серьезным спорам, что нисколько не колебало их отношения к К.И. Сатпаеву, как подлинно ведущему в их среде, ибо наш первый президент никогда не ставил себя в положение патриарха, изрекающего истину в последней инстанции, а всегда оставался творческим работником, чья собственная точка зрения ни в коем случае не ущемляла его готовность с уважением отнестись к мнению других.

Ныне, когда входишь в величественное здание Академии наук республики, посещаешь его многочисленные институты и другие научные учреждения, где в тиши лабораторий работает целая армия научных работников, решая большие и малые задачи познания и приложения этих познаний к жизненным потребностям, дивишься широте охвата научных проблем: от создания новых методов поисков полезных ископаемых и новых технологических принципов наивыгодного использования минеральных ресурсов до попытки проникнуть в тайны образования живой клетки и истоков энергии космических лучей, и пораженному взору рисуются лишь победы, которые одерживали начинатели этих больших дел под руководством К.И. Сатпаева. Между тем, были не только победы, были трудности и были поражения. Они были обусловлены тем, что при бурном и всестороннем росте народного хозяйства и культуры республики на решающих участках не всегда оказывались люди, способные с партийной обстоятельностью и прозорливостью понимать значение и цель научных исследований и развития науки. Можно полагать также, что всемерная поддержка, которая оказывалась партией и народом нашим ученым, нередко приводила многих из них, в особенности ученых-организаторов, к потере чувства

Bukejov University
Created by free version of 2PDF

меры и такта, к болезненной запальчивости при решении отдельных нелегких вопросов по организации научных ячеек и учреждений. Может быть, этими и другими причинами объясняется тот факт в биографии нашего первого академика, когда он на некоторое время был отстранен от руководства Академией наук республики. Но великие люди тем и отличаются от обыкновенных смертных, что трудности и поражения закаляют их энергию, совершенствуют разум, обостряют чувство восприятия окружающих явлений, что позволяет им в их дальнейшей деятельности безошибочно отбирать в цепи проблем самое решающее звено. Думается, что именно поэтому и были столь плодотворными последние десять лет научной и научно-организаторской деятельности академика К.И. Сатпаева, когда он волею партии был возвращен к руководству Академией наук республики. В этот период наряду с дальнейшим укреплением и усилением крупных исследований большого прикладного народнохозяйственного значения, были заложены основы развития изысканий общенаучного значения, была создана материальная и техническая база для развития точных наук физико-математического профиля (институты ядерной физики, математики и механики и др.), что ныне вывело нашу Академию наук на передовые рубежи в тех областях науки, где ум человеческий наиболее глубоко проникает в тайны природы. Наряду с этим К.И. Сатпаев явился инициатором создания крупных очагов академической науки в периферийных центрах республики (в Караганде, Усть-Каменогорске, Актау и др.), которые ныне успешно развиваются.

«Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов», – писал академик Н.И. Веселовский о первом казахском ученом. У первого казахского академика К.И. Сатпаева и его соратников судьба оказалась сказочно счастливой. Не «блестящим метеором» пролетели они, а образовали устойчивое созвездие на небе казахской советской науки, и в этом созвездии К.И. Сатпаев явился звездой первой величины, свет от которой будет вечно отражаться на делах и творениях его последователей.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

РАССКАЗ ПЛЕТНЕВА АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА О ТОМ, КАК ОН ВОРА ПОЙМАЛ

Приятель мой, Алексей Александрович Плетнев, человек веселый и общительный, никогда не имел ни времени, ни охоты рассказывать о себе, и вообще о вещах житейского характера. О чем бы ни говорили, всегда свернет на научные проблемы, которыми он буквально живет и дышит. Но случилось так, что, когда в одну из командировок мы оказались вместе и вынуждены были коротать долгий вечер в гостинице, он изменил себе и рассказал следующее.

Бывает же в жизни. Глупейшая, кажется, история. Выеденного яйца, как говорится, не стоит. И вот, на тебе, такое место в душе занимает, будто более умных событий и не было. Прав был поэт, когда говорил:

Бывает жизнь встает в другом разрезе
И большое понимаешь через ерунду.

Уж коли начал, позвольте расскажу все по порядку.

Как-то погожим осенним утром я на кухне в самом радужном настроении заканчивал свой обычный завтрак, как дражайшая супруга моя, Анна Дмитриевна, возившаяся тут же с посудою, обернулась в мою сторону и сказала:

– Алеша, мил-человек, сходи-ка в подвал, принеси белила. Будем красить окна.

Мне казалось, что такая работа не так уж безотлагательна, чтобы делать ее именно сегодня, когда я настроился заниматься научным отчетом по хоздоговорной теме, и даже не так безотлагательна, чтобы делать ее именно в этом году. И я, собираясь возразить, решил прежде разведать стоит ли это делать и посмотрел на нее: в широко и задумчи*во раскрытых серых глазах, направленных на кухонное окно, в разлете* густых светлых бровей увидел только мне известные признаки той продуманной (только ею продуманной!) решимости, о которую в щепки разбивались любые сомнения и возражения. Точно зная, что надо обладать безрассудством Дон-Кихота, чтобы сражаться с ветряной мельницей ее уральско-кержацкой натуры, я, покладистый смоленский мужик, нехотя поднялся, взял ключи и пошёл выполнять поручение. Белил в нашем отсеке не нашел. Но радоваться было нечему, все равно заставит найти.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

– Наверное, отдал кому-то из друзей, – встретила меня Анна Дмитриевна. В голосе ее уже чувствовался металл. – Я в очередях простаиваю, а ты все раздаешь.

Вспомнил, что одну банку, действительно, отдал товарищу, но куда делись остальные три банки никак не мог взять в толк. Побежал в гараж, перерыл все – банок не было. Словом, белила исчезли. Потеря эта стала было уже забываться, как однажды Анна Дмитриевна говорит:

– Слушай, Алеша, что-то у нас варенье быстро убывает. Точно помню, вишневых наварила восемь банок, а там только три. Ведь лишь одну съели.

Я вспомнил про злополучные белила и не без ехидства отпарировал:

– Ну уж, Анна Дмитриевна, по вареньевьм делам ко мне не обращайся, ты варишь их сама, и раздаешь тоже сама: работа твоя рядом, праздников много, подруг еще больше, у каждой день рождения...

И все же пошли проверять: варений действительно не хватало, и вишневых, и малиновых, и еще каких-то. Анна Дмитриевна моя аж ахнула, когда не досчиталась клубничных, сорта «Виктория», которыми особо гордилась. Да и какими она не гордилась. Бог поистине наградил ее беззаветной любовью к этим вареньям. Целое лето только тем и занимается, что ходит и ездит по ягоды, покупает и набирает, сортирует и варит, колдуя каким-то особым образом над каждым сортом варений. А зимой, за чаем, любит рассказывать гостям историю каким путем был придан какой-то особый вкус вареньям, которыми она угощает (этот особый вкус я, признаться, никак не умел заметить), и рассказывает так смачно и сладко, что сам Гоголь мог бы позавидовать. К своей матери, теще моей, ездит каждое лето, как я не без злорадства шучу, не столько из дочерних чувств, сколько из-за брусничного варенья.

Словом, этот год прошел благополучно, мелкие потери забылись: что значат какие-то краски и варенья, когда мы все здоровы, девочки наши росли и хорошо учились, работа была интересна, увлекательных забот по горло. Не мог, правда, не отметить, что в приямке, где хранилась картошка, что-то заметно убыло, и по всему видно было, что её до нового урожая не хватит. А в прошлые годы не только хватало, но и оставалось. Но я не стал об этом говорить дома, тем более Анна моя, ни на что другое кроме варений, не обращала внимания.

В следующем году, как и прежде, особый счет ничему не вели, но где-то в декабре почувствовали, что убыль есть, и не только варений,

Created by free version of 2PDF
Bukeev University

но и огурцов и помидоров. Убывали не так, чтобы сказать катастрофически, а как-то аккуратно, методично, словно появился новый, невидимый член семьи, на одинаковых правах с нами прикладывался к запасам. Я как-то подшутил даже:

– Аня, тебе нынче придется готовить всего с учетом нового иждивенца!

– Уж больно нахален этот твой иждивенец! – ответила она.

Мне показалось, что на слове «твой» она сделала ударение и я отпарировал:

– Он такой же мой, как и твой, ходи сама в этот подвал, может договоришься с ним, перестанет ходить.

Хотя такой разговорчик был ни к чему, и мы оба понимали это, но он повторялся в разных вариациях и получался как-то сам собой, ибо новый «член семьи» был прожорлив и действовал на нервы.

Но тут в поведении иждивенца появилась качественно новая деталь, я эту деталь обнаружил из следующего. Однажды, пришедши в гараж, начал было перебирать содержимое в багажнике своего «Москвича», почувствовал что кто-то стоит возле меня. Поднял глаза – сосед мой Тигров Владимир Семенович. Стоит и смотрит во все стороны, словно что-то здесь недавно оставил и не может найти. Заметив мой взгляд, встрепенулся:

– Алексей Александрович, увидел, что вы в гараж направляетесь и прибежал, мне срочно надо в поликлинику, отвезите, будьте добры, буду обязан...

Отвез его, заехал домой (не помню зачем), выхожу: дверь напротив закрывается вслед за соседом, которого только что отвез и оставил возле областной поликлиники. «Быстро же он вернулся», – подумал я. Странное поведение Тигрова, может быть, и забылось бы, если бы другой сосед, на другой и третий день не встретился в подвале, когда я там рубил дрова для титана и стал интересоваться, как я сделал полки в своем отсеке и как и что на них храню. Причем, как мне показалось, он обращал особое внимание на банки с вареньями и соленьями.

– Слушай, что тебя интересует?

– Да ничего особенного... Я просто смотрю как все ты так аккуратно и хорошо рядком расположил...

– Да не аккуратнее тебя, наверное... У тебя, поди, как в аптеке на Фюрерштрассе, – съязвил я, намекая на национальную черту соседа. Признаться, Федор Юрьевич Бис озадачил меня своим поведением. Работал он механиком и я давно приметил, что он подозрительно часто возится с замками на дверях своего отсека. Какой-то бесовский внут-

Created by free version of 2PDF
Bukerov University

ренний голос нет-нет да шепнет мне бывало: «Он... только он... Иначе зачем ему эти замки». А тут на тебе, вроде даже среди моих банок ищет свои. А позавчера Тигров ни в какую поликлинику не ездил, это он выдумал, чтобы посмотреть, что храниться у меня в гараже. Следовательно, иждивенец пасется не у одного меня, а и у Биса, и у Тигрова. Это было утешением, но очень слабым, от этого утешения отдавало какой-то неприятной горечью. Я уже теперь был уверен, что милые соседи кого-то подозревают, и этот кто-то ни кто иной, как я. Ведь подумать только, Тигров, пенсионер, получающий в пять раз меньше меня, Бис, рядовой инженер, получающий в два раза меньше меня, оба считают меня, кандидата наук, доцента, способным на мелкие кражи.

И ведь какова человеческая натура! Еще мать говорила: «Великий грех, сынок, плохо думать, а еще пуще плохо говорить о людях!» И я всю жизнь, кажется, стараюсь, если не сеять доброе, вечное, что мне, простому смертному, и не под силу, то, во всяком случае, не делать зло, не играть на плохом; стараюсь находить у окружающих хорошее, стараюсь быть благодарным за хорошее. Но тут все шло помимо моего желания; в голову лезли всякие глупости: соседи, вчера еще бывшие такими добрыми, отзывчивыми и милыми, вдруг как-то изменились, в их поведении, в выражении лица, в фигурах, во всем, что ни на есть, стал находить массу такого, что теперь даже стыдно вспомнить.

Например, тот же Тигров. Двоедушный, лицемерный тип! Ведь когда он работал помощником большого областного начальника, был вовсе не таким, какой теперь. Откуда тогда у него бралась осанистость, ведь едва кивал головой, а свой большой живот нес перед собой с таким внушительным величием, будто в нем, в этом животе, заключалось все его достоинство. Ведь он тогда не позволял коротких соседских обращений, боясь, наверное, что это перейдет в панибратство. По каждому пустяку приезжали к нему в квартиру слесари, сантехники, электрики из учреждения. Это я знаю по тому, как они заходили и к нам, поскольку в квартирах единая линия всяких коммуникаций. Это же был не сосед, а существо какого-то высшего порядка, всемилостиво спустившееся к нам, чтобы мы помнили и знали, как ничтожно значим по сравнению с ним. Как я был глуп, когда обратился к нему разрешить поставить телефон на блокираторе к его номеру. Он измерил меня таким холодным взглядом, что я почувствовал себя непростительно виноватым, и немедленно, навсегда ретировался. А во что он превратился, как только стал пенсионером, куда девался начальственный холод с его мясистого чела, куда ушла недоступная замкнутость? «Алексей Александрович! Помогите, пожалуйста, свет потух! Посмотрите,

Created by free version of 2PDF
Bukelov University

пожалуйста, вода не бежит! Анна Дмитриевна, можно ли полбулочки хлеба, пока в магазин сходим! Нет ли у вас перчика? Вы идете в магазин, может быть, и нам захватите!» Мы, я и жена, опрометью бросались исполнять эти мелкие просьбы. Аж как-то радостно становилось. Такими и должны быть соседи. Быстро, совсем быстро забылось его спесивое, недосягаемое величие. Оно, это величие, видать, так давило на нас, что немедленно старались предать его забвению. И вот этот милый сосед теперь, смотрите-ка, бежит, тряся своим, начисто потерявшим былое достоинство дряблым животом, проверять не спрятал ли я в своем гараже его картошку! Что доброго я нашел в этих жестоких глазах, когда-то с чувством превосходства и презрения смотревших на нас, мелких людей, а теперь, как будто боясь выдать себя, прятавшихся под кустистыми бровями, в этих сладострастных толстых губах, нижняя из которых с трудом находилась в контакте с верхней и готова была вот-вот отвиснуть совсем; в этой полной приземистой фигуре, столь осанистой, когда вожжи держал в руках и столь беспомощно-обвислой, столь угодливо-уничижительной, когда вожжи выпустил? Такой судит обо всех по своей натуре, и, конечно же, уверен, что я тем только и занимаюсь, что изобретаю ключи к его замкам, чтобы перетащить несколько килограммов картошки из его отсека в свой.

А этот Бис? Федором Юрьевичем называет себя, присвоил добрые русские имена себе, да еще и отцу, а этому отцу такое имя даже, может быть, и не снилось. Какой он, черт, Федор Юрьевич? Такой же белобрысый тщедушный тип со впалыми серыми глазами, над которыми чуть ли не светятся желтые редкие брови, стегал меня, десятилетнего мальчишку, стегал мать мою, подозревая, что мы ходим к партизанам. И забил бы насмерть, если бы те же партизаны не спасли нас. Отчего это становилось в моей душе тепло, когда этот болтун заговаривал со мной о прочитанном в последних номерах газет и журналов, пытаясь обсуждать события литературы? Он же подделывался под меня. Отчего я это улыбался, когда жена его, хохлушка Глафира при встрече, сказав что-либо несмешное, сама же начинала хохотать. Не улыбаться, не смеяться надо, а горько сожалеть, что такие волевые звери, наподобие Биса, воспитывают в наших простодушных женщинах безотчетную собачью преданность. Нахал этот смел еще заглядывать ко мне в отсек, точно зная, что я не краду, это ему нужно было, чтобы отвести подозрение от себя, потому что наверняка крадет он, именно он, и никто другой. И это вовсе не случайно, что он постоянно возится с ключами. Ему, механику, ничего не стоит подобрать эти ключи. А как он старается респектабельно выглядеть: маленький, горбатенький, а идет, вы-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

пятив грудь, обязательно при галстуке, идет этаким петушком, корча из себя солидного человека. А ночью, черт возьми, картошку у соседа ворует! Старается выглядеть спокойным, положительным, а приглядишься глаза так и бегают. Неужели эта Глафира Петровна, Глашенька-хохотушка соучаствует в мелком воровстве, неужели и восьмиклассница-дочь тоже посвящена? Или он один во благополучие семьи промышляет?

Я рассказываю все как было, с той только, правда, разницей, что желчь против Тигрова и Биса излилась не враз, и не в таких сплошных беспросветно-черных красках, как у меня теперь получилось. Сейчас уже трудно точно восстановить, как эта желчь накапливалась и нарастала, но достоверно знаю, что накапливалась с приливами и отливами, то есть было так, что не раз и раскаивался, обвиняя себя в несправедливо темных мыслях, в порче характера и т.д. Но невидимый «член семьи» давал о себе знать, иногда довольно чувствительно, и после каждого обнаружения его следов поднималась новая волна желчи.

В третью зиму «иждивенец», видимо, настолько освоился со своим положением, что стал забирать не только банки с содержимым, а утаскивал и кочаны капусты, которые мы хранили, бережно подвесив к потолку, не чурался прихватить, например, и босоножки, приобретенные мной случайно, когда покупал овощи, и оставленные в отсеке до следующего лета. Однажды не нашел хорошего охотничьего ножа, который лежал там постоянно для всяких надобностей. Словом, «иждивенец» вел себя так, как будто был баловнем, которому все дозволено. К весне этого третьего года иждивенец проявил себя в новом качестве – у третьего соседа Бектемисова был уведен велосипед. Это был уже не кочан капусты, не банка варенья, не ведро картошки, а велосипед, чудо, как говорится, техники. Видно было, что «иждивенец» наглел.

Да... я ведь почему-то не рассказал, отчего моя желчь сосредоточилась только на двух соседях. Больше было и не на ком: все другие соседи овощами и картофелем не запасались, хранили в своих отсеках всякий ненужный бросовый хлам. Это мы трое – Тигров, Бис и я – старательно, по-крестьянски готовились к зиме, причем в основном даже Бис и я, поскольку Тигров налегал, главным образом, на картофель. В нашем доме, на наш крайний подъезд, была отведена небольшая часть полуподвала под нами, наглухо отсечена от остальной площади его капитальной стеной фундамента переходящей в кирпичную кладку. То, что происходило за этой стеной, нас почти не интересовало, мы, можно сказать, жили своим подъездом и своим полуподвалом. Видно было, что «иждивенец» свободно гулял по всем отсекам, ибо стоило появить-

Created by free version of 2PDF
Bukejov University

ся у Бектемисова велосипеду, как он тут же был уведен. Правда, начинал он ходить только с глубокой осени, потому что главным промыслом его было продовольствие. Но мог он захватить с собой, как я уже сказал, и нож, и босоножки, и даже велосипед.

Злиться на соседей, бездоказательно подозревать Биса можно было сколько угодно, но ведь надо было принимать какие-то меры. Помню, весной третьего года до предела раздражавшего иждивенчества таинственного «члена семьи» как-то увидел медленно разгуливающего Тигрова и, будучи в хорошем настроении, подумал, что напрасно качу бочки на Тигрова и Биса, что они такие же неплохие люди, как и я сам, и что надо просто сесть за тот столик во дворе, где мы частенько забиваем «козла» и просто, сердечно объясниться, а затем выработать план совместного действия.

– Владимир Семенович, давайте посидим на солнышке. Видите, как приятно пригревает. – Заметив, что балкон Биса приоткрыт, крикнул: Федор Юрьевич! Федор Юрьевич! Спуститесь к нам, на солнышке посидим!

И вот сидим втроем: блестят на солнце рыжие волосы и брови Биса, выпрямившегося на скамейке, будто кол проглотил; положил на столик руки и равнодушно полуопустил веки Тигров. Сели и молчим. У нас уже два года непринужденного разговора, положенного между соседями, не получается. Спасибо, хоть откликнулись на мой зов, спасибо, что пришли и сидят рядом. Сидим и молчим. Черт знает, что такое, не знаешь, как и с чего начать. Хоть бы спросили, зачем я их созвал сюда. Наконец, срываюсь:

– Владимир Семенович! Федор Юрьевич! Ведь нас какой-то негодяй обкрадывает... Ведь надо принять какие-то меры!

– Меня в этом году, слава богу, не трогал. Не смог. Я такой замок соорудил..., – отвечает Бис своей басовитой скороговоркой. Он экспансивен и на мгновенье, пока говорит, забывается, спина, потеряв деланную прямоту, горбится.

– Но зато меня и Владимира Семеновича обкрадывает, вам это, думаю, не все равно. У Бектемисова утащил велосипед.

И вот тут-то слышу то, чего никак не мог ожидать. Владимир Семенович звонко чмокает нижней губой и говорит:

– Мой отсек никто никогда не трогал. Так что я не знаю, что вам, Алексей Александрович, и сказать....

Не знает, что сказать! А ведь не далее, как в прошлом году жаловался, что кто-то и его отсек открывает. Ада Васильевна, так та прямо плакалась моей Анне, что кто-то ворует их картошку, что она, их кар-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тошка, особая, крупная, рассыпчатая, вкусная, что Владимир Семенович достает ее через знакомого директора совхоза, который имеет специальную делянку для выращивания этого сорта картофеля. А теперь, видишь ли, никто их отсек не трогает! Какова натура! Выкладываю все это торопливо, возмущено. Владимир Семенович снова чмокает нижней губой:

– Ошибка была, Алексей Александрович! Чепуха, кому нужна эта картошка! Ей-богу, чепуха!

– А велосипед?

– Ну, велосипед – другое дело. Я же велосипед не хранил. Никак не могу утверждать, что в мой отсек кто-то ходит!

Да, дела... Получается, что, если исключить кражу велосипеда, то вор ходит только в мой отсек. Ни Владимиру Семеновичу, ни Бису ни о чем, оказывается, думать не нужно. У них все в порядке. Сидят и молчат. Пусть думает тот, у кого воруют. Вот какая логика! Нет, надо немедленно уходить, иначе не сдержусь, случится непоправимое. Собираю в ком все, что осталось от воли, и тихо говорю:

– Ну что ж, извините, пожалуйста, – больше ни слова нельзя, все клокочет и вырывается, надо встать, как можно медленнее, как можно спокойно, улыбка не получится, но не видать предательскую дрожь на скулах – это главное.

Этого деланного спокойствия еле хватило до того, как за мной закрылась дверь подъезда. В два-три прыжка оказался около своей квартиры, безвольные пальцы дрожали, не попадая в замочную скважину. Не сняв даже туфель, повалился на диван, посылая к черту себя, жизнь, Тигрова, Биса, все и всех вместе взятых. Возбуждение проходило, выяснилось глупое положение, в которое я мог попасть, если бы не ушел. На самом деле, так и тянуло брякнуть: «Не думаю, что кто-то издалека приходит в наш дрянной полуподвал. Кто-то из своих, кто входы и выходы знает и в замках разбирается!» Представляю себе, каким петухом вскочил бы и басисто закукарекал исполненный надувного достоинства Бис: «То есть как из своих? Уж не меня ли подозреваешь?» Достаточно было ответить: «А, хотя бы и тебя!». Чего при моем крайне возбужденном состоянии можно было бы вполне ожидать, не знаю, что могло бы произойти. Во всяком случае, разговор был бы далек от интеллигентного уровня. Тигров, конечно, осторожно успел бы скрыться. Было бы, наверное, скверное противостояние Плетнев–Бис. Тут же мелькнула другая мысль: а что, если Бис здесь на самом деле ни при чем, а что если он продолжает подозревать меня самого, ведь у них к этому не меньше оснований. Ну хорошо, допустим. Бис промышляет

Created by free version of 2PDF
Buketov University

мелкой кражей. Куда он будет девать краденое? Перетаскает в свой отсек? А если обыск, тогда что? Положим, все иное можно спрятать, съесть и т.д., а куда девать велосипед? Есть сообщники? Вполне возможно. А почему Тигров отказывается? Он просто боится. Вор, кто бы он ни был, может мстить. Боится мести. А ведь тот же Бис, если он сам непричастен, с тем же успехом, нет, даже с большим успехом, может подозревать и меня. Я – единственный в подъезде владелец машины, могу отвезти куда угодно, и велосипед, и все другое... Мои научные звания, сколько ими ни козыряй, алиби не составят.

Я вскочил с дивана. Вот, черт возьми, какая история. Ведь я там, во дворе, чуть не взорвался именно от того, что подсознательно чувствовал их недоверие ко мне, их неверие в мою искренность.

Нет, это так оставлять нельзя. Надо что-то предпринимать... А что предпринимать? Оправдываться, доказывать, что мы ни ухом, ни рылом не виноваты… Жалкая, постыдная роль!

Вечером обсуждаю прошедшее с Анной Дмитриевной. Она, представьте себе, довольно спокойно говорит:

– А они давно нас подозревают. Им кажется, что мы богато живем. Старик Бектемисов говорил тете Фросе с верхнего этажа: наверное, побочные заработки имеет.

Вот тебе на, такой милый, приветливый, простодушный аксакал, бывший шахтер, и тот меня подозревает. А моя Анна Дмитриевна еще спокойнее добавляет:

– Тут дети чуть не подрались, когда дочь Биса, рассердившись за что-то на нашу Сашу, злобно крикнула: это твой папа велосипед из подвала на «Москвиче» увез!

– Слушай, ты что об этом до сих пор не говорила.

– А зачем... Мало ли что говорят... Дети поссорятся, тут же и помирятся...

– Подумать только: богато живет! Лишнего костюма нет, «Москвич» старый, изношенный, больше под ним лежишь, чем на нем ездишь... Где они увидели богатство?

– Ну ты что, Алеша, распаляешься передо мной... Это ведь я и без тебя знаю.

Мне бы ее выдержку, сидит и говорит таким голосом, как будто ведет самую задушевную беседу. Помолчав, добавляет:

– Алеша, как ты думаешь, не Бис ли?

Created by free version of 2PDF
Buketov University

– А бог его знает, я сам об этом думал. Бис. Бис. Черт с ним, с Бисом. Народ-то пока меня подозревает... Хоть провались... Хоть переезжай в другую квартиру... Влипли, что называется...

У моей Анны Дмитриевны не отнимешь спокойствия, но все же, видать, и ее начало пронимать. Утром за завтраком говорит:

– Алеша, «иждивенец» давно не был, вот-вот посетит...

– Типун тебе на язык, – пробую шутить я.

– Папа, – говорит младшая, которая с моего поощрения имеет привычку постоянно острить. – А, может, действительно где-то есть у нас братик, и ему надо помогать? – и чертовка озорно блестит материнскими глазами.

– Я тебе дам братика, а ну-ка марш в школу! – взорвалась вдруг Анна Дмитриевна, спокойствием которой я только что было возгордился. Смотрю взорвалась на самом деле, враз пропало не покидающее ее чувство юмора, нет и следа от тех милых ямочек на щеках, которые появлялись у нее от острот дочери. Вот тебе на, не хватало, чтобы мы теперь в семье стали подозревать друг друга.

Смешно теперь вспомнить, но я, честное слово, почувствовал себя затравленным, обложенным со всех сторон. И тут во мне заговорило мое мужское упрямство. Уеду от этих соседей, поменяю, перееду в другую квартиру. Но прежде докажу, что я не мелкий вор, не куркуль, не обыватель, а честный труженик страны социализма. К черту, не буду в этом году делать никаких заготовок, все из магазина, все с базара... И Анне запрещу... Пусть видят...

Но Анну разве собьешь подобными соображениями. У нее резоны, против которых и возразить-то трудно.

– Алеша, ну что ты выдумываешь... Это, конечно, неприятно, что так получается...

Но если ты ни в чем не виноват, время восстановит истину, не обращай внимания. А бегать зимой в магазин, на базар, да еще когда не всегда всего бывает, неинтересно. Лучше все же заготовить с осени. В этом ничего зазорного нет. Наоборот, теперь надо агитировать, чтобы делали все так, как мы: обузы государству меньше, склады, заготовительные предприятия будут работать с меньшей нагрузкой... У государства иждивенцев без нас хватает. А кто говорит, что мы – куркули и обыватели, пусть говорят... На мой взгляд, сами, кто говорит, и есть обыватели... А поймать вора бы не мешало... Но стоит ли, Алеша, этим заниматься, ну поворует и перестанет... Ты лучше замки покрепче сделай... – Прочитала азы политграмоты и спокойно ушла на работу. Нет, ее не проймешь.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Но я решил поймать вора, поймать во чтобы ни стало. Иначе не мог поступить. Поистине, мужик, что бык, втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттудова не выбьешь...

Тут много было всяких вариантов. Но ни один не годился. Пошел в милицию. Говорят, поставим сигнализацию. Как они будут делать эту сигнализацию, ведь соседи все равно узнают, например, Бис, которого я подозреваю. Не годится. И вдруг стукнуло – почему бы эту сигнализацию не сделать мне самому? Ведь можно сделать.

И вот начинаю тщательно изучать, как можно звонок в квартире соединить с сигнальной кнопкой на дверях своего отсека. Прослеживаю, куда идут телефонные провода – они к вертикальной трубке-коллектору, которая опущена с верхнего этажа в потолок полуподвала. Там она стыкуется с другой горизонтальной трубкой. Можно чуть раздвинуть трубки и провод легко войдет. Но выходит трубка с другой стороны глухой стены. Значит, надо пробивать железобетонную стену: ширина ее не меньше метра. Приобрести звонок, сигнальную кнопку, сто с лишнем метров провода – ничего не стоило. Самая тяжелая работа – просверлить стену. Но прежде надо продумать, как провод провести по трубке. И вот выхожу на лестничную площадку, беру поломанный стул (я его принес из того же отсека), обрубок доски, стамеску, топорик и делаю вид, что починяю стул. А для чего лежит в тени от стула моток проволоки – это мне только известно. И вот начинаю проталкивать проволоку, проходит метра два и застревает. Целый день с перерывами провозился, вечером, третий день после работы вожусь, пот не раз прошибал, менял виды «работ» (нельзя же все время «починять» один и тот же стул, тем более, когда он остается так и непочиненным), стал «делать ящик», предварительно для этого разобрав целый (что значит конспирация!), а проволока продвинулась где-то на четыре метра, и дальше ни шагу. Пошел к другу-механику, принес более жесткую, но тонкую проволоку – еще хуже! Ах, черт возьми, что же теперь делать, не пробивать же междуэтажные перекрытия, шум поднимется: почему, для чего. Значит, надо выводить провод наружу, вдоль наружной стены, в дверь полуподвала и дальше. Но как, где укроешь провод, а сколько его нужно... Обошел, посмотрел, не получается. И тут, в момент чуть ли не отчаяния, блеснула гениальная мысль – привязать к концу веревочки металлический – да нет, лучше свинцовый! – шарик и попробовать опустить в трубку. Переплавил дробинки, получился солидный кусочек, промял, сделал по всем правилам ушко, продел ниточку, перекрестился (ей богу, перекрестился!) и опустил в трубку. Смотрю тянет, выпускаю ниточку, тянет, продолжает, черт

Created by free version of 2PDF
Buketov University

возьми, тянуть, три, четыре, пять, шесть, семь, наверное, метров – шарик тянет, стоп, остановился! Опрометью спускаюсь, вхожу в бывшую кочегарку, отделенную от нашего полуподвала злополучной стеной, подбегаю к трубке, ура! свинцовый шарик торчит, полузакрыв отверстие на стыке между концами трубок. Сел на насыпь золы, оставшейся от бывшей кочегарки, потрогал, как будто хотел убедиться, тот ли свинец, обозвал себя несколько раз последними словами, за то, что сразу не мог догадаться, и стал думать, как теперь быть. Ниточка эта, конечно, не вытянет провод, надо протянуть шнур покрепче, чтобы снизу привязать к нему провод и тянуть вверх. Но прежде надо продолбить стену. Ах, какая это была адская работа. Ведь надо было приходить в такое время, чтобы никто не зашел, чтобы никто не увидел, чем занимаюсь, и все равно приходилось страховаться, прислушиваться. Гоголевский Иван Иванович Перерепенко сколько пережил, когда единственный раз ночью подобрался к забору Ивана Никифоровича Довгочхуна и перепилил стройки гусиного хлева. Мне же это пришлось переживать раз тридцать! Безопаснее было пробивать со стороны пустующей кочегарки, но какой длины надо иметь шлямбур, чтобы пробить с одной стороны! Решил пробивать с обеих сторон. Но как точно промерить расстояние, как точно выдержать направление шлямбура, чтобы встречные углубления сошлись? Пришлось применить всю годами разработанную осмотрительность научного работника, чтобы не ошибиться, чтобы не работать зря. Почти четыре недели, ночами, с восьми до десяти, до одиннадцати часов, осторожно постукивая, внедрял свой шлямбур в тело стены. О, как медленно продвигалась вперед эта проклятая стальная трубка с зазубринами на конце! Но все же двигалась. Наконец, где-то в конце четвертой недели шлямбур чуть не вырвался из руки, легко поддавшись вперед от привычного удара молотком! Я аж присел: никак не верилось, что углубления сошлись. Поднялся, еще раз направил шлямбур и стукнул: снова то же. Да зачем я забиваю этот шлямбур, когда он проходит, просовывается и так, просовывается просто и свободно! Наверное, ни один удачный научный опыт, ни одно мое изобретение не приводило меня в такой восторг, не вызывало такой девятый вал чувств, как эта дырка в бетонной стене подвала нашего дома! Пробежал на другую сторону: дырка была, она существовала, она просвечивала насквозь! Дырка! Замечательная, красивая, долгожданная! Дырка радости и ликования! Дырка, стоившая несметного количества пота, нервов, неверия, сомнения! Ах, какая это была дырка! Вы себе представить даже не можете, что это была за дырка! С каким

Created by free version of 2PDF
Buketov University

упоением я совал в нее длинный железный прут, водил им туда, обратно, снова туда, снова обратно!

С какой дотошной аккуратностью тянул я провод до квартиры. Протянул его так, что на расстоянии никто не мог заметить его. И вот через три или четыре дня после того, как я просверлил отверстие в стене полуподвала, долгожданным прекрасным вечером звонок возле двери завизжал, застонал, ликующе запел! Он стонал и визжал, будто там, на том конце провода корчился от боли, страха и отчаяния защемленный «иждивенец»; он, звонок, ликующе звенел и пел в восторге от того, что там, на том конце пойман, словлен вор, терроризировавший нас в течение почти четырех лет! Но вора надо было еще ждать, звонок звенел пока вхолостую. С неделю ждал «иждивенца», но он не приходил. Его не было и через месяц. Стали закрадываться сомнения. Неужели столько труда затратил напрасно? Может, черт возьми, пронюхал, что я сигнализацию поставил? Нет, не должен знать. Сигнализация работала, вор не появлялся, в сутолоке дел, трудовых и многих других забот, я уже забыл даже и про сигнализацию и про «иждивенца».

Была уже середина февраля позапрошлого года. Сплю я крепко. Домашние еще крепче. Звонит телефон, хочу отмахнуться, по уши укрываюсь одеялом, не перестает звонить. Звонок непрерывный, значит, межгород. «Фу, черт возьми, кто это мог бы звонить?» Наверное, по ошибке, перестанут». Нет, продолжает, непрерывно, надсадно. «Неужели что-то с родственниками случилось?» Подбегаю, беру трубку – ничего подобного, не телефон! А... «друг» пришел, «член семьи» пришел, это он заливался, возвещая о своем приходе! Отключаю звонок, теперь он не нужен, смотрю на часы, четыре двадцать утра, быстро одеваюсь, беру ружье, лихорадочно соображаю, восстанавливая продуманный порядок действия: так, так, сейчас резко открываю дверь, убеждаюсь не выключено ли освещение, если не выключено, нет ли кого вблизи; если выключено, быстро закрываю дверь, беру переноску и быстро освещаю лестничную клетку. Дальше у меня было все построено в надежде на то, что лестничная клетка все же будет освещена. Осторожно, с ружьем наперевес выхожу на лестничную площадку, смотрю вниз, не выставлены ли вражеские «дозорные»; если лестничная клетка пуста, одним махом оказываюсь на первом этаже, резко открываю дверь подъезда, с ружьем наизготовку оглядываюсь по сторонам и, если никого нет, бегу ко входу в подвал. Если подвал освещен, значит вор там; один махом сбегаю с лестницы, закрываю вход и защелкиваю наружную щеколду. Теперь вор там. Остается сообщить в милицию и ждать ее приезда. Ждать, но строго следить за оконными

Created by free version of 2PDF
Buketov University

приямками от цоколя, чтобы он, не дай бог, не вылез оттуда. Все это было много раз отрепетировано и мысленно, и на деле. Только терялся я, когда думал о тех случаях, если, например, их несколько человек, свет выключат, да мало ли что может быть... Но ведь уж не такой дурак, чтобы не действовать, как говорится, сообразно обстоятельствам. Я и начал действовать. Очень видать, не хотелось одному:

– Аня, ну я иду, давай за мной, следи строго! – Аня, смотрю, не торопится. Дочь тоже. Семья одна, черт возьми, а души разные.

– Надо же одеться, куда мы так? – а мне уже кажется, что мы «его» потеряем, «он» может убежать. И все, сделав по предписанному, подбегаю ко входу в полуподвал: здесь вниз ведет довольно крутая лестница в пятнадцать ступеней. Стремительно сбегаю по лестнице к двери, она открыта, в полуподвале свет. Внезапно мелькает: он спрятался слева, сейчас выбьет оружие и пристукнет меня самого; срабатывают, откуда ни возьмись, природные тормоза: останавливаюсь, как вкопанный, ступени за три-четыре до двери, вскидываю ружье и даю выстрел, в дверь, в открытое пространство – надо оглушить, поднять пыль, чтобы он ничего не видел и тогда лишь закрыть дверь. Так и делаю. Выстрел этот мной не предписывался и не репетировался; это страх сделал дело: глаза у него оказались действительно велики.

Раздается оглушительный грохот, такого грохота от выстрела я никогда не слышал, в подвале становится темно, как будто погасли лампочки, я с силой тяну к себе дверь и защелкиваю щеколду. Теперь изнутри эту металлическую дверь черта с два отопрешь. Дальше, а что дальше? Немедленно бежать наружу, следить за приямками: первый, второй, третий – спокойно. Четвертый – раздается треск – звук разбиваемых стекол – вот он где! Ухватился обеими руками и дергает оконную раму. Ах, гад, хочешь вылезть, я тебе вылезу! Заряжаю ружье, и стреляю опять не по предписанному в приямок: в него не должно попасть, но страху нагонит! Бегу к другим приямкам – все спокойно, но возвращаюсь к тому, где стрелял – тоже спокойно. Рама на месте. Значит попытку вылезть прекратил. И только теперь вижу, что моя Анна бегает за мной, бегает испуганная, встревоженная.

– Что ты делаешь, Алеша, ты убил кого-нибудь?

– Иди быстро, звони в милицию.

– Я уже позвонила, сейчас приедут.

И вот, ходим с женой, охраняем полуподвал. Чуть успокоившись, прихожу к выводу, что вор один. Иначе была бы одновременная попытка вылезть и в другие окна. И тут же думаю о соседях: наградил меня бог. Два выстрела сделал, такой грохот поднял, хоть бы кто вы-

Created by free version of 2PDF
Bukeev University

глянул. Между прочим, сбегая, я протарабанил в дверь и Тигрову, и Бису. Никто из них не показывается.

– Слушай, – говорит Анна, – неужели Бис? – и в это время вижу на балконе Графиру.

– Что там такое? – вроде бы встревоженно говорит она.

– Вора, кажется, поймали, - отвечает Аня. Та немедленно скрывается.

Почему она скрылась, неужели Биса на самом деле нет дома, может, она услышала вопрос Ани... Бегаю от приямка к приямку: бегаю, кажется, вечность, а милиции все нет. Вынимаю часы, которые, не успев нацепить на руки, сунул в карман, уже больше пяти. Заставляю Аню бежать и позвонить еще раз. Прибегает теперь уже со старшей дочерью: позвонили, сейчас приедут. Проходит еще вечность – уже почти шесть, наконец, слышен гул, останавливается милицейская машина. Выходят двое: старшина и сержант. Молодые, почти безусые. Старшина повыше ростом, поспортивней фигурой, сержант щупленький, невзрачный. Оружия не вижу, может спрятали где-то в карманах. «Прислали, – думаю, – мальчишек. Окажется верзила, враз нас троих раскидает». Но когда старшина стал с дотошной обстоятельностью расспрашивать о ходах и выходах полуподвала и даже попросил начертить на бумаге, стало легче. Вдруг, смотрю, старшина снимает шинель, т.е. не то чтобы снимает, а оставляет левую руку вдетой в рукав и на нее наматывает, не туго, а как-то рыхло всю шинель. Держит намотанную шинель так, как будто на груди несет бочонок.

И вот старшина впереди, за ним сержант, за сержантом я двинулись в полуподвал. Старшина быстро снял щеколду, резко отбросил дверь и держа бочонок-шинель на уровне головы рванулся вперед, вправо, сержант метнулся влево. Я остался торчать на месте со своим нелепым ружьем наизготовку: не мог же бежать вперед, в пустой коридор подвала. Потом только понял, как эти парни слаженно действовали: вор не мог стоять у той стенки, куда открывалась дверь, он мог поджидать только слева. Старшина, метнувшись вперед, вправо, брал на себя возможный удар, а сержант мгновенным выпадом влево должен был расстроить действия вора. В их расчет моя воинственная персона с ружьем не входила.

– Кто там, выходи немедленно! Руки вверх! – крикнул сержант, продвигаясь вперед по коридору подвала. И вот из-за крайнего отсека, появляется некое видение, держа руки вверх – Еще кто, выходи.

– О-о-о-один! – трясется фигура, вся черная, такая черная, что из угольной шахты не выходят такими. Белеют лишь белки глаз. Весь он

Created by free version of 2PDF
Buketov University

не то, что дрожит, а прямо-таки трясется, колени в этой тряске как-то даже раздвигаются и сдвигаются, можно диву даться, как он на ногах стоит. Злодей, которого мечтал поймать чуть не четыре года, так жалок, что у меня, чувствую, уходит куда-то так долго копившаяся злоба.

– Почему ты такой черный? – спрашивает старшина.

– Не-не-не не знаю...

– Специально обмазался?

– Не-не-нет...

Сержант обошел подвал и действительно никого кроме трясущегося субъекта не обнаружил. Затем подошел к вору, деловито обыскал его; правда, кроме матерчатой сумки с громоздкой связкой ключей ничего не нашел. Сумка была аккуратно подвешена к поясу.

– Фамилия, имя, отчество, – спрашивает старшина, развернув свой блокнот.

– Неустроев Иван Филиппович!

– Год рождения?

– 1938-й.

– Место работы, должность?

– Вычислительный центр, механик.

– Место проживания?

Пойманный уже, казалось, успокоился, отвечал четко, ясно, чуть приглушенным голосом. Он среднего роста, хоть и весь обмазан, но наружность, ничего не скажешь, приличная. Живет за два квартала от нас и живет там давно, работает тоже давно на одном и том же предприятии. Все это меня удивило. Злоумышленник-то попался какой-то респектабельный!

Старшина приступил было записывать и нас, как свидетелей по поимке преступника, как Анна Дмитриевна, решила высказать опасение: – Слушайте, молодой человек, вот мы сейчас ему всю нашу подноготную расскажем, он потом покажет, кто мы и что мы?

– Он, если ему нужно знать, и так узнает, – спокойно ответил старшина, потом, чуть подозрительно морщась, добавил: – Но, по всему видно, интеллигенция... из блажи промышляет... ему не до мести, он сам себя боится.

Меня же подмывало узнать, почему он так измазался, не пришел же он таким из дому. Пока старшина записывал данные Анны Дмитриевны, я завернул за угол крайнего отсека, откуда появился злоумышленник. И там, не удержавшись, расхохотался: совсем оказывается забыл про кучку угля, лежавшую еще с военных лет. Кучка была высокой, доходила до подоконника и вору удобно было, взвалившись на

Bukelov university
Created by free version of 2PDF

нее, дергать оконную раму. Видно, пули рикошетом врылись в кучку и подняли пыль, густо покрывшую незадачливого злоумышленника. Когда я рассказал, засмеялись и милиционеры. Сам злоумышленник, по-видимому, не понимал, что случилось. Ему, оказывается, показалось, что кто-то камнем ударил. А куда ударил, не знал. В начале, как он сказал, вход закрыли, и за дверью ударили, во второй раз – за окном.

Милиционеры увезли Неустроева почти в семь. На улице было уже светло. Во дворе, кроме меня, жены и дочери, никого так и не было. Когда все закончилось, я почувствовал неимоверную усталость, казалось, стоит прийти домой, повалюсь и не встану. А ведь предстояло идти на работу. Нет, надо походить быстрым шагом, поглубже подышать морозным воздухом, станет легче.

– Аня, идите, домой, я чуть прогуляюсь до завтрака.

– Алеша, ты что так и пойдешь с ружьем?

– Ах, будь оно не ладно, оказывается до сих пор на плече? Тоже мне Нат Пикертон, Шерлок Холмс нашелся с несуразной охотничьей двустволкой! Разбить бы его к чёрту об этот фонарный столб, – злился я про себя, отдавая улыбающейся жене ружье.

Февральский утренний морозец приятно бодрил. Можно было обдумать происшедшее. Свершилось, можно сказать, то, чего хотел, желал в течение нескольких месяцев, трудясь изобретательно и страстно. Но никакого ликования, и даже не то, что ликования, а простого удовлетворения не чувствовал. И, может быть, от этого охватила меня вот эта внезапная усталость, может быть, от этого я и хотел сорвать свою злость, смешно сказать на ружье? Недаром, друг мой, Торежан внушал мне как-то смысл казахской пословицы: «Интересен не столько сам той, сколько подготовка к нему». Может быть, всегда в жизни так: не столь интересно само ожидаемое событие, сколько подготовка его? Нет, дело не в пословице, она сюда, пожалуй, не относилась. Все началось с реплики этого мальчишки-старшины: «Интеллигенция... из блажи промышляет... сам себя боится!». И на самом деле. «Ну какой же это, черт возьми, жулик и бандит?» - подумал я, когда милиционеры, закончив формальности, вывели пойманного, как говорят, на свет божий. На лице преступника сквозь грязь проступала такая печаль и обреченность, что я не смог отрешиться от мысли, что все эти выстрелы, эта сигнализация, эти милиционеры были совсем ни к чему, что стоило подойти к нему и сказать: «Ты что воруешь, ну-ка марш со мной в милицию». И он пошел бы, пошел бы с таким выражением покорности, какое было на его лице сейчас, когда он был пойман по всем правилам ловли страшных и хитрых разбойников и бандитов.

Created by free version of 2PDF
Bukeov University

Досадно, очень досадно было что столько времени, страсти, нервов истратил, чтобы, в конце концов, выстрелить из пушки по воробьям. Но самое досадное было не в этом, а в том, что не веря соседям, прокладывал эту проклятую сигнализацию в страшном нервном напряжении, все время трясла меня какая-то лихорадка, когда полагал, что они могут узнать и обнаружить, чем я здесь занимаюсь. И почему взъелся на Федора Юрьевича Биса, спокойного, хорошего труженика Биса, никогда не сделавшего и, наверняка никогда не думавшего сделать что-либо плохое? Как это низко было, что я – интеллигентный, неглупый человек, хотя и мысленно, но злорадствовал, издевался над его физическими недостатками, над человеческим несчастьем? Как это так получилось, что во мне даже заговорило то, против чего мы боремся, то, чего мы ненавидим и стараемся искоренить, как зло в мировом масштабе? Значит, во мне сидит что-то такое подспудное, заглушенное разумом, здравым смыслом, и понятиями о справедливости и гуманизме, и это что-то может прийти в неуправляемое возбуждение, появись какой-нибудь самоуверенный злодей и тронь струну этого страшного что-то? Ведь это – слабое утешение, что Бис и, может быть, некоторые другие соседи обо мне тоже плохо думали и даже вовсе не утешение. Значит, из-за пустяков люди могут нагромоздить друг на друга страшные нелепости, прийти к самым злобным предубеждениям, могут совершить действия, которые трудно вообразить. Значит, в каждом из нас сидит нечто такое, за которым нужно постоянно следить, которое даже при малом проявлении надо жестоко и безжалостно обуздывать. А эта нелепая желчь против Тигрова? Человек поработал, как мог, вышел на пенсию, живет, как может, никому не мешает, ну немного боязлив, доживи до его возраста, не будешь ли ты сам таким, ну немного пользовался служебным положением, тут еще бабушка надвое сказала. Действительно ли он злоупотреблял: попробуй дозовись до сантехника или электрика из домоуправления, когда что-либо случится в квартире. Не остаться без воды или электричества, когда у тебя в учреждении они под боком и всегда могут мигом съездить и исправить. А кто этим служебным положением не пользуется? Другие, как говорит Торежан, при возможности верблюда со шкурой, с шерстью, с потрохами проглатывают. Ну... пусть даже пользовался. Из этого презирать и ненавидеть? К чему? Глупо, очень глупо.

А что было бы, продолжал размышлять я, если бы вор не был пойман? Обстановка в подъезде накалилась бы до того, что каждый из нас мог бы превратиться в Ивана Никифоровича в современном издании? Страшно подумать. Не каждый способен, как моя Анна Дмитриевна, хладнокровно уповать и спокойно молчать, неуклонно веря, что время само восстановит истину и все исправит к лучшему.

Created by free version of 2PDF
Viktoria University

Вспомнил вдруг свои "воинственные " выстрелы из ружья, и стало мне совсем не по себе. Воистину этот несчастный робкий Неустроев послан во спасенье. Я, возбужденный, плохо владел собой и стрелял, конечно, без толку... А что было бы, если одна дробинка попала в этого Неустроева? Да к тому же Неустроев был бы не Неустроев, а настоящий жулик... Он тут же сочинил бы свою версию: забежал в полуподвал спьяна (или погреться), а этот, не знаю с чего, начал стрелять, ранил, хотел убить. Попробуй отвертеться: улик никаких, ключи, пока ехала милиция, успел спрятать... Преступником оказался бы не Неустроев, а я... Хохотал, черт возьми, что его угольной пылью обдало. Может, эта кучка угля меня и спасла, иначе пули угодили бы в Неустроева... Тоже мне сыщик нашелся: затеял дурацкий ажиотаж, пальбу...

Вас, конечно, теперь удивляет, что в тот долгожданный день, когда я мог сказать: "Вот вам, дорогие соседи, настоящий вор, посмотрите на него, полюбуйтесь. Он – вовсе не я, он – вовсе не вы. Так что напрасно вы меня подозревали, а я напрасно подозревал вас. Мы все очень хорошие, очень честные, очень милые люди. Давайте жить мирно, уютно, помогая, сочувствуя друг другу, создавая, как теперь говорят, обстановку наибольшего благоприятствования". В этот долгожданный день, когда мог сказать вот такие красивые слова и праздновать с соседями общую победу, в день, когда был пойман вор, который терроризировал нас, расстраивал наши отношения, мне в голову лезли совершенно обратные мысли и соображения.

Не могу сказать, что я человек, склонный к минорному ладу в своих настроениях. Наоборот, желание сделать доброе, всегда, кажется, владеет мной: это у меня, наверное, от родителей-крестьян, мне почти всегда весело, ибо считаю, что жизнь прекрасна и удивительна. Я б никогда не хотел ни за что, ни про что расстраивать родных, близких и вообще окружающих. Недаром Анна Дмитриевна часто обзывает меня простаком, на котором, как она говорит, может любой для своей пользы воду возить, хотя я подозреваю, что именно этим качеством моим она тайно гордится. И, конечно, была причина, чтобы вот так расстроиться, разозлиться на себя, какой же, думалось, истинно-добрый человек станет возводить такую несусветную напраслину на ни в чем не повинных людей?

Правда, я чувствовал, что соседи мои, переживали примерно то же, что я. Потому что все мы как-то стеснялись возвращаться к этой теме с вором, и я был благодарен, что никто из них не пел при встрече дифирамбы по поводу моего «героизма». Все стало постепенно забываться, уже, пожалуй, даже и забылось. Живем мы теперь, как говорит-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ся, душа в душу, никаких, даже мелких, трений не бывает. Поистине правильно говорил один мудрец Востока:

Все, в чем злобному видятся глупость и вздор,
Мудрость и красоту видит дружеский взор.

Но я, кажется, отклонился. Надо же ведь рассказать, чем все кончилось.

В тот день мне и на работе как-то было не по себе. Думаю не только потому, что не доспал, устал после нервной ночи, а еще и потому, что из головы не выходил этот странный злоумышленник. Механик, зарабатывающий, наверное, прилично, имеющий квартиру, промышляет мелкой кражей. И мне все казалось, что испуг, который был ему учинен при поимке, может быть, достаточен, чтобы этот несчастный человек (а в том, что он несчастный, я не сомневался) перестал заниматься своим побочным ремеслом; что, возможно, стоит мне попросить следователей не держать его в тюрьме. С этой мыслью я и направился после работы в милицию. Меня приняла миловидная девушка-капитан и серебристым голосом осведомилась, что меня к ней привело. Когда я рассказал о злоумышленнике, который меня интересует, она засмеялась:

– А мы допросили и отпустили.

– Как отпустили? – деланно возмутился я. – Он почти четыре года терроризировал наш подъезд, я столько энергии и усилий употребил, чтобы его поймать, а вы враз и отпустили. Как это так получается? А если убежит?

– А он блаженный какой-то. Ни отпираться, ни хитрить, ни оправдываться и не думает. Все рассказал, как было. Даже рассказал, в какие подвалы ходил, кроме вашего. Никуда он не убежит, мы же чуть-чуть в психологии подследственных разбираемся.

– А чем он мотивирует?

– Денег не хватало. Алименты платит. А тут магнитофон и еще что-то купил... Да, кстати, я попрошу вас и ваших соседей иметь в виду, что должны рассказать мне, что и когда у вас он утащил.

– Хватит нам, наверное, с ним заниматься, товарищ капитан. По вашей характеристике он сам все должен рассказать.

– Но все же мы вас побеспокоим.

Я был доволен, что злоумышленника отпустили. Идя домой, думал о том, что пора выбросить из головы всю эту чепуху, которая отняла у меня столько времени и энергии, тогда как важная научная про-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

блема, которой я занимаюсь по заказу одного из известных предприятий, решается плохо и, может быть, именно из-за меня, занятого совершенно посторонней глупостью. Но бывший «иждивенец» наш, к великой досаде, продолжал напоминать о себе.

Приглашали на допросы. Потом пригласили опознать краденные у нас вещи. Это были в основном банки с вареньем и соленьями, которые уже и везти-то домой не хотелось. Правда, Аня обрадовалась, когда среди этих вещей оказались банки с эмульсионной краской, которые «иждивенец» утащил в предпоследний приход. Белила давно забылись, а вот эмульсионная краска, которую Аня купила, выстояв целый день в очереди, расстроила ее сильно.

Правда, было еще одно событие, которое меня взволновало, хотя я и зарекся не думать теперь ни о чем, кроме своей работы. Как-то через месяц или меньше после поимки вора в воскресенье раздается звонок. Открываю дверь, стоит молодая женщина, лет, может быть, тридцати, тридцати пяти, одета щегольски, богато; напомажена густо. Смотрит смело и даже, пожалуй, нахально.

– Вы, Плетнев Алексей Александрович? – голос гортанный грубоватый, таким голосом у нас в деревне обладали крикливые бабы, любившие ни за что, ни про что поругаться и поголосить.

– Да, я.

– Я хочу с вами поговорить.

– По поводу чего?

– О Неустроеве. Он к вам в погреб ходил.

– Да, он у нас воровал. А вы кто ему?

– Ну уж и воровал... Будете слухать, скажу кто я такая.

– Со мной разговаривать не о чем, надо идти к следователю.

– Ну, вы послухайте нас... Вы ж ученый человек... На улице старуха-мать ждет. – Тон нетерпеливо-укоризненный как будто я и есть виновник всего. По ее логике, я и на самом деле виновником выглядел.

– Хорошо, сейчас выйду.

Вышел во двор. Дама была в дорогом пальто с меховым воротником, в еще более дорогой меховой шапке, а рядом с ней стояла согбенная, маленькая старушка в потертом пальтишке и маленькими бесцветными глазами смотрела на меня, как будто говоря: «А зачем она, сынок, меня привела к тебе? Разве я виновата, разве ты виноват?» Казалось, что эта рослая, пышущая здоровьем, гордящаяся своим налитым телом, своим нарядом, золотыми серьгами, вся разукрашенная дама привела эту сморщенную старушку только для того, чтобы оттенить свою стать, свою красоту, и неотразимость. Когда мы сели за привыч-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ный столик во дворе, она сняла с правой руки перчатку из дорогой эластичной кожи и на безымянном пальце заблестел перстень. Но руки были рабочие, большие, красные. Казалось, ни густо-кровавый свежий маникюр, ни этот перстень были ни к чему к этим рукам с толстыми грубыми пальцами и широкой кистью. И все что было на ней, вся эта дорогая одежда, вся эта красивость выглядела наносной, мишурной, и мне сразу подумалось, как эта женщина могла бы быть действительно привлекательной, оденься она попроще, поестественней, держи она себя без претензий, как бог на душу положит.

– Так вы теперь скажете, кто вы такая? – спросил я, когда мы расселись на скамейке вокруг столика.

– Кто така? Сожительша, подружка Ивана Филипповича. Давно друг дружке помогаем жить...

– А где работаете?

– А техничка, там же, где Иван Филиппович...

– Ну и что вы хотите сказать?

– А вот чо. Вы ученый человек, чо вам стоит сказать не трогать Ивана Филипповича. Много ли унес-то? Что это вам, мужикам, из-за каких-то вареньев, аль какой-то капусты судиться? Иван Филиппович вот матери старенькой хотел помочь.

Логика, нечего сказать, была прямо-таки обезоруживающей. Подумаешь, там, взял, именно взял, а не украл, какую-то капусту, какие-то варенья. При такой логике суждений доказывать этой даме, как скверно и подло поступал ее Иван Филиппович было совершенно впустую. Глядя на эту простодушную красавицу с претензиями на роскошь и светские манеры, сразу подумал, что старушка, которая сидит передо мной, опустив слезящиеся глазки долу, и маленькими, огрубелыми, плохо выпрямляющимися пальцами, не привыкшими оставаться без дела, нервно обглаживает рукава своего ветхого пальтишка, в воровских промыслах Ивана Филипповича ни при чем, что ни одной копейки сын ей не отдает, что все зло заключается в этом дорогом пальто, в этих серьгах, этом перстне.

– Ладно, я ни на чем не буду настаивать, как милиция, как суд решит...

– Чо там милиция, вас ученого большого человека всегда послушает, – грубо, уверенно настаивала дама.

– Ладно, ладно, – говорил я, желая быстрого ухода непрошенных посетителей.

– Чо там ладно... Не мужиковское это дело – из-за капусты и огурцов, – сверкнула, уходя, зелеными глазами красавица; старушка

Created by free version of 2PDF
Bukelov University

засеменила за ней. Мне показалось, что дама пошла в уверенности, что меня уговорила.

Состоялся суд. На скамью подсудимых сел человек средних лет, в хорошем костюме, при галстуке, с тщательно зачесанными назад редеющими волосами. Сел с выражением покорного безразличия на лице. Я впервые в жизни присутствовал на заседании суда, но думаю, что это было одним из скучнейших заседаний. Я был наслышан и начитан, как прокурор и адвокат искусно пикируют между собой, как председателю суда приходится умно сдерживать разгорающиеся страсти, как публика волнуется, выражая то восторг, то ропот... На данном заседании ничего подобного не было... Подсудимый отказался от адвоката, сказав, что защищаться он будет сам. Свидетелей защиты не было. Все факты обвинения, которые представило следствие, подсудимый спокойно принимал и ни одного отвода не сделал. Когда предоставили слово мне, как свидетелю обвинения, я, кратко повторив показания, данные следователю, сказал, что то, что подсудимый честно во всем признается, является смягчающим обстоятельством, и я, как потерпевший, готов простить его: отвечая на вопрос судьи и прокурора, подсудимый, как мне показалось, с какой-то преданной нежностью смотрел в сторону зала. Я взглянул туда: в стороне, как-то отделившись от всех присутствующих, сидела «сожительша». Еще я увидел мать и рядом с ней скромно одетую, очень похожую на подсудимого, молодую женщину, должно быть, сестру его. На них подсудимый не обращал никакого внимания, гость молитвенно вперял взор в сторону «сожительши».

Мотивировал совершенное им подсудимый примитивно. Его никак невозможно было сбить с того, что он приобрел магнитофон, приемник, транзистор и что ему нужно было беречь деньги. На вопрос прокурора, как он рассматривает терроризирование граждан, мешал им жить и работать, угрюмо и упорно отвечал:

– Ведь я брал понемногу. Ходил не очень часто.

Когда судья сделал замечание, что часто или редко воровал, существа дела не меняет, воровство есть воровство, он как будто с пониманием согласился, но в то же время при случае повторял, что «брал понемногу». Перед судом, казалось, стоял тот же чеховский злоумышленник, но только не босой, обросший и лохматый, не в пестрядиновой рубахе и рваных портках, а в современном костюме, при галстуке, причесанный и чисто выбритый. Ведь Денис Григорьев отвинтил гайку от рельс железной дороги, потому что ему нужно было ловить рыбу, и гайка, как он утверждал, лучшее грузило. Иван Неустроев воровал потому, что «ему нужно было сберечь деньги и купить магнитофон и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

приемник, а воровать чужие припасы был лучший способ сберечь деньги». Помните слова Дениса Григорьева, когда следователь сказал ему, что гайкой рельса прикрепляется к шпалам и что могло быть крушение поезда; "Это мы понимаем... Мы ведь не все отворачиваем... Оставляем... Не без ума делаем..." Иван Неустроев тоже «не без ума делал» он «понимал, что делал, и не все брал, оставлял и хозяевам»... Словом, чеховская история грустно повторялась.

В заключение перед решением суда выступил прокурор. Он говорил о социальных истоках склонности к легкой наживе, склонности присваивать плоды чужого труда. Его хорошо настроенный баритон взял самые высокие патетические ноты, когда он обратился к подсудимому, сказав, что ему государство дало среднее специальное образование, диплом механика, немалую зарплату для того, чтобы он честно и творчески занимался своим трудом, что этого он не сделал и обманул государство и общество. Прокурор обратил внимание общественных организаций вычислительного центра на слабую воспитательную работу, на то, что, как он сказал, «пригрели на своей груди, антигосударственную личность», указал на страшное зло, которое причиняют люди типа Неустроева, в коммунальных домах, где люди начинают подозревать и коситься друг на друга. Прокурор был молод, говорил вдохновенно, увесисто и уверенно. Но народу было мало, подсудимый, казалось, и не слушал, почти не отнимая глаз от своей красавицы.

Я же сидел и думал, что этот Неустроев, глупое преступление которого привело в движение стольких людей и возбудило страсти, причем не всегда благородные, наверное, нисколько не злодей от природы, а просто человек, лишенный воли, чтобы держаться общеустановленных нравственных устоев, что не будь эта «сожительша» жадной до дорогой одежды, серег, перстней, он и не подумал бы лазить по ночам в чужие подвалы. Я думал о странных особенностях правосудия, когда его меч не может опуститься на причины и истоки, а рубит следствия. По крайней мере, думал я, неизвестно, что может опуститься на причины и истоки, а рубит следствия. По крайней мере, думал я, неизвестно, что может еще сделать этот Иван Филиппович ради своей обожаемой.

Неустроева осудили на выселение из города на два года. Так закончилась история с вором, которого я поймал. Между тем, когда вспоминаю отдельные перипетии этой житейской были, не могу отрешиться от мысли, как мало надо человеку, чтобы он изменил свое мнение о близких братьях своих от хорошего к плохому, как часто осуждаем мы вовсе не того, кого надо. Я не хотел бы переводить это на большие земные масштабы, и все равно от этого не легче. Этим грусти не убавишь...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА

Обращаясь в этой книге к молодежи, я рассказываю преимущественно о своих учителях в науке и жизни. Я счел возможным поместить в ней и свои заметки о гениальном русском химике Дмитрии Ивановиче Менделееве. По его книгам я учился любить химию, а листая страницы его биографии, видел в ней образец целеустремленности, слияния теории и практики, благородства и твердости характера, широты интересов ученого, человека.

1 марта 1869 года профессор Петербургского университета Дмитрий Иванович Менделеев подписал в набор научную статью-таблицу «Опыт системы химических элементов». С этой даты, можно считать, начинается качественно новая эпоха в развитии химической науки, справедливо названная менделеевской.

Выдающиеся открытия, триумфальные достижения в физике, математике, химии, астрономии, биологии, с помощью которых человек шаг за шагом проникает в сокровеннейшие тайны природы, со временем тускнеют, переходят в разряд ординарных ступеней знания. Многие истины, достигнутые в свое время величайшим напряжением человеческого разума, становятся нашим достоянием с детского возраста и уже не вызывают того первозданного восторга и изумления, какое испытывал человек при их рождении. Любой ученик сегодня с помощью простейшего опыта или несложных умозаключений может продемонстрировать справедливость закона Архимеда или теоремы Пифагора. Такова судьба знаменитых открытий, в том числе и таблицы Менделеева. Другое дело – область художественного творчества. Создания Гомера и Сервантеса, Гете и Пушкина, Байрона и Лермонтова, Абая и Джамбула, Рафаэля и Репина остаются вечно новыми на все времена, и каждое поколение, знакомясь с ними, вновь и по-своему испытывает сложнейшие эмоции восхищения и первоначальной радости узнавания, очищает чувства, постигает тайны прекрасного.

Эта разница восприятий заключена, по-видимому, в самой природе интеллектуальной деятельности человека. Художественные эстетические богатства общества можно сравнить с многокрасочным и действенным ансамблем, отдельные части которого, хотя и взаимосвязаны, но имеют вполне самостоятельное значение. Что касается естественных наук, то они представляют собой здание, в которое кирпич укладывался за кирпичом. Вытащите кирпич – самостоятельного значения он как будто не имеет. Но, с другой стороны, вынимать кирпичи из

Created by free version of 2PDF
Bukeev University

здания – занятие несколько рискованное: само здание может развалиться. Образно говоря, каждый такой кирпичик и есть та крупица истины, из которой складывается любая наука. Над формовкой и обжигом каждого такого кирпича подвижнически трудились многочисленные безвестные, безымянные, а если и известные для своего времени, то уже обреченные на забвение в будущих поколениях работники познания.

Между тем, в нашем здании, кроме кирпичиков, есть еще и балки, колонны, перекрытия и другие элементы, без которых невозможна целостность строения. Их – понятно, весьма условно – можно уподобить тем серьезным научным обобщениям, появление которых означает новый качественный скачок в диалектическом развитии науки. Такие обобщения, такие открытия принадлежат выдающимся умам в истории творческой мысли. Но к самым редким явлениям в развитии научного познания принадлежат открытия, позволяющие обобщить и обозреть все сделанное до сих пор и на основе этого дать методологические предпосылки для всего развития науки на будущее в целом. Словом, если продолжить уподобление развития отдельной науки строительству здания, то здесь может уже идти речь и об изменении общей архитектуры, и о пределах общего роста здания, о новых его этажах и капитальных достройках. «Узнать, понять и охватить гармонию научного здания с его недостроенными частями, – писал Д.И. Менделеев, – значит получить такое удовлетворение, какое дают только высшая красота и правда». Сам великий русский ученый и принадлежит к числу не столь уж многих гениев человечества, которые не только открыли отдельные, исключительно важные закономерности в избранной науке, но и, создав ее истинно научные основы, «охватили гармонию научного здания».

До открытия периодической системы химия, несмотря на выдающиеся работы Ломоносова, Лавуазье, Дальтона, Пруста и других, все же оставалась огромным нагромождением фактов. Количество этих фактов, пожалуй, было большим, чем в любой другой науке. В этом сказалась и целая эпоха деятельности бесчисленного множества алхимиков, отдавших свои таланты и способности, а иногда и жизнь, поискам методов превращения обычных веществ в золото и драгоценные камни.

Но одно дело – факты, другое – закономерность их происхождения. Пожалуй, даже в физике, несмотря на деятельность таких гигантов, как Ньютон и Эйнштейн, нельзя найти ученого, занимавшего в ней такое место, какое занял в химии Менделеев. Вся химическая наука в

Created by free version of 2PDF
Bukelov.university

настоящее время систематизирована и изучается по Менделееву. Рядом с ним, по-видимому, можно поставить разве Чарльза Дарвина, гениально указавшего на законы диалектического развития животного и растительного мира, создавшего единую истинно научную методологию изучения генезиса и развития флоры и фауны на земном шаре.

Особенность идей, подобных заложенным в основу периодической таблицы, заключается в том, что их плодотворность растет из поколения в поколение и с каждой эпохой раскрываются все новые факты, подтверждающие их, оживляющие. Таблица полнокровно живет сегодня, будет жить завтра, и имя ее творца становится неподвластным забвению. Слава Менделеева сближается со славой великих художников мира, будь это писатели Пушкин и Гете, будь это композиторы Бетховен и Чайковский.

Я отношусь к таблице, как к творческому произведению. Вполне понимая, что подробное ее изложение находится за гранью этих публицистических страниц, я все же рискну рассказать немного о ней, как один из благодарных рядовых большой армии химиков.

Открытие Менделеева для нас и теперь полно новизны и гармонии, хотя, кажется, сейчас нет ни одного более или менее образованного человека, который не был бы знаком с таблицей химических элементов, с портретом величавого старца в правом верхнем углу. Да, величавого старца, но в год открытия закона Дмитрий Иванович был еще сравнительно молодым человеком: ему исполнилось всего тридцать пять лет. Читатель, очевидно, помнит, что таблица эта состоит из клеток, соответствующих заключенным в них элементам, название каждого из которых обозначено латинским символом.

Количество элементов заканчивается номером 104. Но что такое элемент? Для определения этого понятия вспомним, что химия есть наука о веществах и их превращениях. Любое же вещество есть сочетание атомов. Атомы, как правило, группируются в молекулы – мельчайшие частицы, сохраняющие свойства данного вещества. Вещества и, следовательно, их молекулы могут состоять из разнородных атомов, такие вещества называются сложными. Например, вода – сложное вещество, ее молекула состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Но вещества и, следовательно, их молекулы могут состоять из однородных атомов. Тогда такие вещества являются простыми. Например, водород и кислород в отдельности — простые вещества. Простые вещества и есть элементы. Весь материальный мир состоит из веществ, то есть самых разнообразных сочетаний элементов. Но эти сочетания не являются случайными. Во взаимной связи элементов, в

Created by free version of 2PDF
Buketov University

образовании ими различных сочетаний, т. е. соединений, есть внутренние законы. Эти законы, в первую очередь, обусловлены свойствами исходных, основных простых веществ, то есть элементов. Открытие Менделеева и сводится к тому, что он расположил элементы в строгом и неизменном порядке, именно так, как они выглядят в его знаменитой таблице. К чему сводится основная идея этого порядка? Менделеев в 1869 году сформулировал её такими словами: «Элементы, расположенные по величине их атомного веса, представляют явственную периодичность свойств». В статье, опубликованной через год, он уже свое открытие называет законом и пишет: «Закон периодичности можно сформулировать следующим образом: свойства элементов, а потому и свойства образуемых ими простых и сложных тел состоят в периодической зависимости (т.е. правильно повторяются) от их атомного веса».

Сформулировав идею, Д.И. Менделеев проделал до 1871 года титаническую работу по уточнению периодического закона, и она уже в окончательном виде при жизни ученого выглядела таким образом, что между современным видом таблицы, то есть тем видом, который используется в учебниках в настоящее время, и тем видом, который был окончательно представлен Д.И. Менделеевым, есть некоторая разница. Группа так называемых инертных газов и водород были представлены в левой части таблицы, в настоящее время их ставят в правой части. Это совершенно не вносит каких-либо принципиальных поправок в первоначальный вид таблицы, однако такая перестановка соответствует современным представлениям о строении атома.

Более существенная поправка относится к некоторым другим элементам.

В современной таблице присутствует 8 групп; в группах вертикально располагаются элементы со сходными химическими свойствами. Горизонтально элементы подразделяются на 7 периодов. Периоды разделяются на ряды. Первые 3 периода имеют по 1 ряду, следующие 3 периода по 2 ряда, последний 7-й период имеет 1 ряд. Следовательно, всего 10 рядов. А в таблице Менделеева, как видите, 12 рядов. Такое сокращение рядов было вызвано тем, что в последующих интерпретациях таблицы Менделеева было решено 14 редкоземельных элементов, очень сходных по своим химическим свойствам, поместить в одну клетку под номерами 57 и 70. И, далее, так называемые актиноиды, тоже весьма сходные по своим свойствам (сюда входит ныне знаменитые радиоактивные элементы, источники атомной энергии, торий и уран), поместить в последнюю клетку. А для наглядности все эти эле-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

менты выносятся за таблицу, вниз. Это уже более существенная поправка.

Говоря о поправках к таблице элементов Менделеева, нужно иметь в виду следующее. Еще до Менделеева были многочисленные попытки систематизировать элементы по свойствам, но только один Менделеев смог дать таблицу, полностью соответствующую естественным свойствам элементов. После Менделеева были также предприняты попытки придать более стройный, более строгий и лучший вид Менделеевской системе элементов. При этом авторы таких попыток объяснили свои цели тем, что Менделееву не были достаточно известны многие свойства элементов, да и количество открытых элементов было менее двух третей от ныне известного. Однако история показывает, что даже имея, казалось бы, неопровержимые факты, необходимо обращаться бережно и осторожно с догадками великого мыслителя. Рискованно идти против интуиции гения. Прав был академик Вернадский, когда говорил, что «вся история науки доказывает на каждом шагу, что в конце концов постоянно бывает прав ученый, видящий то, что другие своевременно осознать и оценить не были в состоянии». Ни один вариант, улучшающий таблицу Менделеева, не смог получить права гражданства. Мы в настоящее время пользуемся вариантом, наиболее соответствующим оригиналу, созданному Менделеевым.

Изыскания последнего времени, основанные на новейших данных о физико-химических свойствах элементов, с большой научной убедительностью доказывают, как прав был Менделеев, оставляя «окна» в таблице для их будущего заполнения. Такова в самом кратком изложении сущность периодического закона Менделеева. Если вы по любому горизонтальному ряду знаменитой таблицы пройдете слева направо, то заметите закономерное изменение физико-химических свойств элементов в соответствии с нарастанием атомного веса. В конце ряда монотонность изменений свойств резко обрывается, начинается новый ряд. То же можно наблюдать и сверху вниз по группам. Это и есть то, что в марксистской материалистической диалектике называется переходом монотонных количественных изменений в резкие скачкообразные качественные изменения. Менделеев, далекий от марксизма, был стихийным материалистом и диалектиком.

В литературе о главном творческом открытии встречается рассказ, как великому химику приснилась таблица элементов и как ученый, пробудившись, записал на бумаге свой сон – это, дескать, и было основой его мартовской публикации 1869 года. Академик Кедров в своем большом исследовании «Один день великого открытия» показал,

Created by free version of 2PDF

Buketov University

«как удивительному сну предшествовали пятнадцать лет упорных исследований» изучения достижений химии. В эти годы он написал диссертацию «Удельные объемы», являющуюся преддверием к открытию периодической закономерности, издал книгу «Органическая химия», за которую ему Академия наук присудила Демидовскую премию. Его труд «Основы химии», созданный в это же время, восторженно встретили все химики мира. Задолго до своего «вещего сна» Менделеев непосредственно размышлял над связью между атомным весом и свойствами элементов. Перед самым открытием он на 62 визитных карточках написал названия и свойства известных к тому времени 62 элементов. И раскладывал «пасьянсы», то есть комбинировал эти карточки соответственно своим замыслам. Академик Кедров в многочисленных черновиках, хранящихся в менделеевском архиве, нашел бесспорные свидетельства титанической работы, проделанной до «сна», до «пасьянсов». «Корни всякого открытия лежат далеко в глубине и, как волны, бьющиеся с разбегу о берег, много раз плещется человеческая мысль около подготовляемого открытия, пока придет девятый вал», – образно определил стадии научного творчества академик Вернадский. Мы теперь знаем, что мысль Менделеева непрестанно, все чаще и сильней билась о заветный берег и лишь в марте 1869 года пришел девятый вал, и открытие свершилось.

Да и сам Дмитрий Иванович точно и афористично сказал: «Чтобы найти, надо ведь не только глядеть и глядеть внимательно, но надо знать и знать многое, чтобы знать куда глядеть». Как это хорошо перекликается со строками поэта А.К. Толстого:

...Много в пространстве невидимых форм
и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть сочетаний и слова,
и света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть,
и слышать,
Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье,
лишь слово,
Целое с ним вовлекает созданье в наш мир
удивленный.

Д.И. Менделеев умел «...видеть и слышать» и действительно удивил мир новым созданием, но он еще более удивил мир, настойчиво продолжая его дальнейшее совершенствование.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

«Оно, конечно, нафантазировать всякое можно, а ты поди, демонстрируй», – внушительно наставлял он одного из своих учеников. И Менделеев не был бы Менделеевым, если бы сам неукоснительно не придерживался этого правила. Вся его научная деятельность – это прочный сплав теории и практики. Он постоянно подкреплял глубокие теоретические выкладки практическими выводами. И эта особенность его творчества ярко проявилась при дальнейшем подтверждении исключительного значения для развития химии открытого им закона периодичности элементов.

Лучше всего это иллюстрируется историей трех элементов, еще неизвестных в памятном 1869 году. Глубоко убежденный в том, что закон открыт им не для констатации фактов, а для проникновения в тайны природы, Менделеев предсказал существование этих трех элементов и дал им условные названия **экабора, экаалюминия, экасилиция**. На основе раскрытой им же закономерности он достаточно подробно предсказал и свойства этих элементов. Комментируя свое предсказание, он писал осторожно и убежденно: «Решаюсь это сделать для того, чтобы хотя со временем, когда будет открыто одно из этих предсказываемых мною тел, иметь возможность окончательно увериться самому и уверить других химиков в справедливости тех предположений, которые лежат в основании предполагаемой мною системы». Следовательно, Менделеев ожидал открытия предсказанных элементов, однако он не предполагал, что его надежды скоро осуществятся. Действительность превзошла ожидания. Через несколько лет, а именно в 1875 году, в Парижской Академии наук появилось сообщение, что французский химик Лекок де Буабодран спектроскопическим способом открыл новый элемент и назвал его в честь своей родины галлием. Сам Лекок де Буабодран писал об открытии следующее: «Между тремя и четырьмя часами 27 августа 1875 года я нашел признаки возможного существования нового элементарного вещества в продуктах, содержащихся в исследовавшейся мною цинковой обманке из рудника Пьерефитт». Ознакомившись с некоторыми особенностями нового элемента, Д.И. Менделеев понял, что открыт предсказанный им экаалюминий. Менделеев немедленно обратился к Лекоку де Буабодрану с письмом, выступил с сообщением об открытии экаалюминия – галлия на заседании Русского физико-химического общества и послал в Парижскую Академию «Заметку по поводу открытия галлия». Но самое, пожалуй, интересное в этом событии заключается в том, что Д.И. Менделеев настаивал на исправлении удельного веса: Лекок де Буабодран нашел его равным 4,9, а по предсказанию Д.И. Менделеева он должен был

Created by free version of 2PDF
Buketov University

быть 5,9. При повторении исследования французский ученый вынужден был согласиться: удельный вес по его новым данным равнялся 5,94. Блестяще сходились и данные по химическим свойствам.

Кстати сказать, Лекок де Буабодран, открывший галлий, до письма Менделеева не был знаком с его открытием периодического закона. И письмо малоизвестного, по крайней мере для него, русского химика он встретил с определенным недоверием. Не были до сих пор знакомы или не обратили должного внимания на это открытие многие другие западные ученые. После открытия галлия интерес к периодическому закону и к личности самого ученого необыкновенно вырос. Это был первый триумф основного детища Менделеева – периодического закона.

Дмитрия Ивановича ожидал еще больший успех: были открыты экабор и экасилиций. В марте 1879 года шведский ученый Ларс Фредерик Нильсон открыл новый элемент, названный патриотом Скандинавии скандием. В отличие от Лекока де Буабодрана Нильсон знал, что искал и что открыл, – он в своих поисках руководствовался указаниями Менделеева на свойства нового элемента. Близость предсказанных свойств с найденными были поразительны. Нильсон сообщил: «Не остается никакого сомнения, что в скандии открыт экабор... Так подтверждаются самым наглядным образом мысли русского химика, позволившие не только предвидеть существование найденного простого тела, но и наперед определить его важнейшие свойства». И, наконец, в 1886 году немецкий химик Клеменс Александр Винклер открыл экасилиций. 26 февраля 1886 года он кратко и с большой признательностью сообщил об этом Менделееву.

Дмитрий Иванович немедленно отозвался письмом с подробнейшей характеристикой нового элемента, получившего название германия. Можно сказать, что дальнейшие исследования по уточнению его свойств велись под непосредственным руководством великого русского химика. Переписка, относящаяся к этому времени, свидетельствует о громадном авторитете Менделеева. Не оставалось и тени недоверия, которое еще можно было обнаружить у Лекока де Буабодрана. Великое уважение и почтение чувствуется в каждом слове писем Винклера. Невозможно не привести следующее письмо Винклера от 27 апреля 1887 года:

«Уже теперь я могу сообщить вам с великой радостью, – двойные фториды (германия) имеют большое сходство с соответствующими им соединениями силиция, так что и с этой стороны Ваше гениальное предположение находит подтверждение.

Created by free version of 2PDF
Bukeiov University

Перед лицом этих очень интересных результатов изучение германия с каждым днем привлекает меня все больше. Есть ...лишь одно обстоятельство, которое омрачает мое удовольствие,— это нападки, какие встретило название германия за границей. Правда, мне сейчас приходится убедиться, что выбор этого названия не был удачным, и все же я могу заверить Вас, что я был совершенно далек от мысли внести таким путем политику в науку: я прежде всего считаю, что последняя стоит вообще выше пристрастий отдельных народов. Когда существование нового элемента было установлено с достоверностью, его было необходимо назвать, но тогда еще не было никаких мотивов в пользу какого-либо подходящего названия... По совету моего друга (А. Вейсбаха) я последовал примеру гг. Лекока де Буабодрана и Л.Ф. Нильсона и назвал элемент по имени страны, в почве которой он был впервые найден... Меня тревожит мысль, что и Вы можете неодобрительно отнестись к наименованию «германий», а потому я беру на себя смелость послать Вам пару объяснительных слов. Вы часто давали мне доказательства Вашего крайне для меня ценного расположения; я думаю, моя просьба будет не напрасной, если я буду убедительнейше Вас просить положить на чашу весов в научных кругах России Ваше авторитетное суждение».

Винклер получил на свое письмо ответ, достойный Д.М. Менделеева:

«Глубокоуважаемый коллега! Ваше любезное письмо лишь напомнило мне о том, что я отложил в сторону за последнее время. Я только потому не писал Вам до сих пор, что не владею немецким языком, а кроме того, сейчас очень занят; личное мое глубокое уважение к Вам и отношение, как к коллеге, навсегда останутся неизменными.

Вы доставите мне большое удовольствие, если распространите следующее мое мнение. Название экаалюминий, экабор и экасилиций были предложены мною лишь как предварительные в момент их открытия, и я могу гордиться тем, что они были заменены названиями высокопросвещенных стран, как Галлия, Скандинавия и Германия; мне менее польстило бы, если бы были сохранены предложенные мною временные названия, поскольку не природа существует для предварительных выводов мысли, а, напротив, мысли и предвидения обретают свой смысл лишь через свое выражение в познании, которым владеют народы. Будучи свободен от политических и узконациональных принципов, я отношусь к ним с некоторым недоверием из-за крови, которая часто бесполезно проливается ради них вследствие узурпации этих священных интересов; лично же я люблю свою страну, как мать, а

Created by free version of 2PDF
Bukejov University

свою науку – как дух, который благословляет, освещает и объединяет все народы для блага и мирного развития духовных и материальных богатств.

Только в науке я вижу возможность не дойти до шиллеровского разочарования в идеалах, потому что она нужна всюду, ее солнце никогда не угасает, а, наоборот, поднимается все выше и выше – восходит над горизонтом океана вечности.

Я с особым интересом буду ожидать Вашей второй работы с германием, так как первая доставила мне величайшую радость... Любезно присланные Вами образцы германия и аргиродита являются лучшими украшениями моей коллекции, и я оставляю, их, своим детям, как незабываемую память.

Число моих детей в последнее время возросло благодаря рождению двух близнецов; теперь у меня три сына и три дочери. Сейчас у меня величайшее желание – повысить свою производительность и в области науки...

Я надеюсь, что Вы простите мое долгое молчание и не будете сомневаться в глубоких чувствах дружбы и уважения со стороны преданного Вам Д. Менделеева».

Так три главных открытия, совершенные на основании предвидения ученого, определили триумф периодической системы элементов. Менделеев писал: «Утверждение закона возможно только при помощи вывода из него следствий без него невозможных и не ожидаемых, и оправдания тех следствий в опытной проверке. Потому-то, увидев периодический закон, я со своей стороны (1869-1871 гг.) вывел из него такие логические следствия, которые могли показать – верен ли он или нет. Без такого способа испытания не может утвердиться ни один закон природы».

После открытия скандия, галлия, германия, после исправления ошибочных данных по многим другим элементам в соответствии с указаниями Д.И. Менделеева ни у кого не оставалось никаких сомнений относительно того, что великим русским ученым открыт фундаментальнейший закон природы. И уже в последующие десятилетия вся химическая наука была систематизирована и приведена в соответствие с периодической закономерностью. И лишь на основе такой систематизации химическая наука приобрела стройность, многократно облегчившую ее изучение и развитие. Сбылось пророчество Менделеева: «По видимости, периодическому закону будущее не грозит разрушением, а только надстройки и развитие обещает».

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Менделеев назвал химиков Лекока де Буабодрана, Нильсона, Винклера, открывших галлий, скандий и германий, укрепителями периодического закона. Он держал их фотографии на собственноручно смонтированном маленьком стенде.

Закон периодичности свойств элементов не только позволил систематизировать химические знания, но и озарил светом предвидения все дальнейшие химические и физические исследования свойств веществ и элементов. Многие выдающиеся открытия и капитальные достижения науки XX века непосредственно связаны с развитием периодического закона. Среди дальнейших его «укрепителей» можно было бы назвать и блистательные имена физиков Резерфорда, Бора и Курчатова, химиков Содди, Склодовской-Кюри, Курнакова и Капустинского, геохимиков Вернадского, Голдшмидта, Ферсмана, Виноградова и многих других. Сама атомная физика, как наука и как отрасль техники, выросла в укрепление и развитие периодического закона Менделеева.

Но имя одного ученого начала двадцатого века в этом аспекте следует выделить особо, его исследования имели решающее значение в дальнейшем раскрытии научных основ периодической закономерности.

10 августа 1915 года на берегу бухты Сувла в районе Дарданелл турки с фланга атаковали английский десант; и в тот момент, когда офицер службы связи 38-й бригады склонился над полевым телефоном, пуля пробила ему голову. Пуля пробила голову выдающемуся физику Генри Мозли. Он умер мгновенно, не дожив до двадцати восьми лет. «Если бы в результате европейской войны не случилось иной беды, кроме той, что погасла эта юная жизнь, то и не нужно было бы ничего другого, чтобы превратить эту войну в одно из самых отвратительных и самых непоправимых преступлений в истории!» – так отозвался один из крупных ученых того времени Меликен. «Это национальная трагедия!» – воскликнул Резерфорд. Знаменитый физик как бы предвосхитил горькую потерю, решительно протестуя против мобилизации *на фронт своего любимого ученика*. Добавим, что убийцей Мозли был не кто иной, как будущий вдохновитель «холодной войны», ненавистник социализма Уинстон Черчилль, ибо именно он, будучи военно-морским министром Великобритании, организовал этот авантюристический поход в Дарданеллы против Турции.

Что же сделал для укрепления и развития закона периодичности свойств элементов этот человек, жизнь которого оборвалась столь трагично? Для этого снова обратимся к первоначальной формулировке периодического закона: «Свойства элементов находятся в периодической зависимости от их атомного веса». Изложив таким образом от-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

крытый им закон, великий Менделеев все же чувствовал, что атомный вес элемента в данном случае можно считать лишь внешним выражением более глубокого, более конкретного внутреннего содержания.

Задумываясь о причинах периодической зависимости, он предполагал, что «по всей вероятности, она кроется в основных началах внутренней механики атомов и частиц». Дмитрий Иванович допускал возможность разложения элементов и превращения их друг в друга: «...мне лично, как участнику в открытии закона периодичности химических элементов, было бы весьма интересно присутствовать при установке данных для доказательства превращения элементов друг в друга, потому что я тогда мог бы надеяться на то, что причина периодической законности будет открыта и понята». И в связи с этим Д.И. Менделеев предвидит, что «более всего обещают успеха попытки выразить периодическую зависимость элементов путем подстановки в общую формулу **«ряда целых чисел»**, так как тогда получаем разрывность или скачки, отвечающие природе элементов.

Таким образом, Менделеев был не удовлетворен тем, что монотонные количественные изменения выражаются через атомный вес элементов и ожидал выражение этой зависимости через **ряд целых чисел**. Это ожидание Менделеева сбылось через пять лет после его смерти, в 1912 году, когда Генри Мозли нашел, что истинной основой закона Менделеева являются не атомные веса, как предугадывал великий химик, а положительные заряды ядер или количество электронов в электронной оболочке атома элемента. Это количество электронов ныне выражается номером элемента, то есть натуральным рядом чисел. Это и есть то, что ожидал Менделеев!

Теперь-то мы знаем, что переход одного элемента в другой есть нарастание положительного заряда в ядре и отрицательного в электронной оболочке, и что так называемые ядерные реакции это есть разложение сложных ядер, например, урана – с образованием более простых ядер, то есть образованием более простых элементов начальных периодов периодической системы!

Именно в предвидении такой фундаментальной закономерности Д.И. Менделеев смело поставил в своей таблице кобальт с атомным весом 58,9 перед никелем с атомным весом 58,7; а теллур – 127,6 перед йодом 126,9. Интуиция поистине гениальная! Недаром его открытиями глубоко заинтересовался Фридрих Энгельс, которому принадлежит известная оценка деятельности русского химика: «Менделеев... совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с откры-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тием Леверье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты – «Нептуна».

Как бы расшифровывая слова Энгельса, советский физик-химик А.В. Раковский писал: «Леверье и Адамс открыли Нептун, опираясь на видимые неправильности в движении Урана и базируясь на всеми признанном законе Ньютона. Менделеев открывал элементы и предсказывал их свойства, опираясь на пустые клетки в созданной им же системе и базируясь на законе, им же открытом и далеко не всеми признанном».

Открытие периодического закона является вершиной научного творчества Д.И. Менделеева. Но углубляя теоретические основы науки, достигая ее вершин, Дмитрий Иванович являл и являет вдохновляющий пример целеустремленного практического деятеля в области промышленности и сельского хозяйства. Никак не походил он на кабинетного ученого, отгороженного непроницаемой стеной от живой жизни, от велений времени.

И поныне громадное практическое значение имеют работы Менделеева по проблемам добычи, переработки и транспортирования нефти. Результатом его поездки в США явилась объемистая книга «Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе». Продолжая свои исследования в этом направлении, он выдвигает оригинальную теорию о происхождении нефти, выступает с предложением о строительстве нефтеперерабатывающих заводов в центре России, о расширении и усилении нефтяной отечественной промышленности. Его многочисленные труды по нефти касаются не только теории, практической технологии, но и изобилуют экономическими выкладками и конкретными выводами. Дмитрий Иванович очень четко представлял сам их значение: «Мои, так сказать, теоретические усилия начались с настойчивой пропаганды в пользу возможности развития при определенных условиях выработки бакинской нефти в эпоху, когда к нам ввозились миллионы пудов американского керосина».

Исключительно оригинальные идеи выдвинул Д.И. Менделеев, изучая Донецкий каменноугольный бассейн. Для нас, жителей Караганды, это особо интересно. Люблю перечитывать начало одной из его статей: «Много, много веков в земле пластом лежат, не шевелясь, могучие черные великаны. По слову знахарей их поднимают в наше время и берут в услугу. Без рабов стали обходиться, а сделались сильнее, такие дела великанами производят, о каких при рабах не смели думать. Черные гиганты шутя двигают корабли, молча день и ночь вертят за-

Bukstov University
Created by free version of 2PDF

тейливые машины, все выделывают на сложных заводах и фабриках, катят, где велят, целые поезда с людьми ли, или с товарами, куют, прядут, силу хозяйскую, спокойствие и досуг во много раз увеличили.

Не сказки это – из жизни, у всех на глазах. Эти поднятые великаны – носители силы и работы – каменные угли, а знахари – наука и промышленность».

Как он умел писать по-своему, поднимаясь до поэтических высот, когда речь шла об отечественной науке и отечественной промышленности. Как он умел предвидеть будущее. В работах по каменным углям Д.И. Менделеев впервые выдвигает идею о газификации углей и транспортировки горючих газов по трубам. Он мечтает о времени, когда «...угля из земли вынимать не будут, а там в земле его сумеют превращать в горючие газы и их по трубам будут распределять на далекие расстояния».

Знаменательно, что на практическое значение этой идеи обращал внимание Владимир Ильич Ленин. Он указывал, что осуществление подземной газификации углей освободит при социализме труд миллионов горнорабочих, сделает гигиеничными условия труда на заводах и фабриках.

Когда говорят о Менделееве, обычно вспоминают, что он раскрыл секрет производства бездымного пороха, следя за количеством груза, перевозимого по ветке к одному из пороховых заводов Франции. Должен сказать, эта версия мало правдоподобна. Дмитрий Иванович хорошо знал сырье и составы бездымных порохов. Секрет касался в основном тонкостей технологии и природы некоторых примесей. На самом деле Менделеевым на основе тщательно и целеустремленно проведенных исследований был изобретен пироколлодиевый бездымный порох, обладавший по сравнению с заграничными сортами, намного более универсальными свойствами. Он был пригоден не только для стрельбы из ружей, но так же из орудий разных калибров. Косная царская военная администрация не смогла или не захотела широко организовать производство этого сорта пороха. В воспоминаниях современников сохранился один любопытный эпизод: «Не забуду, как однажды Иван Михайлович (Чельцов – сотрудник Менделеева) вышел ко мне с матерью из кабинета, только что простившись с каким-то гостем, и произнес: «Сейчас был гость у меня с предложением от дружественной Франции за миллион франков сообщить ему секрет нашего пороха. Я попросил его удалиться... Сейчас должен поехать к Менделееву доложить, а то разволнуется старик, если дойдут до него слухи».

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Менделеев был знаменит прежде всего как химик. Но великие таланты обычно отличаются многогранностью. Дмитрий Иванович многое сделал и в области физики, преимущественно в последнее пятнадцатилетие жизни, когда он стал ученым-хранителем депо образцовых мер и весов. Под его руководством проводились не только большие организационные мероприятия по форме и упорядочению всего дела мер и весов в стране, но и серия практических исследований в метрологии. Трудно переоценить их значение для науки и промышленности.

Нельзя в кратком очерке даже перечислить все начинания, все увлечения Менделеева. Широта его могучей натуры не знала границ. Но разве можно умолчать, что Дмитрий Иванович живо интересовался литературой и искусством, а в области живописи был тонким знатоком и собирателем. Его рецензия «Перед картиной А.И. Куинджи» написана с глубоким проникновением в историю пейзажа, с неожиданными обобщениями и с поэтической любовью к природе и искусству. Недаром вскоре Дмитрия Ивановича избрали действительным членом императорской Академии художеств.

Естественно, к Дмитрию Ивановичу тянулись самые разные интересные люди, и он тянулся к ним. Среди его друзей и знакомых было немало выдающихся людей того времени. Знали друг друга Менделеев и наш Чокан Валиханов.

«Дмитрию Ивановичу передайте мой поклон, когда увидите...» – писал Чокан 2 января 1862 года из аула Сырымбет в Петербург ректору университета Александру Николаевичу Бекетову. Есть все основания предполагать, что Чокан встречался с Менделеевым в Петербурге после своего героического путешествия в Кашгар, а познакомились они, вероятно, еще раньше.

Это произошло в Омске, в той части города – Мокром, где жил Чокан, жили Гутковские, где находился и двухэтажный дом Капустиных. Жена Якова Федоровича Капустина, видного и прогрессивного чиновника, Екатерина Ивановна, была старшей сестрой Дмитрия Ивановича.

В сущности Екатерине Ивановне и обязан дом Капустиных славе своеобразного клуба передовых людей Омска. Здесь спорили об искусстве, литературе, науке, о судьбах Родины. Здесь часто бывал ссыльный петрашевич Сергей Федорович Дуров, называвший Екатерину Ивановну «святой женщиной» за ее душевность и чуткость. Известно, какое влияние оказал Дуров на мировоззрение Чокана. В доме Капустиных Чокан встречался и с Федором Михайловичем Достоевским.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Здесь, у своей сестры, и познакомился Дмитрий Иванович с Чоканом. Они были погодками: Менделеев родился в 1834 году, Валиханов – в 1835. Мы можем только воображать, как спорили молодые люди, столь не похожие друг на друга. Но мог ли Чокан не восхищаться образной сибирской речью на «о» будущего великого ученого, мог ли не задумываться Дмитрий Иванович над судьбой просвещенного «степного принца», которого так волновало будущее России и родной степи.

...А когда Екатерина Ивановна овдовела, она вместе с детьми и внуками поселилась у Дмитрия Ивановича в Боблове, вблизи города Клина, и привезла туда одну из бесценных своих реликвий – фотографию Чокана Валиханова и Достоевского.

В редкие свободные минуты Менделеев заходил в комнату к старшей сестре и всматривался в эту фотографию, вспоминая Сибирь, Омск, встречи в доме Капустиных.

За внимание к славному нашему Чокану, за оптимистический взгляд на богатства, заложенные не только на Урале, но и к востоку от него – значит, в казахской степи, за светлые мысли о будущем нашей Родины мы будем всегда благодарны Дмитрию Ивановичу Менделееву. И не таким уж случайным выглядит то обстоятельство, что Сабит Муканов в одной из своих книг, пусть с некоторыми романтическими преувеличениями, но с большим уважением изложил историю любви *великого ученого к донской казачке Анне Ивановне Поповой*, ставшей его женой.

Грандиозную фигуру Менделеева нельзя себе представлять однозначной, лишенной противоречий.

Максим Горький в одном из своих очерков рассказывал: «В 96 году в Нижнем на заседании одной из секций Всероссийского торгово-промышленного съезда обсуждались вопросы таможенной политики. Встал, возражая кому-то, Дмитрий Иванович Менделеев и, тряхнув львиной головой, раздраженно заявил, что с его взглядами был солидарен сам Александр III. Слова знаменитого химика вызвали смущенное молчание. Но вот из рядов лысин и седин вынырнула круглая, гладко остриженная голова, выпрямился коренастый человек с лицом татарина и, поблескивая острыми глазками, звонко, отчетливо, с ядовитой вежливостью сказал, что выводы ученого, подкрепляемые именем царя, не только теряют свою убедительность, но и вообще компрометируют науку. В то время – это были слова дерзкие. Человек произнес их, сел, и от него во все стороны зала одобрительно и протестующе разли-

Created by free version of 2PDF
Bukeev University

лась волна негромких ворчливых возгласов. Я спросил: «Кто это?» – «Савва Морозов».

Такое выступление Менделеева на съезде промышленников выглядело, казалось бы, странным, как странно и неожиданно прозвучала реплика Саввы Морозова. Но если вдуматься, все становится на свое место. Дмитрия Ивановича, великого патриота своей Родины, всю жизнь угнетало медленное развитие промышленного производства в России. В объемистой книге «Толковый тариф», в многочисленных статьях и выступлениях он с присущей ему страстностью доказывает необходимость протекционистской политики ограждения русской промышленности от иностранной конкуренции. Ссылку на авторитет Александра III биографы склонны объяснять запальчивостью и неосторожностью Д.И. Менделеева. По-видимому, дело все-таки в другом. Д.И. Менделеев мог назвать имя царя, к которому он, безусловно, не питал никакого уважения, вполне обдуманно. Он стремился к осуществлению протекционистской политики, а влияние царя в Российской империи что-нибудь да значило. Этак и Ломоносова с его многочисленными одами к сильным того времени можно зачислить в лукавые царедворцы. А ведь он только добивался помощи для развития отечественной науки и ремесла.

Между тем, и в личных, и научных судьбах Ломоносова и Менделеева можно обнаружить много общего.

«Выросши в холодной Сибири, постоянно с величайшим вниманием следя за описаниями полярных путешествий и многое узнав о них от покойного моего друга Норденшельда, совершившего ряд славных экспедиций в области льдов, я получил полное убеждение в возможности решительной победы над полярными льдами при помощи соответственных для того приспособлений...». Д.И. Менделеев в этих мечтаниях нашел себе единомышленника в лице адмирала Макарова. Сохранились воспоминания о том, как у министра Витте, будущего премьера, Менделеев и Макаров обсуждали планы путешествия по Сибирскому побережью. Рожденный в Тобольске, с юности полюбивший север, Дмитрий Иванович страстно мечтал об освоении Арктики. В менделеевском архиве сохранились подлинные чертежи ледового корабля, сделанные лично им. Модель судна, построенная по этим чертежам, при испытаниях проявила замечательные качества. Невольно вспоминается, что сын архангельского помора Ломоносов, также выросший в холодном краю, мечтал, как поэт-патриот, об изучении Арктики. Он выдвинул проект северного морского пути и предвидел, что

Created by free version of 2PDF
Bukeov University

Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша досягнет в Америку держава!

Суровая северная закваска чувствуется в упорстве и трезвости, соединенной со страстностью, в благородстве и наивной прямоте этих двух титанов русской науки.

Параллель эту можно продолжить и дальше. Студенческие годы Менделеева были трудными годами. Он принадлежал к той категории студентов, о которых Д.И. Писарев писал:

«Нам постоянно случается слышать, что молодые люди, не имеющие почти никаких средств к существованию, приходят из отдельных губерний в университетские города, чтобы учиться, перебиваются со дня на день во время четырехлетнего курса, переносят всевозможные лишения и, наконец, достигают своей цели, то есть, благополучно, а иногда и блистательно выдерживают выпускной экзамен. Всякому, кто бывает в наших университетах, случалось видеть в аудиториях молодых людей, бедно одетых, худых и бледных, истомленных беготнёю по грошовым урокам и, несмотря на то, усердно посещающих и записывающих все назначенные по расписанию лекции. История Ломоносова повторяется у нас в России каждый день».

История Ломоносова повторяется...

Тобольскому студенту было вдвойне тяжело еще и потому, что у него болели легкие: кашель сопровождался кровохарканьем. В каникулярное время Менделеев нанимался репетитором. Летом 1854 года он «натаскивал» в Ораниенбауме детей академика Брандта; прибегал и к литературному заработку, публикуя в журналах мелкие заметки.

Всему, чего добился Д.И. Менделеев после окончания Главного педагогического института, где он, кстати сказать, учился в одно время с Н.А. Добролюбовым, великий химик был обязан своей непреклонной настойчивости, энергии, любви к науке и Родине.

Когда я думаю о личности Менделеева, о его крутом и сильном характере, я сближаю его не только с Ломоносовым, но и с такими самобытными русскими учеными, как Тимирязев, Мичурин, Циолковский. Каждый из них по-своему неповторим и своеобразен и вместе с тем есть в них что-то общее, похожее. Но если наше киноискусство создало крупным планом образы Тимирязева, Мичурина, отчасти Циолковского, то Менделееву в этом смысле до сих пор не повезло.

А между тем, какой богатейший материал для художественного образа заложен в его биографии, в его чертах!

Created by free version of 2PDF
Bukeov University

Это понимали наши живописцы И.Н. Крамской и И.Е. Репин, писавшие его портреты.

Взгляните на портрет работы И.Е. Репина. Он написан к концу жизни Д.И. Менделеева. Обратите внимание на глаза уже глубокого старца. А как он выглядел в молодости!

Поэт Александр Блок был женат на Любови Дмитриевне, дочери Менделеева. Вот что мы встречаем в его дневниках. «Идет достойно Менделеев к Витте. Громаден и красив». И в другом месте: «Студент (фамилию забыл) помешался на Дмитрии Ивановиче. Мне это понятно. Может быть, я сделал бы то же, если бы еще раньше не помешался на его дочери. Странная судьба. Кант до некоторой степени избегнул гонений – благодаря своей кабинетности. Менделеев их не избегнул...»

Уж такова была жестокая природа режима в царской России – устраивать несносные условия для деятельности людей, воплощающих в себе все передовое, прогрессивное, гуманистическое. И было бы чудом, если бы в числе таких людей не оказался Д.И. Менделеев. Академический и чиновничий этикет того времени был весьма неприспособлен к проведению в жизнь нового и нужного для народа. Естественно, темпераментному Менделееву не раз приходилось действовать вопреки этому этикету. И «этикет» ему мстил. Проект ученого об исследовании Северного морского пути был возвращен ему одним из влиятельных членов царствующего дома в сопровождении следующей фразы: «Такому дерзкому человеку, как Менделеев, я помочь отказываюсь». Основаниями для такого эпитета, по-видимому, служили поступки Д.И. Менделеева, когда он был вынужден ради дела идти напролом, пренебрегая табелем о рангах.

Менделеев был до дерзости смел, он шел на любой риск, когда этого требовали интересы науки.

Физик Е.А. Роговский вспоминает.

«Русское физико-химическое общество снарядило… две экспедиции для наблюдения полного солнечного затмения 7 августа 1887 года. Одна экспедиция была отправлена в Красноярск, другая близ станции Подсолнечной Николаевской дороги...

И вот дня за два до затмения в Никольское прискакал на тройке, загнав одну лошадь, Дмитрий Иванович, весь забрызганный грязью. Не надеясь увидеть корону солнца на земле, он решил взлететь на воздушном шаре выше облаков... Помню одну фразу, сказанную им при прощании: «Я не боюсь лететь, а боюсь того, что при спуске мужики примут меня за черта и изобьют». Рассказывают, что сев в Клину перед затмением в корзину воздушного шара вместе с Кованько, начальни-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ком воздухоплавательного парка, Дмитрий Иванович заметил, что шар, веревочные сети которого намокли от дождя, не в состоянии поднять двух наблюдателей, и обратился к г. Кованько с требованием выйти из корзины. Так как шар был военного ведомства и г. Кованько был его начальником, то он отказался первоначально выйти из корзины, но Д.И. Менделеев пригрозил выкинуть его из нее, если он не сойдет добровольно. Г-ну Кованько ничего другого не оставалось делать, как исполнять это требование, так энергично выраженное, и Дмитрий Иванович полетел один и поднялся выше облаков и, таким образом, мог наблюдать корону. Дмитрий Иванович совершал полет впервые».

А вот другой случай, описанный журналистом В.А. Поссе:

«Ректором университета в то время был профессор ботаники академик Фаминцын. Этого высокого, худощавого старика с умным, серьезным лицом ученого я часто встречал в доме его друга П.П. Храповицкого. Фаминцын, отдавший все свои силы научным работам, мало интересовался политикой. Тем не менее, он был арестован и посажен в предварилку, как фамильярно называли дом предварительного заключения.

Просидел он, кажется, только несколько дней... Фаминцын получил приказ генерала Гурко явиться к нему. Приказ был получен во время заседания университетского совета. Фаминцын собрался тотчас ехать.

– Постойте, – сказал знаменитый химик профессор Менделеев, – я поеду с вами. Одному вам с ним не справиться.

О том, что произошло в кабинете у Гурко, рассказали мне и мой брат, и Храповицкий.

Вошедших профессоров генерал встретил фельдфебельским криком. Смущенный Фаминцын молча слушал, как Гурко кричал, что сам придет в университет и не только студентов, но и профессоров согнет в бараний рог.

Сначала молчал и Менделеев. Но затем, тряхнув своей львиной головой, стал тоже кричать своим басом с характерным для него оканьем. Кричали оба, но скоро голос генерала стал ослабевать, и слышны были только менделеевские громы:

– Как вы смеете мне грозить? Вы кто такой?! Солдат и больше ничего. В своем невежестве вы не знаете, кто я такой. Имя Менделеева навеки вписано в историю науки. Знаете ли вы, что он произвел в химии, знаете ли вы, что он открыл периодическую систему элементов? Что такое периодическая система? Отвечайте!

Created by free version of 2PDF
Bukeov University

О периодической системе Гурко, вероятно, не имел понятия. Это его смутило. Свидание закончилось торжеством науки. Энергичным жестом распахнув двери кабинета, Менделеев спокойно, но внушительно сказал, обращаясь к Фаминцыну:

– Пойдемте. Он теперь не пойдет разносить университет».

Стоит вспомнить, что Михаилу Васильевичу Ломоносову приходилось много чаще отдаваться воле своего «мужицкого», как тогда говорили, темперамента. Этим пользовались враги русского патриота, чтобы побольше и покрупнее навредить нарождающейся русской науке. Но тогда сиятельные царедворцы и заезжие академики прибавляли в соответствии с колоритом времени эпитеты посильнее, чем «дерзкий», «предерзостный», «буянский» и другие.

О Ломоносове А.С. Пушкин писал: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Между тем известны попытки отстранить Ломоносова от университетских дел. Память народная и поныне хранит гордый ответ ученого на эти попытки: «Ломоносова от университета отстранить не можно, разве университет от Ломоносова».

Период расцвета творчества Д.И. Менделеева относится ко времени самой глухой реакции. Вспомним, как характеризовал это время Александр Блок.

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Неврастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену,
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И мало действенных умов,
И дарований половинных
(так справедливей – пополам!).

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье, – а просто дам...
Век буржуазного богатства,
Растущего незримо зла!
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? – Он жил безвольно:
Не он – машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безвольно
Пытала дух, как никогда...

И, конечно, господствующей реакции удалось отстранить великого ученого от университета; это было не в новинку. Ведь задача реакции и состояла в том, чтобы изолировать молодежь от своих прогрессивных учителей. Академик А.А. Байков вспоминает обстоятельства ухода Д.И. Менделеева из университета:

«8 марта 1890 г. в Петербургском университете начались студенческие волнения. Они приняли крупные размеры. Студенты устраивали сходки для обсуждения требований к правительству и составления петиций, и когда все было подготовлено, на сходку были приглашены профессора.

На эту сходку в числе других профессоров явился Д.И. Менделеев, который пользовался необычайной популярностью, любовью и уважением всего студенчества. Речь шла о том, чтобы подать правительству выработанную петицию и просить это сделать Менделеева, который это предложение обещал исполнить.

Петиция, которая была составлена с этой целью и которая была затем вручена Д.И. Менделееву для передачи правительству, содержала явно политические требования свободы слова, свободы печати, равноправия мужчин и женщин. Я это подчеркиваю потому, что и здесь проявилось исключительное мужество Менделеева, который не побоялся в это смутное, мрачное время русской истории взять на себя такое поручение, которое, конечно, являлось в политическом отношении чрезвычайно опасным...

Я хорошо помню ту лекцию, на которой Менделеев эту петицию принял. Это было 14 марта 1890 года. Собралось на эту лекцию-сходку громадное количество студентов.

Когда Менделеев появился, его встретили громом аплодисментов, рукоплесканий, восторженными криками. Он махал руками, хмурился, просил успокоиться. Наконец, когда все затихло, он свой хмурый вид изменил и улыбнулся. Опять взрыв аплодисментов. Он более уже не махал руками, стоял, молчал, ждал, когда все окончится, и приступил к

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лекции. Все ожидали от него сильных выступлений, выражений, а он ее начал так: «Марганец встречается в природе главным образом в виде кислородных соединений». Это было начало, а затем он стал развивать те глубокие мысли и идеи широкого и общественно-политического характера о необходимости развития промышленности и связи ее с наукой, которые составили главное содержание лекции. После этой лекции Менделееву была передана петиция для вручения министру народного просвещения Делянову.

16 марта петиция, переданная Менделееву, была им отвезена Делянову, который возвратил ее Менделееву с надписью:

«По приказанию Министра Народного Просвещения прилагаемая бумага возвращается Действ. Стат. Сов. профессору Менделееву, так как ни министр и никто из состоящих на службе Его Императорского Величества лиц не имеет права принимать подобные бумаги. Его пр-ву Д.И. Менделееву 16 марта 1890 г.».

Не считая возможным после этого оставаться в университете, Менделеев подал прошение об отставке и летом выехал из квартиры в университете на новую квартиру.

Когда стало известно, что министр Делянов отказался принять петицию и Менделеев ушел в отставку, в университете снова вспыхнули волнения. Университетская администрация ввела полицию в университет. Было произведено много арестов, протест был подавлен.

При таких обстоятельствах Менделеев прочел свою последнюю лекцию. Это было 22 марта 1890 года. На этой лекции студентов было уже мало, многие были арестованы, многие были в угнетенном состоянии. Аудитория была немногочисленна. Но тем не менее Менделеева слушали с большим вниманием. Менделеев читал последнюю заключительную главу курса неорганической химии. Он говорил о важных, крупных вопросах, о роли науки в жизни государства и народа, о значении науки для промышленности, он призывал заниматься этими вопросами – сближать промышленность и науку... И закончил он эту лекцию словами: «Покорнейше прошу не сопровождать моего ухода аплодисментами по множеству различных причин».

Эти слова были так выразительны, что не раздалось ни одного возгласа, ни одного хлопка, и среди этой мертвой тишины он оставил аудиторию, оставил ее навсегда».

В середине семидесятых годов известный академик А.И. Бутлеров, создатель теории строения органических соединений, был публично и жестоко раскритикован Д.И. Менделеевым за увлечение спиритизмом. Но А.И. Бутлеров был истинным ученым, и когда дело касалось науки, он умел стать выше личных моментов. В 1880 году, когда в Академии открылась вакансия академика, не кто иной, как А.И. Бутлеров, рекомендовал Д.И. Менделеева на вакантное место. Однако, реак-

Created by free version of 2PDF
Buk Gsu University

ционное большинство Академии забаллотировало Д.И. Менделеева, избрав вместо него профессора Бейльштейна, имя которого мало что значило даже для современников. Сохранилась карикатура, напечатанная в юмористическом журнале «Стрекоза»: Д.И. Менделеев величаво дремлет в кресле у письменного стола, а на дальнем плане суетная компания академиков торжествует его неизбрание.

Таковы были обстоятельства того времени и такова была ирония судьбы, что знаменитейший, всемирно известный ученый, лауреат Демидовской премии, доктор прав Эдинбургского Университета, почетный член Королевского Дублинского общества, доктор философии Геттингенского Университета, член Королевского общества в Эдинбурге, почетный член Американской Академии наук и искусств, член Датской Королевской Академии наук, почетный член Великобританского королевского института, иностранный член Чешской Академии литературы и знаний, действительный член Академии наук в Кракове, действительный член Королевского общества в Лондоне, иностранный член Академии в Риме, корреспондент Академии наук в Турине, действительный член и член Совета Императорской Академии художеств, доктор Кембриджского Университета, сочлен Бельгийской Королевской Академии наук, литературы и искусств в Брюсселе, член-корреспондент Прусской Академии наук в Берлине, иностранный член-корреспондент Венгерской Академии наук з Будапеште, член-корреспондент Болонской Академии наук, член-корреспондент Сербской Королевской Академии наук в Белграде, иностранный член Шведской Академии наук, лауреат медали Коплея Лондонского Королевского общества Дмитрий Иванович Менделеев умер в 1907 году 20 января в скромном звании члена-корреспондента императорской Академии наук, полученном у себя на Родине.

Дмитрий Иванович Менделеев жил и творил в эпоху самой жесточайшей реакции. И, несмотря на чиновное и державное противодействие, силою волевых импульсов таких людей, как Менделеев, русская наука во многих областях оказывалась на передовых позициях. Менделеев не дожил десяти лет до той поры, когда самый выдающийся гений русского народа возглавил строительство общества на самых справедливых началах, и ныне мы с торжественной радостью отмечаем расцвет культуры и науки, начало которому было положено В.И. Лениным.

В Алмате, в городе, бывшем во времена Менделеева захолустным Верным, не так давно состоялись чтения, которым присвоено имя корифея химической науки. В этих чтениях принимали участие выдающиеся химики нашей страны и мира, а вместе с ними и мои казахстанские друзья и коллеги. Это ли не достойный пример того, как чтят в республике память учителя, память подвижника науки.

Created by free version of 2PDF
Buk

ЧЕЛОВЕК, РОДИВШИЙСЯ НА ВЕРБЛЮДЕ, И ЕГО СВЕРСТНИКИ

I

Иных времен, иных картин
Провижу я начало...
Н.А. Некрасов

Я – казах. Мои родители – скотоводы. Родители моих родителей и все мои предки – не знаю с какого колена это началось – испокон веков водили отары. Да и сейчас мои братья, мои друзья, младшие и старшие, пасут овец. Пасут с удовольствием и даже с радостью, потому что ныне в почете пасущий овец, и высокая знатность ожидает моего современника на этом поприще.

Но в годы юности моих родителей, во времена далеких и близких предков моих, человек при отаре не мог быть знатным, в тревогах и скитаниях проходила его жизнь... И разве уж так случайно жена чабана Каракула родила своего четырнадцатого ребенка на... верблюде. Аул снимался на новые пастбища, ибо наступил срок, установленный самим мырзой и баем, главою рода. Видел Каракул, как стиснула зубы побледневшая Аханай, но не мог отстать от каравана. Догадался посадить жену на верблюда: ступает в шаг двугорбый мягко, покачивает мерно, вьюк с домашним скарбом широк, полежит, успокоится. Остановил верблюда только тогда, когда услышал крик младенца: опытная роженица обошлась без посторонней помощи. Терпеливой была жена: носила без жалоб, рожала без шума. Несказанно обрадовался Каракул – это ведь кричал его младшенький, его сын, продолжатель рода и помощник. Милостив Аллах, не скудеет его рука в заботах о продолжении рода, но, видать, безгрешные младенцы и на небе нужны, – слишком часто забирает всевышний их обратно, оставляя рабам своим, Каракулу и Аханай, лишь страхи да муки.

На первом привале нарекли младенца Ишанбаем, ибо быть ему, – решили родители и близкие, – духовным лицом, ишаном, не случайно родился он не на грязном полу, и первым вдохом втянул в себя не едкую пыль с неотделанной овечьей шкуры – тулака в черной продымленной чабанской юрте, а чистый и прозрачный воздух, пронизанный ветром и солнцем; быть ему также баем, ибо ишан не может не быть богатым. Случилось это в лето тысяча девятьсот девятого года.

В том же году, в то же лето в казахских степях путешествовал некий Р.Карутц, иностранец, который писал в книге, опубликованной год

Bukeov University
Created by free version of 2PDF

спустя: «…Хозяйство номада регулируется безводностью степи и зависимостью от колодцев: стадо не может оставаться на каком-либо месте дольше, чем там имеется трава и вода; как только и того и другого становится мало, скотовод вынужден отправляться дальше». И казах-номад кочевал. Он знал хорошо одно: чтобы сохранить себя, он должен сохранить скот, тогда будет что есть, во что одеться, чем укрыться, из чего делать жилище. И даже в принятом взаимном приветствии «Мал, жан аман ба?» – «Сохранены ли скот и люди?» кочевник в первую очередь справляется о целостности скота. И поэтому казахский аул в вечной заботе о своих стадах находился круглый год в движении. Летом, чтобы овцы, лошади и верблюды нагуляли тело, а зимой, чтобы спасти их от бескормицы и падежа. В этих постоянных кочевках рождались и умирали дети, и невдомек было родителям, что не оттого так часто умирали младенцы, что в их невинных душах нуждался Аллах, а потому, что они начинали свою такую короткую жизнь в дырявых и холодных юртах, на привалах, на ветру, под открытым небом (и даже на верблюдах!) и, только что родившись, уже разделяли с родителями их безуютный суровый быт.

Моя мать (моя бабушка, моя прабабушка, словом, моя праматерь) была человеком мужественным, многотерпеливым и смелым. В борьбе с жестокостью жизни и косностью обычаев всегда выходила победительницей, ибо она, моя мать, не только «…хорошо рожала», но она умела и вырастить нас, часто являясь для младенца и повитухой, и кормилицей, и колыбелью, и даже жилищем, когда таскала нас за спиной. Не простой инстинкт продолжения рода владел ею при этом. Более всего она черпала силы и волю для беспримерных подвигов из веры в большое будущее своих сыновей и дочерей. И поэтому она растила и пестовала такую дочь и такого сына, которые не только продолжали ее род, но и в беспрерывной борьбе с алчными захватчиками героически и успешно защищали бескрайние просторы степей и гор и сохранили их для тех великих дел, которые ныне свершает мой народ, обретший на своей исконной земле истинную дружбу и братство с другими народами моей Родины.

Не вина моих предков, если столетиями их могучая вера в счастливое будущее выражалась в наивных мечтах, чтобы дети их волею Аллаха оказались в ряду тех, кто верховодил в убогом быту кочевой жизни. Страшились простые люди ханов и султанов, баев и биев, мулл и ишанов. Однако среди последних встречались, правда, очень редко, и такие, которые были близки к чабанам и табунщикам и понимали их. Народ таких почитал. И мнилось моему далекому предку, что эти, ум-

Created by free version of 2PDF
Bukatov University

ные и добрые, от Аллаха, а тех, злых и тупых, плодит шайтан. И он часто и безуспешно поднимался с оружием в руках за милостивого хана, за щедрого бая и иже с ними и, не переставая верить в человечность власть имущих, давал такие имена своим детям, что часто звучало издевательски смешно, когда забитый пастух вдруг называл себя «ханом», «баем» или «господином», «торе», степным аристократом, белой костью. Может быть, и имя моего старшего друга, собрата на поприще науки Ишанбая Каракуловича Каракулова имело бы такое насмешливое звучание, родись он на полстолетие раньше. Может быть, к нему никогда не обращались бы почтительно: «Ишанбай Каракулович!». Может быть, в ауле безобидно посмеивались над тем, что он родился на верблюде, и принимали как должное горькую его судьбу, предопределенный ему удел бедности и бесправия. Было бы выше воображения родителей нашего Ишанбая Каракуловича, если бы им стали пояснять, что их любимый сын не станет ни ишаном, ни баем, а будет известным ученым, членом-корреспондентом двух Академий (Казахской ССР и медицинских наук СССР), заслуженным деятелем науки двух республик (Казахской ССР и Каракалпакской АССР), доктором медицинских наук, профессором, а также государственным и общественным деятелем – депутатом Верховных Советов СССР и Казахской ССР, министром, вице-президентом Общества советско-индийской дружбы. Ибо не могли они, родители, знать, что начало двадцатого века, когда родился их сын, несло с собой, «...все разрушая рубежи, неслыханные перемены, невиданные мятежи...». И никто из родителей его бесчисленных сверстников, появившихся на свет в те годы в бескрайних просторах земли моих предков, не знал, что родились их дети под счастливой звездой грядущих перемен, и их, уцелевших по воле Аллаха, который, даруя жизнь, тут же забирал ее обратно, ожидает великое будущее.

В старину мои предки говорили: «Друг смотрит в лицо и видит тебя через лицо, недруг смотрит на ноги и видит тебя через башмаки». Вышеупомянутый Р. Карутц методично, аккуратно и объективно, как по крайней мере ему казалось, описывал жизнь и быт казахов в год рождения нашего героя. Но за этой подчеркнутой объективностью и бесстрастностью легко проглядываются поза и логика представителя породы людей, твердо усвоивших понятие о собственном нерушимом превосходстве не только над кочевниками, но и над многими оседлыми народами. Он готов описывать все, кроме духовных, нравственных и истинно человеческих задатков, скованных условиями проклятой действительности. И в частом высокомерном применении слова «номад»

Created by free version of 2PDF
Buketov University

(так назывались представители кочевых племен в древнем Риме) нельзя не заметить презрительное безразличие к судьбе этих «номадов» и несомненную веру в незыблемость и вечность существующего порядка вещей. Поистине этому господину виделись мои родители через их примитивно скроенные и неумело сшитые, часто дырявые башмаки! Их было много, судивших о моих предках по тому, что они носили на ногах…

К счастью для моего народа, у него было немало друзей, которые честно, прямо смотрели ему в лицо и читали в нем благородство, чувство достоинства и природную одаренность. За семьдесят с лишним лет до Карутца путешествовал по казахским степям царский ссыльный, польский революционер А. Янушкевич. Вот что он писал о моих предках: «…И все это ведь, думал я, слышу я своими ушами в степи, среди народа, который мир считает диким и варварским! Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда и не слышали о Демосфене и Цицероне; а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами, ибо песни их так много говорят моей душе и сердцу. И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого иного будущего. О, нет! Воистину! Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев…»

Передовые люди великого русского народа не только ценили ум, способности и одухотворенность моих предков, но и всеми силами старались помочь выйти им из тьмы невежества. Вышеприведенные строчки А. Янушкевич писал в 1846 году. Несколько позже в казахских степях (сначала в Омске, а потом в Семипалатинске) оказался другой царский ссыльный, великий писатель Федор Михайлович Достоевский. В 1854 году он встретился с девятнадцатилетним офицером Чоканом Валихановым. Отношение знаменитого писателя к выдающемуся молодому ученому из аула настолько знаменательно и настолько характерно для передовой части русской интеллигенции, что невозможно не привести некоторые выдержки из их переписки. Чокан пишет в Семипалатинск старшему другу: «…Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам

Created by free version of 2PDF
Buketov University

привязан и как я Вас люблю. …Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше». Замечательный ответ Достоевского на это письмо Чокана, ныне извлеченный из архивов, широко известен сейчас, его невозможно читать без волнения, – он характеризует не только автора, но и символизирует сердечные, эмоциональные начала дружбы великого русского народа с моим народом у самых ее истоков. «…Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и Бог знает, как это сделалось. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать 10 книг, – ничего не напишешь: чувство и влечение – дело необъяснимое». Далее в письме Ф.М. Достоевский развертывает перед своим другом подробную программу действий, из которой видно, как гениальный писатель и психолог точно представил могучие возможности, заключенные в этом молодом человеке. В письме есть следующие поистине пророческие слова: «…Не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который растолковал России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей России просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан! Я так вас люблю, что мечтаю о вас и о судьбе вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что вы первый из вашего племени, достигший образования европейского. Уже один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на вас и обязанности».

Будущая бурная, но краткая из-за ранней смерти, деятельность Чокана Валиханова на поприще науки и «просвещенного ходатайства» за свой народ показала, как точны и реалистичны (действительны, как сказал бы Достоевский) были «утопические соображения и гадания» великого друга и как они соответствовали чаяниям и возможностям молодого степняка. Чокан с достойным уважением относился к советам старшего брата и тщательно стремился им следовать.

Однако «просвещенное ходатайство», о котором мечтает Ф.М. Достоевский, при всем желании не могло быть осуществлено Чоканом Ва-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лихановым в тех масштабах, в каких наиболее образованная, наиболее передовая часть русского общества сама думала, сама заботилась о народах царской окраины, в том числе и о нас, казахах, сама защищала их интересы и чаяния, ибо слишком одинок был в степях этот человек из нашего племени, «…первый …достигший образования европейского». Ответом на это «просвещенное ходатайство» лучших представителей русского народа и явились изумительные думы-стихи Абая, выразившие во всей полноте величие духа казахского народа, его стремление к свету и знаниям. Ссыльная русская разночинная интеллигенция, петрашевцы и народники, овеянные романтикой самопожертвования в борьбе с торжествующим злом, обращаясь к сынам и дочерям степей, сеяли доброе, вечное, воспитывали достоинство и волю их; подготовили первых просветителей из их среды, первых образованных людей.

«…Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Скот гибнет от джута, а ремесло не зависит от стихийных бедствий… Надо добиваться, чтобы народ дал средства, необходимые для учебы детей и их содержания. И вот тогда, когда юноши и девушки обогатят себя знаниями, а их состарившиеся родители перестанут вмешиваться в дело, может быть, тогда казахи и выправят свое незавидное положение», – так писал Абай, призывая свой народ к овладению ремеслом, к усвоению техники, к обогащению знаниями. Он тяжело переживал отсталость, узость и примитивность форм трудовой деятельности своих соплеменников.

Абаю казалось, что соплеменники не понимают его; он умер в тоске и горе, слыша на свои призывы лишь «…отзвук пустой». Не знал поэт, что отзвук этот не мог быть не пустым в трудные те времена; не знал поэт, что для того, чтобы его благородные призывы легли на благодатную почву, необходимо было совершить Великую Октябрьскую революцию. Он не знал, что почва, перепаханная великой революцией, окажется настолько благодатной, что тысячи его соплеменников в самые краткие исторические сроки овладеют и ремеслами и техникой, будут жадно утолять свою жажду к знаниям, а в степи будут воздвигнуты города, задымят заводские трубы, пойдут поезда по родным просторам, возникнут высшие учебные заведения, и менее чем через четверть века после создания равноправной социалистической республики будет основана в Казахстане Академия наук.

Мой путь, путь научного работника, родившегося уже в годы становления Советской власти в наших степях, не имел прежних трудноодолеваемых барьеров. Средняя и высшая школа представлялась уже как нечто само собой разумеющееся, и поэтому мне, пришедшему мо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лодым специалистом в светлые научные лаборатории с точнейшим техническим оборудованием, рисуются изумительным подвигом жизнь и деяния моих старших коллег, ныне широко известных в стране. Деятели нашей науки, чьи труды позволили решить вопрос о создании национального научного центра в Алма-Ате в 1946 году, через год после окончания Великой Отечественной войны, были преимущественно сверстниками нашего Каракулова, человека, родившегося на верблюде. В степях на гребне революции поднялось немало талантливых людей, мечтавших «...о доблестях, о подвигах, о славе» ради своего народа и своей Родины. Однако их кипучая энергия, их способности в годы гражданской войны и становления Советской власти направлялись на разрушение старого мира и на организацию и создание нового. Им приходилось учиться урывками. Естественно, профессиональных ученых из их среды было очень немного. В своем большинстве профессиональные ученые появились у нас позднее, из представителей того поколения, на долю которого не выпало участие в первых «бурях и вьюгах» классовой борьбы. Поэтому самыми старшими из первых академиков оказались Каныш Имантаевич Сатпаев и Мухтар Омарханович Ауэзов, хотя ни тому, ни другому в то время не было и пятидесяти лет.

Пожинать плоды всегда легче, чем засевать и выращивать. Я думаю об этом, когда мысленно обращаюсь к своим старшим коллегам по научной работе. В годы коллективизации и первых пятилеток добирались они до Москвы, Ленинграда, Томска, Ташкента и, подчас не имея даже среднего образования, плохо владея русским языком, недоедая, недосыпая, жадно впитывали в себя знания. В нашей республике в то время не было высших школ. Единым стремлением жили студенты – получить такие знания, которые бы позволили создать все то, что есть там, где они учатся, у себя, в родном Казахстане. И, вернувшись домой, организовывали рабфаки, а потом и институты. Учили, и сами продолжали учиться. А учиться им надо было много, они хорошо усвоили аксиому, что путь науки – путь вечной учебы. И русские друзья, вдохновлявшие наших первых ученых, передавшие свой опыт в избранной области научного творчества, заслужили вечную благодарность нашего народа. Они не только помогали в Москве, Ленинграде и других научных центрах, но часто и сами приезжали в республику, вначале «временно», но «командировки» затягивались на годы. В сердечном окружении пытливых учеников обретая благодатную ниву для приложения своих знаний, они оставались у нас навсегда. И поэтому среди первых наших академиков мы видим фамилии таких выдающихся представителей русской советской науки, как Г.А. Тихов, В.Г. Фесенков, Н.Г. Кассин, М.П. Русаков, М.И. Усанович.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Виднейшие ученые Родины, в том числе тогдашний президент Академии наук СССР академик В.Л. Комаров, в трудные годы Великой Отечественной войны еще больше укрепили свои научные связи с Алма-Атой. Н.Д. Ундасынов, тогда Председатель Совета Народных Комиссариатов республики, вспоминает, как много успели эти выдающиеся люди, выполняющие многочисленные обязанности по обороне Родины, сделать за это короткое время для укрепления базы научных исследований, для подготовки кадров. В том числе и их заботой было предрешено создание сразу же после окончания войны Академии наук Казахской ССР. Нуртас Дандыбаевич тепло рассказывал мне, как академик Комаров много раз беседовал с руководителями республики, вникал в детали, связанные с будущим национальным научным центром в Алма-Ате, говорил о Каныше Имантаевиче Сатпаеве, подчеркивая его недюжинные способности и данные крупного организатора. Он вникал в биографии и дела и многих других казахских ученых. И этот живейший интерес к развитию науки в нашей республике не ослабел у академика В.Л. Комарова и после его возвращения в Москву.

«Научная работа нации может совершаться под покровительством волевого, сознательного стремления правительственной власти и может идти силою волевых импульсов отдельных лиц или общественных организаций при безразличии или даже противодействии правительства. Однако она находится в прочном расцвете при сознательном единении этих обеих жизненных сил современного государства». Так писал выдающийся ученый и мыслитель академик В.И. Вернадский в раздумьях о прошлом, настоящем и будущем науки. Мы хорошо знаем, что яркому своему расцвету наука нашей республики обязана гармоническому слиянию сознательного стремления Коммунистической партии к всестороннему развитию хозяйства и культуры с волевыми импульсами отдельных крупных творческих личностей. Ленинская партия поднимала и выращивала их, направляла их деятельность на благо народа. Тем с большей благодарностью отмечаем мы имена наших крупных ученых, организаторов науки, созидательный труд которых позволил нам, научным работникам младшего второго поколения, войти в храмы науки. Мы это принимаем как должное. А между тем, следует призадуматься и удивиться! Наша Академия, наши институты, созданные во вчерашних степях за столь короткий срок, не уступают лучшим мировым образцам. Сами создатели этих высоких материальных и духовных ценностей продолжают работать с нами бок о бок, нисколько не утратив былого творческого горения. И, может быть, находясь в постоянном общении, обсуждая с ними самые обычные науч-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ные и ненаучные дела, пошучивая над житейскими мелочами, мы еще не вполне сознаем все значение содеянного моими старшими сверстниками. Прав поэт: «…большое видится на расстоянии». И все же каждого из нас не покидает и не покинет сознание счастья: подумать только, мы работали, общались, учились, перенимали опыт и знание у таких корифеев мысли и научного творчества, какими были академик Каныш Имантаевич Сатпаев и академик-писатель Мухтар Омарханович Ауэзов. Их волевые импульсы сыграли громадную роль в становлении науки в республике, в выходе нашего народа в разряд наций, вносящих заметную долю в сокровищницу мировой науки и культуры. У этих неповторимых людей была одна характерная черта – не затмевать крупным планом личного творчества результаты труда своих соратников на поприще науки, не подавлять мощью своих деяний инициативу людей, находящихся в орбите общих интересов, не противопоставлять даль своего прозрения в укор тем, кому это не всегда дано природой. Наоборот, они умели высоко ценить добросовестный труд, сопряженный с трезвым, деловым подходом к выполнению малых и больших задач, выдвигаемых жизнью и законами научного творчества. И, естественно, каждый, находящийся в сфере влияния этих людей, творил уверенно, спокойно, находя свое место в общем процессе научного созидания, значение которого рельефно осознается уже сейчас и в еще большей мере будет осознано в глазах будущих поколений. Мы вправе уже сегодня говорить о целом созвездии талантов во главе с достойнейшими из них К.И. Сатпаевым и М.О. Ауэзовым. Они были первыми, они начинали, но начинали не в одиночестве, а со многими теми, кто продолжает активно участвовать в дальнейшем бурном развитии науки.

Мой рассказ, прежде всего, о Каныше Сатпаеве и Мухтаре Ауэзове. И о тех, кто шел с ними вместе и продолжает теперь свой путь в науке.

Мой выбор определяется не только масштабностью этих деятелей, не только их почетным местом в духовной жизни казахского народа, но и чувством сердечной личной благодарности, которую я испытываю к ним. В некоторых случаях сыграли тут свою роль и моя причастность в той или иной степени к сфере их научно-организационных интересов, мои встречи с ними, так или иначе отразившиеся на моей судьбе и навсегда сохранившиеся в сердечной памяти.

И с самого начала я хочу подчеркнуть то поразительное обстоятельство, что эти замечательные люди родились и провели свое детст-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

во и отрочество не в той обстановке, к которой мы теперь уже привыкли. Они не получали тех навыков в культуре, того образования, которые получали мы, родившиеся после Октября. Им было труднее, они и в институты поступали с некоторым опозданием. Помните, как шутили над Ломоносовым, – «в двадцать лет пришел латыни учиться». Да, они запаздывали. Но, овладевая знаниями, не только становились в просвещении с веком наравне, но и обгоняли время.

II

Борис Николаевич живо ощущал незримые нити, связывающие нас с прошлым:

– До чего коротка человеческая жизнь!.. Вы учились у меня, я учился у моего отца, ученика Воскресенского, который был учеником Либиха. Либих учился у Гей-Люссака, ученика Бертолле, который был одним из соратников Лавуазье.

Из воспоминаний проф. *С.А. Погодина* о химике *Б.Н. Меншуткине.*

«Родился я в глубокой степи, в семье казаха-кочевника. Великая Октябрьская революция застала меня сельским (аульным) учителем в глухом Баян-Аульском районе Павлодарской области. …Летом 1921 г. в Баян-аул приехал на лечение профессор (позже академик) Томского технологического института Михаил Антонович Усов. Во время наших прогулок по гранитным массивам Баян-Аула он много рассказывал мне увлекательного о геологии и горных богатствах Казахстана. …В том же 1921 году по путевке Семипалатинского губоно я поехал в г. Томск и был принят на геологоразведочное отделение горного факультета Томского технологического института. …Окончив в 1926 г. курс горного факультета, я с путевкой и напутствием профессора Усова был направлен на работу в Центральный Казахстан». Так скупо очерчен самим академиком К.И. Сатпаевым тот этап в его жизненном пути, который окончился для него приобретением специальности горного инженера – геолога.

Он не пишет и о том, что был одним из первых казахов, получивших инженерное образование; не пишет, что в те времена лиц, окончивших средние специальные и высшие учебные заведения, можно было по пальцам перечесть. Да и те не смогли работать по специальности, – ввиду нехватки грамотных людей их мобилизовывали в

Created by free version of 2PDF
Buketov University

государственные учреждения, обязывали участвовать в восстановлении и развитии всего народного хозяйства. Каныш Имантаевич стал первым инженером, потому что убедился сам и доказал другим, что принесет больше пользы в качестве знатока геологии, чем оставаясь народным судьей.

Он начал свою деятельность непосредственно в поле, в партии, в качестве геолога-поисковика и организатора геологической службы в далеком от административных центров Карсакпае. В краткой автобиографии он не вспоминает и о том, что годы его учебы были двадцатые годы, когда страна, только что пережившая гражданскую войну, направляла все свои усилия на борьбу с разрухой. В казахских степях строилась новая жизнь. Враждебные силы не уходили без боя. Степям нужны были достаточно образованные люди, чтобы разъяснять массам смысл всего того, что делается для их блага. С точки зрения того времени Каныш Имантаевич уже имел «достаточное образование» – он окончил Семипалатинскую учительскую семинарию. В аулах тогда плохо понимали, что такое «инженер». Заветной мечтой мало-мальски просвещенных родителей было стремление сделать своих детей учителями, адвокатами, судьями.

Само желание юноши продолжать образование, чтобы стать инженером, было неожиданным и непонятным многим сородичам и близким, а ведь с ними молодой человек по установленной традиции обязан был советоваться перед таким важным шагом в жизни. Сородичам казалось, что Каныш уже постиг все тайны знаний, окончивши такую русскую школу, и название которой не так просто выговорить: «Семинария», «Сын Имантая едет учиться камни собирать… Переучился, видать, перетянул какой-то узел в мозгу», – так рассуждали тогда многие старики в Баян-ауле. Надо обладать волей будущего академика, чтобы преодолеть этот психологический барьер и, оставив почетную должность судьи, уехать в 1921 году на полуголодный паек студента в совершенно незнакомые края.

История науки сохранила такой эпизод. Лет триста с лишним назад профессор Кэмбриджского университета, известный в то время математик Бэрроу, обратился к ректору университета с единственным условием, – определить на его место одного из молодых учеников, который, как он убедился, намного талантливее его, тоньше и острее постигает глубины науки. Этим учеником Бэрроу был Ньютон. Открытие гения Ньютона было самой выдающейся заслугой этого великодушного человека, заслугой, которой мог бы позавидовать любой другой ученый. Казахский народ ныне воздает должное одному из замеча-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тельных сыновей русского народа академику Михаилу Антоновичу Усову, ибо это он сыграл решительную роль в счастливом повороте судьбы Каныша Имантаевича, первым заметив в аульном юноше черты будущего выдающегося ученого. Принимать личное участие в судьбе студентов, особенно из национальных окраин, было в правилах М.А. Усова. Скудость профессорского пайка совершенно не имела влияния на врожденную широту усовской натуры, и некоторые из студентов, в том числе и молодой Сатпаев, подолгу жили у него дома. Усов любил казахские степи, незримые нити прошлого связывали его с казахским народом. Он был учеником и соратником знаменитого геолога и путешественника, писателя-фантаста В.А. Обручева. Оба они, и Обручев, и Усов, были друзьями одного из известных представителей дореволюционной разночинной интеллигенции, неутомимого путешественника, географа, этнографа, фольклориста Григория Николаевича Потанина. Потанин умер в возрасте восьмидесяти пяти лет, за год до приезда К.И. Сатпаева в Томск. Но ведь Г.Н. Потанин – это тот самый Потанин, который был одним из лучших друзей нашего Чокана Валиханова, учился с ним в Омском кадетском корпусе, встречался с ним и после учебы. Это тот Потанин, который оставил самые теплые воспоминания о Чокане, о его отце и сородичах. Это тот Потанин, который, как слышал Каныш, за пять лет до смерти, уже престарелым человеком приезжал в заиртышскую степь, гостил у казахских друзей недалеко от родного Баянаула и не по возрасту неутомимо записывал народные притчи, сказания, песни. Руки замечательных учителей Каныша Имантаевича хранили тепло рукопожатий самого Чокана. Не знаменательно ли, что оказались связанными одной прочной нитью имена выдающихся сыновей нашего народа – Чокана Чингисовича Валиханова и Каныша Имантаевича Сатпаева. Может быть, юному, романтически настроенному Канышу не раз казалось, что отважный и щедро одаренный Чокан, чей жизненный путь не раз, по-видимому, бывал темой бесед в кругу Обручева и Усова, протягивает через этих русских друзей руку ему, призывая к смелому восхождению к вершинам науки.

Исследование жизненного и творческого пути академика Сатпаева только начинается. Современникам порою трудно единым мысленным взором с достаточной полнотой и объективностью охватить деятельность таких необычных людей, каким был К.И. Сатпаев, ибо редко кто из тех, кто соприкасался с ним, оставался безразличным к его личности.

Плодотворны и разнообразны дела этого человека. Поэты пишут стихи и песни о его делах, писатели воссоздают его образ, а народ сла-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

гает легенды. Старики и дети, например, очень верят в то, что Каныш с детства любил играть в камешки и играл только ими, тогда как все другие мальчики играли в кости – асыки: что будто у мальчика при виде иных камней сосредоточенно застывали глаза под широким лбом. Думается, что Каныш был таким же мальчиком, как и все мальчики того времени, самозабвенно играл в асыки, качался на качелях алтыбакан, гонял ягнят и жеребят, стыл на ветру, увлеченный нехитрыми забавами, и вряд ли особенно задумывался над значением пестрых, блестящих камешков. Но простим народной фантазии ее наивные выдумки, ибо человек от природы таков, что не может не наделять любимых сыновей и дочерей своих необыкновенными чертами.

Для нас сегодня достаточно поучителен великолепный пример мужества и смелости, трудолюбия и дерзания, вдохновения и размаха ради народа и для народа, которым характеризуется весь творческий жизненный путь Каныша Имантаевича, ибо интерес народа к его детским и отроческим годам вытекает из необычности содеянного Сатпаевым после того, как он окончил институт и стал подготовленным к зрелой деятельности человеком. На этом пути можно отметить достижения социалистического строительства в республике, неоспоримо связанные с именем и деятельностью первого нашего академика. Это – медная и полиметаллическая кладовая страны – Джезказган – Улутауский горнорудный район, где впервые нашли приложение выдающиеся способности Каныша Имантаевича как неутомимого геолога-поисковика и незаурядного организатора геолого-разведочных работ. Это – институт геологических наук Академии наук Казахской ССР, организованный Канышем Имантаевичем.

Он стал во главе института во всеоружии практических знаний, накопленных им за пятнадцать лет работы в Джезказгане. Он сумел связать в единое целое разрозненные факты, диалектически осмыслить их и вместе со своими товарищами дать свежее, оригинальное направление геологическим исследованиям, геологической науке. Институт геологических наук, по справедливости носящий теперь его имя, внес большой вклад в теоретическую и практическую геологию страны. Это, наконец, Академия наук Казахской ССР, где он был первым президентом и вдохновителем многих ценнейших начинаний, превративших это средоточие научной мысли республики в один из крупнейших центров страны.

Джезказганский и Улутауский районы еще до революции были известны своими медными и угольными копями, основанными на случайно найденных поверхностных обнажениях. Естественно, что по ним

Created by free version of 2PDF
Buketov University

совершенно невозможно было судить о народнохозяйственном значении месторождения, ибо не были известны ни запасы ценных ископаемых, ни их доля в рудной массе, ни формы и глубина их залегания. Можно себе представить трудности проведения систематической разведки, если учесть, что для такой работы требовалась довольно сложная техника, прежде всего, буровые станки, а к ним ремонтное оборудование, механические службы, квалифицированные кадры. Необходимо было создать и мало-мальски сносные условия для жизни и работы, потому что изучение такого сложного горнорудного комплекса, каким создала природа эту часть Центрального Казахстана, предполагало не недели и месяцы, а годы. Стоит добавить, что этот район континентальных полупустынь, дышащих зноем летом, вьюжных и морозных зимой, находился на расстоянии свыше четырехсот километров от ближайшей железной дороги. Все эти трудности преодолел коллектив геологоразведчиков, возглавляемый молодым инженером. Местные жители обучились буровому делу, вместо громоздких строений вокруг станков, требовавших привозного строевого леса, приспособили юрты. Словом, через два-три года после начала работ были получены неопровержимые данные, которые и легли в основу идеи создания в нашей стране Большого Джезказгана.

Ныне, когда здесь работает горно-металлургический комбинат им. К.И. Сатпаева с его известными всем рудниками, обогатительными фабриками и медеплавильным заводом, видно, как стали явью тогдашние мечты молодого геолога. А ведь он мечтал и действовал. Просто, кратко, конкретными и убедительными технико-экономическими выкладками он убеждал и других. Перечитайте первый обобщающий труд К.И. Сатпаева «Джезказганский меднорудный район и его минеральные ресурсы», изданный еще в 1932 году. Уже после первых лет геологических изысканий Каныш Имантаевич твердо убедился в громадном значении результатов, проводимых коллективом разведочных работ и смело утверждал: «Джезказган представляет в потенции одну из богатейших мировых провинций меди, в пользу которой в будущем уступят пальму первенства большинство известных медных провинций Америки».

Новое и смелое в самом начале, к сожалению, редко принималось как объективная реальность. Люди, сидевшие вдалеке от сотен энтузиастов, колесивших пустынями Центрального Казахстана и оглашавших впервые шумом бурильных станков древние степи, сомневались в суждениях полевого геолога. Мало осмысленный оптимизм молодости, думали они. Можно представить, какой выдержкой, какой настойчиво-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

стью обладал К.И. Сатпаев, если ежегодно, а то и по нескольку раз в год, должен был доказывать необходимость продолжения работ во все большем объеме и добиваться их финансирования. Наконец, дело дошло до того, что в 1933 году тогдашний Главцветмет решил вообще прекратить разведочные работы в этом районе; кипевшее дело парализовалось, оставались без работы десятки и сотни обученных специалистов, простаивало оборудование. По-видимому, не окажись во главе Сатпаев, Большой Джезказган в нашей стране был бы освоен намного позднее.

Мудрость народа в том и заключается, что он умеет выдвигать и вдохновлять таких сыновей, которые достойно и вовремя прилагают свою волю и силы к разрешению казалось бы неразрешенных проблем. Таким сыном народа оказался в данном случае Каныш Сатпаев. В трудную минуту он не расслабился, не демобилизовался. Наоборот, он стал энергичным как никогда. Его поддержали коммунисты, поддержал райком партии. Он сделал все, чтобы сохранить производственное ядро, чтобы найти средства для продолжения разведки.

В течение двух лет руководитель работ, в целесообразность которых не верили в Главке, в отделах Наркомата, самыми разнообразными путями добивался минимальной материальной поддержки от самых различных организаций.

Идею Большого Джезказгана поддержали ученые страны, поддержала Академия наук. В декабре 1934 года Каныш Имантаевич добился приема у Серго Орджоникидзе. Результатом этого приема явились слова Орджоникидзе, сказанные им позднее на сессии ЦИК СССР: «В ближайшем времени нам придется приступить к строительству Большого Джезказганского комбината. Там имеются богатейшие запасы медных руд. Они расположены в глубине Центрального Казахстана, вдали от железных дорог. Необходимо быстрее строить к Джезказгану железную дорогу от Караганды». Это было уже признание, признание в государственных масштабах. Но каким трудным был путь к нему! Только теперь создавались условия для более углубленного и разностороннего изучения всех богатств Джезказгана, для окончательного обоснования строительства Большого Джезказгана. Эта колоссальная работа и была проделана коллективом геологов и многих других специалистов под руководством К.И. Сатпаева.

Трезвый реалист, больше всего ценивший в жизни суровую логику и неоспоримую убедительность доказательств, он мог стать лирически-взволнованным и эмоциональным, когда дело касалось заветных проблем науки и техники, осуществление которых обещает большие

Created by free version of 2PDF
Buketov University

блага народу, поднимет Казахстан. Нельзя и сейчас без волнения читать пророческие строки, которыми Каныш Имантаевич закончил одну из своих первых статей о Жезказгане: «Когда над Улутау впервые пронесется гудок заводской сирены, то он, несомненно, найдет свой мощный отклик далеко во всех уголках Казахстана. Усилителем же этого «эха» будут историческая популярность Улутау, его центральное местоположение, любознательность казахского народа и даже его природная склонность к песнетворчеству, причем в новых песнях, несомненно будут звучат уже не былые ноты тоски и отчаяния, а другие, бодрые ноты, полные мощи и отваги. То будут песни нового, нарождающегося, индустриального Казахстана». Рост индустриальной мощи республики – вот та проблема, которая жгла сердце молодого геолога. Разрешению этой проблемы он отдавал все свои силы, все свои знания.

Каныш Имантаевич Сатпаев был ученым-геологом. Однако все знавшие его близко твердо могли бы сказать, что любые другие области знаний, включая, как принято говорить, чистую науку, где требуются особые способности к абстрактному мышлению, были бы также ему по плечу: истинный талант всегда многогранен. Вероятно, то, что Каныш Имантаевич по счастливому стечению обстоятельств избрал прикладную геологию, наиболее соответствовало потребностям республики в те годы и импонировало его живому и динамичному характеру. Можно полагать, размышляя о собственном творческом пути и путях своих соратников, он не раз их оценивал словами В.И. Вернадского, одного из своих почитаемых учителей: «Хотя с точки зрения вечности достижения чистой науки, двигающие на новый высокий уровень человеческую мысль, по сути вещей гораздо более значительны и в конце концов в истории планеты и человечества более могущественны, чем величайшие завоевания прикладного знания, – в текущей жизни, для современников, гораздо большее значение имеют крупные достижения прикладного знания».

Но все же, где та грань, которая отделяет так называемые чистые науки от прикладных наук? По-видимому, эта грань резко очерчена только для рядовых ученых, не способных к синтезу, лишенных крылатого полета мыслей. Русская наука, а ее воспитанником был К.И. Сатпаев, в лице лучших своих представителей явно пренебрегала этой гранью. Вспомним, что М.В. Ломоносов, обосновывая фундаментальные законы физики и химии, в то же время был автором и инициатором производства русского цветного стекла, издал первое руководство по извлечению металлов из руд и всей своей деятельностью способствовал промышленному развитию России. Вспомним, что Д.И. Менде-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

леев создал периодическую систему элементов, одно из высших достижений человеческой мысли, и в то же время работал над способами транспортировки и переработки нефти, изобрел пироколлодиевый порох, предложил ныне широко распространенный способ подземной газификации углей. Такой редкой способностью переходить от решения частных научных и научно-технических проблем к обобщениям большого масштаба и фундаментального значения К.И. Сатпаев был наделен в полной мере.

Для жизни одного человека, чтобы отнести его в разряд замечательных людей, было бы достаточно изучение Джезказган-Улутауского рудного района и создание на этой основе Большого Джезказгана, одного из крупнейших очагов индустрии республики. Но для нашего первого академика и этот подвиг был ступенью к новым делам. Геолог-практик, параллельно создавший и теоретические гипотезы, накопил столько фактов и так сосредоточенно размышлял над ними, что его переход на работу в институт геологических наук Казахстанского филиала союзной Академии явился естественно продолжением его геологических поисков, но уже в плане больших научных обобщений. Этим во многом объясняется сама плодотворность исследований института геологических наук. К.И. Сатпаев явился одним из создателей так называемой металлогенической науки. Эта наука, благодаря работам К.И. Сатпаева, позволила геологам делать прогнозы по скоплению полезных ископаемых в той или иной точке выбранного района земной поверхности и составлять так называемые прогнозные карты, принесшие громадное облегчение в деле поисков месторождений руд. Естественно, что благодаря плодотворности идей, заложенных в основу металлогении, эта наука заняла выдающееся место в развитии всех наук геологического профиля. Сам К.И. Сатпаев отводил для себя скромную роль продолжателя идей своего учителя академика М.А. Усова. Но вот что писал известный профессор Ф.И. Шахов еще при жизни К.И. Сатпаева в 1960 году: «Метод «комплексной структурно-региональной металлогении» К.И. Сатпаева является гораздо более совершенным, чем схема М.А. Усова, но по направлению он с ней созвучен». Академик Д.И. Щербаков свидетельствует: «Выдающаяся роль К.И. Сатпаева выразилась в том, что он, понимая необходимость привлечения всех ветвей геологической науки, а также геофизики и геохимии для составления прогнозных карт, сумел объединить работников различных областей геологических знаний, а также практических геологов».

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Практическая цель геологических наук – изучение земных недр с точки зрения использования их богатств на благо общества – достигалась до недавнего времени самыми разнообразными методами исследований и поисков, и в соответствии с этими методами делились и сами геологические науки. Роль металлогенической науки сводится к синтезу методов, применяемых во всех геологических науках с единой целью – предсказать распространение и сосредоточение полезных ископаемых в том или ином районе путем составления прогнозных карт. Если задача науки и сила ее заключаются в умении предсказать те или иные закономерности или явления природы, то металлогеническая наука является самой передовой областью геологических наук.

Можно понять, какими обширными и глубокими знаниями и громадными организаторскими способностями должен был обладать человек, ставший во главе металлогенической науки, рожденной на основе синтеза достижений всех других геологических наук. Недаром с именем К.И. Сатпаева связано развитие не только Большого Джезказгана, но и открытие и использование многих других самых разнообразных месторождений нашей республики, в особенности Центрального и Северного Казахстана, Рудного Алтая. Естественно и то, что, работая в сфере одних и тех же научных интересов, в области геологических наук, рядом с К.И. Сатпаевым выросли его замечательные соратники, академики республики Р.А. Борукаев, И.И. Бок, Ш.Е. Есенов, А.К. Каюпов, Е.Д. Шлыгин, Г.И. Щерба, член-корреспондент Академии наук республики Г.Ц. Медоев и многие другие.

Наука стала производительной силой нашего общества. В нее вовлекаются все большие массы людей. Академик Н.Н. Семенов считает, что в скором будущем в каждой или почти каждой семье будет научный работник. Чем больше места занимает в жизни общества наука, тем большая роль отводится организации научного дела, руководству научными коллективами. Известный профессор Джон Бернал, много сделавший в области науковедения, считает, что администратору научных работ не обязательно быть ученым. По всей вероятности, такое суждение исходит не столько из самой сути и особенностей организации научных исследований, сколько из того жизненного факта, что сочетание организаторских способностей с талантом ученого в одном и том же лице – явление редчайшее.

Однако, на мой взгляд, ближе к истине стоит академик П.Л. Капица, полагающий, что, как бы это ни было трудно, администратору

Created by free version of 2PDF
Buketov University

научных работ лучше быть и ученым, ибо «...он должен понимать смысл и цель научной работы и должен правильно оценивать творческие возможности исполнителей, распределять роли по талантливости и так целесообразно расставить силы, чтобы все стороны развиваемой проблемы развивать гармонично». Нужно ли говорить о том, что К.И. Сатпаев широко проявил способности ученого-администратора, ученого-организатора, руководя научными исследованиями в институте геологических наук. Но еще более многогранно проявились эти способности, когда была основана Академия наук Казахской ССР и К.И. Сатпаев стал ее первым президентом.

Пушкин, отмечая универсальность научных начинаний и постижений М.В. Ломоносова, писал, что он «…сам был первым нашим университетом». К.И. Сатпаев жил в век такого углубления и такой дифференциации наук, когда стремление к универсальности в постижении знаний в лучшем случае может привести к поверхностному дилетантству, и поэтому личные научные интересы наш первый академик ограничивал геологическими науками. И, думается, ограничивал сознательно, не раз наступая, говоря словами поэта, на горло собственной песне. Ведь это он продиктовал более двух десятков казахских песенкюев знаменитому исследователю песенного творчества нашего народа Затаевичу. Ведь это он, К.И. Сатпаев, написал одну из первых квалифицированных рецензий на первые спектакли первого казахского музыкально-драматического театра; это он, наряду с геологическими поисками, как об этом свидетельствует академик Маргулан, вел и археологические изыскания, сыгравшие определенную роль в археологических исследованиях в республике; это он был, как признают многие, знатоком казахской этнографии, истории и фольклора.

Но, обладая такой широкой эрудицией, он никогда не подчеркивал своего превосходства и был очень прост и доступен.

Помню, как в начале 1960 года К.И. Сатпаев пригласил меня, начинающего вузовского работника, для беседы. Речь шла о том, чтобы я ехал в Караганду руководить вновь организованным там химико-металлургическим институтом Академии наук Казахской ССР. Мое естественное волнение, связанное с первой встречей, сразу же исчезло: Капыш Имантаевич начал разговор с очень обыденных, традиционных расспросов о здоровье, о жизни родных, близких, коллег, т.е. с того, с чего начинают обычно пожилые казахские люди, беседуя с младшими. И как-то незаметно эти расспросы подошли к моим педагогическим и

Buketov University

Created by free version of 2PDF

научным делам и исследованиям на кафедре, где я работал. Тепло отозвавшись о руководителе кафедры, моем учителе академике В.Д. Пономареве, он тут же посмеялся над некоторыми странностями ученого. В этом смехе я уловил одну, редкую особенность сатпаевского юмора – в забавных черточках в характере, в поведении своих товарищей подчеркивать свое высокое уважение к ним. Он не высмеивал, нет, он добродушно подшучивал.

Затем Каныш Имантаевич рельефными штрихами обрисовал задачи, стоящие перед институтом; ненавязчиво дал мне понять, как мои личные научные начинания и интересы естественно связываются с научными проблемами по освоению минеральных богатств Центрального Казахстана; мне было, не скрою, особенно приятно, что он сделал упор на необходимости моего личного научного роста, без которого невозможен настоящий авторитет руководителя академического научного учреждения. Словом, я ушел отнего окрыленным.

Позже, работая под его руководством, я убедился в том, что К.И. Сатпаев умел не только убеждать с присущими ему неторопливостью и добротой, но и высказывать резкие, образные, запоминающиеся на всю жизнь, замечания. Бывал он и властным, не терпящим возражения. Но при этом, как никто другой, знал особенности творческих коллективов. Он всей своей научной организаторской деятельностью подчеркивал, что творческий коллектив – это не просто административно-оформленный коллектив, а коллектив, объединенный единством творческих интересов. Он стремился сам избегать обычного администрирования и учил этому других. Необходимо обладать громадным тактом, особенным чутьем на угадывание склонностей и способностей людей, исключительным умением убеждать, чтобы создавать и цементировать такие коллективы. И, исходя из такого понимания роли руководящих кадров в науке, Каныш Имантаевич не жалел сил для отбора и воспитания ведущих научных работников республиканской Академии. Особым его вниманием пользовались те, в ком он чувствовал наряду со склонностью к кропотливым научным изысканиям и заметные организаторские способности. И теперь, когда я встречаю ученых и организаторов исследовательских работ крупного масштаба, деятелей науки близкого к Сатпаеву поколения, во многих из них я нахожу, может быть, и не всегда четко выраженные, сатпаевские черты. И это легко объяснимо. Они рука об руку работали с ним и не могли не испытывать его влияния, не могли не усвоить некоторых его методов общения

Created by free version of 2PDF
Buketov University

с людьми, его умения связывать теорию с практикой, вести творческие споры, не ставя себя в положение патриарха, изрекающего истину в последней инстанции.

...Ныне, когда входишь в здание Академии наук республики, знакомишься с ее многочисленными институтами, где в тиши лабораторий работает целая армия научных работников, дивишься широте охвата научных проблем: от создания новых методов поисков полезных ископаемых и новых технологических принципов наивыгоднейшего использования минеральных ресурсов до попытки проникнуть в тайны образований живой клетки и истоков энергии космических лучей. На первый – восторженный и поверхностный – взгляд может показаться, что путь науки у нас состоял из одних побед. Но это далеко не так. И победы достигались большим трудом. И неудачи были на этом пути.

Не избежал их и наш первый академик К.И. Сатпаев.

В последнее десятилетие жизни, возвращенный партией к руководству Академией, Каныш Имантаевич наряду с постоянными заботами о дальнейшем укреплении и усилении крупных исследований большого прикладного народнохозяйственного значения, участвует в закладке основ развития изысканий общенаучного значения, отдает много энергии созданию материальной и технической базы роста точных наук физико-математического профиля. Тогда организуются институты ядерной физики, математики и механики и некоторые другие. Деятельность этих институтов помогла нашей Академии выйти на передовые рубежи в тех областях науки, где человеческий ум наиболее глубоко проникает в тайны природы. Никак нельзя умалить роль Сатпаева в деле создания крупных очагов академической науки в областных городах – Караганде, Усть-Каменогорске, Гурьеве – ныне прочно завоевавших свое место в научной жизни республики.

«Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения Чокан Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов», – писал ученый-ориенталист Н.И. Веселовский о первом казахском ученом.

У первого казахского академика К.И. Сатпаева и его соратников – иная судьба, сложившаяся благодаря Великому Октябрю и Ленинской партии. Не «блестящими метеорами» пролетели они по небу советской науки, а светят устойчивым светом постоянных звезд.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

III

Между наукой и художественной литературой есть много общего: и там, и тут основную роль играет наблюдение, сравнение, изучение; художнику так же, как ученому, необходимо обладать воображением и догадкой – интуицией.

М. Горький

Тем, кем я стал, я обязан Шиллеру; без него мог быть человек с той же бородой и формой носа, как у меня, но это был бы не я.

Людвиг Больцман,
знаменитый австрийский физик

В Алма-Ате живет один из старейших советских химиков, академик Академии наук Казахской ССР, профессор Казахского государственного университета Михаил Ильич Усанович. Большой знаток теории химических процессов, он привлекает не только обширными и глубокими знаниями, но и умением увлекательно и просто растолковать многие самые сложные вопросы, вытекающие из химических экспериментов. Ведь химия – наука экспериментальная! Беседы с Михаилом Ильичом и приятны, и полезны. В одну из наших встреч профессор обронил фразу о том, что для него самые интересные, самые неисчерпаемые темы для бесед – это профессиональные, научные темы. Тут он сделал паузу...

– Правда, очень редко, но бывало и так, что я обретал душевный контакт и вкус к беседам с людьми совершенно другой профессии. Я прежде всего говорю о Мухтаре Омархановиче Ауэзове. Мы были с ним близкими друзьями и не утрачивали взаимного интереса до конца его дней. Вероятно, это можно объяснить многим. Мы были сверстниками, Ауэзов всего лишь на три года моложе меня, мы профессоры одного университета, и, наконец, нас просто тянуло друг к другу.

Профессор замолчал, уходя в воспоминания, а мне подумалось, что истоки близости этих двух людей, должно быть, коренятся более глубоко и, вероятно, обусловлены особенностями их творческих натур. В самом деле, М.И. Усанович является создателем известной не только у нас, но и за рубежом, теории кислот и оснований, фундаментальные положения которой пронизывают ныне всю неорганическую и органическую химию. Выдвинув первые основания своей теории четыре десятка лет тому назад, он продолжал по крупицам собирать факты для дальнейшего подтверждения и развития этих оснований. «Узнать,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

понять и охватить гармонию научного здания с его недостроенными частями, – писал Д.И. Менделеев, – значит получить такое удовлетворение, которое дают только высшая красота и правда». М.И. Усанович и есть один из тех, кто постигает эту «высшую красоту и правду» в науке. Думается, не случаен был интерес Мухтара Омархановича к этому человеку. Ибо сам писатель делал то же, что и ученый, когда всю жизнь по крупицам собирал исторические и жизненные факты не только для того, чтобы обобщить их в своих научных исследованиях, но и для создания эпопеи о великом Абае, где «высшая красота и правда» проявились в неувядаемом блеске. И, конечно же, классика казахской литературы и выдающегося химика сближало обостренное чувство истины и красоты, постоянная склонность к целеустремленным и беспокойным изысканиям и большим обобщениям. Недавно профессор Ю.Я. Фиалков отмечал, что «...в работах М.И. Усановича романтика химии, романтика в самом чистом и первозданном значении этого слова является едва ли не самой характерной чертой».

М.О. Ауэзов являлся, – я говорю не в литературоведческом, а в жизненном смысле, – романтиком-исследователем, романтиком-искателем высшей правды и к тому же истинным поэтом. Вспоминается такой случай из истории нашей советской литературы.

Есть у поэта Степана Щипачева стихотворение. Оно называется «Нью-Йорк».

Стоят небоскребы стоокие –
Человеческих рук творенья,
Как будто неровные строки
Окаменевшего стихотворенья.
Стоит на граните город,
И сам – стекло и гранит.
Холодный, расчетливый город,
Поэтами не знаменит.

Это стихотворение примечательно для нас тем, что оно посвящено Ауэзову. Сам Мухтар Омарханович рассказал о поводе к созданию этих строк: «Когда, подлетая к Нью-Йорку, я увидел гигантские небоскребы, они неожиданно ассоциировались у меня с образом окаменевшей поэмы, неровными строками вписанной человеком в небо. Я поделился впечатлением со своим спутников Степаном Щипачевым. Ему этот образ так понравился, что он попросил подарить его ему». Здесь для нас интересно одно обстоятельство: великий казахский писатель Мухтар Ауэзов был художником от рождения, он мыслил образами.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Мухтар Ауэзов даже самому прозаическому в мире городу из стекла и гранита нашел такое изумительное, поэтическое сравнение.

Ауэзов, надо думать, писал стихи, но читателям известны только его прозаические произведения. Однако нельзя не согласиться с определением французского писателя-коммуниста Луи Арагона, что «…Мухтар Ауэзов – один из величайших поэтов нашего времени». Ибо подобно тому, как никто не удивлялся и не удивляется Гоголю, назвавшему свое знаменитое прозаическое полотно «Мертвые души» поэмой, так и каждому из произведений Мухтара Ауэзова можно смело дать поэтическое название, ибо Ауэзов являлся глубочайшим и одухотвореннейшим поэтом по всей сути своего творчества.

Мухтар Омарханович был писателем чрезвычайно широкого диапазона: рассказчик-повествователь, романист, драматург и переводчик, сценарист и либреттист, литературный критик и публицист. Профессор университета и академик, он оставил нам глубокие исследования в области устного народного творчества, по истории казахской литературы, по теории языкознания и перевода, по искусствоведению. Его научные работы – непревзойденные образцы научного творчества, в них из кропотливо собранных фактов и крупиц истины вырастают не только логически убедительные, но и поэтически вдохновенные обобщения. К этому следует прибавить, что Мухтар Омарханович как неутомимый общественный деятель положил немало труда для сближения культур народов нашей страны и не раз достойно представлял советскую творческую интеллигенцию за рубежом.

В любом продукте творческого труда отражаются особенности личности и характера автора. Однако творчество писателя – это та особая область созидания, где результаты труда неразделимы с личностью автора и могут быть глубоко поняты тогда, когда станут известными истоки авторского вдохновения. Можно изучить закон о периодичности элементов, не знакомясь с жизнью Менделеева, но трудно постигнуть глубины «Евгения Онегина» и «Героя нашего времени», не изучив биографии Пушкина и Лермонтова.

Сейчас положено начало изучению творчества Ауэзова, и думается, что люди будут изучать биографию и творчество Ауэзова и находить в них источник знаний и вдохновения. Я не ставлю целью подробное изложение биографии Мухтара Омархановича, ограничусь лишь некоторыми моментами его биографии. Лучше всего для начала дать слово самому писателю:

«Я родился 28 сентября 1897 года в семье кочевника Чингисской волости Семипалатинской области Омархана Ауэзова... Мои предки, выходцы из Средней Азии, еще в начале XIX века были причислены к племени Тобыкты, из которого происходил... Абай Кунанбаев.

Created by free version of 2PDF

Раннее детство я провел в ауле, там же начал обучаться грамоте. Учил нас, внуков, наш дед Ауэз (от чьего имени и происходит моя фамилия).

Мне было лет пять-шесть, когда однажды вечером, в час приятного ожидания ужина, дед решил проверить, не вырос ли я для грамоты, и он тут же заставил меня повторить несколько слов со звуком «р». Не умея отчетливо произносить этот звук, нечего было и думать о грамоте. Детям, не справлявшимся с ним, муллы крутили язык, – ведь первые уроки начинались с заучивания церковных слов корана: «Бисмилля ир-рахман, ир-рахим» («Во имя бога всемогущего»), и никакой мулла не мог допустить «кощунственного искажения святого изречения». Но этот экзамен, видимо, вполне удовлетворил деда, и он взялся за меня на следующий же день.

Помню безоблачное, теплое весеннее утро. На лужайке перед зимовкой резвятся телята, прыгают, милые детскому сердцу, ягнята и козочки, а по небу, подобно бескрылым пери из бабушкиных сказок, далеко растянувшейся стаей летят, озаренные солнцем, лебеди, чуть слышная песнь доносится с непостижимой высоты, вдруг все очарованье весеннего дня исчезает: нас зовут в душную, низкую зимовку к деду. Увидев в его руках толстую, рукописную книгу, я понимаю, зачем нас звали, и огорчаюсь все больше. Дед начинает показывать мне в книге арабские буквы, и у каждой из них такое трудное название...

Книга та была сборником стихов Абая. Ауэз, друг поэта и искренний почитатель его таланта, заказал мулле переписать их в одну книгу и решил обучать нас грамоте по стихам любимого поэта, надеясь внушить любовь к ним и своим внукам.

У деда моего свой метод обучения. Вероятно, он значительно облегчал труд учителя, но бедного ученика заставлял проливать немало слез: едва я стал отличать буквы, мне пришлось учить одно стихотворение за другим. Стихи были длинные, непонятные, в них то и дело попадались странные, непривычные, никогда не слыханные имена: Фошкин, Лермонтып, Кралоп, какие-то Татьян и Анегин. Дед, подражая учителям-муллам, держал нас над книгой с утра до заката, и все, выученное за день, нужно было перед ужином прочесть ему и отцу наизусть. Вешнее солнце потускнело для меня, целыми днями не видел я своих друзей – ягнят, и абаевские страницы с сердечными жалобами Татьяны были мокры от горьких слез другой жертвы судьбы. Но дед твердо держался своего способа обучения: не помогло и заступничество сердобольной бабушки, опасавшейся, что от беспрерывного заучивания стихов ее маленький внук отупеет».

Нужно сказать, что будущему знаменитому писателю решительно повезло в детстве и отрочестве. Дед Ауэз не только был поклонником и

Created by free version of 2PDF
Buksu.by University

почитателем поэтического таланта Абая, но и твердым сторонником его взглядов о необходимости сближения с русскими и обучения детей в русской школе. Поэтому-то одиннадцатилетний Мухтар был отдан в Семипалатинское городское пятиклассное училище. Мухтар Омарханович вспоминает далее: «...наш дед выслушал от старейшин и аксакалов немало упреков, насмешек и осуждений за то, что разрешает сыновьям и внукам учиться в русской школе. Когда на лето мы, ученики, приезжали в аулы, родовые воротилы, глядя на одетых в форму мальчиков, сокрушенно покачивали головами и объясняли это «бедствие» губительным влиянием Абая».

Продолжая свое образование, Мухтар Ауэзов окончил в 1919 году Семипалатинскую учительскую семинарию и после установления Советской власти в Семипалатинской области работал в Семипалатинском облисполкоме, в КазЦИКе в Оренбурге, одновременно пробуя свои силы в драматургии и журналистике. Осенью же в 1922 году он стал вольнослушателем Среднеазиатского университета в Ташкенте. Через год поступил в Петроградский государственный университет на филологическое отделение, которое и закончил в 1928 году. В том же году он был зачислен в аспирантуру при восточном факультете Среднеазиатского университета в Ташкенте.

Как художник слова Мухтар Ауэзов стал известен с начала двадцатых годов. Сабит Муканов свидетельствует, что «...казахская национальная художественная проза берет свое начало от повести Мухтара Ауэзова «Беззащитные», посвященной критике патриархально-феодальных отношений в Казахстане». Широту диапазона Мухтар Ауэзов проявил уже в эту раннюю пору своей писательской деятельности. Им была создана серия замечательных рассказов из дореволюционной жизни казахского народа, таких, как «Степные картины», «Степные рассказы», «Под тенью прошлого», «Вдова», «Сирота», «Девушка с претензией», «Образованный гражданин», «Караш-Караш»... Эти произведения и доныне читаются с неослабевающим интересом. Рисуя тяжелый, затхлый, полный жестокости дореволюционный быт казахского общества, он наряду с людьми забитыми, безответными, выводит целую галерею сильных, цельных личностей, таких личностей, которые поистине знали:

...Одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

В таких отважных и смелых людях автор видит будущее своего народа.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Параллельно с прозой в двадцатые годы Ауэзов пробует силы и в драматургии. В пьесах «Енлик–Кебек», «Айман–Шолпан», «Каракоз» – они будут потом не раз переделываться – заключен такой накал человеческих страстей, что при всей самобытной казахской основе в этих пьесах можно почувствовать влияние Шекспира. Молодой писатель усиленно популяризирует новые для пробужденного революцией народа виды искусства – театр прежде всего.

Он всем сердцем, всей душой чувствовал обновление мира и был одним из проникновенных, убежденнейших сторонников приобщения казахского народа к животворным источникам великой русской культуры. Был зачинателем не только казахской художественной прозы, но казахского художественного театра. Об этом свидетельствуют его статьи о театре и драматургии того времени, об этом свидетельствуют вехи его биографии.

Около двадцати лет, почти до конца своей жизни, работал Мухтар Ауэзов над художественным воспроизведением творческой жизни великого казахского поэта Абая Кунанбаева, а значит, и эпохи, в которую он жил. Это был поистине титанический труд – его результат: всемирно известная тетралогия.

Когда в 1904 году умер Абай, Мухтару Ауэзову было семь лет. Он видел его еще живым, но глазами мальчика. Громадные трудности встретились при создании романа.

Сам писатель так рассказал об этом. «...Прежде чем начать задуманный роман, я занялся изучением биографии и творчества поэта. Я редактировал полное собрание сочинений поэта, написал его биографию, собирал касающиеся поэта и его эпохи исторические материалы; в соавторстве с моим другом, русским писателем Леонидом Соболевым, знатоком истории культуры казахского народа, написал трагедию «Абай», отображающую последние годы жизни поэта.

Собирание материалов об Абае имело свои любопытные особенности, незнакомые большинству авторов исторических романов.

Дело в том, что о жизни, работе, внешности и характере Абая нет никаких печатных и письменных данных: ни личного архива, ни дневников, ни писем, ни мемуаров, ни просто зафиксированных на бумаге воспоминаний о поэте. Все данные его биографии, все события романа мне пришлось собирать долгое время путем устного опроса знавших Абая людей, путем бесед с ними...

...Но в сборе материала были свои трудности. Читать о прошлом приходилось в потускневшей, ослабнувшей памяти моих престарелых собеседников; многое приходилось оживлять и своими догадками,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

расшифровывать путем сопоставления с рассказом другого современника Абая. С этими воспоминаниями приходилось обращаться бережно и осторожно. Так запоздалый путник, отыскав в пепле костра, оставленного давно ушедшим караваном, тлеющий уголек, бережно и осторожно раздувает его, вызывая своим дыханием огонь».

Вдумайтесь в это сравнение. Если былым костром, в пепле которого отыскался некий тлеющий уголек – воспоминания старых людей о жизни и творчестве Абая, то каким же сильным должно быть дыхание, чтобы разжечь этот костер снова. Ведь это был не просто костер в пути, а костер, сложенный и воспламененный гением. Да, нелегко было повторить этот единственный в своем роде костер. Вот отсюда вытекает и другая особенность работы над созданием романов об Абае. Об этой особенности сам Мухтар Ауэзов, конечно, не мог сказать. Она, эта особенность, заключается в том, что проникнуть в глубины великой натуры и правдиво осветить сложнейшие коллизии гениальной души мог только человек, обладающий, по меньшей мере, выдающимся творческим талантом.

Приложив свой огромный дар к воссозданию образа Абая и его эпохи, Мухтар-ага оказал великую услугу своему народу. В культурной жизни казахской социалистической нации, поднятой Коммунистической партией из глубин прозябания и полузабытья до уровня высокообразованных народов мира, роман-эпопея об Абае не просто выдающееся явление художественной литературы, но и памятник героическому духу нашего народа, воплотившему в годы безвременья и темноты в могучем таланте Абая свою прозорливость, мудрость, твердую веру в будущее. Своими неповторимыми книгами Мухтар Ауэзов сделал собственное имя неотделимым от имени Абая. Он продолжил его славу и бесконечно расширил круг его почитателей. Эту мысль следует, по-видимому, пояснить.

Абай был величайшим поэтом. Родись он в другой среде и при других условиях, он мог бы стать не менее известным и не менее почитаемым, чем Шекспир или Гете. Но он был сыном темного и отсталого кочевого народа. И в такой среде этот мощный дух поднялся до таких вершин общечеловеческой мудрости, до такого филигранного поэтического мастерства, что при каждом чтении открываешь все новые стороны его вдохновения. К своим стихам он предъявлял невиданную дотоле требовательность, и в каждой их строке словам было тесно, а мыслям просторно. Вот как ему представлялось поэтическое творчество:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Поэзия – властитель языка,
Из камня чудо высекает гений,
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений...
...К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блистать стиха серебряной оправой.

Вот чего требовал от поэзии Абай. И собственные его творения были истинным чудом, высеченным из камня. Однако судьба поэта была такова, что первый сборник его стихов был издан лишь через пять лет после его смерти в 1909 году. На русский язык его стихи впервые были переведены (и то прозой!) только в 1914 году. По-настоящему он начал переводиться лишь после Великого Октября. И все же до сих пор поэзия Абая не пользуется у русского и других народов Советского Союза той известностью, которую заслуживает. Причина этого проста. Русский поэт Василий Андреевич Жуковский заметил однажды: «Переводчик прозы – раб автора, переводчик поэзии – его соперник». Чтобы донести до иноязычного читателя Абая во всей его красоте, самому переводчику нужно быть по крайней мере выдающимся поэтом. В существующих переводах Абая еще никто не посмел нанизывать до сотни жемчужных строк на одну и ту же рифму, как умел делать Абай.

Вообще говоря, это судьба многих великих поэтов! Ведь даже пушкинский «Евгений Онегин» на западе менее популярен, чем многие прозаические произведения русских классиков. А Фридрих Энгельс, например, был покорен красотой и живописью онегинских строф, когда, выучив русский язык, впервые познакомился с ними не в переводе, а в оригинале. Абай переводил отрывки из произведений Пушкина. Эти переводы до сих пор знают и любят в аулах, хотя надо сказать, что Пушкин ныне переведен лучшими нашими поэтами с максимальным приближением к подлиннику. Думается, что явится и такой поэт, который покажет русскому читателю Абая в его неповторимой красоте.

Но в последние десятилетия Абаю решительно повезло: сейчас он дошел до всесоюзного и мирового читателя другим путем – через эпическую тетралогию. Казахский советский писатель Мухтар Ауэзов совершил подвиг, который трудно переоценить: он мощным проникно-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

вением в неизведанные глубины творчества поэта представил его перед всесоюзным и мировым читателем во всем величии и блеске.

Мухтар Ауэзов, вспоминая трудности, возникавшие в процессе работы над эпопеей, писал: «Но верные помощники советского писателя – метод социалистического реализма, ясное критическое отношение к прошлому, великие реалистические традиции русских классиков – выводили меня из множества тупиков. Немало помогал и сам Абай своими бессмертными творениями».

Вдумаемся, чем же помог писателю сам Абай. Профессор Е.В. Лизунова в поисках истоков творческого вдохновения Мухтара Ауэзова обнаружила, что при создании образа зрелого Абая романист от главы к главе отталкивался от стихов Абая[2]. Они для него являлись тем огнивом, от искр которого загоралось вдохновение. В творчестве Абая Ауэзов черпал образы, мысли, настроения, даже психологические детали, из которых складывались характеры Абая и окружающих его лиц. Следовательно, еще одна особенность романов Мухтара Ауэзова об Абае заключается в том, что бессмертная поэзия в них стала «главным документом», и роман предстает перед нами образцом непревзойденного исследования всей поэтической сущности творчества Абая.

Другую замечательную черту эпопеи отметил академик Сатпаев: «Своим романом «Абай» Ауэзов создал не только выдающееся художественное произведение, но и огромный по ценности научный труд. Роман «Абай», несомненно, долго будет привлекать к себе внимание специалистов самых разнообразных отраслей науки. Мимо этой книги не пройдет ни один историк, изучающий прошлое Казахстана; ученый-филолог почерпнет здесь богатый материал из области фольклора и становления казахского литературного языка. Ученый этнограф найдет здесь интереснейшие детали жизни и быта, ныне уже ушедшие в прошлое. Ученые-экономисты получат яркую и правдивую картину структуры скотоводческого народного хозяйства XIX века, своеобразных и острых форм классовой борьбы в нем. Ученые-юристы получат здесь ценные сведения о правовой жизни степи – от шариата до суда биев и т.д.».

Следует добавить, что эти важнейшие стороны эпопеи Ауэзова сочетаются с выразительностью и разнообразием художественной палитры писателя, живописностью обрядов и картин природы, музы-

[2] Е.Лизунова. Современный казахский роман. - Алма-Ата, «Наука», 1968, с. 260

Created by free version of 2PDF
Buketov University

кальностью речи, богатством лексики, введением в языковый обиход забытых и малоупотребляемых слов, что равносильно их открытию.

Мухтар Омарханович был прежде всего художником и поэтом. Но мы сильно обеднили бы его творческий облик, если бы ничего не сказали об Ауэзове-ученом, об Ауэзове – организаторе науки в республике. Еще с начала тридцатых годов он зарекомендовал себя тонким знатоком и неутомимым исследователем казахского и киргизского фольклора. Среди многочисленных научных работ М. Ауэзова особое место занимает большое исследование, посвященное киргизскому героическому эпосу «Манас». Ныне взаимное изучение памятников культуры братских народов стало делом обычным, ибо оно способствует дальнейшему сближению всех людей нашей многонациональной Родины, позволяя лучше и больше познать друг друга. Он и в этом плане был одним из первопроходцев, ведь к изучению «Манаса» он приступил в начале тридцатых годов, имея своим предшественником из казахских ученых разве только Чокана Валиханова. Известно, как живо интересовался Чокан историей и культурой братского киргизского народа. В его трудах мы находим первые записи отрывков из «Манаса», по его высказываниям мы можем судить, как высоко ценил он знаменитый киргизский эпос.

Мухтар Ауэзов был одарен способностью, отталкиваясь от деталей и фактов истории, охватить единым взором весь ансамбль исторических явлений той или иной эпохи. Именно это качество и помогло ему, отталкиваясь от творчества и образа Абая, воссоздать дореволюционное прошлое казахского народа. Отсюда естественно предположить, что эпос «Манас» – эта «Илиада» и одновременно «Одиссея» киргизского народа – привлекал М. Ауэзова своей исторической глубиной, своим емким содержанием, воплотившим в миллионах своих строк наиболее полно и наиболее многогранно духовный облик всего киргизского народа, его прошлое, его чаяния и надежды. Да он и сам это подтверждает: «...ведь сюда (в эпос «Манас» – Е.Б.), как в единственный памятник прошлого духовной культуры киргизского народа, стянулось, влилось очень и очень многое, многое из словесно-речевой, поэтической, в целом духовной культуры народа. ...Здесь отражены ...мифы, легенды, мудрые изречения, быт, общественный, экономический строй. Здесь же отражены многие этапы истории народа и не только со времен калмыцко-киргизских войн XIV–XVIII веков, но и ранние – этапы монгольского нашествия и еще более ранние этапы, разорительные для киргизов нападения тюркского каганата, древнего уйгурского царства и так далее». Можно с достоверностью полагать,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

что именно такой диапазон воплощения духовных ценностей целого народа в одном произведении культуры был сродни творческой и духовной мощи самого ученого, достойного наследника и Абая, и Чокана, вдохновлявших его на трудном и благородном творческом пути.

Академик М.О. Ауэзов был видным организатором науки республики. Профессор Казахского государственного университета, он участвовал в организации кафедр и научной работы по изучению казахской и русской литератур, казахского и русского языков, истории казахской культуры и культуры других советских народов. Его блестящие лекции по истории и теории литературы всегда привлекали многочисленную аудиторию и множили число поклонников литературного и научного творчества. Неизгладимый след академик-писатель М.О. Ауэзов оставил в истории Академии наук Казахской ССР. Он был одним из организаторов исследовательских работ в области литературоведения и языкознания в нашем национальном научном центре, терпеливым воспитателем многочисленных учеников. И, наконец, венцом его деятельности как организатора науки явился созданный по его инициативе Институт литературы и искусства Академии наук Казахской ССР, ныне справедливо носящей имя своего основателя.

Таково в общих очертаниях значение писательской, научной деятельности этого выдающегося сына казахского народа.

Партия и правительство высоко оценивали творчество Мухтара Ауэзова. Он был лауреатом Государственной и Ленинской премий. Ауэзов получил широкое признание в нашей стране и за рубежом. Как только роман «Абай» вышел в Москве отдельным изданием, Всеволод Иванов писал: «Перед нами громадное культурное явление: я бы не побоялся назвать его великим» (1948 год). Назым Хикмет вскоре приветствовал Ауэзова, как «великого сына братской казахской литературы».

И те, кто жил и работал рядом с Мухтаром Омархановичем, кто давно чувствовал на себе обаяние его таланта, его личности, поняли теперь с неожиданной остротой, что этот невысокий, уже немолодой человек с умными внимательными глазами и выразительным рисунком губ принадлежит не только Алма-Ате, не только Казахстану, но всей социалистической культуре, что он достойно представляет миру казахский народ, его поэзию, его духовный взлет.

Между тем, скромность Мухтара Ауэзова была просто удивительной. Я хорошо помню, когда после моей очередной, самой обычной аттестации на повышение в научной должности, он подошел ко мне и с такой искренностью жал мне, малознакомому ему молодому

Created by free version of 2PDF
Buketov University

человеку, руку, что со стороны можно было подумать, что и академиком и прославленным писателем являюсь именно я, а не этот пожилой, но по-юношески непосредственный человек, умевший так радоваться каждому маломальскому успеху шедшего за ним поколения. Кажется, я до сих пор ощущаю тепло рукопожатия писателя, о котором Режи Бержерон, известный французский критик, сказал: «Счастливы народы, которые могут быть воспеты с таким величием и с любовью голосом, подобным голосу Ауэзова!»

Великие художники слова всегда активно участвуют в формировании нашей личности. И мы, может быть, не полностью сознаем масштабы духовного дара, уготованного для нас мыслителями, поэтами и художниками. Если бы мы не пользовались этими дарами, нас бы ожидал удел духовного убожества. Теперь вместе с произведениями Пушкина, Абая и других великих писателей на книжную полку казахского читателя легли и труды Мухтара Ауэзова. Они помогают духовному росту людей молодого поколения, наделяют мудростью, спокойствием и уверенностью в жизни людей старшего поколения. И сегодня казахский народ, весь советский народ говорит своему великому сыну: «К тебе не зарастет народная тропа!»

IV

А мне
в действительности
единственное надо –
Чтоб больше поэтов
хороших и разных.

В. Маяковский

Наука одна и нераздельна. Нельзя заботиться о развитии одних научных дисциплин и оставлять другие без внимания.

Академик В.И. Вернадский

В одном из наших крупнейших высших учебных заведений – Казахском политехническом институте в Алма-Ате работает лауреат Ленинской и Государственной премий, заслуженный деятель науки Казахской ССР, член-корреспондент республиканской Академии, профессор-геолог Георгий Цараевич Медоев. Он делил радости и горести научных поисков с первым нашим академиком! Вряд ли кто лучше и ближе его знал Каныша Имантаевича Сатпаева. Мне не приходилось

Buketov University
Created by free version of 2PDF

видеть Сатпаева и Медоева вместе, но, зная каждого из них, я живо представляю их рядом. Крупный, статный казах, умеющий так заразительно и громко смеяться, и невысокий коренастый (ни дать, ни взять шолоховский Дядька-квадратька) кавказец с его лукавой улыбкой. Их встречи были согреты юмором, они умели находить образные и меткие слова и – это главное! – решали самые трудные деловые вопросы, решали трезво и точно в непринужденной дружеской обстановке. Я хорошо запомнил, как в одну из недавних встреч Георгий Цараевич заговорил: «Каныш любил свой народ, свой язык очень любил. Он хотел, чтобы все, что дано партией и Советской властью, сполна шло на благо народа. Он заботился, чтобы скорее росли талантливые сыны и дочери народа, овладевали всеми отраслями науки. Чтобы больше ученых хороших и разных!.. Ведь тогда, когда партия поставила его во главе науки республики, его сподвижников можно было по пальцам перечесть. Но зато как он берег тех, кто есть, тех, кто подавал хоть малую надежду на будущее. Мы все находились под его порой ласковым, порой суровым, но постоянным вниманием».

И я еще раз с благодарностью подумал о тех ветеранах республиканской науки, которые рука об руку с академиками Сатпаевым и Ауэзовым создавали нашу Академию, продолжают работать в ней и ныне, развивать науку. Все они моложе своих научных руководителей, но не больше, чем на мушел – цикл, равный тринадцати годам, а люди с разницей в возрасте в этом пределе по казахскому обычаю считаются сверстниками.

Обратите внимание, геолог Медоев подчеркнул любовь Сатпаева к языку.

В дни юности тех, о ком я пишу, Владимир Маяковский призывал:

Товарищи юноши,
взгляд – на Москву,
На русский вострите уши!

И юноши всех племен и народов Советской страны с жадностью изучали русский язык, русскую литературу, чтобы скорее приобщиться к животворному источнику знаний. И русский язык воздал сторицей – с его помощью люди бывших царских колониальных окраин овладели науками, техникой, через него смогли быстро поднять свою национальную культуру. Не случайно каждый из нас называет русский язык своим вторым родным языком. И не случайно толковые словари вели-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

кого русского языка Даля, Ушакова, Ожегова лежат на наших столах и полках рядом с другими архинужными книгами, ибо научный работник должен не только экспериментировать, получать научные данные, но и уметь излагать эти данные на русском языке просто, понятно, ясно и, по возможности, образно и эмоционально, это делали, например, Менделеев, Тимирязев, Мичурин, Валиханов. Ведь научные достижения приобретают силу лишь тогда, когда становятся понятными широким кругам специалистов и просто читателей.

Ныне мы гордимся тем, что на наших столах и полках рядом с толковыми словарями русского языка легли толстые тома «Толкового словаря казахского языка». И эту гордость легко объяснить. С детства мы вспоены щедрым нашим фольклором, эпическим песенным творчеством знаменитых импровизаторов-акынов, произведениями чародеев казахского слова Абая и Джамбула, Сакена Сейфуллина и Ильяса Джансугурова, Мухтара Ауэзова и Беймбета Майлина, Сабита Муканова и Габита Мусрепова. Но литературный язык, несмотря на его богатую лексику, несмотря на его природную гибкость, нелегко становился языком науки, языком техники. В этом сказывалась вековая узость культурной и хозяйственной жизни казахского народа. Необходимо было время, чтобы на казахском языке заговорил химик, физик, инженер и агроном, биолог и ботаник.

И это время наступило, наше время. Выходят на казахском языке вузовские учебники по математике, физике, химии и другим наукам, постепенно внедряется в язык, становясь его естественной тканью, научная и техническая терминология. В научных записках Академии все больше и больше места занимают сообщения на родном языке. Словом, наш язык становится языком народа, овладевшего высшими формами научного мышления. Проведена и проводится громадная работа по дальнейшему развитию и обогащению казахского языка, по расширению диапазона его применения во всех областях культурной и хозяйственной жизни республики, по изучению закономерностей его грамматики, по установлению его места в группе тюркских языков, по определению роли русского языка в его развитии.

Среди инициаторов и руководителей этих больших дел я с уважением должен назвать имя одного из республиканских академиков – основателей нашей Академии, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора Смета Кенесбаевича Кенесбаева.

Когда я встречаю этого ученого, рослого, широкого в плечах, как батыр, с доброжелательной улыбкой на крупном лице, я неиз-

Created by free version of 2PDF
Bukeiov University

менно думаю, что этот сверстник Сатпаева в послереволюционные годы находился среди юношей, овладевавших языком великого русского народа и вместе с тем накрепко запомнивших и другой призыв Маяковского:

Используй,
кто был безъязык и гол,
свободу Советской власти.
Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.

С. Кенесбаев вместе со своими известными в республике коллегами академиком республики Н.Т. Сауранбаевым, членами-корреспондентами республиканской Академии С.А. Аманжоловым, М.Б. Балакаевым и многими другими стал организатором глубоких исследований в области казахского языкознания, бессменно возглавляет институт языкознания Академии наук Казахской ССР.

Изучение казахского языка, естественно, не является каким-то обособленным, изолированным процессом. Оно находится в тесной взаимосвязи с изучением истории и теории казахской литературы, истории и этнографии, искусства казахского народа, экономики республики, с работой по созданию первой казахской советской энциклопедии. Институты литературы и искусства имени М.А. Ауэзова, истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова, институт экономики и другие научные учреждения республиканской Академии занимаются этими многообразными проблемами.

Далеко за пределами моей скромной задачи находится оценка деятельности нашей Академии наук и ее институтов. Рассказывать о них – значит обязательно рассказывать и о молодых ученых, так много делающих в любой области – в сферах технической и гуманитарной. Моя цель очень ограничена. Я говорю лишь о сверстниках К.И. Сатпаева и М.О. Ауэзова. Говорю о тех, кто с ними начинал в то, уже далекое время.

Нельзя не рассказать и о крупнейшем археологе, знатоке древнего искусства и древней культуры Казахстана, заслуженном деятеле наук Казахской ССР академике Алькее Хакановиче Маргулане. Я должен сказать о крупном историке и этнографе Казахстана, о заслуженном деятеле науки Казахской ССР академике республики Сактагане Баишевиче Баишеве, о крупном организаторе исторической науки в Казах-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

стане, директоре института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова – Акае Нусупбековиче Нусупбекове. А как много сделал и делает в области познания дореволюционного общественно-экономического строя и быта нашего народа член-корреспондент нашей Академии Сергали Еспембетович Толыбеков.

Когда заходит речь об искусствоведческих работах, проводимых в нашей Академии, никто не может пройти мимо творческого наследия композитора и академика республики Ахмета Куановича Жубанова. Его популярнейшие в народе книги «Струны столетий» и «Соловьи столетий» являются умным, эмоционально-поэтическим рассказом человека, бесконечно влюбленного в песенно-музыкальное творчество выдающихся композиторов-акынов своего народа. Главным редактором Казахской советской энциклопедии в течение многих лет является разносторонний писатель, проникновенный литературовед, знаток литератур советских народов, замечательный публицист и литературный критик, академик нашей Академии Мухамеджан Каратаев.

Эти имена у нас в республике пользуются искренним уважением, когда речь идет о развитии общественных, гуманитарных наук.

По рассказам старших, я знаю: в годы становления Советской власти, когда все от мала до велика по призыву партии принимались за учебу, казахским юношам особенно трудно давались технические науки. Ни они сами, ни их родители и предки никогда не сталкивались с техникой, с машинами и механизмами. Учащиеся хорошо усваивали анатомию лошадей, коров, верблюдов и овец, они знали ее на практике. Но их охватывала робость, как только дело касалось деталей машин, стальных конструкций, строительных сооружений.

Между тем, всему этому надо было настойчиво учиться, ибо кочевой народ переходил на оседлость, должен был привыкать жить в городах и благоустроенных селеньях, строить заводы и фабрики, ездить в поездах и автомашинах, постоянно общаться с техникой быта и труда. Сейчас из казахского народа вышли тысячи инженеров, работающих во всех отраслях производства, сотни крупных ученых, развивающих технические науки в нашей республике. Но еще совсем недавно волновали наше воображение те редкие и смелые люди из моего народа, которые не только овладели инженерной профессией, но стали сами вносить новое в науку и технику, выходя на передовые рубежи технического знания. Их личный пример сыграл неоценимую роль в массовой тяге детей скотоводов к обучению техническим специальностям. Вслед за желанием понять и усвоить, вслед за усвоением арифме-

Created by free version of 2PDF
Bukeev University

тики техники и ее алгебры, возникало стремление создавать, строить, дерзать.

Я живу в Караганде, городе, имеющем всего сороколетнюю историю. Он, этот город, поднялся для развития третьей угольной кочегарки Советского Союза, нового мощного бассейна. Вчерашний город угля и угольщиков ныне становится крупнейшим индустриальным и культурным центром республики и страны со своим университетом, высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами. В полнокровной жизни Караганды отражается вся бурная динамика роста и развития богатейшего региона республики – Центрального Казахстана. Но городу и его спутникам, в частности, металлургическому и химическому гиганту – Темиртау всегда не хватало воды. Многочисленные артезианские скважины и мелкие речушки не могли обеспечить быстро растущие потребности в воде этого громадного промышленного комплекса. В связи с этим лет пятнадцать назад началось строительство, колоссальные масштабы которого мыслимы лишь в стране победившего социализма. Было решено бурные и холодные волны Иртыша, не однажды воспетые в песнях и сказаниях, направить в Караганду. Легко это сказать, если город Караганда от ближайшей точки русла Иртыша находится на расстоянии более 400 километров и расположен на плоскогорье, возвышающемся на 500 метров над уровнем реки. Ныне воды седого Иртыша приручены многочисленными насосными станциями, промежуточными бассейнами и водохранилищами – настоящими рукотворными морями. Иртышская вода в Караганде и Темиртау, очередь – за Жезгазганом. Среди энтузиастов-инициаторов этого громадного по своему размаху и уникального по своей сложности гидротехнического сооружения мы находим имя одного из первых казахских инженеров – гидротехников и энергетиков – академика республики, доктора технических наук, профессора Шафика Чокиновича Чокина. На первых порах идею строительства канала Иртыш–Караганда некоторые специалисты встретили в штыки. Они считали – и многим несведущим людям это казалось резонным – сизифовым трудом тащить воду из Иртыша на сотни километров вверх к плоскогорью, по открытому каналу, прорытому в маловодных степях.

Однако в Казахском институте энергетики, под руководством Ш.Чокина, его бессменного директора, были проведены технические и экономические расчеты. Они неоспоримо доказали целесообразность строительства канала и явились научной основой для его технического и рабочего проектирования. Без Шафика Чокина, без его инициативы и консультации не обошлось строительство ни одного большого гидро-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

технического и энергетического сооружения в Казахстане, в том числе и известного Капчагайского гидроэнергетического комплекса. Богатейший опыт, умение анализировать и видеть перспективу позволяют этому целеустремленному инженеру и ученому переходить от решения локальных, республиканских вопросов к постановке далеко идущих проблем рационального использования водохозяйственных ресурсов в масштабе всей нашей Родины.

Именно Ш.Ч. Чокин вместе со своим учителем, академиком республики В.П. Захаровым, выступил в начале семидесятых годов на страницах «Правды» со статьей «Поворот великих рек» с предложением о переброске части стока сибирских рек в пределы Казахстана и Средней Азии. Смелый замысел, в отличие от многих предыдущих, посвященных аналогичной проблеме, на этот раз базировался на конкретном опыте и имел неоспоримые научные преимущества. Не здесь говорить о путях его осуществления, но – думается – уже есть основания практически искать пути рационального решения проблемы.

Академик Ш.Ч. Чокин далеко не молод. Но глядя на него, не по годам стройного и жизнедеятельного человека, я верю не только в неистощимый запас его знаний, но и в уменье реализовать этот запас на службу развития гидроэнергетики, на службу разумного и выгодного использования водных ресурсов родного Казахстана.

…Однажды корреспондент молодежного журнала «Білім және еңбек» («Знание и труд») пришел к академику нашей Академии наук Абикену Бектуровичу Бектурову:

– Абикен-ага, мы собираемся праздновать ваш семидесятилетний юбилей.

– Это ваше дело, – без тени улыбки ответил академик. – Вероятно, я вам ничем не смогу помочь. А если я и виноват в свои семьдесят лет, то только в одном: я постоянно думаю о том, как я мог прожить столь много и сделать так мало...

Искренность Абикена Бектуровича поставить под сомнение я не могу. Скромность его поистине удивительна. Чтобы убедиться в масштабах его деятельности, достаточно простое перечисление. Он был одним из организаторов химического факультета Казахского государственного университета. В течение двадцати лет являлся бессменным директором ордена Трудового Красного Знамени Института химических наук Академии наук Казахской ССР. Все главные достижения этого прославленного в республике научного учреждения, из недр которого вышли все пять институтов химико-технологического профиля республиканской Академии, связаны с его именем. Руководимая им кафедра университета выпустила не одну сотню инженеров-химиков и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

исследователей, успешно работающих ныне на многочисленных химических предприятиях, в научных учреждениях, высших учебных заведениях республики. На основе его научных начинаний выросли десятки научных работников высшей квалификации, достойно продолжающих дело своего учителя. Он – автор многочисленных научных исследований, многие из них плодотворно используются в народном хозяйстве республики.

Любимым делом Абикена Бектуровича стали исследования по использованию в сельском хозяйстве богатейших залежей фосфорных руд на юге Казахстана! По технологии, предложенной академиком, на одном из предприятий республики производятся фосфорные удобрения, а также так называемые обесфторенные кормовые фосфаты. Они приносят родине несколько десятков миллионов прибыли в год.

Легко и просто судить о сущности идеи и деталях ее инженерно-технического осуществления, когда она уже претворена в жизнь. Но сам академик Бектуров хорошо помнит, какие трудности приходилось ему преодолевать. Отечественная война была еще в разгаре. Он мог только мечтать о лаборатории в нынешнем понимании; квалифицированных помощников было тоже – раз, два и обчелся. Идея возникла в самых трудных условиях. И какой волей, какой настойчивостью надо было обладать, чтобы осуществлять ее на производстве. Детали уточнялись уже потом, в мирные годы, когда работать было куда легче.

Абикен Бектурович известен в нашей Академии как один из самых молчаливых профессоров. Рассказывают, Ньютон в говорливом английском парламенте прославился своим единственным выступлением, когда он поднялся и попросил закрыть окно. Это была, так сказать, реплика не по существу. Что же касается редких и немногословных выступлений Абикена Бектуровича на заседаниях и совещаниях, то они всегда бывают существенными и серьезными. Люди, не знающие нашего академика, могут полагать, что это человек нелюдимый и суровый; но близкие товарищи хорошо знают – за внешней суровостью скрываются его застенчивость, мягкость и добродушие. Один из его учеников совершенно правильно охарактеризовал строками Александра Блока своего учителя:

Простим угрюмство – разве это –
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!

Created by free version of 2PDF
Buketov University

...И еще об одном младшем сверстнике Каныша Сатпаева. Их пути не раз пересекались, сначала как учителя и ученика, а потом и соратников, и в производственной борьбе за Большой Жезказган, и в борьбе за развитие технических наук.

Карсакпайский медеплавильный завод, введенный в строй действующих еще в конце двадцатых годов, занимает в истории промышленности нашей республики особое место как один из первенцев цветной металлургии.

В Карсакпае воспитывались многочисленные кадры рабочих для будущих предприятий по производству меди, свинца и цинка на Балхаше, в Джезказгане, Рудном Алтае, Южном Казахстане. Руководители ВСНХ писали в 1925 году правительству республики: «...было бы величайшей политической, хозяйственной и общекультурной ошибкой, если бы организуемое ныне предприятие (Карсакпайский медеплавильный завод – Е.Б.) имело исключительно русских рабочих. Надо во что бы то ни стало добиться создания серьезного ядра казахских рабочих, ядра, долженствующего далее все более и более разрастаться на основе роста и укрепления данного промышленного предприятия». Это указание тогдашнего штаба народного хозяйства СССР встретили в республике с энтузиазмом. Казахская молодежь обучалась новому делу на предприятиях Союза, а в самом Карсакпае было организовано фабрично-заводское обучение.

Среди юношей, окончивших карсакпайское училище и влившихся в ряды квалифицированных рабочих, находился и Омирхан Байконуров, нынешний академик Академии наук Казахской ССР. Когда он в те далекие годы сел на студенческую скамью только что открытого Казахского горно-металлургического института, он успел уже приобрести солидный стаж рабочего-металлурга, и этим отличался от других юношей-казахов, пришедших в высшую школу из сельских средних школ. После окончания института Омирхан Аймагамбетович вернулся в Джезказган и там, особенно в годы войны, проявились его недюжинные способности инженера и организатора производства. Как директор крупнейшего шахтоуправления, он в это тяжелое время внедрил новую высокопроизводительную систему горных разработок, чем способствовал увеличению производства медных и свинцо-боцинковых руд в Джезказгане.

В своих «Джезказганских песнях», написанных вскоре после войны, Халижан Бекхожин создал романтический образ инженера Байконурова:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Нет ничего ценней разгаданного клада.
Он знает, что не зря затрачены труды:
Несется самолет, громят врага снаряды –
Во всем живая мощь добытой им руды.

...Кто с детства, как в мечту,
стремится в стратосферу,
Кто хочет клад поднять из глубины морской,
А он, мечтавший стать подземным инженером,
Веселье для земли добудет под землей.

Вдумчивый и энергичный производственник, он занимался и техническими науками. И нет ничего случайного в том, что его пригласили руководить институтом, воспитанником которого он был. С тех пор профессор О.А. Байконуров сочетает большую педагогическую и организаторскую деятельность с целеустремленными научными исследованиями в Казахском политехническом институте и институте горного дела Академии наук Казахской ССР. Многочисленные научные статьи, три большие монографии, посвященные прогрессивным методам разработки полезных ископаемых Казахстана, говорят сами за себя. Но если бы только этим ограничивалась его деятельность. Главное для академика, не расставшегося и со своей профессией инженера, – его ученики, его школа. Подобно тому, как старейший ученый в области горного дела, академик республики А.С. Попов увидел в сороковых годах в скромном производственнике будущего крупного научного работника и сделал его своим учеником, теперь уже сам Байконуров умеет определять способности и возможности своих молодых соратников. Он стремится направлять их на тот путь, где их рвение и старание окажутся наиболее плодотворными. Суровая требовательность к себе и к своему окружению по научной работе – вот характерный стиль этого деятеля науки республики.

Несколько лет назад в большом конференц-зале Академии наук Казахской ССР было созвано совещание молодых научных работников. Выступил маститый ученый и как бы в назидание молодым сказал, что он окончил университет за два года.

Рядом со мной сидел пожилой ученый.

– Вряд ли, – сказал он, – стоило этим хвалиться. Да, мы торопились, не торопиться в те времена было нельзя. Однако, к сожалению, то, что быстро усваивается, быстро и забывается. Мы, научные работ-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ники старшего поколения, часто испытываем последствия этой невольной спешки... Вот этот молодой человек – мой ученик.

В это время на трибуну вышел совсем молодой ученый. И мой сосед, указав на него, продолжил:

– Видите, он похож на студента. А между тем, уже кандидат наук. Он приобретал свои знания постепенно и непрерывно. Я его хорошо знаю, он тоже мой ученик. Моя ученица и вон та молодая женщина. Она тоже кандидат наук и только что приехала из Германской Демократической Республики, где стажировалась в одной из известных научных лабораторий нашего профиля у моего коллеги и приятеля. Счастливое это поколение! Не правда ли?

Мне нет нужды скрывать фамилию тогдашнего соседа, крупнейшего специалиста в области биохимии растений, доктора биологических наук, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, академика республики Темирбая Байбосыновича Дарканбаева. Он и его коллеги академики Найля Уразгуловна Базанова, Хамза Жуматович Жуматов, Фазул Мухамедгалиевич Мухамедгалиев, члены-корреспонденты республиканской Академии Араб Махич Габбасов, Муслим Амерханович Ермеков, Ишанбай Каракулович Каракулов, Лукбан Клышевич Клышев, Умирбек Успанович Успанов, Ештай Халбекович Узенбаев были зачинателями исследований в области биологии. Они пришли в науку еще тогда, когда их неграмотные соплеменники не освободились целиком от вбитого муллами и ишанами убеждения, что возжелавший знать тайны живого не может это делать иначе, как связавшись с самим дьяволом и шайтаном. Я понял и отеческую гордость и светлую зависть, испытываемые Темирбаем Байбосыновичем. Он видел, как растет и плодотворно работает молодое поколение ученых, то поколение, для обучения и воспитания которого он сам приложил немало сил. Я понял и другое – святое недовольство собой. Ведь это истинный и, может быть, главный двигатель человека на пути к совершенствованию. Недовольство, неудовлетворенность собой никогда не покидает настоящих людей науки. Скромной самооценкой собственного многотрудного прошлого и личной деятельности они и завоевали заслуженный всеобщий авторитет и уважение.

* * *

Мой старший друг Ишанбай Каракулович Каракулов родился на верблюде. Этот примечательный факт из его биографии стал достоянием друзей и коллег, когда в Алма-Ате в торжественной и многолюдной обстановке отмечалось шестидесятилетие этого замечательного ученого-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

го и жизнерадостного человека. Иные склонны были даже пошутить на эту тему, нисколько не обижая юбиляра. Я же думал о необычных, даже тяжких, с точки зрения современности, условиях, в которых жили и учились, а потом и работали зачинатели нашей советской национальной науки и культуры. Каких смелых, талантливых и энергичных людей выдвигала партия Ленина, чтобы быстро поднять наш народ до высот мировой цивилизации! Недавно я прочитал в газетах, что в Актюбинской области республики, приблизительно в тех же местах, где четырнадцатый сын Каракула родился на верблюде, появился шестнадцатый ребенок у Сахип Тулегеновой. Он родился в самолете. Медицинскую помощь роженице оказали врач Аманкельды Кемалов и санитар-акушер, оказавшийся в числе пассажиров. Конечно, не так уж часто рождаются дети на воздушных трассах. Но даже простое сопоставление и этих двух и многочисленных других фактов из дореволюционной и современной жизни, думается, ярко символизирует тот стремительный взлет, который привел к удивительным изменениям в судьбе и жизни моего народа.

ЕГО ИНТЕРЕСНО БЫЛО СЛУШАТЬ

Об Африкане Андреевиче Бальбурове

Это было в начале сентября прошлого года. Некто Бальбуров письмом из Алматы сообщал, что он - бурятский писатель, решивший из творческих соображений пожить некоторое время в Казахстане, и что, собираясь побывать в Караганде, вознамерился известить об этом друга, покойного С.И.Никитина, поскольку с последним он тоже был в близких отношениях. Фамилия ни о чем не говорила. Стал наводить справки. Оказалось, что удостоил меня своим вниманием не "некто Бальбуров", а известнейший бурятский писатель, автор много раз переиздававшегося романа "Поющие стрелы", многих повестей, рассказов, очерков, драматических произведений. Здесь же всплыло в памяти, как однажды мой покойный друг, московский писатель Сергей Исакович Никитин, сузив от удовольствия большие карие глаза до щелочек и восторженно жестикулируя, рассказал об одном пишущем братебуряте (он так и сказал: "брат-бурят"), которого он обнял и поцеловал за то, что тот, найдя изъяны в его переводе с мордовского, резко сказал: "Ты можешь писать плохо. Это - твое дело. Но переводить плохо - это гнусно!" Такие слова, естественно не мог произнести случайный

Created by free version of 2PDF
Buketov University

человек, но я не счел тогда нужным обратить на них внимание и вряд ли их когда-либо вспомнил, если бы не это письмо. Мне признаться, стало несколько не по себе от того, что ничего не знал ни о литературе бурятского народа, ни об известном писателе.

Через некоторое время пришла телеграмма от нашего выдающегося современного поэта. "По командировке Союза писателей выезжает Африкан Андреевич Бальбуров. Прошу оказать содействие. Крепко жму руку. Олжас Сулейменов". Около вагона СВ скорого поезда "Жетысу" стоял приземистый, плотный человек и неуверенно глядел по сторонам в ожидании незнакомого карагандинца, который как-то должен был сообразить, что он и есть тот самый Бальбуров, о котором сообщал Олжас. Незнакомец имел тип лица, немало характерный и для нашего народа, и я, решивши чуть схитрить, вместо того, чтобы спросить: "Не вы ли - Бальбуров?", произнес "Ассалаумагалейком", на что тот с улыбкой ответил: "Алейкумсалям", - с выговором выдавая свою неказахскую принадлежность. Так состоялось мое знакомство с народным писателем Бурятии, заслуженным работником культуры, лауреатом государственной премии Бурятской АССР Африканом Андреевичем Бальбуровым.

К сожалению, наше знакомство оказалось коротким. Африкан Андреевич собирался приехать в Караганду во второй раз. Он сообщил мне, что вылетает двадцатого января. Между нами уже установились такие отношения, что я, радуясь его приезду, готовился встретить как друга, когда на другой день, в 3 часа ночи восемнадцатого января раздался тревожный звонок с жестокой вестью: несколько минут тому назад Африкана Андреевича не стало...

Прожил он в Караганде дней десять, был очень занят сбором материалов для своих будущих произведений, выступал перед шахтерами и студентами, рассказывая о достижениях бурятской литературы, но мне все же удавалось чуть ли не каждый день беседовать с ним, раза два вывозил его на вечер за город, знакомя с нашей сельской аульной жизнью. Слушать его было интересно, так как все, о чем бы ни рассказывал он, для меня было ново. Он был изумительным знатоком мировой литературы, имел основательные сведения по разнообразным проблемам развития народного хозяйства и культуры нашей Родины, он одинаково увлекательно повествовал, как об укладе жизни и обычаях далеких стран и народов, ибо объехал чуть не весь мир, так и о китайской медицине, которую он знал удивительно тонко. Словом, я почувствовал в лице Африкана Андреевича редкого эрудита, к тому же умеющего рассказывать обо всем очень увлекательно и живо, сочным

Buketov University
Created by free version of 2PDF

русским языком, густо пересыпанном образными выражениями, характерными для сибиряков. Говорил он скромно и спокойно, как будто та громада знаний, которую он в себе хранил, приобретена была им совершенно без труда и не имела никакого значения. Вмешивался в беседу так непринужденно и так к месту, что даже при желании невозможно было заподозрить в стремлении как-то показать слушателю свое интеллектуальное превосходство, подавить его своей эрудицией. Ему было просто приятно занимать собеседника. С таким же успехом он мог, чуть откинувшись на спинку кресла и положив ладони небольших, но крепких рук на живот, нескучно помолчать. Я нарочно пишу "нескучно помолчать" - потому, что он умел слушать с интересом, хотя мне думалось, что ему, мудрому и многознающему, обычные наши застольные беседы не должны были доставлять особого удовольствия.

Коротко, слишком коротко было наше знакомство, обещавшее крепкую дружбу. Кроме этих десяти дней общения урывками, я имею всего лишь девять писем, где продолжались наши карагандинские беседы. Еще была мимолетная встреча в Алматы, но в надежде на длительные встречи в будущем, мы и не поговорили. Не думалось что у такого жизнерадостного, душевно-щедрого человека так нелепо, легко и быстро оборвется жизнь...

Истинный писатель, конечно, весь в своих писаниях. В них его душевная суть. Я прочитал большую часть произведений Африкана Андреевича, познакомился через них с богатыми традициями, обычаями, жизненным укладом родного, близкого бурятского народа. Почувствовал, что писатель Бальбуров был истинным сыном своего народа, преданным своим улусам, своим новостройкам, городам, своей тайге всеми фибрами души, влюбленным и очарованным прошлым и настоящим своих таежных родичей. Все его произведения - это единый гимн, спетый талантливо-звонким, трогательно-проникновенным голосом во славу бурятского народа. Такой сын, думается, не может не продолжать жить в сердце народа, породившего его.

Известно, что талант не всегда является мерой личного обаяния. Есть талантливые люди, притягательность и полезность деятельности которых проявляется лишь в плодах их труда. Не таким был Африкан Андреевич. Жизнерадостность, заразительность истинно и всесторонне даровитого человека проявлялась у него в одинаковой степени и в литературных произведениях и при личном общении. Большое видится на расстоянии. Африкан Андреевич только что был с нами, и никто не думал как-то обобщать и приводить в систему свои суждения о нем. Приходят на ум лишь огрызки тех больших впечатлений, которые при-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

зводил этот удивительный бурят. Остается привести некоторые обрывки, может быть, из будущего целого.

...Выехали за город. Я вспомнил, с каким искусством он живописал в своих произведениях родную ему забайкальскую тайгу и решил в свою очередь похвалить степи.

- Взгляните кругом, какое поле для обозрения - это вам не тайга, где видишь кусок неба и рядом, куда ни оглянись, непроницаемую стену из деревьев... Некуда посмотреть и нечего видеть...

- Зато таежный человек, стремясь к просторам, не находит ничего лучшего, как смотреть ввысь, и растет гордым... Правда, не всегда держит голову высоко от благородной гордости, часто бывает и от чванства... В последнем случае держит высоко не столько голову, сколько нос... – засмеялся он. Смеялся он несколько глуховато, отчего не уменьшалась заразительность его смеха.

Прочитав одно из моих писаний, он правил... По этому поводу я в письме несколько нескромно пошутил: У Ивана Бунина чесалась рука править Льва Толстого. На что получил следующий ответ. "Насчет Бунина и Толстого – шутка вышла изящная, красиво вы обыграли шутку Бунина. Этот талантливый барин умел шутить! Я, понимаете ли, восемнадцать лет старался подстригать всех, кого правил, под себя: мне безумно хотелось, чтобы все авторы "Байкала" писали, как Бальбуров, чтобы все они походили на Бальбурова, и чтобы даже вся писательская организация Бурятии состояла из одних Бальбуровых, подстриженных ровно, голо, чтобы ни у одного из бурятских писателей не имелось на голове больше волос, чем у меня. Вот было бы здорово, а? Но не вышло, черт возьми! Даже самый беспомощный из них норовил оставить в прическе что-нибудь да свое - негодники, стиляги несчастные, никак не могли понять, что самая лучшая сосна - это телеграфный столб, который является ничем иным, как хорошо отредактированной сосной!"

Он, по видимому, любил посмеиваться над собой, большею частью над собой из прошлого. Может быть, это была уже возрастная особенность умного и пожившего человека, когда многое критически переосмысливается под беспощадно аналитическим взором с годами приобретенной мудрости. Это была и особенность сильного человека, который не боится говорить о своих недостатках, когда он их обнаруживает. Рассказывал он, как познакомился с великим казахским писателем Мухтаром Омархановичем Ауэзовым: "Приехал ко Всеволоду Иванову, который ко мне благоволил, на дачу. Знаменитый русский писатель был очень добродушным человеком, а я был молод, самонадеян и вел себя в то время довольно развязно. Шутка сказать, работал

Bukerov University
Created by free version of 2PDF

корреспондентом самой "Правды" и был уверен, что имею несомненно громадное, несомненно облагораживающее влияние на ход событий. Думал именно так. Ни больше, ни меньше. И вот у Всеволода Вячеславовича поднимается на встречу сородич среднего роста, полный, с громадным лбом, переходящим в лысину, толстыми губами и пытливым взором. "Мой друг, большой казахский писатель Мухтар Ауэзов" – знакомит меня хозяин. Слышал эту фамилию, но признаться, не читал; и она, фамилия, ни о чем мне не говорила. А что касается того, что Всеволод Иванович назвал его другом, в этом я тоже не почувствовал ничего особенного, он и меня называл другом. Побыл я в тот раз у Всеволода Вячеславовича недолго. Между прочим, тогда же у меня состоялось знакомство с Канышем Имантаевичем Сатпаевым. Дело в том, что я тогда считал, что все должны быть заняты только моими делами, и поэтому тут же у Всеволода Вячеславовича бесцеремонно заговорил о том, как недавно жаловался мне один сибирский геолог, фанатик своего дела, прося защиты от недоброжелателей, которые не хотят признать большое народнохозяйственное значение открытого им месторождения, и что нужен объективный специалист, который бы помог определить, как быть в данной ситуации. "Знаете Африкан Андреевич, – сказал мне, помню, Мухтар Омарханович, выговаривая слова так тихо и так медленно и скромно, как будто великим писателем был не он, а я, – есть крупный ученый геолог Сатпаев Каныш Имантаевич, он вам надеюсь, поможет. Сатпаев скоро будет здесь в Москве. Он из Сибирской школы геологов, ученик знаменитого Усова". И, по-моему, разговор наш на этом закончился, я заспешил по каким-то своим делам, которые считал тогда более важными, чем беседа с выдающимися людьми, каждое слово и каждый миг которых теперь, к сожалению, с безнадежным запозданием ценю больше, чем всю свою жизнь. Вот как бывает! Мухтар Ауэзов был и тогда известнейшим писателем, а потом вошел в заслуженную славу. Я встречался с ним и после. С упоением читал эпопею об Абае. Но об этом, наверное напишу. Но и то хорошо, что через Мухтара Ауэзова мне удалось встретиться и поговорить с другим выдающимся казахом. В номере московской гостиницы встретил меня высокий, величавый человек, улыбающийся какой-то приятной, светлой улыбкой, от которой его величавость становилась сразу же притягательной и простой. После коротких приветствий он тут же стал расспрашивать меня, кто я, откуда, какой национальности. И, как бы извиняясь, добавил: «А у нас есть такая пословица: чем знать тысячу человек в лицо, лучше - одного по имени!» Проявив интерес к жизни нашей республики, расспросил о знакомых, которых знал еще по

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Томску. Словом, вскоре я разговаривал с ним, как будто мы были близки с детства и даже не заметил, как перешли к делу. Оказалось, что он знал и геолога, и его проблему. И ему только оставалось посвятить меня в суть последней. Когда он образно, доступно рассказал о месторождении и его ценности, приводя не только геологические, но и экономические выкладки, я, наконец, понял, что мне не хватало именно этого человека, чтобы убедиться в правоте того, кто ко мне обращался. Я уже знал, что писать, о чем писать и как писать! С помощью академика Сатпаева мне удалось защитить талантливого человека и его дело. Как у казахов говорят: "Жақсыдан шарапат, жаманнан кесапат", по-русски звучит: "От хорошего человека благо, от плохого зло" – закончил он свой рассказ, улыбнувшись произнесенным по-казахски словам и слегка досадуя, что не смог в русском переводе сохранить благозвучие оригинала.

В разговоре с ним меня подводила уверенность в том, что мой собеседник Бальбуров Африкан Андреевич мало знает о нас, казахах, как и я о них, бурятах. Со временем я эту уверенность потерял начисто, но в начале попадал в неудобное положение. Желая познакомить гостя ближе со своим народом, я называл имена выдающихся людей. Коснулся Чокана Валиханова. "Чокана Валиханова мы знаем не так хорошо, как вы, – сказал он, спокойно посмотрев на меня и как будто этим говоря, что он хочет повторить что-то давно знакомое лишь для поддержания беседы, – но все же знаем. Мы не можем его не знать. Он в своих трудах ссылается на нашего великого ученого – первопроходца Доржи Банзарова. По существу, он был продолжатель нашего предка – ученого по изучению так называемой черной веры или шаманства. Страшна была тогдашняя действительность. Валиханов умер тридцати лет, а наш Доржи – тридцати трех лет, за двенадцать лет до Чокана. Оба были личностями феноменальными, опередившими свое время, личностями, доказавшими своей деятельностью, как плодотворна дружба наших народов с русскими. Помните печальный герценовский список жертв царского скипетра, в этом списке Пушкин, Белинский, Лермонтов, Кольцов, Полежаев и многие другие. Так погибали русские гении и гении всех других народов нашей Родины. К ним относились Чокан и Доржи. Имена обоих приводились выдающимися русскими просветителями как пример того, какие неисчерпаемые интеллектуальные возможности заглушены в наших народах, обреченных на прозябание».

К писательскому труду он относился с благоговением. Он считал, что плодотворное творчество писателя достойно любых жертв. Он пи-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

сал: "Если тебе пишется – радуйся и не поддавайся никаким временным превратностям судьбы, ибо то, что пишется – это вечно, а любые трудности – эта на миг, на один чих! Трагедия – это когда писатель сидит и грызет карандаш: не о чем писать! Насчет "вечности" – не шучу: все, что мы пишем и публикуем – это вечно и даже книги графоманов вечны! Пройдут тысячи лет – и любая книга, найденная историком будущего, будет цениться так же точно, как если бы вы нашли манускрипт Аристотеля".

Как-то заговорили об авторах произведений, посвященных жизни и деятельности великих людей, о необходимости определенного интеллектуального уровня для постижения сложной натуры выдающегося человека. Он сказал: "Чтобы как следует понять великана, надо его как следует разглядеть, а чтобы разглядеть – надо подняться с колен". И вслед за этой афористичной фразой полилась удивительная по глубине суждений и по образности выражения мыслей импровизация о методах и путях художественного воспроизведения духовной сути и индивидуального облика выдающейся личности. Он на эту тему, по-видимому, много размышлял и поэтому говорил продуманно и убежденно. Теперь трудно повторять сказанное тогда Африканом Андреевичем, приходится приводить лишь содержание, лишенное увлекательного блеска, в который облекал свою речь этот замечательный собеседник.

«Выдающаяся личность является потому выдающейся, что она, как никто другой, вбирает в себя возможно полно опыт своего поколения. В его деяниях, в его чувствованиях, в его жизни, как в фокусе, сосредотачивается его время. Вместе с тем, это – живой человек, у которого, как и у каждого из нас, может быть даже в большей степени, чем у нас, сменяются быстрой, молниеносной чередой мысли, образы, представления, воспоминания о прошлом и настоящем, думы о будущем – все это протекает в сложнейшем, часто неприхотливом калейдоскопическом многообразии. Чем большее интеллектуальное развитие имеет личность, тем сложнее, тем противоречивее и непостижимее становится его внутренняя, его духовная жизнь. И при точных обстоятельствах желание воссоздать в художественных произведениях выдающуюся личность и его время кажется попыткой неисполнимой. Где уж повторять и воссоздать в крови и плоти кого-то, кто жил до тебя бог знает когда, кого в глаза не видел, когда сам себя не всегда знаешь. И тем не менее, какими живыми и полнокровными предстают перед нами ауэзовский Абай, толстовский Петр, шишковский Пугачев и многие другие. Это ведь какое-то волшебство! Только обратите внимание на

Created by free version of 2PDF
Buketov University

этих авторов, на этих чародеев – артистов, умеющих воображением вжиться в роль выдающейся личности, подняться с колен, перейти от поклонения и робости к положению, претендующему на равенство, стать сверстником, наперсником великого человека, начать панибратски хлопать по спине – здесь Африкан Андреевич хитро улыбнулся – чтобы этот когда-то недосягаемый для тебя великан засмеялся, заискрил душою, раскрылся перед тобою. Признаться надо, что на такой уровень может стать автор, достойный этого своим многознанием, своим талантом. Но так уж раскрывается эта выдающаяся личность и выдает все тайные пружины движения своей души в том натуральном и первозданном виде, какими они были на самом деле? Нет, и трижды нет! Автор поднялся с колен, стал вровень с выдающейся личностью, мало того, стал как бы его двойником или, как говорят артисты, вжился в образ. Но ведь это странный двойник! Это не столько двойник, сколько подставная (автором подставленная) личность, которая начала действовать в ту эпоху, в то время (опять-таки в воображаемое время, правда, сохранившая все натуральные атрибуты истинной эпохи), когда жила эта личность, начала действовать от имени этой личности, и все этому верят. И верят тем больше, чем глубже и артистичней мыслит и воображает автор. Вслед за глубоким знанием эпохи, перечня событий нужна громадная работа воображения. Сам талант-то ведь заключается в том, чтобы уметь мысленно представить, вообразить некую ситуацию. Это верно для любого вида творческой деятельности, верно и в науке, и в искусстве. Только в науке из мыслимой ситуации приходят к научным выводам и прогнозам, то есть определяют и находят диалектические следствия на примере этой ситуации, а в искусстве и литературе перед нашим удивленным взором предстает она, эта ситуация, во плоти и крови, живом, убедительном, объемно-рельефном оформлении. И там и тут громадна роль воображения. Ни один деятель, включая, например, таких, как Наполеон, о котором писались горы литературы еще при его жизни, каждый шаг которого запечатлен в официальных документах, не оставил в этих письменных и устных свидетельствах ничего от сложнейшей сути своей души, все эти свидетельства и документы лишь отголоски, слабые, далекие отголоски того, что было в живой личности. Мало того, эти свидетельства и документы лишь некоторые слабые ориентиры, указывающие лишь на некую, скажем, часть пространственно-временного объема, в пределах которого совершались деяние выдающейся личности, из этих пределов ушла душа жившего человека, и автор теперь вмещает туда, наполняя вакуум собственной плотью, собственным дыханием, излияниями своей

Created by free version of 2PDF
Buksteb University

души, порывами своего сердца в воображаемых условиях. Поэтому-то у каждого автора свой Наполеон, каждый автор, вообразив себя Наполеоном, или вообразив человеком, достойным быть Наполеоном, ведет его от деяния к деянию на своем уровне».

Все это для меня было не ново. Но слушал с удовольствием. С годами мы пересказываем друг другу давно известное. Но старая, не раз слышанная истина, бывает, звучит свежо и интересно, если через нее раскрывается образ мышления рассказывающего, если видится частица его души. Африкан Андреевич умел преподносить известные истины живо, увлекательно, находить в этих истинах не всегда и не всеми замечаемые оттенки, потому что рассказываемое им, будучи новым, сохранило для него живое очарование, свидетельствуя о его юношеском интересе к своему делу, к своей профессии. На этом наша беседа оборвалась тогда, я так и не успел спросить у него: не думает ли он пробовать свои силы как художник, на исторических личностях? Может быть, он и думал над этим.

Как профессиональный писатель, он много думал о читателе, о его вкусе, его интересах. Вот слова из одного его письма: «Прав был Маяковский. Меня же издавать прошу летучим дождем брошюр – наши читатели – это не изнывающие от скуки обитатели дворянских гнезд времен Тургенева, у которых была страшная проблема: убить время!». Нынешний читатель все проглатывает на ходу, "на одной ноге", читает в автобусах, в метро, в троллейбусах, в очередях с авоськой в руках. Помогите этому читателю, о, автор интересной книги!"

После бесед с Африканом Андреевичем, пораженный и удивленный его эрудицией, конкретной, живой образностью его мышления, точностью, достоверностью его знаний, я, как вузовский работник, начинал даже мечтать, почему бы такому человеку, как Африкан Андреевич, не быть постоянно в среде пытливой студенческой молодежи, почему бы, например, не иметь право зачислить писателя Бальбурова штатным профессором с одним лишь условием, чтобы этот профессор не имел никаких других обязанностей, кроме бесед со студентами на вольные темы, расширяющие кругозор, поднимающие общую культуру, возбуждающие любопытство и воспитывающие уважение к интеллекту и духовности. Думалось и о том, как во многих случаях люди, обремененные научными чинами, званиями и степенями, порою остаются дикарями, лишенными высших человеческих качеств из-за отсутствия чувства добра и красоты, даваемых эстетическими знаниями.

Радовался он тому, как хорошо вписывается в нашу республиканскую писательскую организацию. Ему казалось, что над сообществом

Created by free version of 2PDF
Buketov University

пишущих в Казахстане питает добрый дух Мухтара Ауэзова и Сабита Муканова, с первым из которых, как выше мы писали, он познакомился в Москве у Всеволода Иванова, а второго имел честь принимать в Улан-Удэ. Преисполненный чувства неоплатной благодарности, он говорил о внимании к нему Олжаса Сулейменова, Сырбая Мауленова, Калмухана Исабаева, Акселеу Сейдимбекова, Мурата Ауэзова и многих других. В последнем письме писал: "Завтра зайду к Жубану Молдагалиеву – сам интересовался мною, спрашивал. Покажу проспект книги "Казахстанская мозаика". Думаю, должен заинтересоваться. Где-то в середине будет и новелла о Сабите Муканове, о том, как гостил у меня 3 дня и как его катал по Байкалу. Будет Чимкент, а там художник Гани Ильяев, будет швейная фабрика. Заканчивается новелла про Алма-Ату". Словом – опьяненный Казахстаном Африкан Бальбуров.

"Дамбо хорошо знает, как в ночном лесу отличить сухое дерево от сырого. Он подошел к тоненькой лиственнице и постучал топором по отводу. Осыпался снег. Вырубил щепочку и к ней языком. Не липнет – сушняк: ведь живое дерево держит в себе влагу, давно обращенную в лед, а ко льду обязательно будет липнуть влажный, теплый язык". Так писал Африкан Андреевич в одном из своих рассказов. Он умел отличить сухое от сырого, отжившее от живущего и напоенного животворными соками для будущего, поэтому он был за короткое время пребывания у нас заражен и очарован полнокровной жизнью наших степей и гор, наших аулов, селений и городов. Очень жаль, что он не успел воспеть нашу жизнь в своей "Мозаике", написать то большое произведение, среди главных героев которого мыслились и представители нашего народа.

СЕРГЕЙ ИСАКОВИЧ НИКИТИН

Он был великим жизнелюбом. На одно из моих писем, где я тревожился по поводу его здоровья, отвечал: "Обо мне не беспокойся, копыта откину не раньше того срока, который предначертал я сам себе – 82 года, то бишь, в 2001 году, на самом порожке двадцать первого века. Это точно – по звездным часам выверено: "тютелька в тютельку". Этим словам невозможно было не верить. Казалось, если в ком-то неостывающе бурлит жизнь, то именно в нем, Сергее Никитине, подвижном, как ртуть, коренастом крепыше, поражавшим всех, кто с ним соприкасался, целеустремленной напористой деловитостью, неуемным весельем, радостным оптимизмом.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

К сожалению, жизнь полна горестных сюрпризов, грубо ломающих душою взлелеянные начертания и безжалостно коверкующих самые трепетные надежды. Заболел он неожиданно, умер внезапно. Накануне ночью, провожая до аэропорта Домодедово молодых писателей из Казахстана, побывавших у него дома, весело говорил, что прощается с тюркоязычными коллегами всего на два дня, билет до Алматы у него в кармане. Холодные мартовские ночи столицы коварны студенящей и всепроникающей влажностью: он сильно продрог, а утром проснулся с температурой. В больнице, превозмогая все муки болезни, необратимо угрожавшей жизни, продолжал шутить и балагурить. "Давай, старуха, поцелуемся. Может быть в последний раз!" – весело говорил он жене, собиравшейся ненадолго уходить. У Нины Васильевны Никитиной тревожно забилось сердце, но она не могла поверить ужасному смыслу этих слов и приняла за очередной Сережин розыгрыш: "Поцелуемся, старик, в последний раз на сегодня". Это было на третий день болезни, а на четвертый день утром умер. На лице застыла улыбка, будто надумал вот-вот сказать что-то смешное.

Когда мне передали, как он не хотел никого огорчить своей, как он говорил, хворобой и своей смертью, я вспомнил, что он как-то писал: "А умирать мне не хочется вовсе не потому, что боюсь: просто знаю, что смерть моя принесет нашим близким несчастье. Не следует портить настроение дорогим людям, поэтому – жить до конца!" Он не победил смерть, но он до самого последнего вздоха побеждал самые невыносимые боли, чтобы ни одна из них не отразилась на лице и не вызывала сочувствие, горечи и сострадания у окружающих, ибо он не хотел "портить настроение дорогим людям". Потому он жил, улыбаясь, и умер с улыбкой на устах. Стоит представить, каким недюжинным мужеством, каким возвышенным благородством обладал этот человек!

Писатель Сергей Исакович Никитин, прозаик, очеркист, критик, как значится в последнем справочнике Союза писателей СССР, умер в 1978 году, не дожив до пятидесяти трех лет. Сергей Никитин был автором более десятка книг, множества рассказов, повестей, очерков, остался у него в рукописи незаконченный роман "Жар". Он перевел на русский язык крупнейшие произведения некоторых национальных литератур, в том числе большой роман нашего писателя Дихана Абилева "Мечта поэта". Словом, он был профессиональным писателем, неутомимо трудившимся на ниве отечественного художественного слова. Сергей Никитин являлся, как он, смеясь, утверждал, рядовым, но в то же время полноправным и деятельным подмастерьем в писательском цехе и очень гордился этим, хотя о значении своей литературной рабо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ты отзывался с искренней скромностью. "Куда уж нам, когда сам Маяковский не думал избежать забвенья: я сгнию, умерши под забором, рядом с десятком моих коллег". Не современникам судить о месте творческого работника в той области созидания, где он проявил себя, но все же думается, что Сергей Никитин, достаточно ясно понимая свои задачи, преданно и плодотворно служил любимому делу и, в силу этого, вносил добротную лепту в великолепную кладку животворного и прекрасного фундамента русской советской литературы. Этот фундамент, как известно, надежно несет на себе и недосягаемо возвышает самые выдающиеся художественные творения нашего времени. Я с удовольствием читал и читаю его произведения, я восхищался и восхищаюсь им как личностью, с удивительно естественной простотой носившей в себе неиссякаемый заряд веры в наши дела, в радости жизни при проникновенно зорком внимании к ближнему и неподдельном сочувствии ему.

Бессмертно написанное, напечатанное, оно всегда найдет дорогу к читателю, если того стоит. Смертен человек в его неповторимой индивидуальности, ибо лучшие, достойные подражания черты современника, нашедшие место в сердцах людей, знавших его, постепенно и невольно блекнут, теряют со временем первозданную привлекательность и свежесть. Да и сами люди уходят, унося с собой в небытие дорогие обрывки некогда живых и волнующих картин. Когда в дождливый, слякотный, печальный мартовский день гроб с Сергеем опускали в отведенный ему аршин земли на Кунцевском филиале Новодевичьего кладбища, необратимость происходящего легла на меня такой свинцовой тяжестью, что никакие слова не шли на язык. Потому молчал, молча уехал. С тех пор не перестаю думать о нем, и мне хочется в данном кратком очерке пройти по следам еще не остывших впечатлений от личного общения с этим дорогим для меня, да и для многих, близко знавших его, человеком.

В эти строки против желания вкрадываются минорные нотки, хотя человек, о котором пишу, не переносил минора. Знал я Сергея Никитина сначала заочно. Близко же познакомиться с ним мне удалось только в 1973 году. Помню, где-то во второй половине декабря позвонил он мне и выразил желание встретиться. Представился как московский писатель, часто бывающий в Казахстане по литературным делам, поскольку является заместителем председателя Совета по казахской литературе при правлении Союза писателей СССР, и в то же время сюда, в республику, призывают его творческие интересы.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

«Примерно так, по свидетельству некоего Николая Васильевича Гоголя, представлялся руководящим чинам в городе N. Павел Иванович Чичиков, – пошутил было я. Сергей посмотрел на меня и как-то стеснительно улыбнулся. Улыбку я принял за ответ на шутку, хотя, как мне показалось, улыбка эта более говорила о том, что шутка не совсем понятна. Это, конечно, не поднимало его в моих глазах. Более интересно было слушать, когда он заговорил о писательских силах Караганды, о необходимости издания альманаха, о помощи местным писателям. Название альманаха должно было быть "Жер ұйық", ибо то, что мы видим сейчас, и есть то счастливое пристанище, та земля обетованная, о которой когда-то мечтал народ, кочуя, как перекати поле, из конца в конец по просторам родных степей и нигде не находя уюта; мечтал устами казахских кобзарей, таких как Асан-Кайги, Асан-печальник. Все это было очень привлекательно и чересчур серьезно. Я не был подготовлен к такому разговору, к тому же мы оба что-то, казалось, не договаривали. Время наше истекло. Мы расстались, договорившись обсудить затронутые проблемы при следующей встрече. Вскоре я получил письмо из Москвы, в котором он, повторив сказанное при знакомстве, в постскриптуме добавил следующее: "Я очень сожалею, что при нашей встрече в КарГУ мы не нашли общего языка. Вы, очевидно, не знали, что у меня потерян на войне слух, а я, как нарочно, не имел при себе слухового аппарата. Я почти ничего не слышал, что говорили вы, оттого попал в неловкое положение, мямлил что-то невпопад, явно тащил разговор в омут, создавая тяжелые паузы. ...Был страшно смущен за себя, за свою беспомощность. Вот что бывает, когда люди плохо знают друг друга, плохо понимают диапазон чувствований и ощущений каждого из собеседников". Позднее он не преминул бы съехидничать: "Вот что бывает, когда хозяин невнимателен!" И был бы совершенно прав, но в этом первом письме он, конечно, не мог так шутить.

При следующей встрече где-то в начале лета 1974 года от той скованности и принужденности и следа не осталось. Был конец рабочего дня, и я сделал предложение выехать на часик за город. Стоило остановиться машине, как Сергей Исакович буквально выбросился на траву и покатился, окуная в ковыль, в колючки, свой элегантный московский костюм, полежал на животе, раскинув руки, будто желая обнять всю степь и раствориться в ней, а затем вскочил, выпрямил свою широкую плотную борцовскую фигуру на коротких и крепких ногах, распахнув грудь навстречу теплому ветру, и звонко, удивительно звонко засмеялся, при этом большие, по-русски большие карие глаза его

Buketov University
Created by free version of 2PDF

сузились до щелочек, плотно набухли веки над глазами, в задорном оскале рта обозначился ровный ряд верхних зубов. Такие зубы могли сохраниться, как мне подумалось, у человека, предки которого жевали мясо и грызли кости. Словом, лицо Сергея приняло наше, азиатское выражение. Оно даже, как мне показалось, выпукло округлилось. Я залюбовался им и сказал:

– Раздвинул же Вас аллах поперек, поскупившись на длину! А когда Вы смеетесь, становитесь по обличию нашим братом. У Вас – степная душа. Вы явно продукт умыкания славянских красавиц моими предками – наездниками! И тут же выяснилось, что раннее детство провел он невдалеке от моих отчих мест, в Атбасаре. Это где-то в трехстах километрах от побережья теперешнего целинного моря, вверх по течению Ишима, – мизерное по нашим степным масштабам расстояние. Мы росли, получается, на берегу одной и той же реки! Деды и прадеды его, казаки из Горькой Линии, описанной Шуховым, давно братались, породнившись душой с казахами. Вот почему этого московского писателя неудержимо тянуло в Казахстан, в "Сары-арку – золотую планету", как он назвал одну из своих книг.

Он уехал в Алматы и уже на обратном пути посетил меня в Каркаралах, где я отдыхал с семьей в Доме отдыха "Шахтер". И здесь мы в течение двух дней подробно делились о многом затаенном и очень сблизились. К сожалению, жизнь до краев наполнена злобой дней, и я не помню, чтобы за четыре года нашего знакомства мы могли выбрать хотя бы еще раз время для таких обстоятельных и задушевных бесед, какие имели место тогда в Каркаралах. Правда, мы, хотя и не очень часто, переписывались...

Разговаривать с ним было трудновато, надо было почти кричать, но когда мы вышли на вечернюю прогулку, он улыбнулся своей азиатской улыбкой и сказал:

– У меня есть слуховой аппарат, и я его вожу с собой, но стараюсь не пользоваться. По нему слышно все – все звуки мира, поношу – голова пухнет, отвлекаюсь, быстро устаю. Ты сделай так: чуть нагнись, упрись глазами в лысину, а ртом в ухо. Говори и одновременно любуйся собой: моя лысина так отполирована природой, что отражает не хуже зеркала; чуть сдвинешь глаза, увидишь темное обрамление – остаток от роскошной шевелюры, когда-то предмета воздыхания девичьих душ, а там... под лысиной чудо природы – "черепа шкатулку откройте – сверкнет драгоценнейший ум". (Он любил цитировать Маяковского). Угораздил же бог тебе родиться кем-то средним между Патом и Тарапунькой, а мне – между Паташоном и Штепселем.

Created by free version of 2PDF
Bukejow University

Вот таким образом мы беседовали по три-четыре часа кряду. Этот, по видимому совершенно не подходящий для размерных прогулок и неторопливых бесед неудержимый комок энергии, оказалось, мог весь отдаться становящемуся теперь в век научно-технической революции все менее привычным способу времяпрепровождения. Правда, темперамент давал о себе знать. Там, где тема беседы переходила на предметы, вызывающие восторг или осуждение, он вдруг останавливался и, разразившись каскадом образных фраз, начинал яростно жестикулировать. Я нарочито спокойно пододвигался к его уху и говорил:

– Ну что ты размахиваешь перед моим носом. Я-то причем? – Он враз опускал руки, готовые продолжать жестикулировать, и, чуть откинувшись телом назад, заразительно звонко смеялся:

– Ты-то и вправду не причем; а впрочем, почему не причем? Мы все и в том числе ты, должны это понять. Тогда будет лучше для всех нас...

А разговаривать с ним было интересно. Я с приятным удивлением узнавал, как он прекрасно знает историю казахского народа, казахскую литературу и с каким благоговением относится к лучшим творцам казахского художественного слова. Меня до умиления растрогало его отношение к памяти Сабита Муканова, с которым он был знаком лично и который, как писатель и как человек, был для Сергея предметом особого поклонения и любви. Я заметил, как он называл Сабита Мукановича не иначе, как Сабит-ага. Оказалось, что книжка очерков С. Никитина о Боровом была навеяна беседами с Сабит-ага, его замечательными устными рассказами, не заслушаться которыми было невозможно – так велико было импровизаторское искусство писателя-аксакала. С особой гордостью он говорил о предисловии к этой книге, которая была написана самим Сабит-ага. При этом Сергей произносил "Бурабай", а не "Боровое", "Кокшетау", а не "Кокчетав". Он считал, что необходимо бережно относиться к названием местечек, селений, гор, озер, рек и др., так как в эти названия народ большей частью вкладывает что-то прочувствованное, затаенное, часто событийное, исторически значимое. Например, он считал, что название Северо-Казахстанского оазиса происходит не от слова "бор" ("боровым" в России несть числа), а от слова "бура" ("верблюд-самец"), который, по бытующей в народе легенде, лег и окаменел, образовав каменную гряду с очертаниями двугорбого верблюда.

Он очень был доволен работой над переводом романа Дихана Абилева, посвященного жизни и борьбе замечательного казахского поэта Султан-Махмута Торайгырова, а до этого он занимался и теперь

Created by free version of 2PDF
Buletin University

продолжает заниматься биографией Чокана Валиханова. Для этого пришлось путешествовать по "Горькой линии", знакомиться с архивными материалами Омска, Петропавловска, Семипалатинска, Алма-Аты, восстанавливая страницы замечательной дружбы Чокана с петрашевцами Федором Достоевским и Сергеем Дуровым. Особенно заинтересовал его Сергей Дуров - человек, пользовавшийся особым уважением Чокана за беззаветную преданность борьбе за идеалы добра и справедливости. Написал эссе о совместной их поездке в Кокчетавщину, где молодой казах на кумысе и чистом воздухе мечтал вылечить больного легкими старшего друга. А поэт Торайгыров, которым теперь вплотную был занят Сергей, родился, вырос и жил в тех местах, куда не раз приезжал Чокан к родственникам по матери Шормановым. Отсюда переход к другому знаменитому казаху, к которому был очень неравнодушен Никитин, к Канышу Имантаевичу Сатпаеву, родители которого, живя рядом, постоянно и близко общались с Шормановыми и, естественно, видели Чокана. Одним из предков Чокана по материнской линии был знаменитый акын Бухар-жырау, бестрашно говоривший правду в глаза грозному прадеду Чокана – хану Аблаю и прослывший народным заступником. Он назвал многих других крупных людей этих мест. Было от кого наследовать смелость, мужество, талант. Султан-Махмут умер двадцати семи лет, Чокан – двадцати девяти... У царской России была удивительная способность сокращать жизнь выдающимся личностям не только русского народа... Обо всем этом Сергей рассказывал с такой увлеченностью, с такой радостью, что я невольно заслушался, хотя большая часть этих сведений мне была известна. Можно было подумать: этому человеку только что удалось обнаружить богатейший клад, который оценен пока лишь с поверхности, и самые волнующие тайны, обещающие упоительное счастье, ожидаются впереди при дальнейшей разборке и более углубленном познавании находки.

Он прекрасно знал творчество многих казахских писателей. Он считал, что ему, как переводчику, необходимо знать прошедшее и настоящее казахской литературы, усвоить истоки ее самобытности. Волновали его поэты-казахи, пишущие на русском языке. Их творческую манеру ни с чьей не спутаешь. При великолепном знании русского языка, умении использовать все могучие возможности его, в их образном мышлении есть что-то такое, обусловленное окружением, в котором они росли, воспитывались и живут. Это и налагает на их художественную палитру совершенно своеобразный и неповторимый колорит.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Он начинал с жаром цитировать Олжаса Сулейменова. При всем восхищении поэзией Олжаса, я не находил в этих вдохновенно читаемых строках ничего такого, что не мог бы написать русский, равный по таланту и знающий историю и быт нашего народа. На это Сергей, горячась и жестикулируя, говорил:

– Нет, тебе этого не понять... ты тоже из тех, кто марает бумагу на русском языке. Самому себя не понять, точно так же, как не узнаешь свой голос с магнитофонной пленки: он слышится совершенно другим, чем, когда слушаешь сам себя. Ведь Пушкин, например, великолепно знал французский язык и стихи на нем пописывал. Что было бы, если он крупнейшие свои произведения написал на французском языке? Все равно, русским духом веяло бы, Русью пахло! Точно то же можно сказать и о твоих братьях, пишущих на русском языке. Вот я и хотел бы переводить так, чтобы из перевода дышал оригинал, чтобы не продолжался в моих переводах автор оригинальных сочинений Сергей Никитин. Для этого я и читаю, и изучаю авторов-казахов, пишущих на русском языке. И все же пока не совсем получается, хотя я накрепко запомнил слово одного большого писателя-бурята: "Ты можешь писать плохо – это твое дело. Но переводить плохо – это гнусно!" Ответственнейшее дело – перевод, я за него боюсь больше, чем за свои оригинальные произведения.

Много было переговорено за эти незабываемые два дня. Всего, пожалуй, не перескажешь. Потом некоторые из мыслей и соображений, высказанных тогда, продолжались в письмах и при дальнейших кратких встречах.

Проблемы перевода художественных произведений, по-видимому, были предметом его настойчивых и, возможно, иногда даже мучительных размышлений. Иначе, как понять следующую мысль из его письма: "...Вспомнил... О Лермонтове, о гениальном его переводе из Гете:

Горные вершины
Спят во тьме ночной.
Тихие долины
Полны свежей мглой.
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного
Отдохнешь и ты.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

А ведь буквальный, подстрочный перевод гетовской "Ночной песни странника" вот как выглядит: "Над всеми вершинами есть покой (тишина), в каждой макушке (верхушке) дерева чувствуешь ты едва ли дуновение, птички умолкли в лесу. Подожди немного, скоро отдохнешь ты тоже". Вот как, брат! Ежели по подстрочнику судить, то был Гете не поэтом, а директором литфонда для поэтов. Порылся в своей жемчужной кучке, достал и Гете, и Лермонтова. А потом вдруг оглушило: Абай! Все поднял вверх тормашками и нашел. Вот она:

Қараңғы түнде тау қалғып,
Ұйқыға кетер балбырап.
Даланы жым-жырт дел-сал ғып,
Түн басады салбырап.
Шаң шығармас жол-дағы,
Сыбдырламас жапырақ.
Тыншығарсың сен-дағы,
Сабыр қылсаң азырақ.

Абай равен – это ясно! – и Гете, и Лермонтову. А если переводить Абая по подстрочному, не зная ни Гете, ни Лермонтова? Ау-у! Ведь вот, мать твою за ногу, подстрочник: "Темной ночью горы, дремля, уходят в сон, разнежившись. Над тихой степью размеренно, бессильно повисая, опускается ночь. Не пылит и дорога, не шелестят листы... Отдохнешь и ты, если проявишь немного спокойствия". Тысяча чертей и одна ведьма! Погоди, однако, Абай лермонтовскую "долину" заменил "степью", а Лермонтов гетевскую предполагаемую равнину – на долину... Теперь ты понимаешь, почему твой покорный слуга не пренебрегает переводить с казахского на тарабарский: хотел бы стать одновременно Гете, Лермонтовым и Абаем, и всех их перевести на никитинский язык, да жаль – грехи не пускают, глух и немощен".

Он, интересуясь творчеством отдельных писателей, читал их произведения, и в то же время пытливым любопытством вглядывался в личную жизнь и поведение своих коллег. Но в этом любопытстве не было ни грана из того, что мы называем низменным обывательским интересом. Я ни разу не слышал, чтобы он доводил до моего сведения о ком-то что-то в последнем роде. Художник по натуре, он выискивал те штрихи в поведении, в привычках, через которые можно разгадать истоки вдохновения, взлета, оригинальности писателя, с которым ходишь рядом, занимаясь самыми обычными земными делами. Помню, с каким восторгом он мне говорил:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

– Читал "Улпан – ее имя"? Прочитай... Появилась в казахской литературе молодая женщина Улпан... Вспомни Пушкинскую Марию из "Полтавы". Вспомни Татьяну Ларину... Это они... Женщина из той же породы... Но с какой поэтической национальной роскошью эта женщина расписана! Ну и Габит-ага! Образ прямо просится в хрестоматию... Ходит аксакал хмуро, даже сурово молчит ..лик его еле-еле теплеет при встрече со знакомыми... Откуда у Габита-ага все это берется? Вот бы поговорить с ним, да боюсь подступиться... занимать его время... К тому же, наверняка, представлен, как безалаберный, шумный прожигатель жизни... Не получится разговор...

– Ты, оказывается, знаешь себя, – съехидничал я.

– Знаю, к сожалению, знаю! – засмеялся он и вполне серьезно продолжал, – Как плохо, что не знаю казахский настолько, чтобы читать в оригинале. Вот где, наверное, истинная поэзия!

В одном из писем писал: "...Перед отъездом был в гостях у Какимбека Салыкова. Истинный казах! На домбре играет тихо, поет задушевно, душу облегает простыми и великими истинами, вкладывает мелодию в слово с непринужденностью любовной страсти. Простые и милые силы жизни в его устах обретают железную непреклонность. Пороха не выдумает - за душу берет, держит непринужденно, но крепко, намертво... Три часа в одной из московских квартир стояла юрта, тихо качалась беспредельная степь, ржали кони и свистела камча в бешенной байге. Вот так!"

Ехали с поэтом Ерекешом Ибрагимом по поэтическим местам, где пел свои песни знаменитый Ахан-сери. Приехали в местечко, где был похоронен знаменитый акын и композитор. Надгробия, достойного памяти великого человека, не оказалось. Экспансивный Сергей тут же высказал это, невзначай прибавив, что, может быть, не к чему было приезжать. Еркеша это задело:

– Я буду приезжать куда угодно, если только скажут, что здесь ступала нога Ахана, - взорвался он и, в ярости разбив дорожную бутылку коньяка о камень, пошел к машине, оставив незадачливого спутника у приготовленной закуски. Лишиться коньяка, да еще остаться пешком, никак не входило в расчеты Сергея: пришлось бежать за Еркешом, извиняться и успокаивать.

– И поделом. Не надо дразнить поэта. Еркеш – истинный поэт. А ведь земной и спокойный. Как это говорится: "жер қозғалса қозғалмады!" - заключил, как помню, Сергей рассказ об этом случае и, осклабясь, посмотрел на меня, как бы желая знать, какое впечатление произвел казахской поговоркой: "Земля сдвинется, а он – нет!", глав-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ный смак которой в данный момент сводился к тому, что она, эта поговорка, произнесена была в оригинале. Он часто выучивал народные крылатые казахские фразы и с удовольствием оснащал ими свою русскую речь.

"Самая высшая культура – это неравнодушие", – очень метко сказал недавно известный писатель. Я не знал более неравнодушного человека ко всему окружающему. Сергей Никитин бурно радовался всему, что на его глазах успешно делалось, и, чувствуя себя активным участником великого созидания, с удивительной напористостью боролся против того, что считал вредным, наносным, ненужным для нашей жизни. В этом русском человеке было что-то горьковское от Васьки Буслаева:

Эхма! Кабы силы да боле мне!
Жарко бы дохнул я, снега бы растопил,
Круг земли понял бы да всю распахал...
Все бы ходил, города городил...
... да сады все садил.
Землю разукрасил бы, как девушку,
Обнял бы ее, как невесту свою,
Поднял бы землю ко своей груди,
Поднял бы, понес ее...

Вот этим желанием "разукрасить землю, как девушку" дышат все остропублицистические статьи и очерки Сергея, печатавшиеся в центральных газетах и журналах, а также издававшиеся отдельными книгами.

За несколько месяцев до кончины он выступил в "Огоньке" с большой статьей, ратуя за улучшение условий жизни и работы на полях, в особенности целинных, в страдную пору. По этому поводу писал: "Выступление в "Огоньке" о полевых станах не хотелось бы оставить просто "сотрясанием воздуха". Нужны отклики, мнения, соображения целинников, вообще коллег по делу. Я не люблю выступать "просто так". Надо доводить дело до конца. Сумели же мы добиться улучшение кабин на тракторах и комбайнах. Я по этому поводу выступал четырнадцать раз. Полевой стан хлеборобам нужен - мобильный, красивый, удобный. Добьемся!"

Лечиться, по настоянию врачей, Сергей должен был в военном санатории. "Совсем не пью, веду толстовский образ жизни, тем более, что до Ясной поляны до Слободки рукой подать. Был уже там два раза,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

поклонился богу литературы. Страшно возмущен тем, что могила Льва Николаевича окружена ржавой проволокой, послал телеграмму Маркову Г.М. и Минкультуры. О! Святая простота служителей музея простерлась до того, что они просто-напросто отгородили холмик земли с прахом гения народа. Толстой завещал не трогать его останки почестями, официальными слезами, памятниками... Сделал он это в пику Синоду, отлучившему его от церкви, царскому правительству. Он еще не видел, даже и в дымке фантазии, Октября, не верил, что народ станет хозяином земли и памяти исторической. Но Толстой не был бы Толстым, если бы не вложил в этот свой последний жизненный жест известной доли артистической натуры. Ныне же Толстой принадлежит не только и не столько себе и толстовщине, сколько народу, памяти сердца народного. Почему служители "простоты" заставляют почитателей и наследников толстовского духа и слова тащиться к его могиле буквально по грязи: в дождь дорога к трем кленам превращается в жижу, место захоронения – в загон. Я принес цветы Толстому и, несмотря на проволочное заграждение, полез положить их на священную землю. Порвал штаны, поранил ногу, но добрался, постоял на коленях, подумал. Сожалею не о порванных штанах своих, но о бесштанных, голозадых приверженцах букве, но не духу. ...Я не сторонник того, чтоб на могиле Толстого громоздили мрамор, но доступ к его величеству фельдмаршалу духа должен быть золотым... А сейчас букеты, слова любви бросают на могилу через проволочные заграждения, они перелетают холмик, скатываются в овраг, я зашел в этот овраг с противоположной стороны по топкой жиже, постоял у свалки человеческих чувств, мусорной ямы мыслей, клоаки сердечных посланий... Позор!"

Он зорко следил за судьбами людей, с которыми его сталкивала непоседливая писательско-журналистская судьба, бурно радовался их успехам, переживал их неудачу. Сняли с поста одного руководителя, который пришелся по душе Сергею своей болью за порученное дело. По этому поводу он писал: "Таких людей нельзя наделять государственными оплеухами – слишком накладно будет для земли и жизни бить по орлу из административной рогатки. Насест пришибленного беркута очень охотно оседлают стаи мелких тургаев и всяких там шыбын-ширкеев".

Его неугомонность была следствием его неравнодушия. В Караганду он приезжал в год два-три раза, каждый раз на десять-пятнадцать дней. Здесь он изучал жизнь шахтерского города для своего так и оставшегося в черновиках главного произведения, продолжал упорно работать над отбором сочинений местных писателей для литературно-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

художественного альманаха и т.д. За это же время он успевал проведать целинников, к жизни которых он не переставал остро приглядываться, о чем свидетельствует упомянутое выше выступление в "Огоньке", позаботиться, заехав в Петропавловск, о квартирных условиях семьи недавно умершего писателя, не забывал о сборе экспонатов для затеянного им литературного музея в Бурабае (Боровом), сокрушался по поводу исчезновения исконных названий местечек и населенных пунктов, имеющих историческое значение, и страстно выступал в "Комсомольской правде" за разумное наименование новых населенных пунктов, строек и т.д.

– Слушай, мотаешься, мечешься... Когда же будешь творить доброе, вечное... Ты же обязан это делать, как служитель литературного цеха!

– Давай вначале, не считаясь ни с гонорарами, ни с почестями, будем служить доброму... Если эта служба окажется действительно полезной для нас с тобой и всем нам подобным, то, может быть, что-то отсеется для вечного... Скорее всего даже не отсеется... И то благороднее служить просто доброму, чем ничтоже сумнящеся, портить себе жизнь думами и помыслами о служении вечному, монументальному, омраморенному. А сколько их среди нашего брата, писателя, притязающих на вечность... несть числа! - смеялся он, ввертывая в речь подходящее по случаю соленое присловье, на которое он был мастер. Чуть сделав паузу, раздумчиво добавлял:

– А ведь делать доброе – ох! – как трудно. И как легко сотворить зло. Это как у шофера - на мгновение не так повернул руль - авария, искалечил и себя, и других... Сказал не то слово - и уже поранил человека. Надо теперь нам обладать особо тонким чутьем и тактом, чтобы не обидеть, не испортить настроение, а то еще, не дай бог, оказаться причиной неправильного решения жизненных проблем... Нынешний человек на такой интеллектуальной, а следовательно, и эмоциональной высоте, что он трепетно, возбужденно, настороженно отзывается на малейшие дуновения и шорохи действительности... Если служить доброму по-настоящему, то об этом всегда надо помнить, чтобы так называемое добро не превратилось в зло!

Он очень мало говорил о себе, о своем былом. И не от скрытности: он был человеком с распахнутой душой. Просто всем его существом владели думы о сегодняшнем и завтрашнем дне. А ему было что рассказать. Искалеченный войной, он пролежал многие месяцы в госпитале и вышел оттуда в таком состоянии, что мог надеяться, как он говорил, на пустую голову, которую надо было наполнять знаниями, и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

на руки, которые могли кое-как не очень грамотно писать. Это он говорил к слову, мимоходом, и я не обратил внимания, что он не упомянул о ногах. Не обратил внимания, вероятно, потому что он сказал "вышел", а не "вынесли", и я теперь, хорошо зная внутреннюю скромность Сергея, думаю, что смешал глаголы нарочито, чтобы избежать расспросов. А между тем, ноги у него перестали слушаться после того, как он побывал в студеных объятиях Баренцева моря. Когда в госпитале он спрашивал, есть ли хоть малая надежда, что эти складные деревяшки вновь станут ногами? – врачи скептически качали головой. И, несмотря на все, Сергей Никитин каждое утро сползал, скатывался с кровати и непрерывно, до изнеможения от сна и до сна стягивал и вытягивал ноги, без конца тормошил их, пока не почувствовал, что они начинают постепенно двигаться, подчиняясь его воле. И когда, наконец, в один прекрасный день они, его ноги, смогли удержать тело минуту, может быть даже секунду в вертикальном положении, он издав дикий крик радости, свалился на кровать и счастливо заснул, уже совершенно уверенный в том, что будет ходить. Об этом подвиге, совершенном ради жизни на корчагинском уровне, поведала мне после его кончины Нина Васильевна. К своей полуглухоте он относился с юмором, не относя ее к тяжким недостаткам. "Бастан құлақ садақа" – "Ради целости головы можно пожертвовать ушами" – выучил он для этого случая казахскую пословицу.

Ожили ноги, но все же было не до юношеской мечты, когда он на корабле, ловя по службе вражеские передачи, мечтал стать инженером-радиоэлектронщиком, так как ушел на фронт, не окончив среднюю школу, а сидеть за партой уже не мог. И тогда он накинулся на книги, на художественную литературу, на теорию русской словесности. Он читал и читал, одновременно пробуя писать о пережитом в годы военного лихолетья. Целеустремленность дала свои плоды – был принят в Литературный институт им. Горького. Так появился профессиональный писатель Сергей Никитин.

Самая высшая культура – это неравнодушие. Можно было бы добавить: неравнодушие – это и обязательность, это и внимание к людям. Он был удивительно точен и предупредителен во взаимоотношениях. Были случаи, когда я сам забывал ненароком, мимоходом высказанную просьбу или какую-то договоренность по незначительному поводу; Сергей Никитин, не записывая, помнил все и звонил или писал, докладывая о выполнении именно к тому сроку, который был обусловлен, или, если что-то оставалось невыполненным, подробно объяснял по какой причине. В этом отношении для него не существовали никакие

Created by free version of 2PDF
Buketov University

извиняющие обстоятельства, не существовали далее те случаи, когда он обещал что-то под хмельком и мог забыть, как это бывает со смертными. Он знал, как унижает человека повторение просьбы, и не допускал этого. Он органически не переносил чью-либо зависимость от него; может быть, этим объясняется его абсолютная обязательность.

Помню, каким праздником для него было восьмидесятилетие Мухтара Ауэзова, отмеченное в Москве. На этот день весь обожаемый им литературный Казахстан, казалось, перекочевал в столицу Родины. Разве могло быть для Сергея что-то выше этой радости? Он бегал с утра до вечера, выполняя задания Оргкомитета по юбилею, и здесь я заметил как он озабочен желанием пригласить ветеранов партии, имевшие заслуги перед республикой и ныне проживающих в Москве. Он мне как-то говорил, что познакомился с ними и набирается от них жизненной мудрости. Теперь очень боялся проявить невнимание к кому-либо из этих почитаемых людей.

Есть натуры, умеющие внешней солидностью прикрывать отсутствие серьезности и внутреннего содержания. По крайней мере, это удается им в начальный период знакомства. У Сергея было наоборот. Его надо было близко знать, чтобы проникнуться тем уважением, которого он заслуживал. У людей, мало знавших его, создавалось впечатление о нем как о шумном, суетливом человеке, находившим почему-то, что все ему нужно и, в силу этого, за все хватавшемся. Не всем было понятно, что на нем "с ума сошла анатомия - сплошное сердце, гудит повсеместно". И это сплошное сердце определяло неимоверную широту его интересов, его трепетную отзывчивость.

"НТР, научно-технический прогресс делают человека более социальным. Тем с большей глубиной, интенсивностью и выразительной силой должно работать искусство и, в особенности, царица искусств – литература, чтобы содействовать восхождению от социального к духовному человеку. Без искусства, культуры, без духовной оснастки человек в мире машин и электроники очень скоро опустится до уровня дикаря – автоматизированного, электрофицированного, цивилизованного дикаря," – так выразил Сергей Никитин в одном из писем кредо, которым руководствовался он, весь отдаваясь деятельному участию в великом и всеобщем деле по "духовной оснастке" советского человека. В этом помогала ему та особая врожденная доброжелательность, без которой человек не может стать творцом полезного. Он редко, очень редко, пожалуй, ограничивался приятными эмоциями, ощущением радости от хороших дел, доброжелательным созерцанием их. Не такова была его натура. Он обладал в высшей степени активной доброжела-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тельностью. Он, если только чувствовал, что может как-то помочь разумному, перспективному начинанию, немедленно и решительно проявлял свой недюжинный темперамент, перо его в этих случаях работало вдохновенно, талантливо и неотразимо. Обладая большим жизненным опытом литератора-журналиста и колоссальным запасом знаний, он черпал из кладовой своей памяти самые веские, самые убедительные аргументы и факты, образно, привлекательно, художественно преподносил их читателю и, конечно, людям, от решения которых зависела судьба полезного дела.

Меня удивила громадная начитанность Сергея Никитина. Причину поразительной книжной осведомленности я узнал, когда однажды случайно оставив у него интересную, но довольно толстую книжку, вечером выслушал подробное ее содержание. Оказалось, что Сергей обладал тайной скорочтения и читал быстрее меня в три-четыре раза, все запоминая и мало что упуская.

Знания и профессиональные навыки, высокая общая образованность достались Сергею Никитину за счет неимоверного напряжения силы воли, ценою неустанного труда над собой. Его не страшили никакие трудности, когда впереди была цель. "Проходя мыс Горн, где никогда не затухают штормовые ветры, что бы ни случилось, держите на Вест. Держите на Вест, если у Вас порваны паруса, сломаны мачты, течь в корпусе, крен 45°. Держите на Вест при любых обстоятельствах; если хотите встретиться с подругами и подружками, с родными и близкими! Держите на Вест, если хотите выкарабкаться туда, где есть пресная вода, дуют благоприятные пассаты!" – так наставлял меня в одном из писем бывший матрос Сергей Никитин, и я знал, что он сам строго придерживается этого правила. Тем более удивляло совершенно беззаботное и даже какое-то пренебрежительно-легкое отношение его к собственному здоровью. Этот русский человек, совершенно далекий от так называемой бережливости, а тем паче скопидомства и накопительства, склонный закружиться, загуляться и сказать иногда – черт побери все! – казалось уверовал, что юношеская расточительность к возможностям организма также не скажется в пятьдесят, как и в тридцать. На товарищеские предупреждения он отвечал милыми остротами, которые всегда удачно смешили, но никак не помогали снятию угрожающих симптомов подступавших болезней. Имея недопустимо высокое давление крови, он шутил в письме: "А у меня всегда было крепкое давление, и я даже гордился этим: вот, мол, какой напор крови, как у бегемота". В другой раз писал: "Спасибо тебе, друг, за заботу и беспокойство... Вдвоем справимся с тем Никитиным, который никак не угомо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

нится". Так и не смог Сергей Никитин угомонить себя и приобрести бережное отношение к собственному, порядком изношенному организму, испытавшему тяжелые последствия не жалевшей его военной судьбы.

Его постоянно тянуло в родные места, где ему обрезали пупок и стирали пеленки (кір жуып, кіндік кескен – он с удовольствием произносил эту пословицу по-казахски). Он писал: "Болен я родной стороной неизлечимо, навечно, "до дней последних донца". Всем сердцем ратуя за все новое и полезное в жизни, он в то же время трогательно любил свое родное, исконное, отечественное и гордился этим. Это горячее чувство образно он выразил в следующих словах: "На кой мне черт жрать, к примеру, бананы и разные там марципаны, когда вся моя родня, давшая и мне жизнь, ела за милую душу баранов. Бараны или бананы – такой альтернативы для меня не существует. Я говорю уверенно – бараны!"

Таков был Сергей Никитин. Я никогда, наверное, не забуду ребяческую радость Сергея, когда мы выехали за город, остановились в степи и он покатился по траве, полежал и вскочил, разразившись здоровым, звонким смехом. Он и теперь стоит перед моим мысленным взором не иначе, как звонко смеющимся навстречу пыльному запаху ветра. Так, должно быть, смеялся он, когда, как рассказывал, побратавшись с мальчишками соседнего аула, гонял, играя, по степи ягнят и козлят.

НЕФТЬ, УГОЛЬ И ВОДА В ХИМИИ И ЭНЕРГЕТИКЕ

«Вся история науки доказывает на каждом шагу, что в конце концов постоянно бывает прав ученый, видящий то, что другие своевременно осознать и оценить не были в состоянии».

Академик В.И.Вернадский

В драматической поэме Сергея Есенина «Пугачев» один из сподвижников вождя крестьянской революции мечтательно говорит:

Я хотел бы вернуть и поверить снова,
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час вечерний,
Зажигает фонарщик из города, Тамбова.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Поэт бывал на Кавказе, он жил в 1924 году некоторое время в Баку. Ему там, на родине отечественного керосина, должно быть, рассказывали историю добычи и использования нефти, и он знал, наверное, что допустил анахронизм: керосиновая лампа была изобретена где-то через восемьдесят лет после пугачевского восстания, а именно в 1853 году, поляком Игнатием Лукасевичем. Читателю, увлеченному неожиданной и волнующей образностью есенинского стиха, трудно уловить эту хронологическую неточность, а если кто и уловит ее, вряд ли станет упрекать поэта: художественная литература, следуя своим законам, допускала и не такие перестановки исторических фактов.

Интересно другое.

Ведь во время пребывания поэта там, в стране «нефть-фонтанов», были живы старожилы, еще помнившие примитивные ямы-колодцы, полные «каменного масла», ведра–черпаки, кожаные бурдюки, в которых на скрипучих арбах перевозили нефть от места добычи до места переработки. Эти старики могли рассказать, как в шестидесятых годах, когда люди, пораженные невиданной до того осветительной способностью керосиновой лампы, дешевизной и простотой ее в употреблении, стали сплошь переходить на этот новый способ освещения, начался настоящий нефтяной бум: возле Баку возникали нефтеперегонные заводы, как грибы после дождя. Они, наверное, помнили и то, как вскоре, а именно в конце 1874 года и начале 1875 года, вдруг внезапно упали цены на керосин, вчерашние нефтяные короли, взошедшие на масляные троны за счет необыкновенных барышей, один за другим закрывали заводы и превращались в банкротов. Прошло некоторое время, пока русское керосиновое дело оправилось от этого шока и заняло выдающееся место в мировом производстве этого природного жидкого горючего. Но об этом чуть позже. Здесь же скажем, что этот первый нефтяной кризис произошел через сто лет после пугачевского восстания. Эта цифра 100, конечно, не имеет никакого отношения к истории нефтяных промыслов, однако случайный образ, оброненный поэтом, заставляет назвать ее, так как эта цифра 100 встретится нам еще раз.

В Баку друзья посвящали поэта в «стихию промыслов» нефти, он был «полон дум об индустрийной мощи» своей Родины. И, может быть, рассказывали ему о том, какую выдающуюся роль сыграл великий русский химик Д.И. Менделеев в развитии нефтяной промышленности России, сосредоточенной в то время почти исключительно на маленьком Апшеронском полуострове. А может быть, и не рассказывали, и не могли рассказывать, потому что в те ранние послеоктябрьские годы надо было для этого обладать особой осведомленностью, так

Created by free version of 2PDF
Bukeov University

как до революции имя Менделеева здесь всячески замалчивалось. Уж слишком много пришлось потерпеть нефтяным богачам от строптивого нрава ученого, не знавшего компромиссов и отклонений, когда дело касалось интересов промышленно-технического процветания отечества; к тому же никак не умевшего скрыть, как претит ему жизненное кредо толстосумов, ярко выраженное в словах Салтыкова-Щедрина:

«Жрать!!! ...Жрать во что бы то ни стало, ценою чего бы то ни было!..»

Между тем, роль Д.И. Менделеева в развитии русского нефтяного дела поучительна.

Русский промышленник Кокорев имел небольшой завод по получению керосина в Сураханах возле Баку. Завод приносил хозяину одни убытки, в особенности после того, как в Россию в начале шестидесятых годов стали ввозить дешевый керосин из Америки. В 1863 году Кокорев пригласил Д.И. Менделеева на свой завод, чтобы выслушать советы ученого, как сделать нефтеперегонное дело рентабельным.

Д.И. Менделеев, как личность, обладал одной особенностью: у него не было второстепенных дел, во все, за что бы он ни брался, он вникал со скрупулезной дотошностью, вкладывая всю страсть своей беспокойной натуры. Когда Кокорев попросил молодого ученого оказать помощь, он только что написал и выпустил высокооцененный научной общественностью первый учебник по органической химии на русском языке, где выдвинул так называемую теорию пределов, легшую в дальнейшем в основу классификации органических соединений, в то же время он продолжал размышлять над многими теоретическими и прикладными проблемами и вплотную подступал к открытию главного детища своей жизни – периодического закона. Предложение промышленника не застало его врасплох. Он был хорошо подготовлен к изучению проблемы.

Д.И. Менделеев приехал, посмотрел и убедился, что то, что хозяин именовал высоким словом завод, есть на самом деле маленькое кустарное дело. Смысл работы «завода» сводился к тому, что в небольшой бак загружалась нефть, а под баком горел газ, подведенный с ближайшей трещины. Любая нефть есть природная смесь различных углеводов, химических соединений, образованных, как гласит само название, соединением атомов углерода с атомами водорода. Смесь эта сложна и неоднородна. Было замечено, что чем проще молекула углеводорода, то есть чем меньшее количество атомов углерода и водорода, она, молекула, объединяет, тем меньшим удельным весом обладает углеводород и тем легче летит. Нефть в природе находится под давлением оп-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ределенного слоя (пласта) земной коры. Когда же этот пласт дает естественную трещину или просверливается, пробуривается усилиями человека, то сразу же удаляется самая простейшая, самая легкая часть нефти, способная лететь при обычной температуре. Это и есть тот газ, к которому мы теперь привыкли в быту и горение которого, может быть, впервые увидел Д.И. Менделеев на кокоревском «заводе». Собственно, нефтью и называется густая, как правило, черная, маслянистая жидкость, освободившаяся от летучей при обычных условиях газовой составляющей. Эту густую массу можно, нагревая, разогнать по фракциям. Часть нефти, выкипающая до 200-210° С, – это то, что теперь называем бензином. Керосиновая фракция выкипает между температурами от 200 до 300° С.

В Д.И. Менделееве, родившемся в Тобольске и выросшем в Сибири, наряду с выдающимся научным кругозором, крепко сидели деловая жилка и практическая сметка землепроходцев-сибиряков, шедшие, в основном по материнской линии. Он сразу же подсказал купцу меры для удешевления керосина. Первое, что необходимо сделать и что не требует особых хлопот, – это заставить перегонный бак работать непрерывно. Для этого стоит иметь отверстие у дна бака с отводящей трубкой, в этом случае не потребуется периодически тушить топку, остужать бак и вручную выгребать со дна его остаток нефти: густая фракция сама будет вытекать из этого отверстия. Остается только по мере выкипания подавать (тоже непрерывно) в бак сырую нефть и также непрерывно вычерпывать остуженный, сконденсированный керосин. Нужно считать все фракции нефти полезными, бензин, пока хотя бы как топливо, густые остатки найдут сбыт как прекрасные смазочные масла. Эта часть предложений Д.И. Менделеева не требовала от хозяина никаких материальных издержек, но упрощала, делала несравненно производительней процесс перегонки и сразу удешевляла продукцию. Но Д.И. Менделеев шел дальше. Нефть от промысла следует возить не в бурдюках на арбах, а протянуть трубу, по которой это природное жидкое масло будет течь непрерывно и без хлопот. Такую же трубу проложить для керосина – от завода до пристани. Заменить быстродырявящиеся, ненадежные и к тому же дорогие из-за отсутствия вблизи леса деревянные бочки, в которых переправляется керосин в Россию, на металлические, по морю же возить в специальных цельнометаллических баржах (это, как можно заметить, прообраз теперешних танкеров). Правда, на это потребуются некоторые капиталовложения, русскому купцу придется приоткрыть свою мошну, но зато стоимость керосина снизится многократно.

Created by free version of 2PDF

Bukeov University

Эти советы и предложения, потом не раз настойчиво повторенные ученым в деловых кругах Петербурга, в Русском техническом обществе, на публичных лекциях, были взяты нефтяными дельцами на вооружение и чрезвычайно способствовали техническому переоборудованию и переоснащению только-только начинавшей развиваться нефтяной промышленности. «Меня с тех пор стали слушать в этих делах», – не без гордости говорил позднее Д.И. Менделеев. Казалось бы, этого достаточно для удовлетворения научного и личного самолюбия ученого. Мало того, владельцы нефтяных предприятий, видя сколь выгодно иметь в компании столь сведущего и зоркого специалиста, добивались его постоянного сотрудничества, предлагая невиданно крупные вознаграждения. Между тем, ученый активно помогал налаживать нефтяное дело Кокореву, Рагозину, Нобелю и многим другим, очень мало думал о личных интересах и материальных выгодах. Он начисто отказался от прямого участия в их предприятиях; при этом он, конечно, еще менее думал об умножении богатств этих людей. Его мучило и жгло одно – быстрое промышленное развитие своей Родины и усиление ее технической, индустриальной мощи. И в быстром налаживании, расширении и распространении нефтяного производства он видел одну из решающих, ключевых сторон промышленного прогресса России, ибо перед мыслящим взором ученого, видевшего дальше, больше и яснее других, проходила не одна только керосиновая лампа, вокруг которой жадно толпились, снимая с ее пламени громадные барыши, алчные капиталисты, а четко проплывали разнообразные моторы, с помощью которых движутся по земле, по воде, по воздуху самоходы, бесшумно совершали назначенные движения бесчисленные большие и малые механизмы, смазанные в трущихся частях нефтяными маслами, мелькали этикетки бессчетного множества произведений химии из нефти, улучшающие, облегчающие, упрощающие жизнь человека.

И, когда Д.И. Менделеев взглянул на дело с этой точки зрения, представилась безотрадная картина. Оказалось, что царское правительство буквально душило нефтяные промыслы, прямо способствуя выгодному ввозу керосина из-за океана. Этого правительство достигало с помощью системы обложения налогами, которая называлась откупом: нефтеносные земли числились за государством и сдавались промышленникам за определенную плату временно, на четыре года, по истечении которых могли быть отобраны. Естественно, что промышленник, не будучи твердо уверен в будущем своего предприятия, не столько развивал его, сколько старался за короткое время выкачать то, что выкачивается легко, с тем, чтобы потом без сожаления оставить промы-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

сел. Д.И. Менделеев со всей присущей ему страстью стал во главе борьбы против системы откупов в нефтяном деле. Борьба увенчалась успехом: система откупов была заменена так называемым акуизом – налогом с каждого пуда произведенного керосина. Нефтяное дело вздохнуло свободно и стало быстро развиваться, пока не обрушился на него в 1875 году упомянутый выше нефтяной кризис.

Естественно, что Д.И. Менделеев тяжело переживал расстройство, постигшее нефтяную промышленность России, зарождению и развитию которой им приложено было столько сил и энергии. Он понимал, что причиной кризиса было резкое подешевление бакинского керосина; последний же подешевел потому, что незадолго до этого подешевел керосин американский. Можно было предполагать, что там, за океаном, придумали такие технические новшества, которые позволили лучше, полнее использовать нефть, а главное – быстро и легко отгонять керосин. В этих новшествах никто, кроме Д.И. Менделеева, не мог бы полнее и дотошнее разобраться. Вот почему был командирован для этой цели именно Д.И. Менделеев.

Каково же было удивление ученого, когда после первых же дней знакомства с нефтяными промыслами и предприятиями Пенсильвании он убедился, что никаких технических новшеств, неизвестных в России, американцы не применяют, что все дело сводится к лихорадочным поискам и нахождению месторождений, где нефть была бы ближе к поверхности и легко добывалась, а затем к хищнической их эксплуатации. Кризис же был связан именно с открытием и использованием нескольких таких месторождений, которое к тому же совпало с отменой правительственных налогов на производство керосина. Наводнение рынка дешевым керосином из вновь открытых месторождений и привело к разорению многочисленных владельцев предприятий, где по условиям добычи керосин не мог получаться так дешево. Началось это в Америке, а потом, к 1875 году, перекинулось в Россию.

Вернувшись из Америки, Д.И. Менделеев ратовал не только за восстановление нефтяной промышленности, но и за такое развитие, которое дало бы возможность России выйти на первое место в мире. Когда беспокойный Д.И. Менделеев обратился к министру финансов за содействием, убеждая его в великом будущем русского керосина и русской нефти, тот оскорбительно воскликнул: «Да что вы, батенька! Мечтания это все, профессорские мечтания!» Д.И. Менделеев был уверен в обратном. Он считал, что для того, чтобы его мечтания имели реальную почву, необходимо, прежде всего, снять акуиз с керосина, а саму нефть перерабатывать не только на керосин, но и на смазочные

Created by free version of 2PDF
Bukelov university

масла, которые во многих случаях могут оказаться более ценными, чем керосин. Мало того, ученый на одном из заводов экспериментально демонстрирует полное использование мазутной части нефти: русские смазочные масла, полученные на этом заводе, показывали себя лучше американских. Под давлением технической и научной общественности, во главе которой стоял Д.И. Менделеев, акуиз вскоре был отменен, а нефтяные предприятия стали переходить к более полному использованию всех составляющих нефти. И уже в 1880 году Д. И. Менделеев мог писать: «Наши общие упования на то, что с развитием свободы дело будет развиваться, поглядите, как оправдалось здесь на деле! Вместо 40 (1876) теперь (1880) здесь около 350 буровых колодцев, вместо бочек уже начали многие отправлять суда, прямо наливая их нефтью, родился перевозочный флот, вместо арб и бурдюков, которыми велась доставка с промыслов к заводу и порту, теперь трубы и вагоны, вместо зависимости от иностранных техников выработали свои отличные и выгодные приемы бурения, вместо сжигания остатков в поле ввели или вводят их переработку на смазочные масла; топка остатками введена на Волге и Каспии и т. п. Корень дела здоров и крепок».

Д.И. Менделеев был доволен расцветом нефтяной промышленности России не только потому, что власть имущими было пренебрежительно названо «профессорскими мечтаниями», но и потому, что он сам сыграл в этом расцвете выдающуюся роль. Деятельность Д.И. Менделеева в этом направлении была очень по нутру нефтяным дельцам, имевшим в лице ученого не только совершенно бескорыстного и авторитетного союзника, но и очень тонкого, безошибочного советчика. Они могли за это как-то стерпеть и простить Д.И. Менделееву его громогласные суждения об «уродливых барышах», связанных с хищническим истреблением нефтяных богатств; но ученый стал совершенно нетерпимым, когда дело коснулось принципиальных и далеко идущих соображений о дальнейшем пути развития нефтяного дела в России.

Изучив нефтяные предприятия Баку, Д.И. Менделеев приходил к выводу, что исключительное сосредоточение всей нефтяной промышленности России на маленьком Апшеронском полуострове и на Северном Кавказе выгодно владельцам керосиновых предприятий, но совершенно невыгодно России, ибо это вовсе не способствует общему техническому прогрессу во всей стране, удешевлению и доступности для всех слоев населения нефтяных продуктов. Он полагал, что большая часть нефти должна вывозиться в наливных баржах и перерабатываться в верховьях Волги, в средней полосе России. Техническое и

Created by free version of 2PDF
Bukstov University

экономическое обоснование этому ученый дал в изданной в 1881 году брошюре «Где строить нефтяные заводы». Именно этим своим предложением великий ученый привел в ярость нефтяных воротил, в частности, Людвига Нобеля (брата Альфреда Нобеля, основателя фонда Нобелевских премий), который к этому времени успел прибрать к рукам большую часть нефтяных месторождений и предприятий на берегах Каспия. Вывоз сырой нефти из-под Баку, возникновение нефтеперерабатывающих предприятий в местах потребления упрощало сбыт продукции и грозило разрушением Нобелевской монополии на нефть. Дельцы, возглавляемые Нобелем, привыкшие все оценивать на чистоган, после неудачных попыток купить молчание профессора обрушились на Д.И. Менделеева со всякого рода инсинуациями. Великий ученый знал жизнь и не ожидал каких-либо благородных порывов от владельцев капитала там, где дело касалось их меркантильных интересов, и в поднятом против него неправедном шуме его утешало и поддерживало то, что российское нефтяное дело в соответствии с его мечтаниями выходило на первое место в мире.

До нефтяного кризиса на ста бакинских нефтеперерабатывающих заводах производилось пять миллионов пудов керосина против семидесяти миллионов пудов, производившихся в Америке. Во время кризиса девяносто шесть из ста были закрыты. И, поднявшись с этого почти нуля, за каких-то двадцать с небольшим лет российское нефтяное дело вышло на первое место в мире: в 1901 году Россия выдавала 11,9 млн. тонн, что составляло 51 % от всей добытой нефти, а русский керосин и русские смазочные масла были лучшими в мире.

* * *

«Я думаю, что в конце нашего века за остатки природных углеводородов будет вестись жесточайшая борьба.

Хорошо, что у нас в стране есть запасы, создающие страховку на этот сложный период топливной недостаточности».

Академик Л. П. Александров.

Сопоставление событий, далеко отстоящих друг от друга во времени, вряд ли правомерно, однако иногда такие параллели поражают воображение. Недаром, по свидетельству К. Маркса, Гегель где-то от-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

мечает, что все всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Капиталистический мир ныне находится в тисках так называемого энергетического кризиса. Хотя этот кризис и не всегда называют нефтяным, но известно, что он связан с мировым производством и потреблением нефти. Он, этот кризис, начался ровно через сто лет после начала первого нефтяного кризиса и наиболее поразил, как и в том случае, цитадель капиталистического мира – Соединенные Штаты Америки.

Помню, как знакомый аксакал радовался веку техники, почему-то его восторги относились не к воздушным лайнерам, не к космическим кораблям, ни к другим ярчайшим достижениям века НТР, а к той соляровой топке, которую соорудил его сын для отопления их дома: из бака, наполненного маслом на всю зиму, небольшой струёй, чуть разбрызгиваясь, текло это масло, сгорая ярким пламенем и гоня воду из котла во все комнаты. «Как это Аллах меня, жалкого и преданного раба своего, не мог надоумить на такое устройство, а вот сына-безбожника надоумил! Я же всю жизнь возился с этими дровами, сколько их перерубил, переколол, легкие надорвал, дуя на неразгоравшиеся лучины, а потом перешел на этот грязный, вонючий, черный, маркий уголь и все Аллаха благодарил! Смотрите: ведерко этого земляного жира, чуть более текучего, чем конское сало, дает, наверное, столько же тепла, сколько воз дров!»

Старик говорил восторженно и не без преувеличений, однако главное он заметил: нефть – горючее, очень удобное для употребления, он в силу жидкотекучести легко транспортируется, по той же причине занимает наивозможно малый объем на единицу веса и обладает среди всех природных горючих наибольшей теплотворной способностью, например, нефть дает в 1,5-3,0 раза больше тепла, чем, скажем, то же весовое количество угля, не говоря уже о дровах. Можно представить, какие выгоды дает нефть как энергетическое сырье при теперешних громадных масштабах энергопотребления! Капиталистический мир не был бы капиталистическим, если бы его не прельстили эти выгоды: потому-то он в послевоенные годы торопливо и лихорадочно стал сжигать нефть в энергетических топках.

Приведем некоторые цифры. Они лучше всего укажут на истоки энергетического кризиса. Доля нефти в общем потреблении энергоресурсов была в 1900 году – 3%, перед первой мировой войной – 5%, накануне Второй мировой войны – 17,5%, в 1950 году – 24%, в 1972 году – 41,5%. Но здесь надо отметить одну особенность: развитые капиталистические страны переходили на нефть в энергопотреблении с

Created by free version of 2PDF
Buketov University

большей жадностью. В том же 1972 году в США эта доля составляла 46%, в странах Европейского экономического сообщества – свыше 60%, а в Японии – 70%. Общее потребление энергии на душу населения в мире возросло с 1950 по 1978 годы примерно в два раза, а нефти за тот же период – в 3,35 раза. До 1973 года всего в мире было добыто 41 млрд. тонн нефти. Из них почти половина была добыта за 1965-73 гг. К 1981 году в мире было добыто 47 млрд. тонн нефти, из них 22,2 млрд. тонн за последние десять лет (1971-1980).

В этом крутом скачке нефтепотребления в капиталистических странах есть одна особенность, предопределившая теперешние экономические потрясения в Западной Европе и Америке. Дело в том, что рост нефтепотребления происходил не за счет внутренних ресурсов капиталистических стран, а за счет импорта, за счет привозной нефти. США, например, ввозят теперь почти половину потребляемой ими нефти, Англия – две трети, а такие страны, как ФРГ, Франция, Италия и Япония, почти полностью живут на привозной нефти. Такое неравновесие установилось потому, что международная нефтяная картель, возглавляемая нефтяными трестами и монополиями США, стала выкачивать дешевую нефть из богатейших месторождений Ближнего Востока и Южной Америки и лихорадочно вывозить в развитые капиталистические страны, снося и выкидывая топки, приспособленные к твердому горючему, заменяя их нефтяными. И выкачивали до тех пор, пока правительства развивающихся стран под давлением прогрессивных сил не увидели, как их отечественными нефтяными богатствами безраздельно распоряжаются страны-импортеры, в особенности США, как империалисты открыто, на виду всего мира подвергают их беззастенчивому грабежу. Такое пробуждение национального самосознания в нефтедобывающих странах было одним из результатов всеобщего национально-освободительного движения и привело к созданию Организации стран-экспортеров нефти, которая решила, что единственно эффективным способом борьбы против этого грабежа есть повышение цен на нефть. В начале семидесятых годов эти цены были подняты в четыре раза, а с 1972 по 1980 годы – почти в восемь раз. Это основательно потрясло капиталистический мир: разразился энергетический кризис, в тисках которого он и продолжает находиться.

Первые нефтяные скважины промышленного значения были пробурены в США в конце пятидесятых годов прошлого столетия. С этого времени отсчитывается короткий период первого нефтяного бума, который драматически оборвался через десять с небольшим лет во время кризиса в первой половине семидесятых годов.

Created by free version of 2PDF

Bukeltov University

Бум, предшествовавший нынешнему кризису, тоже не был длительным, но несколько долее, около двадцати с лишним лет, примерно с 1950 года по начало семидесятых годов, но зато он оказался пограндиознее по масштабам. Если к началу того первого энергетического нефтяного кризиса в мире извлекалось где-то около 80 млн. пудов нефти, то через сто лет, к 1972 году, извлекалось 2800 млн. тонн – в две тысячи сто раз больше.

Выше было упомянуто, с какой горечью Д.И. Менделеев описывал химические способы эксплуатации энергетических богатств своих народов американскими и русскими капиталистами, когда они, быстро отогнав керосин, то есть всего десятую, редко пятую часть нефти в виде керосина, остальную массу безжалостно уничтожали, часто не используя даже как топливо. Это было в начальную пору расцвета нефтяного дела, до первого кризиса. Природа капитализма с тех пор не изменилась. Барыши их не стали менее уродливыми. Наоборот, капиталистические страны с еще большей жадностью, с еще большей расточительностью сжигали и сжигают нефть только лишь потому, что отсталые и зависимые страны в силу исторических условий вынуждены были отдавать им свои месторождения на разграбление. Опомнившись, они лишь в последние десять лет, когда после целого ряда шантажей, провокаций и угроз (продолжающихся, кстати, и ныне) убедились, что дешевой, почти даровой нефти приходит конец. И когда на скважины, из которых выливалась бесконечным потоком нефть, был повешен хозяйский замок, заморские гости вынуждены были приняться за подсчет. И тут вышло по пословице, пировали-веселились, подсчитали-прослезились.

Внезапное подорожание нефти для развития капиталистических стран было, конечно, бедой, бедой вполне заслуженной. Но беда, даже заслуженная, как известно, одна не ходит. Ведь промышленность этих стран была приспособлена на дешевую нефть, и в лихорадочной погоне за прибылями и сверхприбылями никто не думал об использовании своих внутренних возможностей и ресурсов. Невиданно громадные мощности промышленных и энергетических установок, базирующиеся на нефтепродуктах, получили безостановочную и страшную инерцию и для своей бесперебойной работы требовали нефти и нефти. И беды, следующие за подорожанием нефти, заключались в том, что в большинстве развитых капиталистических стран, как было сказано выше, нет собственной нефти, а замена последней, например, на уголь, от которого повально отказались, требует громадных капиталовложений, как на развитие добычи этого почти заброшенного полезного ископае-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

мого, так и на приспособление топок и установок под это горючее. Если нефтяной кризис, который охватил мир во времена Д.И. Менделеева, был лишь эпизодом, может быть, занятным, но эпизодом в истории промышленного развития Европы и Америки, то нынешний энергетический кризис потряс страны капитала до основания, раскрыв сплошные язвы, прикрывавшиеся в течение двух десятков лет дешевой награбленной нефтью.

Пока капиталисты высасывали подземное масло в нефтеналивные суда-танкеры, вмещающие враз десятки и даже сотни тысяч тонн, и вывозили в свои страны, природные глубины, наполненные нефтью, казались бездонными и неисчерпаемыми. Недальновидных людей приводил в невинный восторг тот факт, что в послевоенные годы мировая добыча нефти удваивалась через каждые десять лет. В 1950 году она составляла 550 млн. тонн, в 1960 – свыше 1 млрд. тонн, в 1970 – свыше 2 млрд. тонн, а в 1973 году превысила 2,8 млрд. тонн. Энергетический кризис приостановил такой уродливый рост добычи и потребления нефти, добыча ее теперь находится, по-видимому, где-то приблизительно в пределах 3 млрд. тонн в год с несравнимо малой, чем прежде, тенденцией к увеличению. И, нужно сказать, прогрессивные силы вовремя приостановили столь хищническое уничтожение одного из важных видов природных богатств земного шара, ибо теперь доподлинно подсчитано, что мировые запасы рентабельно добываемой нефти составляют приблизительно около 100 млрд. тонн и хватит их при теперешних темпах добычи всего на каких-то 30-40 лет. Последнее обстоятельство не может не тревожить тех, кто думает не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем дне человечества.

А тревожиться есть из-за чего. Ныне из всей добытой нефти примерно до 20-25% употребляется в химической промышленности для производства полимерных материалов, волокон, разнообразных химических веществ и др., до 40-45% расходуется на транспорт, до 15-25% сжигается с целью получения тепловой и электрической энергии, и до 20-25% используется в прочих сферах хозяйства, в частности для удовлетворения коммунальных и бытовых нужд. Стоит попробовать представить себе, как будет выглядеть мир через каких-то 30-40 лет, т. е. еще при жизни большинства ныне здравствующих людей, если будет продолжаться, даже, скажем, не увеличивая темпы, расходоваться природная нефть на эти установившиеся нужды промышленности, хозяйства и техники.

Может быть, не в один день, может быть, постепенно стали бы останавливаться химические заводы, все менее раздавались гудки ав-

Created by free version of 2PDF
Bukerov University

томобилей, все реже летали самолеты, электростанции давали бы все меньше энергии, холоднее становилось бы в квартирах и т.д. и т.д. Может ли человечество допустить это? Нет, не может допустить. И поэтому оно тревожится и думает над тем, как выйти из положения, в которое ввела его безудержная стихия капиталистической наживы.

Положение трудное, но небезнадежное. Во-первых, по-видимому, надо многократно повторить ту фразу, которую мы вспоминаем, как анекдот, связанный с раздражительным нравом ученого, немало не думая над тем, что потомки не склонны оставлять в памяти случайное и нехарактерное для жизни и деятельности гения. Имеются в виду слова Д.И. Менделеева, которые он произнес в сердцах в пылу полемики с Нобелем и другими по поводу использования нефтяных продуктов: «Нефть – не топливо, можно топить и ассигнациями!» Следовательно, пора перестать жечь ассигнации, пора перестать сжигать нефть и нефтепродукты в топках электростанций, местных котельных и т. д. Этим путем, по-видимому, удастся сберечь до 20-30%, а может быть, и до 40% расходуемой нефти. Речь идет о том, что те теплоэнергетические установки, которые ныне работают на нефтепродуктах, должны быть переведены на другие виды топлива. Энергия воды, ветра и солнца, как убеждает практика, не может играть решающую роль в общем энергобалансе. Решающую роль, по-видимому, будет в будущем играть атомная энергия. Однако в ближайшей перспективе эти виды энергии, включая и атомную, займут, как полагают, не более 20% в общем энергопотреблении. Тогда остальные восемьдесят процентов будут отведены всем знакомому углю. Следовательно, в обозримом будущем уголь останется энергетическим источником. И не только энергетическим... Но об этом чуть позже.

Громадное количество, как мы видели выше, высококачественных, улучшенных по последнему слову техники нефтяных продуктов расходуется в моторах. Ныне есть много предложений, предполагающих замену нефтепродуктов, приводящих в движение моторы, электроэнергией (постоянным током), спиртами, получающимися при переработке органических отбросов, газами (в частности, водородом). По-видимому, в дальней перспективе эти виды энергии и энергоносителей будут широко использованы в транспорте, однако человечество создало такой мощный транспортный парк, приспособленный к бензину, керосину и другим чистейшим, рафинированным видам составляющих нефти, что было бы опрометчиво полагать, что инерция этого громадного, крепко установившегося транспортного потенциала будет

Created by free version of 2PDF
Buketov University

враз преодолена. Следовательно, здесь нефтяные продукты еще долго будут играть свою роль.

И, наконец, химическая промышленность, по-видимому, не только не сможет уменьшить свои потребности в нефтяных продуктах, но, по всей вероятности, будет даже увеличивать.

Следовательно, жизнь подводит человечество к тому, чтобы оно, наряду с более рациональным, рачительным использованием имеющихся запасов нефти, нашло добротный, надежный заменитель этого природного органического горючего. И этот заменитель, как мы увидим далее, оно может найти.

* * *

«Генерирование энергии в нужных формах, разведка и добыча для этого природных энергоресурсов и система преобразования энергии в нужную для потребления ее форму требует более 50% всего бюджета страны».

Академик А. П. Александров.

Во Вторую мировую войну фашистская Германия, окруженная со всех сторон, продолжала сопротивляться объединенным силам союзников: огрызались ее танковые корпуса, действовали моторизованные соединения, по-прежнему наводила ужас на Лондон и другие города Англии ее бомбардировочная авиация. Словом, фашисты действовали так, как будто не их страна отрезана от источников нефти, как будто случилось чудо, и ничтожного значения нефтяные месторождения возле Мюнхена разверзлись и стали давать столько нефти, сколько нужно было для обеспечения гитлеровской военной машины. Никакого чуда не было. Специалисты хорошо знали, что немцы питают свои моторы жидким топливом, полученным искусственно из бурого угля, которым богата Германия. По некоторым данным, во время войны (в особенности после того, как фашистская военщина откатывалась к своим границам после сокрушительного контрнаступления Советской Армии) немцы покрывали за счет искусственного жидкого топлива до 75% потребностей в нефти, и почти полностью – в авиабензине.

До войны развитые капиталистические страны не считали, что потребности в нефти можно обеспечить за счет импорта. И поэтому проводились интенсивные исследования по получению искусственной нефти из угля. Возникла промышленность искусственного жидкого топлива, в 1940-43 годах годовой объем производства последнего достиг примерно 7-8 млн. тонн, это составляло примерно 2% всей мировой

Created by free version of 2PDF
Bukrow University

добычи нефти тех лет. Заводы по искусственному жидкому топливу строились в Германии, Японии, Италии, Англии, Франции и др., т. е. в тех странах, где не было или почти не было собственных нефтяных месторождений. По некоторым данным, в мире в то время действовало 48 заводов, из них более половины работало в Германии, выделяя более двух третей мирового производства искусственных нефтяных продуктов.

В послевоенные годы предприятия по переработке угля в искусственные нефтепродукты были закрыты, исследовательские работы свернуты, нефть, извлекаемая из недр Земли, обходилась почти в 3 раза дешевле искусственной и казалось даже некоторой издержкой предвоенное увлечение процессом получения нефтепродуктов, неожиданно сыгравшее на руку фашистской Германии. Крупные месторождения нефти, открытые на Ближнем Востоке, в странах Персидского залива и других районах земного шара, создали обманчивую веру в неисчерпаемость нефтяных кладовых земли. Да к тому же капиталистический мир, будучи в своей стихии, и не думал помышлять о последствиях: дешевая нефть была на руках. Вот почему примерно на четверть столетия развернувшееся прогрессивное дело получения нефти и нефтяных продуктов из угля было забыто, пока разразившийся энергетический кризис не заставил вспомнить о нем, не заставил встряхнуть залежавшиеся архивы, изучать почти заново то, что было когда-то изучено поколением ученых того времени и не передано из рук в руки; пришлось восстанавливать устаревшие схемы и конструкции аппаратов с тем, чтобы учесть их достоинства и недостатки и привести к уровню теперешних достижений науки и техники.

Ниже, в связи с удорожанием привозной нефти во всех развитых капиталистических странах, ведутся интенсивные исследования технических приемов, которые бы позволили получать искусственные нефтепродукты из углей, по стоимости же дороже рыночной стоимости нефтепродуктов из природной нефти. В США, например, осуществляется программа «Синтетическое топливо», стоящая 5,3 млрд. долларов. Крупные капиталы вкладываются в это дело в ФРГ, Японии, Англии и других странах. Уже работают крупные полупромышленные установки, полностью или частично моделирующие процесс производства синтетического топлива. По-видимому, недалеко то время, когда искусственное жидкое топливо займет прочное, прогрессирующе прочное место в экономике развитых стран, что, естественно, не исключит, а укрепит и сделает более надежным и длительным период добычи и использования природной нефти.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Из изложенного становится ясным, что человечеству, по всей вероятности, не избежать получения и потребления искусственных нефтепродуктов из углей. Если это так, то следует рассказать и о том, какие перспективы предполагает использование угля для этой цели и как осуществляется сам процесс получения жидких топлив из твердых.

Надежды на уголь, как на спасение в связи с наступающим нефтяным голодом, связаны с тем, что запасов этого природного горючего приблизительно в 20 раз больше, чем угля, если сопоставлять эти запасы не в обычных весовых количествах, а в пересчете на энергию, аккумулированную в них. Допустим, что использование энергетических ресурсов на земном шаре сохранится на теперешнем уровне. В этом случае можно рассчитывать, что всем известный добрый старый уголь прослужит на благо человечеству еще 400-500 лет; но даже при росте энергетических потребностей, при замене углем природной нефти в промышленности органического синтеза можно надеяться, что человек имеет впереди не менее, чем две или три сотни лет для того, чтобы обдумать и принять меры против будущего угольного голода.

Как же все-таки получаются искусственная нефть и жидкие нефтепродукты из угля? Основой этих процессов являются простые химические реакции, однако, они нелегки в осуществлении, потому что, во-первых, человек, проводя эти реакции, искусственно идет против того, что создавала, скапливала и стабилизировала природа в течение миллионов лет, во-вторых, каждая главная и простая реакция, через которую достигается цель, сопровождается множеством сопутствующих и мешающих из-за того, что природа не создает вещества в чистом виде. Но не будем говорить подробно о сложностях, важно уловить принцип.

Мы привыкли, по-видимому, в быту отождествлять уголь и углерод. В этом отождествлении есть некоторая доля правды. Например, древесный уголь, с которым человек широко имел дело еще совсем недавно, пожалуй, очень близок по составу к углероду, если исключить содержащуюся в нем золу, которая остается после сгорания и называется неорганической частью. Графит и алмаз, которые существуют в природе и промышленно извлекаются, – это тоже чистый углерод или почти чистый углерод, т. е. тот элемент, который занимает шестое место в таблице Д.И. Менделеева и имеет атомный вес 12.

А вот о природных углях, каменных, бурых, о сланцах этого не скажешь. Химически это было бы просто неграмотно. Они, конечно, содержат углерод в качестве главного составляющего, но истинный химик последнее мог бы и оспорить. Он может сказать, что, несмотря

Created by free version of 2PDF
Buketov University

на то, что в углях, если исключить золу, содержится до 90% и выше процентов углерода, однако это вовсе не означает, что углерод является главной составляющей, с таким же правом на положение главного составляющего в углях может претендовать и водород — первый элемент в таблице Д.И. Менделеева. Дело в том, что природные угли в *своей основе – это химические соединения углерода с водородом* – углеводороды. В углеводородах углей соотношение количества атомов к количеству атомов водорода оценивается приблизительно как 1:1. Неважно, что по весу углерода намного больше, чем водорода, это связано просто с тем, что атомный вес углерода 12, а водорода – 1. Атомы углерода и водорода, соединенные химическими связями, образуют очень крупные, малоподвижные молекулярные структуры, в состав которых частично могут входить кислород, азот, сера и другие элементы. Углеводороды являются органическими соединениями, и поэтому угли, состоящие в основном из углеводородов, и называются органическими горючими или органическим топливом.

Нефть тоже природное органическое горючее, следовательно, тоже состоит из углеводородов, вернее даже в большей степени состоит из углеводородов, чем угли. Но в отличие от углей, это – жидкое органическое горючее. В нефти в среднем соотношение количества атомов углерода к количеству атомов водорода 1:2, то есть в нефтяных углеводородах на один атом углерода приходится два атома водорода. Вот *почему нефть жидкотекучая и легче превращается в пар. Эти свойства* нефти связаны с тем, что, чем больше в углеводороде водорода, тем мельче, тем они подвижнее и легче расстаются друг с другом.

Сразу же возникает догадка: а нельзя ли изыскать такой прием или такой процесс, который бы перераспределил водород в угле таким образом, чтобы часть, насыщенная собственным водородом, ожижилась, а другая, обедневшая, отощавшая по водороду часть, имела бы свойства, скажем, древесного угля, который в основном состоит из элементарного углерода?

Человечество часто оказывалось в положении Журдена, который лишь в сорок лет сообразил, что говорит прозой. Особые спекающиеся сорта угля применялись для получения кокса, необходимого для выплавки чугуна в домнах, еще в первой половине 18 века. Хотя было известно, что при прокаливании без доступа воздуха при 900-1000° С (это и есть коксование) уголь уменьшается в весе не менее, чем на 20%, на ценность улетающих составляющих угля было обращено внимание лишь сто с небольшим лет назад. Причем оказалось, что водород почти полностью переходит в эту летучую часть угля, чем и объясня-

Created by free version of 2PDF
BUKETOV University

ется образование коксового газа, а также продуктов нефтяного характера – смолы и сырого бензола. За эти сто лет использование летучих составляющих угля при коксовании получило такое развитие, что они перерабатываются с помощью сложнейшей технологии на сотни продуктов, начиная, например, с удобрений и смазочных масел, и кончая медицинскими препаратами. Однако надеяться на то, что жидкие и газообразные продукты коксования с их традиционными, установившимися областями применения, смогут заменить в значительной мере продукты из природной нефти в общем энергетическом и химико-технологическом балансе весьма затруднительно. Надо иметь в виду и то, что при коксовании часть углеводородов разлагается нацело, и большая часть водорода переходит в головную фазу в свободном состоянии, лишаясь химических связей с углеродом. Вот почему при коксовании образуется слишком мало жидких углеводородов, в частности смолы и бензина. Правда, при прокаливании углей при более низких температурах, жидких углеводородов может получиться несколько больше, однако расчеты показывают, что эти процессы и в силу все же сравнительно малой доли перехода угля в жидкие углеводороды, и в силу самой природы получающихся продуктов, требующих много усилий для облагораживания и приведения в состояние, годное для употребления, не могут играть желаемую роль в производстве искусственного жидкого топлива.

Из изложенного вытекает, что когда ныне говорят об ожижении углей (а это теперь модная тема), то речь идет о превращении всей или подавляюще большей части органической массы угля в жидкие нефтепродукты, есть два пути к этому.

Первый путь сводится к тому, чтобы, приспособиться к природе самого угля, оживить, омолодить, сделать гибче, подвижнее закоченевшее, закостеневшее от неподвижности каменное тело углей. Для этого необходимо в это тело химически ввести, внедрить водород, по возможности равномерно растворив его. И тогда уголь – природный твердый углеводород – разложится на более мелкие молекулы, насыщенные водородом более, чем прежде, и превратится в жидкий углеводород или, как теперь называют, синтетическую нефть.

Следовательно, речь идет о том, чтобы насильственно вдавить в тело угля водород. Оказалось, что все не очень просто, требуется определенная и довольно высокая температура – 400-500° С. Требуется очень высокое давление 500-700 атмосфер. Чтобы вообразить, что это за давление, стоит представить, что на мизерной площади в один квадратный сантиметр стоит столб тела весом более полутоны. Но и этого

Created by free version of 2PDF
Bukotor University

было бы мало. Дело в том, что водород в своем обычном газообразном состоянии образует молекулу из двух атомов, и эта молекула настолько устойчива и инертна, что ни высокая температура, ни большое давление не были способны разложить эту индифферентную к химическому взаимодействию частицу на ее составные части-атомы, становящиеся, будучи сами по себе не в составе молекулы, активными. В таких случаях в химии принято вводить в процесс специальные вещества, способствующие возбуждению, активации инертных частиц, называемых катализаторами. Было найдено, что соли железа, никеля, кобальта, некоторых редких металлов облегчают процесс вхождения водорода в тело угля. Но и при этом процесс не пойдет с нужной скоростью, если не проводить его в жидкой среде, если не смешать предварительно молотый уголь с жидкими нефтепродуктами.

Процесс насыщения водородом углей, или наводораживание их получил название гидрогенизации углей, от греческого слова «гидроген» – водород. Гидрогенизация углей описанным способом была предложена немецким углехимиком Бергиусом в 1912 г. С тех пор он изучается многосторонне и глубоко. Существуют в настоящее время сотни патентов, посвященных улучшению, совершенствованию этого способа получения синтетической нефти из угля, предложены активные катализаторы, которые позволяют снизить, например, давление до 200 и даже 100 атм. Из 48 приведенных выше заводов половина, почти половина работала по методу гидрогенизации. Нужно сказать, что гидрогенизация, или химическое насыщение водородом в нефтехимии и вообще в промышленности органического синтеза, – процесс распространенный, его применяют для улучшения качества углеводородов, образования и придания им соответствующих свойств.

Можно предвидеть, какие интересные трудности ожидают технолога при промышленном осуществлении процесса гидрогенизации углей. Реакторы, работающие при высоких температурах и под высоким давлением, должны быть изготовлены из термостойких, жаропрочных дорогих сортов стали, иметь оборудование для компрессирования водорода, а насосные установки и трубопроводы для циркуляции материала должны работать в особо жестких условиях с точки зрения герметичности. Все эти трудности преодолеваются при очень больших капиталовложениях, что связано не только с дороговизной материалов, но и с дороговизной изготовления из них нужной аппаратуры, а в работе эта аппаратура требует не менее дорогостоящего обслуживания. Кроме того, каждое производство по гидрогенизационному сжижению углей должно иметь специальный передел по производству водорода.

Created by free version of 2PDF
Bukefov University

И, тем не менее, считается, что процесс гидрогенизации имеет предпочтительное и довольно надежное будущее. Уже работают опытные и полупромышленные установки, существуют проекты крупных предприятий, намечается до конца текущего столетия ввести в строй заводы по производству синтетической нефти.

Химия всесильна. Она может, бережно относясь к исходным природным химическим образованиям, оживить, омолодить их, придать им жизненную силу. Это и делается с помощью только что описанного метода гидрогенизации углей. В этом случае и получается так называемая синтетическая нефть, представляющая собою сложнейшую смесь углеводородов, во всех отношениях напоминающую природную нефть. Для того, чтобы получить из синтетической нефти керосин, бензин и другие многочисленные нефтепродукты, используемые в народном хозяйстве, с нею, с синтетической нефтью, поступают таким же образом, как поступают с природной нефтью на многочисленных нефтеперерабатывающих заводах.

Химия всемогуща. Она может, не считаясь с природой углей и с присутствующими в ней соединениями, нацело разрушить, расчленить, раздробить и превратить его полностью в простейшие газообразные вещества, из которых методами химического синтеза получать нужные углеводороды. Как это делается?

Кто не помнит то время, когда в аулах и селах в послевоенные годы стал входить в обиход в качестве бытового топлива каменный уголь. Топливо это очень плохо горело, пока не научились топить, чтобы усилить горение угля, вызвать большое пламя и жар в пламени, надо было брызгать водой. Удивлению не было конца: вода, которая по установившимся представлениям должна была тушить огонь, почему-то при топке печи каменным углем способствовала горению. С химической точки зрения это объясняется очень просто. Но не будем спешить. Только обратим внимание на то, как непринужденно в ход нашего изложения вошла вода. Поистине, по-видимому, без нее, без воды, и ни туда и ни сюда.

Молекула воды состоит из трех атомов – два атома водорода и один атом кислорода. Эти три атома образуют высокосимметричную (в природе симметрия свидетельствует об устойчивости), прочную структуру, поэтому вода – самое распространенное природное вещество. Много, очень много энергии требуется, чтобы ее, молекулу воды, разложить на составные части – на водород и кислород. Чтобы этого достичь непосредственно, необходимо нагреть воду до нескольких тысяч градусов. Люди научились разлагать воду косвенно, при более легких условиях. Есть немало способов разложения воды таким косвенным путем, та химическая реакция, которая когда-то удивляла сельских

Created by free version of 2PDF
Buketov University

жителей, способствуя горению угля, лежит в основе одного из этих способов. Если раскалить уголь до 900-1000° С (а такая температура в угольных топках легко достигается) и на него брызнуть воду, то вода разложится: углерод угля, отобрав кислород воды, превратится в оксид углерода, называемый в обиходе угарным газом, и освободит водород. Следовательно, при контакте раскаленного угля с водой образуется два газа – оксид углерода и свободный водород, в том свободном водороде находится не только водород воды, но и водород самого угля. Теперь можно понять, почему в сельских печах при добавлении воды лучше горел уголь и быстрей обогревал стенки печи: оксид углерода и водород – два горючих газа, поднимаясь от поверхности угля, сгорали в пространстве над углем, то есть распространяли выше и шире пламя.

Следовательно, речь идет о том, что при нагревании смесей угля с водой из органической, углеводородной составляющей угля и воды, то есть из твердого и жидкого веществ в обычных условиях, получаются два сравнительно простых газообразных продукта – оксид углерода и водород. Эту смесь в химической технологии называют синтез-газом, потому что, если этот синтез-газ пропустить при определенной температуре и определенном давлении над катализатором, то из него образуются, синтезируются углеводороды, которые можно подвергнуть дальнейшей переработке с целью придания им необходимых свойств. Этот процесс был предложен через десять лет, после патентования Бергиусом способа гидрогенизации углей, и по имени авторов называется способом Фишера-Тропша. В пору расцвета производства синтетических углеводородов половина или чуть более половины заводов работали по этому способу. В настоящее время существует большой завод в ЮАР, производящий синтетическое жидкое топливо по методу Фишера-Тропша.

Таким образом, существуют два пути получения нефтепродуктов из углей: путь непосредственной гидрогенизации углей и путь синтеза углеводородов через синтез-газ, полученный разложением воды на угле. Над дальнейшим совершенствованием этих методов и осуществлением их в ближайшее время в современных масштабах ведутся интенсивные работы во всех развитых странах мира.

Какой из этих методов предпочтителен? Трудно сказать. В последнее время появляются соображения о некоторой предпочтительности метода гидрогенизации. Однако категоричных утверждений по этому поводу не имеется, да и вряд ли они будут.

Дело в том, что угли как природные углеводороды образуют, как правило, молекулярные структуры кольчатого, замкнутого характера. При гидрогенизации исходные крупные молекулярные агрегаты, хотя и сильно дробятся, расщепляются, но в какой-то мере стремятся сокра-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тить образ и подобие. Ввиду этого, синтетическая нефть, получающаяся при гидрогенизации, имеет в своем составе большую долю так называемых ароматических углеводородов, придающих, например, бензину особые антидетонационные свойства и к тому же имеющих важное значение при выделении их в качестве индивидуальных веществ. И сама по себе синтетическая нефть имеет такой благодатный состав, что из него можно отбирать самые разнообразные углеводородные соединения для дальнейшей обработки и использования.

При синтезе углеводородов по методу Фишера-Тропша, получаются углеводороды несравненно более узкого состава, да кроме того, наиболее простого цепочечного, незамкнутого строения. Для производства из этих углеводородов качественного бензина надо их частично ароматизировать, то есть цепочки замкнуть в кольца. А это нелегкий процесс. Правда, метод Фишера-Тропша хорош тем, что синтез можно вести более направленно, подбирая условия и катализаторы. Можно полагать, что в будущем оба этих метода получения синтетических жидких продуктов из углей будут дополнять друг друга, возможно, с некоторым преобладанием производства синтетической нефти: уж слишком много построено и работает нефтеперерабатывающих заводов, закрыть которые было бы слишком накладно.

* * *

«Получаемый таким путем водород может послужить для замены природного газа, как восстановителя в металлургии в процессе прямого восстановления металла. Он может вытеснить водород, получаемый путем конверсии природного газа для синтеза аммиака. Наконец, водород явится эффективным топливом для автономного транспорта, решающим вопросы защиты окружающей среды, так как продуктом сгорания водорода явится обычная вода.

...Получение дешевого водорода — одна из важнейших перспектив ядерной энергетики».

Академик А. П. Александров.

Теперь, когда мы привели некоторые сведения из истории промышленного производства и использования нефти, рассказали о двух нефтяных кризисах, связанных с хищнической добычей капиталистическим миром этого наиболее совершенного с точки зрения потребления природного горючего, попытались изложить химические основы проблемы вовлечения углей в производство из них нефтяных продуктов, в связи с катастрофическим уменьшением мировых запасов нефти,

Created by free version of 2PDF

Buketov University

может быть, как раз настала пора немного порассудить о том, как природа аккумулирует энергию на природных энергоносителях и как человек подбирает, выделяет и использует или мог бы подбирать, выделять и использовать наиболее удобные для него энергоносители.

Когда герой древнегреческой мифологии Прометей решил защитить людей от произвола богов, он похитил у богов огонь и передал его людям. За это, как известно, разгневанный Зевс приковал Прометея к скале и в течение нескольких сотен или даже тысяч лет насылал на героя ежедневно орла, который ему методично расклевывал печень, но печень отрастала снова, и Прометей в страшных мучениях продолжал оставаться живым, пока другой герой мифа, Геракл, не освободил его. Как видно, ни одному герою добро, сделанное человеку, не доставалось даром. И думается, что у Прометея так легко отрастала расклеванная печень, и он, перенеся страшные мучения, мог дождаться своего освобождения лишь потому, что этот мифический герой оттуда, с высоты своей скалы, видел, какое великое благодеяние он совершил: вручить в руки человека огонь — это был единственный верный способ наделить его могуществом, присущим лишь богам, это был единственно верный способ поставить человека вровень с жителями Неба и Олимпа. Так ярко и с такой высшей эмоциональностью оценивалось в художественном воображении людей древнего мира выдающееся событие в истории появления цивилизации, которое «...впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человечество от животного царства»[1].

Человек для того, чтобы приготовить пищу, дать тепло своему жилищу, вначале использовал то, что было под руками и легко добывалось: растительное топливо. Такой вид топлива от всех других видов топлива отличается тем, что оно, благодаря процессам на Земле, вырастает снова, поэтому говорят, что растительное топливо есть возобновляемое топливо. Последнее преобладало в хозяйственной деятельности человека вплоть до середины прошлого века, пока люди не стали постепенно переходить на уголь и нефть, а еще позднее – на газ. Впрочем, такой переход наметился вовремя: было приостановлено начавшееся страшное опустошение на Земле – вырубка лесных массивов на громадных территориях, прилегающих к местам, где развивались энергоемкие виды промышленного производства. Природа не в силах быстро возобновить запасы ископаемого горючего, и поэтому уголь, нефть и газ относятся к невозобновляемым видам топлива.

[1] Маркс К., Энгельс Ф., соч. 2 изд., т. 20, стр 117.

Created by free version of 2PDF

История цивилизации есть, по существу, история стремительного роста энерговооруженности человека, есть история удовлетворения бесконечно прогрессирующей жажды ко всем видам энергии, измеряемым в калориях, килограммометрах, лошадиных силах, киловатт-часах и т.д. И это ему до сих пор удается и будет удаваться и впредь. Откуда же он берет эту энергию? Он берет ее от природы. Когда человек сжигает растения, уголь, нефть, газы и использует при этом тепло от сгорания или непосредственно, как таковое, или превратив его в механический, электрический и другие виды энергии, во всех этих случаях он использует дар природы – энергию, собранную, аккумулированную, сосредоточенную в растениях, угле, нефти, газе. Человек издавна использовал силу ветра, падающей воды, приливов и отливов, лучевую энергию солнца, в несравненно громадных масштабах он использует эти виды энергии теперь – это тоже дары природы. Начался атомный век – человек использует атомную энергию. Это – тоже дар природы. Получается, что человек, кичась своими способностями и умением использовать дары природы, горделиво называя это победой над силами природы, плохо сознавал, что он попросту оставался иждивенцем природы и иждивенцем, к сожалению, не совсем благодарным. Последнее, как известно, проявляется в катастрофически растущей засоренности земного шара и угрожающем нарушении природных равновесий. Ввиду этого, ныне перед человечеством во весь рост стали экологические проблемы, то есть, проблемы восстановления природного равновесия и природной гармонии, которыми определяется благополучие и самого человека как неотъемлемой части этого равновесия и этой гармонии, и они, эти проблемы, были бы решены с большим эффектом, если бы большую часть мира не захлестывала трудно поддающаяся пока обузданию капиталистическая стихия. При сложившихся обстоятельствах прогрессивное человечество обязано с еще большими усилиями думать и работать над этими проблемами.

Следовательно, когда речь идет о том или ином источнике энергии, то наряду с удобствами использования этого источника всегда необходимо думать об экологических проблемах, которые рождаются в связи со снятием энергии с этого источника. Взять хотя бы энергию воды, которая преобразуется в электрическую в многочисленных больших и малых гидроэлектростанциях. В общем энергетическом балансе мира гидроэнергетические ресурсы, по-видимому, имеют мало перспектив для роста, потому что, по крайней мере, для капиталистических стран эти ресурсы считаются почти исчерпанными и не превышают доли 7-8%. И тем не менее, и этот источник энергии создает свои

Created by free version of 2PDF
Buketov University

экологические проблемы: оказалось, что появление непредусмотренных природой громадных искусственных водоемов, изменение русел, условий течения рек приводят к исчезновению устоявшихся, исходных условий для флоры и фауны и обусловливают нежелательные явления, серьезно нарушающие природное равновесие. Сила ветра, энергия приливов и отливов, солнечная энергия – эти источники еще не заняли серьезного места в общем энергетическом балансе мира, и энергетики пока думают более о возможностях их использования, чем об экологических последствиях. Предполагается, что атомная энергия в конце этого века займет долю где-то в пределах 11-12% в общем производстве энергии капиталистических стран. Известно, что и атомная энергия родила проблему безопасного обращения с радиоактивными отходами, их использования и захоронения

Из приведенного видно, что в ближайшем будущем энергия угля и нефти останется главным источником энергоснабжения человечества, и поэтому создание удобных для использования энергоносителей на основе этих источников остается одной из главнейших проблем в мировой энергетике.

Почему, например, мир очень встревожен уменьшением запасов и ее подорожанием, так встревожен, что приступил к производству нефти из угля? Да потому, что нефть и нефтепродукты чрезвычайно удобные энергоносители. Попробуйте, например, использовать энергию воды и ветра в самолетах, автомобилях и других транспортных средствах! Не используете. Да и сам уголь и древесина, когда их пробовали использовать вместо нефтепродуктов, доставлял столько хлопот, что тут же отказывались. Между тем, на керосине, бензине и других нефтепродуктах созданы миллионы двигателей самых разнообразных мощностей, дающей энергетические импульсы бесчисленному количеству машин на Земле, на воде и в воде, высотах атмосферы и работающих в самых немыслимых условиях.

С этой точки зрения с жидким топливом может в какой-то степени конкурировать разве лишь газообразное топливо. И здесь невольно вспоминается Д.И. Менделеев. Ведь он, как мы уже говорили, впервые заметил, как легко облегчить перемещение больших масс нефти по Земле с помощью нефтепроводов и по воде с помощью нефтеналивных судов. Еще большие выгоды видел Д.И. Менделеев, когда впервые в истории теплоэнергетики предложил не вытаскивать уголь на поверхность земли, а подвергать его так называемой подземной газификации с тем, чтобы далее сжигать для получения тепла и энергии газы, получающиеся от такой специальной подземной обработки пластов угля.

Created by free version of 2PDF
Bukovinian University

Смысл этой обработки сводится к следующему. Если сжигать уголь при недостатке воздуха, то углерод угля будет сгорать до оксида углерода, т.е. угарного газа, водород будет выделяться в свободном состоянии, то есть образуются те два газа, о которых мы уже говорили при описании получения жидких углеводородов из угля по методу Фишера-Тропша. Следовательно, газификация сводится, собственно, к получению вместо угля или, вернее, из угля этих двух горючих газов – угарного газа (оксида углерода) и водорода. Здесь нужно дать некоторые разъяснения, ибо можно предвидеть вопрос: как это так уголь сгорел, превратился в газ и в то же время остался горючим? В том-то и дело, что он горел, но не сгорел, а лишь превратился в газ, в котором сохранилась большая, подавляюще большая часть теплотворной способности угля, поскольку водород выделился в свободном соединении, а углерод стал оксидом углерода, т.е. недогоревшим углеродом. Каждый атом последнего, при полном горении, присоединяет к себе два атома кислорода и при этом образуется известный своей безобидностью, инертностью углекислый газ, применяемый в обиходе, например, для получения шипучек. Но когда уголь не догорит, то есть каждый атом углерода присоединит к себе только один кислород, образуя тот самый оксид углерода, о котором идет речь, то и получается соединение углерода с кислородом, молекула которого жаждет присоединить еще один кислород. В те времена, когда в жилищах преобладало печное отопление, эта жажда угарного газа к кислороду причиняла немало трагических бедствий, стоило чуть раньше закрыть заглушку печи, как недогоревшие остатки топлива из-за недостатка воздуха (кислорода) образовывали угарный газ, и целые семьи, надышавшись последним, погибали из-за кислородного голодания, ибо угарный газ присоединял к себе кислород из крови, лишая последнюю ее главной функции – разносить кислород по организму.

Атом углерода, последовательно и раздельно присоединяя к себе два атома кислорода, проявляет одну выгодную особенность. При присоединении первого атома, то есть при образовании оксида углерода, выделяется лишь чуть больше четверти тепла, остальные три четверти выделяются при присоединении второго атома. Следовательно, есть прямая выгода затратить тепло, выделяющееся при образовании оксида углерода, на полную газификацию угля. При этом ненужная, негорючая, зольная часть углей остается под землей, на поверхность выходит топливный газ, очень удобный в обращении. Не надо полагать, что при газификации получается только два названных горючих газа, следует учесть и то, что из нагретой массы угля выделяются летучие легкие

Created by free version of 2PDF
Buketov University

углеводороды (этот процесс называется пиролизом), которые увеличивают теплотворную способность газов. Однако при газификации углей трудно получить газы с высокой теплотворной способностью, ибо в газах неизбежен балласт азота, поскольку воздух содержит 77% последнего. И все же использовать теплотворную способность угля через газ очень удобно и выгодно, ибо он, газ, сгорая легко и быстро, способен развивать очень высокий энергетический потенциал. В настоящее время подземные станции, вырабатывающие топливный газ из угля, есть в СССР, Польше, Румынии, а также во многих капиталистических странах. И здесь хотелось бы обратить внимание на следующее. Топливные газы, о которых шла речь и которые получаются при неполном сжигании углей под землей, – это не те природные газы, к которым мы теперь привыкли в нашем обиходе. Природные газы имеют собственные месторождения, но большей частью являются спутниками нефти и угля. Если в газах подземной газификации углей основными горючими составляющими являются оксид углерода и водород, то эти составляющие для природных газов совершенно нехарактерны. Природные газы – это легкие углеводороды, до предела насыщенные водородом, и в этом смысле они примыкают к нефти, и поэтому выше мы не вели специального разговора об этих газах, относя их к природным углеводородам нефтяного характера. Природные газы обладают среди углеводородов высшей теплотворной способностью и очень удобны для сжигания с целью получения тепла. Однако обольщение этими удобствами обходится, по-видимому, для человечества дорого, ибо природные газы являются одними из самых лучших видов сырья для промышленности органического синтеза. В силу этого к газам в еще большей мере, чем к нефти, относится приведенная выше предупреждающе-укоризненная фраза Д.И. Менделеева: «Можно топить и ассигнациями!».

И все же истиной остается одно: жидкие и газообразные виды топлива очень удобны в использовании. Но эти виды топлива, как можно судить из изложенного, производятся на основе природного органического горючего угля и нефти. Природные углеводороды отдают тепло, сгорая, то есть присоединяя кислород. Это означает, что в конце концов углерод превращается в обычный углекислый газ (диоксид углерода), а водород – в обычную воду. Но мы хорошо знаем по среднешкольной программе биологии, что углекислый газ и вода, будучи продуктами жизнедеятельности живых организмов, снова усваиваются живыми организмами, на это тратится энергия, которая была выделена при окислении углерода и водорода до углекислого газа и воды, но

Created by free version of 2PDF
Buketov University

теперь уже эта энергия берется растениями и другими живыми организмами непосредственно от солнца. И, благодаря энергии солнца, углерод, водород и кислород, то есть элементы, которые и составляют углекислый газ и воду, образуют сложнейшие соединения, участвующие в образовании клеток живых организмов (это и называется фотосинтезом), а если эти живые организмы попадают в обстановку, где отсутствует доступ кислорода, то ткани их, разлагаясь, лишаясь кислорода (выжимающегося с водой), расходующегося на окисление металлов в земной коре, что и произошло, когда, например, образовались месторождения угля и нефти.

Из изложенного можно заключить, что человек, извлекая все больше энергии, аккумулированной в природных углеводородах, вмешивается в круговорот углерода на Земле, вмешивается, прямо скажем, без должной деликатности, заметно нарушая установившееся в этом круговороте равновесие. На самом деле человек безудержно окисляет, сжигает запас, углерода, превращая его в углекислый газ, а растительный мир, который должен усваивать этот углекислый газ с тем, чтобы вернуть природе углерод в виде углеводородов, с неменьшей безудержностью уничтожает, вырубая леса, строя города, одевая плодоносный грунт в асфальт и бетон. Это означает, что содержание углекислого газа в атмосфере должно постепенно расти. По некоторым оценкам, это содержание, например в 2000 году, возрастет на 25%. В связи с этим климатологи опасаются существенных изменений в климате. Дело в том, что двуокись углерода способна вызывать так называемый «парниковый эффект»: через углекислый газ легко проходят солнечные лучи, а инфракрасные, идущие обратно от поверхности земли, в нем задерживаются. Следовательно, с повышением содержания углекислого газа можно ожидать повышения температуры на земле со многими нежелательными последствиями. Хотя ученые расходятся в отношении способности Земли к саморегулированию в связи с увеличением доли углекислого газа в воздухе, то есть в отношении того, насколько природа сама могла бы помочь в какой-то степени отдалить эти нежелательные последствия, однако все же лучше было бы не испытывать природу, а по возможности меньше выпускать диоксид углерода в атмосферу.

По-видимому, последнего можно достигнуть, если просто перестать сжигать природные углеводороды для производства энергии. Вообще говоря, это время, может, и недалеко, если вдуматься, какими колоссальными энергоресурсами будет оперировать человек, когда вполне овладеет энергией ядерных и термоядерных превращений. Это

Created by free version of 2PDF
Buketov University

позволит обращаться с природными углеводородами (углем, в частности, нефти, по-видимому, тогда останется очень мало) только как с химическим сырьем, и ни в коем случае, как топливом. Но тогда человечество должно будет найти такой энергоноситель, который бы обладал всеми свойствами жидких и газообразных углеводородов, кроме свойства выбрасывать в атмосферу углекислый газ. Такой энергоноситель удобен не только тем, что газообразен и может быть при необходимости в определенных условиях переведен в жидкое состояние, но и тем, что выделяет на единицу веса намного больше энергии, чем жидкие или даже газообразные углеводороды, сгорает же он до обычной безобидной воды. Водород, как мы уже теперь знаем, будучи в составе углеводородов, является постоянным участником в генерации тепла при сжигании последних. Теперь же он должен как энергоноситель выступать самостоятельно. Переход автомобилей и других транспортных машин на водородные двигатели обсуждается давно, и есть практические данные, свидетельствующие о том, что это технически несложно. Массовое потребление водорода для этих целей сдерживается пока, по-видимому, сравнительно высокой стоимостью этого газа. Последние ступени ракеты «Сатурн-5», доставившие на Луну американских космонавтов, работали на жидком водороде. Есть все основания говорить о том, что в будущем водород станет самым привычным энергоносителем, применяемым для тех же разнообразных целей, что и нынешние жидкие углеводороды. Но это осуществится не сегодня и, наверное, не в ближайшие десятки лет. Если же говорить о сегодняшнем дне и ближайших завтрашних днях, то роль водорода, как можно было частично судить из данных, приведенных выше, остается очень важной, и его надо производить все больше и больше. И, к сожалению, теперь и в ближайшем будущем технология производства водорода не сможет обойтись без того, чтобы не окислять тот же углерод опять-таки до того же углекислого газа. Но попытаемся рассказать обо всем этом по возможности последовательно.

В мире, по-видимому, ныне производится где-то 18-20 млн. тонн водорода. Это для водорода – громадное количество. Ведь надо учесть и то обстоятельство, что один грамм газообразного водорода выступает за 16 граммов кислорода, за 14 граммов азота, занимая с ними равные объемы. Вот почему он, как было отмечено выше, выделяет при сгорании и намного больше энергии, чем другие энергоносители. И если приведенную выше цифру выразить в объемных единицах, принятых в технике и производстве для измерения газообразных веществ, например, в кубометрах, то она выразится числом с 11 нулями.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Водород ныне применяется в самых разнообразных отраслях промышленного производства, и потребность в нем неуклонно растет. Но есть две главные отрасли, берущие на себя львиную долю производимого водорода, – это получение аммиака и облагораживание нефтепродуктов.

Аммиак, раствор которого в воде известен в обиходе под названием нашатырного спирта, есть соединение азота с водородом с атомным соотношением один к трем. Синтезируется аммиак прямым присоединением в определенных условиях свободного водорода к азоту, полученному из воздуха. Аммиак – сырье для сельскохозяйственных удобрений, его производится много, и, по-видимому, более трети полученного водорода расходуется на синтез аммиака. Столько же, если не более, расходуется на облагораживание нефтепродуктов. Последнее станет понятным, если вспомнить, что при разгонке нефти лишь небольшая часть переходит в пар и конденсируется в виде бензина и керосина. Большая часть остается в высококипящем остатке – мазуте. Надо насытить водородом, гидрогенизовать, облагородить эту высококипящую часть, тогда можно ее почти нацело превратить в керосин, бензин и другие благородные легкокипящие продукты. Процесс этот, как видим, сродни процессу сжижения углей по Бергиусу. В настоящее время большая часть нефти подвергается вот такому облагораживанию, и есть стремление осуществлять его возможно полнее. Таким образом, нефтеперерабатывающая промышленность будет нуждаться во все большем количестве водорода. Полагают, что потребность в водороде резко возрастет в ближайшем будущем, когда появится описанная выше крупная отрасль промышленности – получение жидких и газообразных углеводородов из твердого топлива. Возможно, что в следующем веке только на это дело будет расходоваться в пять-восемь раз больше водорода, чем ныне производится. А вообще за пределами нашего века производство водорода, по некоторым прогнозам, увеличится, вероятно, в сто раз.

Следовательно, роль водорода велика, и он незаменим в энергетике в настоящее время, поскольку без него невозможно достаточно полно использовать нефть. Роль водорода велика, и он незаменим в ближайшем будущем, поскольку без него немыслимо получение нефтепродуктов из твердого топлива. И еще более велика его роль и он незаменим в дальнейшей перспективе, когда водород станет выступать не только как полупродукт для производства синтетических углеводородов, но и как самостоятельный энергоноситель, вполне заменяющий жидкие и газообразные углеводороды в их нынешних разнообразных

Created by free version of 2PDF
Buketov University

отраслях применения, в то же время и находящий новые отрасли целесообразной отдачи энергии в пользу человека. И поэтому стоит поговорить о том, как получают водород в настоящее время, как будут получать в ближайшем будущем и как мыслится его получение в чуть дальнейшей перспективе.

Когда промышленность стала требовать большого количества водорода, то обратили внимание, что самым дешевым и легкодоступным его источником являются углеводороды, в особенности легкие углеводороды-газы. И стали получать его разложением природных углеводородов – при нагревании в парах воды и в паро-кислородной смеси, в присутствии катализаторов, углеводороды и вода расщеплялись таким образом, что углерод и кислород из них образовывали оксид углерода, освобождая водород. Дальнейшая обработка получившейся смеси оксида углерода и водорода также в парах воды при катализаторах, но при температурах пониже, чем в предыдущем случае, приводит к образованию углекислого газа и увеличению доли водорода за счет разложения воды. Такой метод производства водорода получил повсеместное распространение и получил название конверсии газов. Основная масса водорода получается ныне именно по этому методу.

Если вдуматься в суть такого способа получения водорода, исходя из современной ситуации тревожного сокращения запасов, выгодно добываемых природных углеводородов, то она, эта суть, сразу же вызовет недоумения. Как же так, по методу Фишера-Тропша человечество уже получает и будет получать в массовом количестве углеводороды, превращая вначале уголь и воду в смесь водорода и оксида углерода, а здесь делается нечто совершенно обратное, разлагаются с помощью воды те же углеводороды, искусственное восполнение убыли которого является теперь глобальной задачей! Когда речь идет не о тех отдельных, вполне допустимых случаях, когда по исключительным условиям места и времени для получения водорода используются природные газы, скажем, в качестве побочного сырья, или газовые отходы переработки угля (например, коксование), а о массовом производстве водорода из природных углеводородов, это кажется противно разуму, однако это делалось и делается, но долго продолжаться, естественно, не может. Человечество уже переходит к производству тех больших количеств водорода, о которых шла речь выше, из другого более надежного источника. Этим более надежным, вернее даже самым надежным и, мало того, единственным источником, из которого можно добыть водород в любых количествах без опасения исчерпать запасы, является вода. Вода в энергетике играла всегда выдающуюся роль, но

Created by free version of 2PDF
Belarusian University

теперь, как источник водорода, она будет играть еще большую роль, от того-то выше в нашем изложении было замечено как в наше повествование незаметно вкралась вездесущая вода.

Было бы лучше всего, если бы можно было разлагать воду напрямик на составляющие её газы кислород и водород, с тем, чтобы оба этих нужных для промышленности газа использовать по назначению. Такие способы существуют, но они пока дороги, требуют больших расходов энергии и материалов. Над удешевлением этих процессов трудятся ученые, и они надеются, что в недалеком будущем они будут существенно удешевлены и приведены в состояние, удобное для промышленного использования. Пока же промышленности суждено добывать водород, разлагая воду на горячем угле, чтобы углерод угля горел и забирал кислород на себя и тем облегчал освобождение водорода, о чем уже мы говорили. Причем в дополнение к этому основному своему назначению уголь будет служить и источником некоторого добавочного количества водорода (ведь он тоже, хоть тощий, малонасыщенный по водороду, но все же углеводород) и, главное, тепла, потому что процесс разложения воды идет с поглощением тепла и, чтобы поддерживать уголь в раскаленном состоянии, необходимо, чтобы часть угля горела; поэтому на раскаленный уголь наряду с паром дается и определенное (не выше необходимого!) количество кислорода, то есть по существу на уголь подается парокислородная смесь. В принципе это тот же процесс, который осуществляется при получении синтез-газа по методу Фишера-Тропша. А далее, как и в случае конверсии газов, надо перевести оксид углерода в углекислый газ. Из смеси водорода и углекислого газа последний удается сравнительно легко.

Газификация углей с целью получения водорода – процесс давно известный и нашедший промышленное осуществление, интерес к нему был на некоторое время утрачен ввиду увлечения конверсией газов. В дальнейшем же газификация углей будет применяться все в больших и больших масштабах в аппаратах с громадной производительностью. По одному из вариантов, например, тонкоизмельченный уголь вдувается парокислородной смесью в громадную теплоизолированную жароупорным кирпичом шахту, где происходит газификация угля и одновременно удаляется зола через низ реактора; главный реактор связан с системой трубопроводов с другими подобными емкостями, где протекает вторая стадия окисления углерода, отделение углекислого газа от водорода, очистка от примесей и т.д. По другому варианту процесс газификации осуществляется в так называемом кипящем слое, когда парокислородная смесь вдувается снизу реактора в слой измельченного

Created by free version of 2PDF

угля, и этот слой, благодаря дутью, держится как бы на весу, имитируя кипение жидкости. Основной реактор (газогенератор), с которого начинается процесс (если не считать началом подготовку сырья), имеет разнообразную конструкцию, причем есть реакторы, работающие под давлением, что сильно увеличивает производительность их, и строится на производительность от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч кубометров газа в час.

Парокислородная газификация углей тщательно изучается и неуклонно совершенствуется. Но есть в этом процессе один неизбежный недостаток – примерно треть угля идет на простое сжигание с целью поддержания при газификации необходимой высокой температуры. Это не только приводит к высокому расходу угля, но и к уменьшению доли водорода в получающихся газах при увеличении балласта углекислого газа. В связи с этим ныне проводятся интенсивные исследования тепла атомных реакторов для подогревания газифицируемой смеси. Трудность заключается пока в выборе отвечающего всем требованиям технологии высокотемпературного теплоносителя в циркуляционном контуре реактора. По-видимому, все же в ближайшее время эти трудности будут преодолены, тогда процесс газификации углей с целью получения водорода существенно упростится.

* * *

«Повышение стоимости нефти и газа, несомненно, вызовет увеличение роли угля, особенно в районах, где может быть обеспечен транспорт угля или созданных на основе угля видов энергии и энергоносителей..».

Академик А. П. Александров.

Один из наших ученых рассказывал, как был удивлен, когда в послевоенные годы во время пребывания в одном из аулов на западной окраине нынешней Целиноградской области он обнаружил, что каждая семья имеет свой «топливный колодец» – «отын құдық». Специально загнутой и зазубренной на лезвии лопатой из углубления в земле доставали черные крошащиеся комки и забрасывали ими печи, где они тут же легко загорались. Это было тем более удивительно, что разжечь хорошо известные угли Караганды и Экибастуза в домашних печах-голландках считалось делом хлопотным и нелегким.

Речь шла, конечно, о буром угле, о том сорте углей, месторождения которых очень распространены в Центральном Казахстане. До сих пор в нашей стране бурые угли не занимали заметно большого места в

Buketov University
Created by free version of 2PDF

общем балансе добычи и использования углей. Теперь, по-видимому, значение их резко повысится, в особенности в связи с проблемами получения из углей жидких углеводородов. И о них, о бурых углях, стоит поговорить.

Бурые угли считаются более молодыми, менее, как выражаются в геологической науке, метаморфизованными, чем каменные угли. Они, бурые угли, в меньшей степени подверглись действию времени и не совсем потеряли своих генетических растительных признаков, выражающихся в том, что в них содержится больше, чем в каменном угле, летучих углеводородов, а также кислорода, азота и воды. Бурые угли занимают как бы переходное место от торфа к каменным углям. Именно присутствием летучих углеводородов объясняется легкая воспламеняемость бурого угля, позволяющая его просто, без хлопот сжигать в сельских домашних печах. Но именно эти-то свойства облегчают и химическую переработку их: бурые угли переходят в жидкое состояние в менее жестких условиях, чем каменные угли.

Производство углеводородов из угля пока еще требует существенного удешевления. Значительное влияние, как показывают технико-экономические расчеты, на себестоимость синтетического жидкого топлива оказывают затраты на исходное сырье. И в этом отношении обращается внимание на те месторождения бурых углей, которые имеют большие запасы и легко добываются. И именно поэтому в выполнении одного из основных направлений развития народного хозяйства страны в XI пятилетке и на период до 1990 года – обеспечить необходимый уровень электроснабжения и топливоснабжения страны – отводится ключевое место развитию Канско-Ачинского угольного бассейна.

Канско-Ачинское месторождение углей – это нечто уникальное и удивительное среди мировых скоплений угля. На протяжении семиста километров вдоль Сибирской железной дороги тянется этот бассейн, начинаясь в Кемеровской области, захватив весь юг Красноярского края и заканчиваясь в Иркутской области. Ширина бассейна колеблется в пределах от пятидесяти до двухсот пятидесяти километров. На этой площади в пластах огромной толщины покоится 600 миллиардов тонн угля, это больше, чем в каком-либо другом месторождении нашей Родины. Запасов одного этого месторождения хватило бы стране на много сотен лет. Уголь лежит близко к поверхности, и более одной пятой части его может просто вычерпываться экскаватором после снятия пласта, прикрывающего уголь земных пород. Угли отличаются малой зольностью, но высоким содержанием воды (до 30-40%).

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Проблема использования канско-ачинских углей в народном хозяйстве нашей страны занимает важнейшее место в научно-технических разработках, нацеленных на безотлагательное претворение в жизнь в ближайших пятилетках, и она имеет в виду создание КАТЭК – Канско-Ачинского теплоэнергетического комплекса. Когда КАТЭК заработает в полную мощность (а это время недалеко), он явится примером рационального, научно обоснованного использования природных богатств в стране социализма. При этом имеется в виду, что канско-ачинские угли содержат много воды и имеют сравнительно малую теплотворную способность. Перевозить эти угли в другие районы страны с высокой потребностью в топливе хлопотливо и дорого, не только перевозить ненужную воду, но и трудности: зимой уголь замерзает, а летом слеживается – попробуй опорожнить вагоны. Поэтому единственно правильным способом является превращение этих углей в более благородные виды энергии и энергоносители, перемещение которых в места потребления ляжет менее тяжким бременем на его себестоимость. Первое, что напрашивается – это создание местных крупных электростанций. Хотя строительство и эксплуатация электростанций на угле – дело теперь обычное, однако специалисты, занимающиеся проблемами КАТЭКа, отмечают, что зольная часть канско-ачинских углей имеет такие особенности, которые потом могут неожиданно неблагоприятно сказаться на работе мощнейших котлоагрегатов, подготавливаемых к применению на этих электростанциях. Второе – это облагородить уголь таким образом, чтобы отделить от него полностью воду, летучие компоненты и выдать оставшуюся часть в виде бездымных горючих брикетов с высокой теплотворной способностью, очень удобных для употребления в бытовых целях. А летучие составляющие, смолу и газы также использовать по назначению. Часть смолы может идти, например, для упрочнения брикетов. Этому направлению использования канско-ачинских углей придается очень большое значение, потому что оно непосредственно связано с дальнейшим удовлетворением растущих бытовых потребностей советских людей, в особенности в сельскохозяйственных районах. Для опробования этого способа переработки углей ныне на месторождении строится опытная установка производительностью 175 тонн угля в час. Строится и другая установка по несколько иному варианту термической обработки угля производительностью 100 т/час. И, наконец, третья область использования канско-ачинских углей – это получение из них жидких углеводородов. Здесь надо иметь в виду, что бурые угли как бы созданы для сжижения, здесь они почти незаменимы. Предполагается, что

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

на КАТЭК жидкие углеводороды будут получаться как путем непосредственного сжижения углей с помощью водорода с выдачей синтетической нефти, так и путем газификации с последующим синтезом из газов соответствующих углеводородов. В бассейне будет создано крупное производство искусственных жидких углеводородов и, естественно, соответственно крупный передел по получению водорода. И, конечно же, освоение Канско-ачинского угольного бассейна будет предусматривать и максимальные меры по сокращению экологического равновесия в окружающей среде, и это само собой входит как неотъемлемая часть в общую проблему КАТЭКа.

Возникает вопрос: какому из названных трех направлений будет отдаваться предпочтение в развитии КАТЭКа? В том-то и дело, что проблема будет решаться таким образом, чтобы целесообразно сочетать все эти три главных пути использования канско-ачинских углей, исходя из насущных потребностей народного хозяйства, имея в то же время в виду гибкое подключение и многих других подобных ветвей к этим главным путям, тех ветвей, необходимость введения которых будет несомненно диктовать жизнь. Но можно думать, что в будущем, по мере дальнейшего удорожания природной нефти, мощности по производству моторного топлива через искусственные углеводороды из угля станут занимать доминирующее положение, не оттесняя, конечно, и другие нужные направления в использовании канско-ачинских углей. И это будет продолжаться до тех пор, пока углероды не станут вытесняться из моторов другими, более удобными для века атомной и термоядерной энергетики энергоносителями, важнейшим из которых является, в частности, водород, о чем мы уже говорили.

Проблема КАТЭКа – сложная и многоотраслевая научно-техническая проблема, и ею ныне занимаются многочисленные научные учреждения и организации при ведущем участии соответствующих подразделений Академии наук СССР и таких известных ведомственных институтов, как институт горючих ископаемых Министерства угольной промышленности СССР и Энергетический институт им. Г.М. Кржижановского Министерства энергетики и электрификации СССР.

Пример исключительно всестороннего, комплексного подхода к использованию канско-ачинских углей для удовлетворения энергетических и других потребностей народного хозяйства страны, на которые нацеливает нашу науку и промышленность партия, заставляет каждого инженера и научного работника, имеющего отношение к проблемам переработки углей, призадуматься не только с точки зрения ускорения претворения в жизнь наилучших технических решений в КАТЭКе, но и

Created by free version of 2PDF

с точки зрения подобного же подхода к аналогичным проблемам на местах. С этой точки зрения было бы опрометчиво и неразумно не обращать внимание в нашей республике на следующее.

В 1980 году в стране было добыто 716 млн. т. углей, а в Казахской ССР – 115 млн. т., то есть республиканская добыча угля составляла чуть менее одной шестой от всесоюзной. Внушительность этих цифр можно представить, если вспомнить, что по добыче угля наша страна занимает первое место в мире. Уголь в республике добывается во всемирно-известных бассейнах – Карагандинском и Экибастузском. Карагандинские угли коксуются, и львиная доля их направляется на коксование с получением кокса для черной металлургии и некоторых других отраслей промышленности, а также продуктов коксохимии, о которых писалось ранее. Угли этого бассейна – очень ценное технологическое сырье, и считается невыгодным сжигать их в топках печей и котельных. Угли Экибастуза, хотя и отличаются высокой зольностью (до 40%), однако в этом богатейшем бассейне они добываются открытым способом мощнейшими экскаваторами при сравнительно малых затратах. И поэтому, несмотря на невысокую теплотворную способность (из-за высокой зольности), эти угли как энергетическое сырье оцениваются высоко. На этом угле работают, а также строятся и будут работать мощные электростанции Казахстана и Урала. Экибастузский энергетический комплекс является одним из крупных явлений в народнохозяйственном развитии республики и страны.

В республике пока добываются лишь каменные угли. Добыча бурых углей составляет лишь ничтожную долю и идет лишь для местных нужд. Между тем, примерно 40% из известных запасов углей в республике – это бурые угли. Однако эти цифры приводятся не в упрек угледобывающей промышленности республики, ибо поднятие таких гигантов, как Карагандинский и Экибастузский угольные бассейны, на тот высший уровень, на котором они ныне находятся, требовало достойных усилий. Они, эти цифры, приводятся к тому, чтобы сказать, что, по-видимому, наступила пора, когда необходимо вплотную приступить к решению проблем использования богатств, сконцентрированных в ее буро-угольных бассейнах. Между тем, богатства эти действительно уникальны.

В 40 километрах к югу от Экибастуза залегают многомиллиардные запасы бурых углей Майкубенского месторождения. Угли малозольны, в них почти в два раза меньше воды, чем в канско-ачинских углях. Общие запасы углей здесь лишь немногим уступают общим запасам Экибастуза.

Created by free version of 2PDF
Bukeloun University

Западнее от Карагандинского угольного бассейна находится Тургайское месторождение бурых углей. Запасы углей в этом месторождении, хотя и уступают примерно в десять раз запасам Канско-Ачинского бассейна, и, тем не менее, это – громадное месторождение, самое крупное в республике, превосходящее по запасам даже Карагандинское. Угли этого месторождения содержат несколько больше воды, чем угли Майкубенского бассейна, однако ниже, чем канско-ачинские угли.

Запасы бурых углей Казахстана сосредоточены в основном в этих двух месторождениях, подобно тому, как запасы каменных углей сосредоточены также главным образом в двух месторождениях – Карагандинском и Экибастузском. Теперь уже вплотную обсуждаются вопросы использования бурых углей в народном хозяйстве. К сожалению, эти обсуждения пока в основном ограничиваются в пределах использования бурых углей для выработки электроэнергии в мокрых электростанциях, построенных на их базе. Лишь отчасти и робко упоминается возможность их использования для бытовых нужд. Об их углехимической переработке с целью получения, например, искусственных углеводородов хранится молчание.

В этой связи напрашиваются следующие соображения. Расчет на использование бурых углей Майкубенского и Тургайского месторождений в качестве лишь энергетического топлива, подобного экибастузским углям, конечно, путь легкий и испытанный, но и в то же время напрямик приводящий к заведомо неполному использованию экономического потенциала, заключенного в этих углях. Такой расчет обусловлен, по существу, чрезвычайно малой изученностью этих углей и малым вниманием к самой проблеме. В исследованиях республиканских научных учреждений вопросы переработки бурых углей не нашли еще достойного места. Есть только небольшие заделы использования бурых углей для структурирования почв и для повышения их плодородия, что очень важно, например, для целинных районов, однако в других важнейших направлениях никаких научных заделов не имеется. Между тем, думается, что пример подхода к решению проблемы использования канско-ачинских углей должен бы явиться толчком к изучению бурых углей республики с точки зрения их рациональной добычи и переработки. КАТЭК – это будет громадное предприятие, нацеленное на комплексное освоение одного из уникальнейших месторождений бурых углей страны, но вся страна вряд ли будет обеспечена продукцией одного КАТЭКа, если не будет, пусть несравненно меньшего по масштабам, но подобного же вклада в общее дело с мест.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Рациональное, комплексное использование бурых углей не исключает, а включает использование определенной части их в качестве энергетического топлива. Однако для этой цели выгодно использовать высокозольные угли, плохо поддающиеся облагораживанию. Большая же часть бурых углей, в особенности малозольные сорта, должна явиться сырьем для качественных видов топливной продукции. Словом, было бы очень неразумно использовать, например, майкубенские угли, расположенные рядом с экибастузскими, на те же цели, что и последние. Дело в том, что бурые угли майкубенского месторождения, имея невысокую зольность и большую податливость к химическим превращениям, легко облагораживаются, между тем, как экибастузские угли, ввиду их высокой зольности и очень плохой обогащаемости только тем и ценны, что их можно выгодно сжигать в топках электростанций. Из этого следует, что проблему использования бурых углей надо решать вовсе не по образу и подобно использованию каменных углей Экибастуза. В первую очередь, например, надо подумать о термической обработке части углей, которая предполагается в КАТЭКе и по которому уже будет опыт. Целинные районы республики и города очень нуждаются в удобном для употребления бытовом топливе. Таким топливом являются брикеты – продукты, изготавливаемые из угля после взгонки их летучей части.

Определенную долю бурых углей можно, по-видимому, газифицировать. Уже существуют, например, предложения по подземной газификации отдельных участков углей Тургайского бассейна. Но и, пожалуй, не менее выгодным во многих случаях окажется парокислородная газификация не только с целью получения водорода или синтез-газа, но и с целью производства топливных газов, заменяющих в качестве энергетического и бытового топлива ныне используемые природные газы, к этим же газам могут быть присоединены и газы, образующиеся при термической переработке углей с целью получения, например, угольных брикетов. Нет необходимости исключать и возможность обработки углей в слабокислительных условиях применения их с целью увеличения плодородия почв, об этом упоминалось выше. И, конечно, надо думать об использовании бурых углей республики для получения искусственных жидких углеводородов. У нас в стране есть крупные запасы нефти, да и республика наша в последнее время внесла заметный вклад в увеличение этих запасов. По подсчетам, нефти у нас достаточно для того, чтобы не было ненужной спешки в решении этой проблемы. Однако особое внимание партии к КАТЭКу свидетельствует о том, что в организации производства синтетического жидкого топ-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лива не нужно ни от кого отставать. И в этом отношении бурые угли Казахстана являются благодатным сырьем. Большая часть их залегает близко к поверхности и может быть добыта дешевым открытым способом. Следовательно, затраты на добычу не явятся большим бременем в стоимости жидких продуктов, произведенных из них. Предварительные опыты показывают, что угли эти сравнительно легко поддаются сжижению известными способами. Естественно, что для окончательного установления условий подобной переработки тургайских и майкубенских бурых углей необходимо тщательное и всестороннее их изучение.

История расцвета промышленности и в целом народного хозяйства в республике показывает высокую плодотворность исследований на месте, не только разумно дополняющих наметки головных ведущих научных организаций страны, но и зачастую рождающих оригинальные решения с учетом местных условий. Яркой демонстрацией того, насколько может быть эффективен вклад республиканских научных и проектных учреждений в решение научно-технических и народнохозяйственных проблем, является освоение неорганических минеральных ресурсов республики, в особенности металлургического сырья. Здесь институт Академии наук Казахской ССР и ряд отраслевых научных учреждений дал многие оригинальные решения, способствовавшие достижению выдающихся успехов, которыми теперь гордится страна. По-видимому, ныне, используя этот опыт, следует широко развернуть исследования по комплексному использованию бурых углей республики. Эти исследования следует сосредоточить в основном в Караганде, где в связи с предстоящим открытием Отделения республиканской Академии должны быть созданы условия для эффективного использования научно-технических, экспериментальных возможностей объединения «Караганда-уголь» и расположенных здесь крупных учебных и научно-исследовательских институтов. При интенсивном проведении этих исследований следовало бы учесть следующие два обстоятельства. Первое – в Карагандинском бассейне есть Верхнесокурское месторождение бурых углей; опробование этих углей показало хорошую их способность к ожижению и ко всем тем превращениям, которыми выгодно отличаются бурые угли от каменных. Запасы этих углей, подготовленные к добыче, таковы, что на базе их можно бы построить солидное опытное предприятие, которое могло бы выдавать товарную продукцию, в то же время отрабатывать и уточнять проектные данные для будущих углехимических комбинатов в Тургайском и Майкубенском бассейнах. Второе – Майкубенское месторождение находится

Created by free version of PDF

рядом с Экибастузским, вплотную примыкая к нему. Это, надо думать, должно сказаться очень благотворно на будущем использовании очень ценных бурых углей бассейна не только потому, что эксплуатация его начнется на подготовленной энергетической базе, но и потому, что рядом находится крупное ферросплавное производство. Эту мысль надо пояснить. Практика развития промышленной технологии показывает, насколько выгодными и неразделенными оказываются, казалось бы, далекие друг от друга производства. Разительным примером этого является, например, соединение черной металлургии с коксохимией. С этой точки зрения электродуговые печи, в которых выплавляются ферросплавы, могут выделять водород из воды и, следовательно, стать компонентом, способствующим ожижению углей, В то же время ферросплавные печи – это лучшие генераторы оксида углерода – ценнейшего сырья для органического синтеза.

Словом, соединяя такие простые и обыденные виды природного сырья, как уголь и вода, можно за счет их взаимодействия надежно получать самые выгодные и удобные виды энергоносителей, а также разнообразные исходные продукты для синтеза в химической промышленности. Но для этого необходимо целеустремленно работать, используя самые последние достижения науки и техники.

ПУШКИН И МАЯКОВСКИЙ

Маяковский любил шутку. Он шутил о самых серьезных вещах; шутил, не искажая значимости, весомости, глубины высказываемого. Наоборот, только читая Маяковского можно понять, как мысль, воспринятая с улыбкой, близка и проникновенна, как она легко становится достоянием памяти. Обращаясь к Пушкину, Маяковский говорил: "После смерти нам стоять почти что рядом: вы на пэ, а я на эм". Маяковский хорошо знал свое предназначение, так же, как знали об этом многие выдающиеся люди в истории народов. Мы помним, как Пушкин величаво и просто сказал о себе: "И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит", а Лермонтов гордо заявлял: "Нет, я не Байрон, я другой". И думается, что Маяковский, ставя себя "почти что рядом" с народным гением, достойно пророчествовал о своем месте в русской поэзии, хотя великий поэт по-маяковски нарочито сбил высокую патетику своего признания смешным и запоминающимся дополнением: "...вы на пэ, а я на эм".

Created by free version of 2PDF
Buketov University

На самом деле, велика и могуча русская поэзия; она внесла неоценимый и неповторимый вклад в мировую сокровищницу духовных богатств, много в ней выдающихся имен, достойно представляющих поэтическую культуру великого народа, и среди этих имен ныне первыми называются имена Пушкина и Маяковского, ибо с Пушкина начинается вся современная русская поэзия, а Маяковский первый на языке поэзии заговорил вровень с эпохой, созданной Великой Октябрьской революцией.

При жизни Маяковского, да и долгое время после его смерти, было принято противопоставлять Пушкина Маяковскому. Сделать это было сравнительно легко, ибо у Пушкина сплошь: "...уста волшебные шептали мне звуки сладкие мои", "... мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв", "Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон", а у Маяковского не менее часто: "Мир огромлив мощью голоса", "...поэт вылизывал чахоткины плевки", "ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный". И это противопоставление велось по той линии, чтобы "показать", что истинным поэтом является только Пушкин, а что касается Маяковского, то будто в его стихотворениях поэзия и не кочевала. Может быть мы несколько упрощаем и утрируем ту сложную обстановку борьбы, которая велась вплоть до последнего времени вокруг имени Маяковского (так же, как в свое время вокруг имени Пушкина), но можем твердо сказать, что доводы нацеленные на уничтожение Маяковского, с одной стороны, придумывались людьми, настроенными совершенно тенденциозно, и, с другой стороны, были рассчитаны на читателя отсталого и, следовательно, легковерного. Ныне же мы живем в таком обществе, в котором истинная поэзия стала достоянием самых широких масс, и сами воочию видим, как все более прочное место в сердце читателя рядом с Александром Пушкиным занимает Владимир Маяковский.

"Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук напоминает собою многие дни нашей жизни", – писал Александр Блок. Поэтесса Марина Цветаева в изумительном очерке "Мой Пушкин" с неповторимой психологической проникновенностью описала, как с четырех лет и на всю жизнь всем ее существом овладел Пушкин. И вот рядом с Пушкиным нами овладевает теперь Владимир Маяковский.

Есть некоторая тайна в том, что великие художники мира из поколения в поколение с неослабевающей силой пленяют наши души людей, незаметно и активно участвуя в формировании каждой личности, в формировании духовного облика каждого человека. "Тайна пуш-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

кинского стиха была заключена не в искусстве «сливать послушные слова в стройные размеры и замыкать их звонкою рифмой", но в тайне поэзии», – писал Белинский. Тот же Александр Блок эту пленящую силу произведений великих художников относил к внутреннему "такту" писателя, к особой способности улавливать ритм "мирового оркестра" души народной. Для восприятия этого ритма необходима, по всей вероятности, та исключительная чуткость, тот настрой души, которые предопределены природой и условиями физического и нравственного развития одаренной личности. Может быть, именно этой исключительной внутренней отзывчивостью на все, даже мельчайшие проявления, воздействия внешнего мира вызваны известные стихи Пушкина:

Мне не спится, нет огня,
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.

По-видимому, именно эта вещая тревога, эта трепетная обнаженность и наэлектризованная эмоциональность и есть естественное состояние таких представителей человеческого рода, какими являлись Пушкин и Маяковский. Очевидно последнее и заставляло, например, Маяковского признаваться:

У прочих знаю сердца дом я, -
Оно в груди; любому известно.
На мне ж с ума сошла анатомия,
Сплошное сердце, гудит повсеместно.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Что значит быть "сплошным сердцем"? Это значит, по-видимому, быть непрерывным; то страдальчески болезненным, то величаво-эпикурейским, то с радостно-оптимистическим, но всегда активным откликом на все события "быстротекущей жизни". И не просто откликом, а откликом особого рода. Это отклик человека, в котором происходит громадная, напряженная умственная работа, вызванная постоянным и неуемным желанием все понять и найти смысл во всех многочисленных явлениях, на которые отзывается его душа. При этом надо иметь ввиду, что умственная работа, о которой мы говорим в данном случае, не сводится к чисто логическому сопоставлению, сравнению и научной интерпретации увиденного, услышанного и воспринятого органами чувств, хотя и вовсе не исключает этого. Здесь речь идет о таком восприятии явлений внешнего мира, когда эти явления преломляются через призму исключительно тонкого художественного зрения, и эта призма пропускает, отбирает и группирует самое важное, самое характерное для своего времени и своей эпохи, чтобы найти в отдельных проявлениях жизни или в группе их такой художественный смысл, который позволил бы превратить эти проявления в поэтические образы и живописные картины, чарующие наше воображение своей близостью, понятностью, емкостью и непреходяще живым воспроизведением действительности.

Думается, что только при таком подходе можно понять, как сложны и могучи истоки таких произведений, как "Евгений Онегин" и "Хорошо!" и понять то, почему Белинский назвал роман Пушкина "энциклопедией русской жизни", а Луначарский о поэме Маяковского сказал: "Это Октябрьская революция, отлитая в бронзу".

Попытка противопоставить Маяковского Пушкину бессмысленна, ибо Маяковский жил и творил в совершенно иной обстановке, чем Пушкин. Он ставил перед своей поэзией иные задачи. Эти задачи выдвигались эпохой пролетарской революции, когда происходили битвы "посерьезнее Полтавы" и когда людьми правили чувства "пограндиознее онегинской любви". Надо полагать, что речь может идти только о попытках (а такие попытки делались, как мы знаем, и по отношению к Пушкину) ссадить Маяковского с того высокого места в русской поэзии, которое он занимает по праву. Но русская поэзия едина. Ее целостность и единство определяются преемственностью в поэтической деятельности ее больших и малых представителей. И здесь мы можем твердо сказать, что Маяковский, так же, как в свое время Пушкин, в своей литературной работе гениально синтезировал все достижения русской поэзии до него, именно это явилось базой для его неповтори-

Created by free version of 2PDF

мой оригинальности, художественной чуткости и особо целеустремленной отзывчивости писателя, отдавшего "всю звонкую силу... атакующему классу". И в этом смысле Маяковский, безусловно, является преемником Пушкина и продолжателем его бессмертных дел. И так называемая "непохожесть" Маяковского на Пушкина, ни на кого-либо другого, "непохожесть", особо шокирующая обывателей от литературы и поэзии, эта "непохожесть" той же природы, что и "непохожесть" Пушкина ни на одного из своих предшественников, ибо истинный талант, тем более гениальный талант, всегда самобытен и оригинален.

Трагедия Пушкина заключалась в том, что он жил в такое время и в такой среде, когда он не видел и не мог видеть те передовые силы, ту "воспрянувшую ото сна Россию", тот "атакующий класс", которому поэт, подобно Маяковскому, отдал бы "всю свою звонкую силу поэта". А.С. Пушкин испытал горькую утрату – декабристы, его друзья, которым он горячо сочувствовал, понесли жестокую кару за идею освобождения и попытку свергнуть царский деспотизм. Самые зрелые годы творчества поэта падают на период Николаевского безвременья. И поэтому вера поэта на лучшее будущее:

В надежде славы и добра
Вперед гляжу я без боязни.

Часто сменяется унынием, страдальческим сомнением в своем предназначении, а иногда – тревогой за личную судьбу:

Снова тучи надо мною
Собрался в тишине.
Рок завистливый душою
Угрожает снова мне.

И этим, конечно, объясняются некоторые (часто более кажущиеся, чем на самом деле) противоречия в его творчестве. Последние и рождают порой отдельные отрывки и строчки, за которые хватались все те, кто хотел сделать Пушкина этаким жрецом божественного творчества, вдохновенно поющим только для избранных. В действительности же реальный Пушкин был первым писателем и поэтом земли русской, последовательно и настойчиво направлявшим свои способности и свой талант на то, чтобы "глаголом жечь сердца людей". Кстати сказать, в какой-то степени подобное испытал и Маяковский в начальную, дореволюционную пору своей поэтической деятельности.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Известно, что молодой Маяковский выступал в дореволюционные годы как представитель футуризма. Подробное изучение футуризма показало ныне, что поэтическая, творческая деятельность подавляющей части "будителей" (так большинство футуристов себя именовали) в основном сводилось к "словотворчеству", к словесной эквилибристике, к жонглированию основами русской речи; а по части общественной – к поверхностному протесту, а скорее – игрою в протест и фиглярничанию. И так называемые "единомышленники" Маяковского, сознательно или бессознательно, старались "мощь голоса" растущего гения использовать для создания авторитета футуризму. Понятно, что это была попытка та же, что и использование, например, имени Пушкина для пропаганды "искусства для искусства", недаром Горький в одном из дореволюционных отзывов о футуризме писал: "Русского футуризма нет. Есть Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, Каменский". И затем, Горький, возвращаясь к Маяковскому отдельно, отмечал его дарование. Василий Луначарский также выделял из среды футуристов Маяковского и прямо отмечал "блестящую футуристическую группу Маяковского", а близкому другу и последователю Маяковского Асееву писал: "Ваша маленькая фаланга непременно вольется в подлинный строй грядущей революционно-художественной армии, ибо я знаю, что многое в ваших исканиях было плодотворным". На такое утверждение, безусловно, имелись основания. Маяковский в предреволюционные годы, наряду с блестящими лирическими и сатирическими стихами, создал такие исторгнутые из всего его существа поэмы, как "Облако в штанах", "Флейта-позвоночник", "Война и мир", "Человек". На каждом из этих произведений лежит печать гения. В автобиографических заметках "Я сам" Маяковский пишет: "М. Горький. Читал ему части "Облака". Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет". И, далее, как бы тревожась, что эта выдающаяся оценка, данная великим писателем его творчеству, звучит в устах самого поэта нескромно, он делает (как и во многих других случаях) чисто Маяковское шутливое добавление: "Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете". Между тем, Горький имел все основания так эмоционально воспринять эту поэму Маяковского, ибо она поистине является одним из шедевров предреволюционной русской поэзии. Во всех произведениях Маяковского предреволюционного периода лирический герой (а Маяковский в качестве этого героя выставляет частично лично себя) – это молодой, сильный, одаренный человек, который, несмотря на свою молодость и силу, страдает и мечется; страдает исступленно и мечется без цели, ибо он видит и чувствует,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

что в окружающей его жизни нет места для честного, талантливого человека: всеобщая фальшь, пронизавшая буржуазное общество, либо может засосать этого человека и примирить с собой, превратив в мещанина, т.е. погубить морально, либо выбросить и погубить физически... Такая перспектива не устраивает молодого человека, и он протестует и бунтует. Поэтому-то поэму "Облако в штанах" поэт характеризовал, как "четыре крика четырех частей долой вашу любовь, долой ваше искусство, долой ваш строй, долой вашу религию".

На языке социологии такой человек назывался "деклассированным интеллигентом". Мы знаем, что в подавляющем большинстве случаев такой "деклассированный интеллигент" позировал, шумел, играл в "протестующего" и "бунтующего", а сам под этот шумок готовил себе теплое местечко в лоне буржуазного благополучия, легко превращаясь в чеховского Ионыча. Совершенно другое происходило, когда "деклассированный интеллигент" имел сердце, чуткое к чести, совести и справедливости и нетерпимое к фальши и лжи. В этом случае и имела место наитяжелейшая трагедия разлада, которая и смогла привести к жуткой мечте о том, что «обнимет мне шею колесо паровоза».

Внимательный взгляд может заметить, что лирический герой предреволюционных поэтических произведений Маяковского чем-то напоминает пушкинского Онегина. Казалось бы, что общего между ними? Между холеным и вылощенным аристократом, "Как денди лондонский одетым", и мрачным верзилой в желтой кофте; между "молодым повесой, наследником всех своих родных", и человеком, у которого даже мысль о собственном появлении на свет вызывает желчь: "в какой ночи бредовой, недужной, какими голиафами я зачат такой большой и такой ненужный"; между салонным ловеласом, так рано овладевшим "наукой страсти нежной", чтобы "тревожить сердца кокеток записных" и юношей, у которых, что ни чувство, то стон:

Значит опять
Темно и понуро
Сердце возьму,
Слезами окапав,
Нести, как собака,
Которая в конуру
Несет
Перееханную поездом лапу.

Bukeтov University

Created by free version of 2PDF

И все же можно утверждать, что лирический герой предреволюционной поэзии Маяковского и пушкинский Онегин очень близки между собой, близки по сути, по генеалогии.

Онегин был самым любимым из всех героев, созданных гениальным воображением Пушкина; он был спутником многих лет его жизни, его "добрым приятелем"; ибо самое задушевное, что хотел выразить поэт, как художник, он выразил через этот образ. А Маяковский лирического героя своих предреволюционных произведений прямо именует своим именем – Маяковским. Это, конечно, не сам поэт, это – поэтический образ, это – его двойник, имеющий отношение к самому поэту примерно такое же, как Онегин к Пушкину. Теперь обратимся к самим героям. Будем следовать блистательной и точной, до сих пор непревзойденной характеристике, которую дал образу Онегина великий наш критик Белинский.

Пушкин писал об Онегине, что он "...добрый малый, как вы да я, как целый свет". Белинский же тем не менее считает, что "...Онегин – ...недюженный человек; ... он знает, и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность".

Лирический герой Маяковского также мало чем отличается от других, ибо:

Знаю,
не призовут мое
грешники,
задыхающиеся в аду.
Под аплодисменты попов
мой занавес не опустится на Голгофе.
Так вот и буду
в Летнем саду
пить мой утренний кофе.
В небе моего Вифлеема
никаких не горло знаков,
никто не мешал
могилами
спать кудреголовым волхвам.
Был абсолютно как все
– до тошноты одинаков –
день
моего сошествия к вам.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

И тем не менее, лирический герой Маяковского в еще большей степени, чем Онегин, недюженный человек, ибо он острее и больнее чувствует, он далек от того, чем "...счастлива самолюбивая посредственность", далек от тех "бездарных многих, думающих нажраться как".

Белинский назвал Онегина "страдающим эгоистом". Если эгоизм – это подчеркивание своей личности, своего "я", то эгоизм Онегина – это эгоизм человека, который чувствует себя способным на земные и нужные дела, чувствует в себе силы для того, чтобы утвердить себя, как личность, но эти силы, ввиду того, что окружающая среда не имеет условий для совершения полезных дел, пропадают втуне; онегинское "я" вступает в трагический, страдальческий разлад с действительностью.

Лирический герой Маяковского является в еще большей степени страдающим эгоистом.

И чувствую —
"я"
для меня мало!
Кто-то из меня вырывается упрямо.

Мы знаем хорошо, что "я", сколько бы оно не вырывалось в том окружении, в каковом пребывал лирический герой Маяковского, ничего нужного и полезного не могло совершить, и это вырывающееся "я" приводило только к чудовищным страданиям. Следует подчеркнуть только, что эти страдания лирический герой Маяковского переживает более нервно, более остро, более мятежно, чем Онегин. В этом сказывается, по-видимому, различие эпох, в которых жили эти два литературных образа и различие в темпераментах их создателей.

Вспомним, к каким тяжелым мыслям приводило Онегина сознание бесцельности и бесполезности его существования:

"Зачем я пулей в грудь не ранен?"

Это ведь тоже, что говорит и лирический герой Маяковского:

Все чаще думаю –
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.

Bukotov university
Created by free version of 2PDF

"Зло скрывается не в человеке, оно в обществе", – заключает Белинский, подробно обсуждая чувства и взаимоотношения Онегина и Татьяны. И он прав. Мы привыкли восхищаться пушкинской Татьяной, неподдельностью ее чувств, ее романтически звучащей верностью мужу-вдовцу, мужу-старику:

Но я другому отдана,
И буду век ему верна...

А между тем, это крылатое двустишье есть объективное признание того, что среда и обстановка душат истинные чувства, в данном случае чувства Татьяны к Онегину. Верно лишь то, что Татьяна куплена старым генералом и прикована к нему богатством, знатностью и условностями, услужающими этому богатству и этой знатности.

Не о том ли говорит лирический герой Маяковского, обращаясь к девушке, в которую влюблен:

Помните? Вы говорили:
"Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть," –
а я одно видел:
вы – Джоконда,
которую надо украсть.
И украли.

Как-то Белинский обмолвился, что пушкинский Онегин и лермонтовский Печорин не более далеки друг от друга, чем реки Онега и Печора. Подобная близость, как мы могли заметить, имеется между пушкинским Онегиным и лирическим героем предреволюционной поэзии Маяковского. Если же обратиться к генеалогии этого лирического героя Маяковского, то можно смело утверждать, что он является прямым потомком Онегина.

Российская империя, как мы знаем, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции не располагала такими общественными условиями, которые позволили бы заниматься честным, общественно полезным трудом людям, имеющим совершенно твердые, незыблемые, человечески чистые понятия о чести и морали, людям абсолютно далеким от сделки с собственной совестью. И это порождало

Created by free version of 2PDF
Buketov University

целую плеяду лишних людей, находящихся в разладе с действительностью, людей не находящих путей к полезной деятельности. Их, этих людей, не могла не заметить и не показать русская литература, очень чуткая по своей природе к малейшим проявлениям в общественной жизни. Величие заслуги Пушкина заключается в том, что он впервые заметил этот тип людей и вывел его в полнокровном, изумительно правдивом образе Онегина. Вслед за Онегиным, как заметил Добролюбов, идут Чацкий, Печорин, Белетов и др. Уже к шестидесятым годам и далее, образ лишнего человека раздваивается – он, с одной стороны, превратился в комок целеустремленной энергии в образах, например, Рахметова, Базарова, а с другой, – мы видим "тирана слова и пигмея дела" Рудина и, далее Обломова, который уж вовсе разлегся в своем просторном халате на мягком диване, выбрав в качестве аудитории для своих речей слугу Захара.

Великий борец Чернышевский, веровавший в крестьянскую революцию, плодотворность личных подвигов во имя преобразования общества, хотел с помощью образа Рахметова вдохнуть жизнь в "лишних людей". От этого они, как известно, не продвинулись ни на шаг к достижению своих целей, ибо эти цели были призрачны. Народники и народовольцы, эти рахметовы и рахметовцы, своей отчаянной деятельностью, сопровождавшейся нечеловеческими страданиями и героическим самопожертвованием, на деле, показали лишь то, что они остаются, по сути, теми же "лишними людьми", далекими от реальных путей исполнения своих чаяний и надежд. Восьмидесятые годы окончательно разбили эти надежды в русском интеллигенте-индивидуалисте. Наступила пора "агонии индивидуализма", "разрушения личности", как назвал эту пору безвременья М. Горький. При этом великий писатель метко заметил:

"Рядом с этим процессом агонии индивидуализма железные руки капитала, помимо воли своей, снова создают коллектив, сжимая пролетариат в целостную психическую силу. Постепенно с быстротой всевозрастающей, эта сила начинает сознавать себя как единственную призванную к свободному творчеству жизни, как великую коллективную душу мира".

И все же в этот период, период повального духовного "измельчания и морального обнищания интеллигенции, в ней были силы, которые, еще не осознав существование "...великой коллективной души мира, ...призванной к свободному творчеству", непримиримо продолжали дело протеста и бунта:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Не разбрызгав,
душу
сумел,
сумел донесть.
Единственный человечий
средь воя,
средь визга,
голос
подъемлю днесть.

Конечно, Маяковский и его лирический герой не знали в то время, что их голос не был единственным человечьим и не был первым человечьим. Он звучал после, рядом и менее уверенно, чем голос тех, которые овладели марксистско-ленинским видением мира и с научной трезвостью и точностью рассчитывали силы для совершения грядущей революции. Однако в анархическом протесте лирического героя Маяковского, наряду с пессимизмом и безысходностью, звучит и уверенность, связанная с чувством приближения чего-то громадного и очистительного; отсюда и пророчество с ошибкою всего на один год:

Где глаз людей обрывается куцый
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

Лирический герой Маяковского, таким образом, представлял ту часть деклассированной интеллигенции, которая средь "воя, визга" сохранила свою моральную чистоту, и поэтому она, после свершения Великого Октября, имела право вслед за Маяковским сказать: "Моя революция".

"Что сталось с Онегиным? Воскресила ли его страсть для нового, более сообразного с человеческим достоинством страдания? Или убила все силы души его, и безотрадная тоска его обратилась в мертвую, холодную апатию?" – спрашивал Белинский. "Да", – отвечаем мы, случилось и то, и другое. Те, в ком силы души были убиты, превратились в апатичных и безответных Обломова и обломовцев, и во времена расцвета капитализма они незаметно стали приживальщиками буржуазии. Но мы горды тем, что пушкинский герой был воскрешен во многих поколениях для "более сообразного с человеческим достоинством страдания" и, в частности, в образе лирического героя предреволюци-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

онной поэзии Маяковского донес свои страдания до Великого Октября, чтобы отдать силы свои, не нашедшие полезного и плодотворного применения в течение целого века, на службу "атакующему классу", справедливости и человеческому счастью.

Пушкин жил в эпоху Николая первого и Бенкендорфа, Булгарина и Тимковского. Создатель "Евгения Онегина" не находил современника, который привел бы великого поэта в "восторг и умиление". Это вовсе не значит, что среди его современников не было людей, "дум высокое стремление" которых не волновало бы воображение поэта; но это были люди, о которых приказано было молчать. И поэзия Пушкина в поисках личностей, достойных его пера обращается к прошлому. Его внимание приковывают две личности, выразившие наиболее полно, наиболее емко прошлое Отечества – царь всея Руси Петр I и русский крестьянин-казак, мужицкий царь, Емельян Пугачев. И ныне, образ Петра I предстает перед нами не иначе, как по четкому, хрустальнозвонкому изображению Пушкина в его знаменитой поэме "Полтава", а образ Пугачева не иначе, как в виде того черного, бородатого, лукаво мудрого мужика, которого впервые увидел Гринев, главный герой "Капитанской дочки", и природное благородство, земное величие которого он испытал, оказавшись в стане крестьянского вожака.

Иная, счастливая судьба ожидала Маяковского. Он был современником великого Ленина и его выдающихся соратников. Ему не было необходимости обращаться в поисках исторической личности, составляющей славу отечества, в прошлое. Став поэтом революции и для революции, он сам оказался в ряду, кого вел человек, который "землю всю охватывая разом, видел то, что временем закрыто".

Ленин – это громада, которая, казалось бы, может быть поэтически воплощена в художественный образ с какого-то отдаления, по истечении определенного времени, ибо, как известно, "большое видится на расстоянии". Если образ Ленина, созданный Маяковским в его поэмах "Владимир Ильич Ленин", "Хорошо", в его стихотворениях, посвященных Ленину, является до сих пор и, вероятно, останется непревзойденным поэтическим воспроизведением личности и деяний великого вождя, то это только потому, что Маяковский был гениальным поэтом, изумительным мастером, умеющим в своем воображении отойти от предмета художественного изображения на такое расстояние, какое необходимо для обозрения и охвата самых крупных, самых главных, самых характерных черт изображаемого. И в этом заключается главный секрет того, что Владимир Ильич Ленин из произведений Маяковского выступает перед нами "как живой с живыми говоря".

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Не каждому суждено за деревьями видеть лес, и тем более редки, очень редки люди, способные выйти из круга мелких каждодневных впечатлений бытия, из круга частных симпатий и антипатий, чтобы собрать и сохранить из калейдоскопа быстротекущей жизни главное и характерное. Умением отойти в воображении от событий, злободневности, участником которых они являются, на расстояние, необходимое для художественного обозрения, –этой способностью властвовать собой "обладают только великие, редкие художники. Именно по этой причине Пушкин, в своем "Онегине", описывая явление окружающего его бытия, оставил нам нетлеющий художественный памятник о своем времени, о людях, среди которых он жил. Именно по этой причине Маяковский в своей поэме "Хорошо!", отлил в бронзу Октябрьскую революцию и бурное десятилетие, последовавшее за Великим Октябрем, когда веками обездоленные начали создавать новую, самую справедливую власть и созидать тот обетованный мир, о котором до этого тщетно мечтало человечество. По-видимому, следуя тому методу анализа, которого придерживался великий критик Белинский, когда он блестяще раскрыл значение романа "Евгений Онегин", как энциклопедии русской жизни, можно было бы обсудить поэму "Хорошо" и показать, как Маяковский с не меньшей силой поэтически воплотил в этом памятнике эпохи дух событий, в которых он участвовал, и дух времени, в которое жил поэт; показать, что эта поэма так же, как и "Евгений Онегин", является, говоря словами Белинского, "в высшей степени народным произведением". Но, может быть, это выдающееся произведение русской поэзии говорит само за себя и ныне в таком обсуждении не нуждается.

Мы знаем, что Пушкин оставил свой роман неоконченным. "И что за роман без конца? – писал по этому поводу Белинский. – Мы думаем, что есть роман, в котором мысль в том и заключается, что в нем нет конца, потому что в самой действительности бывают события без развязки, существование без цели... Это зависит не от них самих; тут есть фатум, заключающийся в действительности, которой окружены они, как воздухом, и из которых не в силах и не во власти человека освободиться". Пушкин был великим жизнелюбом, он жаждал "славы и добра" своей Родине и своему народу, но душная действительность была такова, что он не мог завершить свое любимое детище в духе тех высоких стремлений, которые владели поэтом. Думается, что поэт не раз порывался довести свое произведение до конца, но каждый раз, как показывают его черновики, бессильно опускалась его рука, ибо он не

Created by free version of 2PDF
Buketov University

был в силах освободить своих героев от душных объятий действительности, не рискуя потерять связь с правдой жизни.

Пушкин свой роман о своей эпохе оставляет без конца, а Маяковский свою поэму, воспевающую его время, завершает изумительным гимном будущему:

Лет до ста расти
нам без старости.
Год от года расти
нашей бодрости.
Славьте, молот и стих,
землю молодости.

Какая символическая и впечатляющая разница.

Пушкин впервые в истории поэзии показал, что для истинного поэта нет низких тем, что она, истинная муза, вовсе не так привередлива и не так капризна, как ее хотели представить эстеты от литературы. Маяковский явился поэтом, который после Октябрьской революции двинул поэзию на улицу, на площади, в гущу народную, в массы, ибо он еще до революции острее, чем кто-либо мечтал об этом:

Пока выкипячивают, рифмами пиликая,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится безъязыкая,
ей нечем кричать и разговаривать.

Не о тех ли остающихся поэтически безъязыкими в его время ведет речь Пушкин в стихотворении:

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Что ж ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И песенкою нас веселой позабавить?
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где жнивы светлые? Где темные леса,
Где речка? На дворе, у низкого забора,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
А листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед;
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
И кличит издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил,
Скорей, ждать некогда, давно б уж схоронил.
Что ж ты нахмурился? - Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить?

Не кажется ли, что от этого самого пушкинского "румяного критика", который закрыл глаза на все ужасающие неустройства жизни, называя стремление обратить внимание на мрачные стороны действительности «блажью», и лишь желает, чтобы его "веселой песенкой позабавили", тянутся прямые нити к тем, в угоду кому во времена Маяковского поэты "выкипячивали, рифмами пиликая, из любвей и соловьев какое-то варево". Вероятно, имеется прямая связь и между живой, разговорной, часто будничной интонацией этого и многих других стихотворений Пушкина и всей поэзией Маяковского, так как в ней эта особенность, идущая от Пушкина, может быть, через Некрасова, была довлеющей и главной.

Пушкин был изумительным и непревзойденным лириком. Он умел коснуться самых тончайших коллизий в душевных переживаниях человека. И поэтому каждый раз, когда мы находим в пушкинской лирике слова и ритмы, точно соответствующие нюансам собственных эмоций и чувствований, нам кажется, что мы Пушкина открываем заново. И в этом секрет непреходящего значения лирики Пушкина. Непревзойденным лириком был и остается Маяковский. Ныне при изучении Маяковского очень правильно обращается внимание на то, что в послеоктябрьских произведениях Маяковского гармонически слились личное и общественное в полном соответствии с особенностями нашего социалистического общежития, когда интересы личные совпадают с интересами общества и государства. Поэма "Про это" и многочисленные стихотворения, выразившие самые глубокие душевные переживания поэта, проникнуты часто тяжелой болью за те трудности, которые

Bukerov University
Created by free version of 2PDF

вынужден пережить советский человек, вытравляя из себя все то, что "прошедшим рабьим вбито". И поэтому у поэта рождались признания: "За все расплачусь, за все расплачусь". Мы, возможно, еще мало обращаем внимания на те стихи Маяковского, где он кистью тончайшего художника-психолога касается таких струн души, которые связаны с тем, что человек во все эпохи и во все времена рождается, растет, взрослеет, стареет и умирает и каждый период человека, его жизни связан со своими особенными переживаниями. Стоит обратить внимание, например, на такой шедевр лирики Маяковского, как «Хорошее отношение к лошадям»[3].

Каждый из нас живет, стареет и бывает приходит то время, когда иногда, по прошлой памяти, берешься за дела не по силам. Бывает, что и грохаешься, как эта лошадь Маяковского. И не правда ли, было бы очень кстати, если бы в это время среди "смеющихся и воющих" оказался очень внимательный человек, наподобие поэта из этого стихотворения:

Лошадь, не надо.
лошадь, не слушайте, –
Чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас, по-своему, лошадь.

И тогда мы бодро поднимаемся и идем доделывать свои дела, ощущая прилив молодости и сил:

И все ей казалось
она жеребенок.
И стоило жить,
и работать стоило.

«Поэзия – производство. Труднейшее, сложнейшее, но производство», – писал Маяковский. По-видимому, совершенно невозможно понимать эти слова как утверждение о том, что при знании "технологии" можно делать хорошие стихи, ибо для этого Маяковский слишком хорошо понимал природу художественного творчества:

[3] Маяковский В.В., 1968, т. 1, с. 238

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Нами лирика в штыки неоднократно атакована,
Ищем рифмы точной и нагой.
Но поэзия — пресволочнейшая штуковина! –
Существует и ни в зуб ногой.

Блок, как это приводилось выше, понимал поэтический дар, как особую способность улавливать ритм "мирового оркестра" души народной. Не о том же ли говорил Маяковский, когда писал: "Ритм – основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом... Откуда приходит этот основной гул-ритм неизвестно... Я не знаю, существует ли ритм вне меня, или только во мне, скорее всего во мне. Но для его пробуждения должен быть толчок, – так от неизвестно какого скрипа начинает гудеть в брюхе у рояля, так, грозя отвалиться, раскачивается мост от одновременного муравьиного шага". Маяковский хорошо сознавал могущество своего природного дара, однако в отличие от многих других, относился к нему без сентиментального восторга и расслабляющего умиления, ибо он, обладая громадной волей и высоким сознанием ответственности, глубже других "поверял алгеброй гармонию", яснее других понимал, что только систематический труд и только сознание того, что "поэзия – производство" могут сделать плодотворным акт поэтического творчества. Вспомним, что и Пушкин был великим тружеником и был первым русским поэтом, который относился к своему творчеству профессионально. Он гордо писал одному из своих корреспондентов: "Стихи – это мое ремесло".

Русская поэзия – это единая горная цепь с многочисленными большими и малыми сияющими вершинами. Но средь этих вершин высятся Пушкин и Маяковский, два пика-исполина единого хребта, наподобие Эльбруса и Казбека среди Кавказских гор. Эти два исполина видят друг друга, смотрят друг на друга, кивают друг другу, перекликаются друг с другом, утверждая нерушимую целостность и преемственность могучей русской поэзии.

Для нас, казахских читателей, ныне имена Пушкина и Маяковского переплелись с именем Абая и Сакена Сейфуллина. Читая Пушкина, мы вспоминаем Абая и, наоборот, читая Абая, мы вспоминаем Пушкина, ибо Абай для казахской литературы и поэзии был таким же первым, как и Пушкин. Он первый учился у Пушкина и был гениально одухотворен его поэзией. Читая Маяковского, мы видим через него Сейфуллина, и, наоборот, при чтении Сейфуллина, нам слышится Маяковский, ибо у нас, в степях, после революции впервые по-маяковски чеканно и гулко заговорил Сакен Сейфуллин. Думается, в этом повторении и в этой линии преемственности отражается от самых истоков единство и целостность всей нашей многонациональной советской поэзии.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ВТОРОЙ В РЕСПУБЛИКЕ

Однообразным и пустынным был ландшафт желтого плоскогорья знаменитой в народе Сары-Арки. Только редкие юрты кочевых аулов, овечьи отары и табуны лошадей можно было встретить на холмистых просторах, поросших ковылем, караганником, джусаном. Почти сто пятьдесят лет тому назад любознательный юноша Апак обнаружил, что приметные в степи камни, оставляющие на руках густые черные следы, могут загораться, как дерево, как сухой кустарник.

Ныне Караганда не только средоточие многоотраслевой, известной на весь мир индустрии, но и второй после Алма-Аты культурный центр республики. Здесь шестнадцать научных учреждений, шесть высших учебных заведений, в них работают около девятисот кандидатов, более сорока докторов наук. Для сравнения вспомним, что при организации Академии наук в 1946 году в Алма-Ате насчитывалось меньше четырехсот научных работников, имеющих ученые степени. Даже это простое сопоставление показывает, насколько своевременным явилось для Караганды открытие в 1972 году государственного университета, второго университета в республике. Это событие нельзя не связывать с задачами дальнейшего развития производительных сил Центрального Казахстана и северных областей республики, с неуклонной заботой партии и правительства о дальнейшем развитии системы высшего образования. В Казахстане работает уже пятьдесят высших учебных заведений, из них более тридцати созданы в послевоенные годы. Вдумайтесь в эти, казалось бы, скромные цифры: по весомости их можно сравнить с выдающимися нашими достижениями – рейсами в космос, миллиардами пудов целинного хлеба. В непрерывном ряду ежегодно возникающих высших школ открытие Карагандинского университета стало приметной вехой, событием в жизни нашей республики. Ведь университетам в нашей стране отводится особая роль, как ведущим научно-методическим центрам высшей школы. В этом и предельно лаконичном определении, сформулированном в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, скрыто глубокое содержание. От уровня того благотворного влияния, которое окажет университет на окружающие высшие школы в том или ином университетском регионе, во многом будет зависеть и уровень выпускаемых специалистов во всех этих учебных заведениях. Надо ли говорить, какое доверие оказано нам и какая ответственность легла на нас, профессоров и преподавателей нового молодого университета. Я написал «молодого» и тут же подумал, что при всем при том никаких скидок на молодость, на отсут-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ствие традиций и опыта не может, не должно быть в нашем деле. Кому, как говорится, многое дано, с того многое и спросится.

Круг задач, поставленных перед нашим университетом, расширяется и усложняется еще и тем обстоятельством, что мы должны продолжать готовить педагогические кадры, в частности, учителей для сельских и аульных школ. Ведь Карагандинский педагогический институт стал в известной мере основой университета, влился в него и передал нам все свои сложные проблемы. Значит, до той поры, пока вновь не будет организован педагогический институт, с нас не только не снимаются обязанности, а наоборот! – они становятся еще ответственнее. Учителей мы должны готовить на новом, университетском уровне. Не может нас не волновать такой, например, вопрос: выпускники сельских школ уступают в знаниях выпускникам городских школ, не могут с ними конкурировать на экзаменах при поступлении в вузы. Так происходит не только потому, что в сельских и аульных школах беднее лаборатории или меньше наглядных пособий и книг. Дело еще и в качестве преподавательского состава. Есть много причин, почему так происходит. Я не буду их касаться, остановлюсь лишь на одной. Закончил молодой человек институт или университет, закончил хорошо и ему не хочется ехать в село. Он стремится жить в большом городе, к которому уже привык. И он использует все свои и "родительские" возможности, чтобы избежать направления в "глушь". Не всегда рационально бороться с таким явлением административным путем. Не лучше ли ставить вопрос шире, глубже, капитальнее, то есть, заботиться о качественной подготовке таких специалистов, которые не только в совершенстве обладали бы профессиональными знаниями, были бы не только разносторонне образованными людьми "в просвещении с веком наравне", но воплощали бы в себе и высокие нравственные качества.

Хорошо о молодом специалисте сказал первый нарком просвещения советского государства А.В.Луначарский: "...он должен иметь свою специальность, он должен знать свое дело, но вместе с тем интересоваться и уметь войти в другой круг познаний. Такой человек слышит весь концерт, который играют вокруг него, все звуки для него доступны, все они сливаются в одну гармонию, которую мы называем культурой. И в то же время он играет хорошо и делает свой вклад в общее богатство, а это общее богатство в целом отражается в его сознании, в его сердце". В настоящее время, в условиях широкого развертывания научно-технической революции, нашей стране, как никогда ранее, нужен именно такой специалист, он должен хорошо, творчески знать свое дело и в то же время слышать "весь концерт", то есть пони-

Scanned by the version of Pro

мать и чувствовать содержание работы специалистов смежных отраслей науки, техники, культуры.

Долг университета – воспитание творческих, научных работников, о которых так образно сказал Луначарский. В университетах, как правило, обучение посвящается фундаментальным основам наук, как физико-математических, естественных, так и гуманитарных. Углубленное изучение положений и методов, на базе которых человек раскрывает тайны сущего, предполагает подготовку научных кадров, способных разрабатывать исходные данные для всех прикладных отраслей знаний, включая технику и прикладную биологию. Век научно-технической революции – в этом нет сомнения – необыкновенно быстро приближает время, когда научные работники займут ведущее место в нашей жизни не только по их роли в развитии общества, но и по количеству. Например, академик Н.Н. Семенов предполагает, что в будущем научным трудом будет заниматься прямо или косвенно половина человечества.

Академик П.Л. Капица придерживается аналогичной точки зрения: "...поскольку люди, склонны к творческой деятельности, будут отдаваться ей всецело. Это дает людям большое удовлетворение, и это делает их творческий труд более производственным". Словом, речь идет о том, что наступает время, когда мы все больше и больше должны готовить научных работников. Естественно, что основной костяк научных работников, склонных к размышлениям над отдельными вопросами фундаментальных оснований наук, будет выходить из стен наших университетов.

Я считаю необходимым коснуться еще одной стороны деятельности университета – воспитания специалистов с широким кругозором. Об этой "образовательной силе университета" еще в прошлом веке говорил выдающийся хирург и педагог Н.И. Пирогов: "Эта сила зависит и от органической связи наук и от воздействия одного факультета на другой; она существует, в этом нет сомнения; она действует и на избранных и на большинство. Одни подвергаются ее влиянию сознательно, другие – бессознательно". Речь идет здесь о том, что в университетах наименьшая опасность замыкания в своей специальности, в узком кругу знаний. Специалист в области техники, в области точных наук одновременно приобретает в университетских стенах вкус к литературе и искусству. А историк или филолог в идеале должен иметь ясное представление и о достижениях современной физики и об основах генетики.

Created by free version of 2PDF

Конечно, этим перечнем не исчерпываются задачи университета. Да я и не ставил перед собой цель излагать их всеобъемлюще и последовательно. Я только делюсь некоторыми своими мыслями с надеждой, что читатель поймет и осмыслит значение самого факта рождения нового университета.

Ныне университет завершает уже пятый год своего существования. Но по-прежнему отчетливо хранится в памяти его открытие.

Тогда, 1 сентября 1972 года, в Караганду съехалась много гостей со всех концов республики и из университетов других союзных республик. Скромный конференц-зал нового здания не вмещал гостей и представителей трудящихся города. Когда за столом президиума уже были руководители области, делегация Академии наук Казахской ССР, карагандинские ученые, в зал вошел только что прибывший из аэропорта наш аксакал, писатель Сабит Муканов. Его приветствовали очень тепло. После выступления первого секретаря обкома партии В.К. Акулинцева, вице-президента Академии наук республики А.М. Кунаева, ректора Казахского университета профессора У.А. Джолдасбекова, республиканских академиков – известного математика О.А. Жаутыкова и нашего большого писателя, литературоведа М. Каратаева, слово было предоставлено уже успевшему отдохнуть С. Муканову. Он, наш аксакал, по обыкновению, импровизировал:

– Я бывал в Караганде давно, когда здесь только начали добывать уголь. Я видел землянки шахтеров и первые, построенные еще при англичанах, шахты. Потом мне довелось быть свидетелем рождения нового города. Из убогих землянок шахтеры переселялись в уютные коттеджи и многоэтажные дома.

Я мог бы рассказать еще о многих чудесах, прекрасном потому, что они всегда неожиданны.

Сегодня надо говорить еще об одном чуде.

Мог ли я подростком или юношей представить это чудо? Конечно, не мог! Когда сидя на корточках в юрте, я учился мусульманской азбуке у полуграмотного муллы, мне было, говоря по совести, не до высоких мечтаний. Я скорее думал о том, что на этот раз мулла не выхлестает лозой "для прибавки ума". Но, увы! Сбивчиво и заикаясь от страха, я плохо ответил на очередной вопрос муллы. Не удалось мне избежать лозы.

Сегодня я дожил до радостного дня. В центре родной нашей Сары-Арки, просторной степи наших отцов и дедов, открывается университет, само рождение которого символизирует громадный скачок. Скачок от тех дней, когда я в грязном халате, на корточках,

Created by free version of 2PDF

сгибался перед муллой, до дня, когда с этой высокой кафедры приветствую молодое племя. Оно не знает розг, ни перед кем не сгибается, а с гордым и свободным достоинством открывает двери в этот великолепный храм науки".

Так импровизировал Сабит-ага. Я думаю, исполнен высокого смысла и тот факт, что бедный ученик муллы, былой батрак, а ныне писатель-академик приветствовал наш университет в день его открытия.

II

Не столько по служебной обязанности ректора или профессора, не в силу традиций, еще только складывающихся у нас, но скорее, просто по человеческому долгу, я время от времени, в самом начале учебного года, обращаюсь к первокурсникам не со вступительной лекцией, а с дружеским словом. Я беседую с ними о новом важном этапе их биографии, делюсь с молодежью своими мыслями о предстоящих нелегких, но радостных годах, о назначении ученого, о том, что же такое университет, в который они пришли.

– Товарищи! – говорю я им. – Вы переступили порог неведомой, еще вчера только в мечтах представляющейся вам жизни.

И тут же ловлю себя на мысли, что даже это обращение – (Товарищи!) – ново и непривычно для студентов, недавних школьников, подростков, детей.

Я всматриваюсь в лица любознательных Апаков и их сестер семидесятых годов двадцатого века и удивляюсь их юности. Предо мною в аудитории преимущественно – семнадцати и восемнадцатилетние. И не так уж часто мелькают среди них джигиты чуть постарше. По короткой стрижке – волосы еще не успели отрасти, по строгому выражению лиц, по загару я узнаю демобилизованных солдат. Но ведь и они двадцатилетние. А тридцать лет назад, когда я поступал в один из еще немногочисленных тогда вузов Казахстана, картина была совершенно иной. Рядом с безусым юношей сидел тридцатипятилетний отец семейства, прошедший сквозь огонь Великой Отечественной войны, и его ровесница, преодолевшая в тылу все тяготы военного времени и ухватившаяся за последнюю возможность получить высшее образование.

Я рассказываю обо всем этом первокурсникам и тут же подчеркиваю:

– Но как бы вы молоды ни были, товарищи, мы теперь говорим с вами на равных. Вы для нас достаточно зрелые люди, чтобы мы сооб-

Created by free version of 2PDF
Sukkatov University

ща решали серьезные вопросы. Конкурс был первым вашим ответственным испытанием. Из года в год растет число кандидатов на одно место. Было и восемь, и десять, а на некоторые факультеты превышало и двадцать человек. Значит, вам пришлось мобилизовать энергию и волю, чтобы продемонстрировать свои знания и навыки. Тяга в университеты в нашей стране, как видите, огромная.

...И тут я считаю небезынтересным рассказать своим младшим товарищам, что после того, как Петр Первый утвердил указ об учреждении в Петербурге при Академии наук университета – это было в 1724 году – первые профессора выписывались из-за границы. Приехало их, спустя три года, семнадцать человек. Но так как русских студентов, готовых слушать лекции этих профессоров, не хватало, то из-за границы выписали и... студентов. Стоит осмыслить этот анекдотический факт и сопоставить его с набором в университеты в наше время.

Истина, как говорится, познается в сравнении.

Я хочу прежде всего, чтобы студенты умом и сердцем усвоили высокий смысл щедрости и размаха заботы, высшей заботы, которую проявляет о них народ. Эта высшая благороднейшая забота стала для молодого поколения само собой разумеющимся обыденным делом. Вложило государство, значит народ, в течение первых трех лет на создание материальной базы нашего университета около пяти миллионов рублей, ассигнования продолжаются и будут продолжаться с увеличением. Но всегда ли понимают это юноши и девушки, получившие общежития, стипендии, слушающие лекции в светлых аудиториях и занимающиеся в прекрасно оборудованных кабинетах? А они должны это понять. И я, и мои коллеги в меру своих сил и по возможности ненавязчиво внушаем своим воспитанникам эти мысли, прививаем им чувство гражданской, патриотической ответственности. Дано тебе право учиться, пусть отныне оно будет твоей святой обязанностью.

На первый взгляд, все выглядит необыкновенно просто. Есть хорошие правила, разъясняющие, что должен делать студент и чего он не должен делать, чтобы, окончив университет, стать настоящим специалистом. Что уж тут раздумывать, - живи, учись, работай! Так-то оно так. Но сложная жизнь часто ставит перед нами вопросы, выходящие за пределы любых инструкций и правил.

Вот, скажем, выбор специальности.

Конечно, большинство первокурсников, находящихся передо мною во время этой беседы, убеждены в правильности избранного ими пути. Но есть и те, кто испытывают тяжелые душевные метания. Этих, очень немногих, легко узнать по растерянному выражению лиц. Право,

Created by free version of 2PDF
Sumgait university

даже не знаю, что им сказать. Остается только посочувствовать. Если молодые люди своевременно не сумели выбрать себе специальность по душе и уже на первом курсе разочаровались в своей будущей профессии и убеждены в своей ошибке, – значит, толка не будет. В вузовской практике пока неизбежен, пусть самый малый, процент отсева.

Впрочем, природа не всегда вовремя раскрывает свои карты и творит иногда запоминающиеся веселые шутки. Известно, например, что в прошлом столетии в Нижнем Новгороде двое долговязых юношей поступали в церковный хор, чтобы заработать себе на жизнь. Один был принят, – голос его нашли самым подходящим. Другому было отказано – голос показался экзаменаторам слабеньким, неподходящим. Зачисленным в певцы был будущий писатель Максим Горький, не принятым в хор – будущий певец Федор Шаляпин. Бывали случаи, когда из рук вон плохо учились по математике в старших классах именно те, кто раскрывал в университете свои математические способности и впоследствии становились даже академиками.

Словом, мы стремимся проявить максимальную осторожность к тем, кто колеблется. Мы не имеем морального права посоветовать такому первокурснику немедленно бросить университет. А где гарантия, что он не ошибется вновь? И разве не возможен и такой вариант: после упорного ученья студент преодолеет свои душевные метанья и не только приобретет привычку к своей специальности, но неожиданно для самого себя полюбит ее, раскроет дремавшие под спудом способности.

Я с особой настойчивостью внушаю молодым людям мысль о необходимости развивать в себе творческую жилку, приобретать навыки творческой работы. Конечно, если творческими способностями студент не обладает, если в средней школе его выручала только хорошая память, которую могли принять и за умение думать, творчески соображать, то можно сказать заранее – крупного специалиста, настоящего ученого из него не получится. Однако и приговор на первых курсах выносить еще рано.

Развитие творческих способностей трудно себе представить без воспитания силы воли и целеустремленности. Я обычно привожу примеры не только из нашего времени, но и из прошлого. Чокана Валиханова в Омском кадетском корпусе готовили к офицерской службе, к административной деятельности. И что же? Он в самом деле проявил себя не только как способнейший офицер генерал-губернаторства. Благодаря могучей своей воле, вопреки противодействующей обстановке, он стал выдающимся ученым, которым ныне гордится казахский на-

Created by free version of 2PDF

род. Проявите волю и настойчивость, работайте систематически – и вы сами удивитесь результатам!

Я стараюсь всячески избегать примитивного назидательства и, тем более, бахвальства. Дескать, какие мы старые хорошие, а вам, молодым, надо расти и расти до нашего уровня. Когда-то была в том своя сермяжная правда. Соберет аульный аксакал вокруг себя юношей и рассказывает им о своей жизни, передает им свой опыт. Но даже в старые времена назидания не всегда были в большом почете. Молодой Абай, слушая постоянные советы своего умного отца Кунанбая, многое перенимая у него и осмысливая по-своему, все-таки иронически назвал его "ақылгөй шал" – "стариком-назидателем". Шансы получить это прозвище у нас, старших, многократно возросли, потому что культурный уровень молодежи семидесятых годов неизмеримо выше уровня моего поколения в наши молодые годы. Молодежь пользуется ныне информацией в таком объеме, о котором мы тогда могли только мечтать, путешествует так, как нам и не снилось.

И зная наперед, что мои поучения могут быть и скучными и уже знакомыми, я все же, как ақылгөй шал, предостерегаю их от излишней самоуверенности, от стремления к облегченной жизни, от пренебрежения опытом старших поколений. Я не боюсь повторять старые истины. Никогда не потускнеют слова Карла Маркса, что в науке нет широкой столбовой дороги и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

Студенческое время – счастливейшее время. Каждый студент полон высоких помыслов и романтических мечтаний, в каждом сидит эдакий Васька Буслаев или Камбар Батыр, готовые перешагнуть любые расстояния и перевернуть любые горы. Силушка по жилушкам так и переливается. Долг университета, а значит, и долг преподавателя направить эту силушку по нужному руслу, никак не лишая молодость вечных ее качеств – восприимчивости, любопытства, задора. А вот сохранят их и в старости те, кто пойдет по творческому пути, те, кто обогатит себя знаниями и навыками, кто смолоду научится жить полнокровно, содержательно, интересно.

Пусть великие ученые Павлов, Мичурин, Тимирязев, Менделеев, пусть батыры казахской науки и наши ученые старших поколений (в дни их молодости не было университетов, как не было и вообще высших учебных заведений на земле Казахстана) учат примерами своей настойчивости, целеустремленности, стойкости студентов семидесятых годов.

...Мое отступление затянулось. Время возвращаться к рассказу об университете.

Created by free version of 2PDF

Разумеется, преждевременно еще говорить о научных школах, создаваемых в стенах молодого Карагандинского университета. Научные школы, которыми славятся отечественные университеты, не рождаются по взмаху волшебной палочки. Это – процесс сложный, длительный, предполагающий наличие квалифицированного профессорско-преподавательского состава с крупными талантливыми учеными в его ядре.

Однако век научно-технической революции убыстряет и этот процесс. Каким бы трудным ни был путь развития нашего коллектива, как бы не опережали желания объективные возможности, лицо нового университета начинает проясняться. Четко определены цели, стоящие перед нами. Благодатна почва, в которую падают добрые семена. Ректорат и партбюро стремятся поддерживать все полезные начинания как в области организационно-педагогического, так и в области научного творчества.

Некоторые штрихи, характеризующие наш физический факультет, могут дать представление и об университете в целом. Его преподаватели – преимущественно молодые люди, кандидаты наук, только что начавшие путь. Они собрались из разных концов страны. Б.И. Минаев приехал к нам из Томского университета, А.И. Турмухамбетов и К.З. Альжанов из Казахского университета, из Алма-Аты. К.Т. Ермагамбетов до Караганды работал в Сибирском отделении Академии наук Союза ССР, Г.А.Кецле – в Московском университете, Л.И. Ильина – в Казахском политехническом институте. Среди физиков только доцент А.И. Перевертун, в недавнем прошлом алмаатинец, обладает большим преподавательским и научным опытом. Деканом факультета стал у нас кандидат наук Ж.С. Акылбаев, воспитанник КазГУ, а заведующим кафедрой радиоэлектроники кандидат наук Л.А. Краусс, работавший в Карагандинском политехническом институте. Я привел этот пестрый перечень фамилий, чтобы показать, как в пределах одного факультета сошлись люди разных школ. Естественно, возникла мысль, что нелегко будет объединить едиными творческими интересами молодых физиков, освоивших методы и взгляды учителей, часто стоящих далеко друг от друга. К счастью, опасения оказались преувеличенными. На факультете у нас атмосфера общей заинтересованности и дружелюбия.

Вспоминаю, с какой настойчивостью просили меня Л. Краусс и Ж. Акылбаев приобрести так называемую гелиевую установку. И теперь, когда установка доставлена в университет, наши физики вместе с

Created by free version of 2PDF
Buketov University

молодым специалистом из МГУ В. Бурудуном с огромным увлечением ее осваивают. Это, в сущности, миниатюрный завод, сложное химическое предприятие. Многочисленные толстенные емкости, моторы, компрессоры, автоклавы соединены между собой переплетающимися трубами и трубками. Процессом управляет сложное устройство. Когда установка будет пущена, а это произойдет в самом скором времени, впервые в республике мы начнем осваивать редкий, но надежный способ получения самой низкой, теоретически возможной на земле температуры в минус 273 градуса, то есть абсолютного нуля. Это достигается при многократном сжатии газов до сжижения, при мгновенном расширении после каждого сжатия. В условиях такого холода многие вещества приобретают уникальные новые свойства, а изучение этих свойств представляет исключительный интерес.

Гелиевой установкой, естественно, не исчерпывается оборудование физического факультета. Оснащенность наших кафедр и лабораторий, их высокий современный уровень отмечали гости из Алма-Аты, из старейшего в Сибири Томского университета. Отмечали не по долгу вежливости, а после пристрастного, не без некоторой, скажем, светлой зависти, ознакомления.

Однако даже не это стало главным в работе физического факультета. Благотворный творческий климат, о котором я говорил, сказывается прежде всего на сосредоточенности научных изысканий. Вузовские работники знают пагубные мелкотемья, когда чуть ли не каждый специалист занимается только своим узким делом в отрыве от общих устремлений. У нас так не произошло. Уже очерчены главные проблемы, – их всего три. И в их пределах происходит экспериментирование и творческое осмысление полученных данных. Так создается почва для широкого обсуждения возникающих научных вопросов.

Таким образом, круг проблем не расширяется, а суживается, но одновременно и углубляется. И, главное, факультет сформировывается в единый целеустремленный коллектив. А как это выглядит практически? Вот один поучительный пример.

Приехал к нам работать после окончания аспирантуры в Казахском университете физик Казбек Бахтыбеков, способный, увлекающийся молодой человек. Для завершения диссертационной работы ему пришлось проделывать с помощью доцента Алексея Ивановича Перевертуна некоторые эксперименты, касающиеся энергетических изменений, происходящих с излучением определенной длины волны при прохождении через кристаллы кварца. Казбек получил сами по себе интересные экспериментальные данные. Но их помог дальше осмыс-

Created by free version of 2PDF
Buk.by University

лить и дать им точную интерпретацию томич Минаев, тридцатитрехлетний способный докторант. Не остался в долгу и воспитанник МГУ Кецле, тонкий и вдумчивый экспериментатор. Так коллективный поиск при настойчивой индивидуальной работе каждого приносит интересный результат.

И физики шутят, они не могут обходиться без шуток:

- Если бы в 1972 году не открылся Карагандинский университет, не было бы и такого плодотворного содружества. Сколько бы потеряла наука!

Коллективный поиск верного научного направления касается еще одной важной стороны деятельности нашего университета. Как известно, науки издавна делились на фундаментальные и прикладные. Фундаментальные иногда называли чистыми науками. Еще лет сорок назад ученый, работавший в области "чистой науки", не заботился о практическом применении своих открытий. Ныне, в век научно-технической революции, разрыв между фундаментальными и прикладными науками настолько сократился, что разница между ними становится зыбкой и часто условной. Нередко происходит и так, что из решения прикладных проблем проистекают научные изыскания, дающие результаты на уровне новых истин. Поэтому нынче и университетские кафедры, еще в сравнительно недавнем прошлом традиционно ограничившие свои искания решениями задач "чистой науки", вступают в непосредственную связь с производством.

Более того, именно эта связь часто служит животворным источником для новых творческих исканий и открытий в этих, казалось бы, далеких от практики областях науки.

Стоит ли удивляться, что наш университет за короткий срок провел научные работы на основе хозяйственных договоров с предприятиями на внушительную сумму, достигшую почти полумиллиона рублей. Мы прочно связаны с объединением "Карагандауголь", с Карагандинским металлургическим заводом, с Джезказганским и Балхашским горно-металлургическими комбинатами, с проектными и научными организациями области, со многими совхозами и колхозами.

Мы укореняемся в земле Центрального Казахстана, в его сельском хозяйстве, приобретаем верных людей среди людей труда, помогаем им - может быть, еще не вполную меру наших возможностей - и одновременно углубляем научный поиск. Плодотворность такой дружбы очевидна сама по себе. Но ее можно проиллюстрировать и фактами.

Я позволю себе еще раз вернуться к работе доцента Алексея Ивановича Перевертуна. Он еще в Алматы по совету своего учителя про-

Created by free version of 2PDF

фессора Гульницкого начал заниматься так называемой актинометрией. Это область физики, изучающая энергетический обмен во всей глубине атмосферы земли, обмен, вызываемый излучением солнца и других космических тел. Казалось бы, какая может быть связь между этой наукой и измерением температуры расплавов в металлургических печах? Но такая связь есть, и ее установил доцент Перевертун. Он стал автором остроумной идеи применить им же самим разработанный метод измерения солнечной радиации к измерению температуры расплавов. Если бы Алексей Иванович не переехал в Карагандинский университет, если бы он не побывал на металлургических предприятиях, не общался с инженерами-металлургами, ему бы и в голову не пришла эта мысль. А теперь точнейший бесконтактный измеритель температуры металлургических расплавов безотказно работает на Джезказганском комбинате имени Сатпаева. Прежние малонадежные контактные пирометры в огнеупорных чехлах там уже не толкают в расплавы.

Молодые кандидаты наук Л.А. Полянская и А.А. Кожакова заинтересовались проблемой огнеустойчивости деревянных шахтных крепей. Изучив теоретически и экспериментально свойства огнеупорных химикатов, они предложили свой состав и свой метод пропитывания крепежного дерева. Их предложение принято и успешно проходит промышленное испытание.

Не так давно на совещании овощеводов области выступил заведующий кафедрой биологического факультета, кандидат наук К.С.Баишев. Он рассказал о том, что в течение последних двух лет на агробиостанции университета испытывалось влияние на развитие и рост растений препарата «Корвитол», синтезированного старшим научным сотрудником Карагандинского химико-металлургического института, кандидатом химических наук А.В. Шелкуновым. Действие "Корвитола" на полях университетской агробиостанции оказалось поразительным. Рост и развитие всех без исключения культур ускорились на полторы-две недели. И это при введении всего лишь одного грамма препарата на тонну воды. Причем "Корвитол" после кратковременного действия разлагается, не оставляя никаких следов, – таким свойством не обладает ни одно из найденных до сих пор ростковых веществ. "Корвитол" после университетских рекомендаций испытывается в широких масштабах и на полях совхозов Карагандинской области, и на хлопковых и свекловичных плантациях Южного Казахстана.

Я отдаю себе отчет, что это начало, только первые крупицы наших будущих вкладов в технику и экономику. Трудно сейчас предста-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

вить, какие достижения ждут нас на этом пути, но нет никаких сомнений в его верности и большой перспективности.

Бесспорно, университету, завершающему только первое свое пятилетие, еще не хватает ученых крупного масштаба. Пересчитать маститых, как говорится, достаточно пальцев одной руки.

Я уже рассказал о наших физиках. А вот, к примеру, соседняя отрасль. Работает у нас профессор З.М.Молдахметов, специалист по квантовой химии, открывающий природу микромира.

Очень хорошо, что именно с нашим университетом связал свою судьбу профессор Д.А.Шаймуханов, знаток истории промышленности Центрального Казахстана, серьезно занимающийся ролью рабочего класса в процессе индустриального созидания.

Кафедрой политической экономии заведует доцент Т.А. Абдразаков, ученый с большим стажем партийно-советской работы. Он специализировался по экономическим основам социалистического развития национальных окраин нашей страны. Этой теме посвящена и его солидная монография, недавно вышедшая из печати и представленная им для защиты в качестве докторской диссертации.

Заведующая кафедрой марксистко-ленинской философии доцент Р.А. Клещева увлеченно занимается социологическими исследованиями на угольных шахтах Карагандинского бассейна.

Упомяну еще одного зрелого специалиста – доктора педагогических наук профессора Г.А. Мейрамова. Он в равной мере предан и лингвистике и поискам наиболее эффективных путей обучения казахской молодежи русскому языку. Владея научными основами современного русского и казахского языковедения, он здесь, в Караганде, еще в педагогическом институте, влившимся в университет, создал школу своих последователей и продолжает неутомимо пропагандировать новые методы обучения.

...До сих пор я говорил преимущественно о молодых специалистах и о тех наших профессорах и преподавателях, чей научный потенциал уже был известен. Но есть в любом высшем учебном заведении люди, – наш университет не представляет исключения, – которые по скромности своей, неуверенности, либо еще по каким-то другим причинам оставались в тени, не находили полного применения своим способностям, опыту. Долг руководителей в этом случае помочь им определить свое лицо, подтолкнуть их. Я вовсе не считаю, что каждый преподаватель должен непременно стать кандидатом наук, а каждый кандидат – доктором. Больше того, иным любителям поскорее "остепениться" хочется сказать: а что у вас, дорогой товарищ, есть за душою,

Created by free version of 2PDF

не зря ли вы торопитесь? Быть может, вам просто противопоказано быть доктором наук. Однако сейчас речь о случаях диаметрально противоположных.

Заходит ко мне однажды молодой доцент Задан Таскалиевич Жумагалиев. Неожиданно разговорились о некоторых проблемах казахской драматургии. И вдруг я обнаружил в его некоторых формулировках, повторяемых с настойчивостью и чуть лукавой полуулыбкой, что-то очень знакомое, даже близкое. Маленький подвох быстро выяснился. Оказалось Жумагалиев приводил цитаты из моей давней журнальной статьи о театре, которую я, признаться, совсем позабыл. Меня заинтересовало, почему именно эта статья попала в поле его зрения. Постепенно выяснилось, что литературовед давно и глубоко занимается проблемами отражения героики гражданской войны в казахской прозе и драме, досконально знает источники, может часами говорить о наших национальных героях.

– Много ли у вас уже написано? - спросил я Задана Таскалиевича. В ответ он мне рассказал, что у него есть и опубликованные и неопубликованные работы.

Тут же я подумал, что они, очевидно, имеют не только литературоведческое, но и воспитательное значение, что они нужны нашей молодежи, не всегда отчетливо представляющей героические страницы борьбы за советскую власть.

Я посоветовал Жумагалиеву обобщить его исследования в монографию и не очень тянуть с этим делом. Будущая книга, несомненно, могла быть представлена в качестве докторской диссертации. Так оно и случилось. Книга вышла в свет. Скоро доцент Жумагалиев будет защищать право стать доктором филологических наук.

Еще один случай.

Как-то не без удивления приметил я на своем рабочем столе изящные журнальные оттиски на немецком языке. Взглянул на первую страницу и прочитал знакомую фамилию – Скопин. Ну, конечно же, это наш доцент. Сразу припомнил, что я знаю о нем. Факультетские зоологи очень сдержанно отзывались о своем пожилом коллеге. Дескать, мало чем себя проявил. К тому же скоро исполняется шестьдесят, и он как будто собирается на пенсию.

Но когда я увидел две научные статьи, напечатанных нашими немецкими друзьями в серьезном берлинском журнале, то посчитал необходимым ближе познакомиться с Николаем Георгиевичем Скопиным.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

– Слышал я, Николай Георгиевич, вы на пенсию собираетесь. Чувствуете потребность отдыха? – спрашиваю его.

– Да, Евней Арстанович, устал. Очень прошу вас пойти мне навстречу.

Я благодарю Скопина за журнальные оттиски, - это, понятно, он передал их мне.

– Может быть, этими статьями вы мне что-нибудь хотели сказать?

– Да нет... Никакой скрытой символики здесь нет. Просто хотелось, чтобы перед моим уходом на пенсию обо мне подумали чуть лучше, чем раньше. Мол, все-таки старый доцент делает и такое, что находят интересным и за рубежом.

Я смеюсь. Он продолжает оставаться серьезным.

– Николай Георгиевич, может быть вы мне расскажите о своих занятиях.

– Отчего не рассказать, пожалуйста.

Вначале он был несколько скован. Сообщил, что закончил Среднеазиатский государственный университет в 1938 году, а насекомыми стал заниматься еще в студенческие годы.

И не просто насекомыми – главным образом, так называемыми жестокрылыми жуками.

Я про себя подумал, – надо быть большим энтузиастом, чтобы всю жизнь отдать жукам. И, словно услышав мое невысказанное недоумение, Николай Георгиевич, преобразившись, утратив прежнюю скованность, увлеченно стал рассказывать о природе Цетрального Казахстана и, конечно, о насекомых и прежде всего о жуках. Негодовал, что люди порой неразумно вмешиваются, нарушают в ней равновесие, злоупотребляя химикатами, применяя нерациональные агротехнические приемы. Слушая Скопина, я кажется, впервые узнал, что целеустремленное методическое изучение жизни насекомых раскрывает перед человеком огромные возможности. Мы можем сохранять и умножать лесные насаждения, сберечь много зерна, овощей и фруктов, если будем помогать полезным видам насекомых бороться с вредными, проводя агротехнические мероприятия с учетом опасных моментов в их росте и развитии.

Николай Георгиевич не рисуется, говорит искренне и обдуманно, убежденный в своей правоте.

Я решаюсь напрямик спросить его:

– А вы не думали стать доктором наук?

После некоторой паузы ответил:

Created by free version of 2PDF

– Когда-то думал, но упустил время. Ведь каждый год, выезжая со студентами на полевую практику, получал все новые и новые интересные данные. Материал просто захлестывал меня, а вот обобщить и систематизировать так и не собрался.

И тут я перешел в наступление:

– Николай Георгиевич, вы думали, что вам надо уходить на пенсию. Вам докторскую надо защищать. И продолжать учить молодежь. Охрана природы стала у нас государственным, общенародным делом. А жуки разве не природа? Ваш опыт и знания не должны уходить с вами на пенсию. Будем считать, что вы о ней не говорили...

Он отвечает не сразу. Можно догадаться, что Николай Георгиевич принадлежит к людям, обдумывающим решения медленно, а принявши, трудно меняет их. Я не вижу на его лице радости. Наконец, он произносит слова, которые меня в общем не приводят в восторг:

– Вам, вероятно, виднее. Что ж, могу и поработать.

Я продолжаю наступать:

– Не просто поработать, а поработать с огоньком, с перспективой защитить докторскую. Нет, нет... Сейчас мне не отвечайте. Обдумайте все на досуге и заходите через недельку-другую со всеми своими материалами, с планом, с расчетами необходимого времени...

Прошло дней десять. Николай Гергиевич снова появился у меня в кабинете, на этот раз с огромной сумкой. Он извлек из сумки свыше шестидесяти оттисков своих научных работ и множество превосходно выполненных рисунков, изображавших в увеличенном виде части тел насекомых в соответствии с принятой в зоологии методикой изучения. Его комментарии были оживленными и обнаруживали глубокую эрудицию.

Мы с ним быстро договорились, что в положенные шесть месяцев творческого отпуска он завершит и представит свою диссертацию, которая уже сейчас вырисовывалась достаточно убедительно.

Правда, на кафедре ухитрились, пользуясь дисциплинированностью и деликатностью Николая Георгиевича, в самый разгар работы над диссертацией, отправить его руководить студенческой практикой. Хорошо, что я об этом случайно услышал и отменил поспешное распоряжение.

Кончилось все тем, что в Ленинграде, в Зоологическом институте Академии наук СССР Николай Георгиевич с блеском защитил докторскую диссертацию. Его первый оппонент академик Харальд Маркович Хаберман заметил, что в монографии, представленной доцентом Скопиным, научного материала хватило бы на две диссертации, и ему надо бы защищаться лет десять-пятнадцать назад.

Created by free version of 2PDF
Bukhara University

Так в университете появился еще один доктор наук. Николай Георгиевич без устали занимается со своими студентами, передает им свою увлеченность. Однако теперь и к ректору он стал предъявлять свои требования. Дескать, надо создавать условия будущим молодым специалистам-энтомологам. Заполучив нового доктора, я приобрел и дополнительные неотложные хлопоты. Что ж, такова судьба руководителя...

IV

Сколько лет тебе было, мой Апак, открывший карагандинские угли? Двадцать семь, семнадцать, а может быть, семь? Такой справки мы никогда не найдем в архивах. Но зато я могу на основании собственных воспоминаний о далеком детстве сказать, что в степи, в ауле человек становится полезным работником в семь-восемь лет. В этом возрасте он уже мог присмотреть за отарой, пригнать телят и коз, собирать кизяки для костра, – да мало ли забот в кочевом быту. Мой отец говаривал, что он, слава аллаху, с тех пор, как помнит себя, не бывал без дела и в тринадцать лет уже отлично косил.

Так было и в русских крестьянских семьях. Некрасов в "Крестьянских детях" оставил нам удивительный, на наш взгляд, и обычный в те времена образ "Мужичка с ноготок".

– А что у отца-то большая семья?

– Семья-то большая, да два человека
всего мужиков-то: отец мой да я... И дальше:

– А кой тебе годик? - "Шестой миновал..."

Школьная детвора учит теперь эти стихи и вряд ли зримо представляет, что за ними скрывалось отсутствие детства, обыкновенных ребячьих радостей, всего того, что в наше время подразумевается само собой.

Можно только диву даваться, как за послеоктябрьские полвека изменилась суть нашей жизни, изменились отношения в семье, изменилось даже понятие о возрасте. Нашим отцам достаточно было стать на ноги (не фигурально, а буквально), как они переставали быть иждивенцами и без особой предварительной подготовки и обучения включались в труд, которому потом посвящали всю свою жизнь. А теперь молодые люди чуть ли не до двадцати пяти лет (а если они пошли по научной стезе, то случается, и до тридцати) находятся на обеспечении семьи и государства. Их обучение в вузах год от года становится дороже.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Молодой Карагандинский государственный университет не составляет исключения. Он в полной мере ощущает на себе щедрость государства. Речь идет не только о расходах на подготовку преподавательских кадров, на постоянное улучшение условий их работы, на студенческие стипендии, наконец, но и о создании материальной базы университета, включающей здания, сооружения, учебно-научное оборудование. Достаточно сказать, что на приобретение этого оборудования израсходовано, примерно, два миллиона рублей. Но наши преподаватели считают, что это только начало оснащения учебного процесса и научных исследований новейшими приборами и аппаратами, хотя в их число входят, например, электро-вычислительная машина самого последнего поколения ЕС-10-20 и упоминавшаяся нами гелиевая установка, стоимость которых исчисляется сотнями тысяч рублей.

Университет ныне занимается в четырех зданиях, в одном из которых в свое время помещался весь педагогический институт. Тем не менее, это совсем не удовлетворяет нас. И мы уже переходим в новое здание. В нем созданы хорошие условия для лекций и лабораторных занятий на самом современном уровне. Однако и этот корпус лишь преддверие к созданию будущего университетского городка. Об этом стоит рассказать по подробнее.

Если выезжать из Караганды в юго-восточном направлении, то попадешь на одну из самых оживленных трасс, которая связывает город угля с городом меди Балхашом. Дорога эта очень любопытна. Через какие-то сорок километров опытный глаз может заметить черные лоснящиеся горы - шлаковые отвалы бывших спасских медных промыслов, выдававших до революции до пятнадцати процентов меди. Там впервые русский пролетариат сроднился с казахским, как об этом мы знаем из художественного полотна Габита Мусрепова "Пробужденный край". А у самого начала, сразу при выезде из Караганды, справа возвышается новый маленький город с девяти – и двенадцатиэтажными домами, тот город, о котором мечтали, может быть, Кампанелла и Чернышевский. Этот город с сорокатысячным населением отличается тем, что в нем нет ни одной дымящейся трубы. Город не задернут сизой дымкой, а разноцветно сверкает на солнце, радуя своей архитектурной целостностью и чистотой силуэтов. Границы этого городского района, пока в обиходе называемого «Юго-Востоком», обрываются справа улицей, носящей гордое название Университетской. И это название совершенно не случайно. Именно здесь начинается территория будущего городка Карагандинского государственного университета. Проедем к этой улице и выйдем из машины. Посмотрите на юг! Перед вашим

Created by free version of 2PDF

удивленным взором откроется широкая водная гладь площадью не м
нее, чем в два десятка квадратных километров. Это громадное Феде
ровское водохранилище, замечательное рукотворное озеро - гордост
горожан. До него от Университетской улицы всего какой-нибудь ки
лометр. Здесь были когда-то открытые разработки угля – хорошо и
вестный карагандинский Федоровский разрез. Уголь был исчерпан,
разрез залили водой. Воды нашего озера синеют по-байкальски, пото
му что их глубина достигает местами восьмидесяти метров, - так пл
боко вгрызались в землю экскаваторы. И вот вся площадь от Универ
ситетской улицы почти до берега озера передана нам для будущег
студенческого университетского городка. Начало ему уже положено
построено и полностью заселено девятиэтажное здание университе
ского общежития №4 на тысячу мест. Рядом возводится второе здани
общежития. Уже заканчивается строительство большого учебного ко
пуса, где наряду с кабинетами, лабораториями, большими и малыми
учебными комнатами, читальными залами к услугам студентов буду
шесть поточных аудиторий, оснащенных по последнему слову техни
ки. Они вместят одновременно тысячу двести слушателей. Круглы
конференц-зал на девятьсот мест оригинально оформляется в вид
громадной казахской юрты. Здесь же будет и один из самых больших
городе спортивных залов.

Приступили мы к строительству и водно-спортивного комплек
университета на берегу своего "Байкала". Потребуется, может быт
две пятилетки, чтобы университетский городок вошел красивой и зн
чительной частью в общий ансамбль "Юго-Востока". Генеральны
план застройки университетского городка предусматривает высотно
здание ректората, корпуса девяти факультетов, общежитий студентов
аспирантов, лабораторный корпус научно-исследовательского сектор
центральную научную библиотеку. Приведу еще одну цифру. Все эт
будет стоить, приблизительно, около сорока миллионов рублей. Пр
мерно, четвертая часть этой суммы уже освоена.

Я думаю о том, что наш университет, второй в республике, орг
нически войдет в жизнь Караганды. Этот славный город, город угля
металла, уже можно называть и городом науки, университетским гор
дом.

Годы идут, многое уже становится хроникой минувших событи
Давно ли был открыт университет, а через год после открытия состоя
ся митинг по поводу начала строительства его главного здания. В эт
знаменательный для нас день в Караганду приехал поэт Абдильда Т
жибаев. Талантливого лирика и драматурга, чья юность связана с Це

Qaraqd / the Library 2D
Buketov University

тральным Казахстаном, первыми очагами советской индустрии, душевно встретила молодежь. Он поднялся на трибуну, седые его волосы шевелил карагандинский ветерок.

– Старый поэт приехал к вам за вдохновением, товарищи. Стоите вы передо мной молодые, статные, красивые, уверенные. Совсем не такие вы, какими мы были в молодости. Но и мы были оптимистами, и работали, и воевали, словом, боролись за то, чтобы вы стали именно такими, какие сейчас есть. Смотрю на вас и убеждаюсь: да, вы такие, какими мне хотелось представить вас когда-то. Думаю, что мне, старому поэту, стоит еще жить и работать в родной литературе, чтобы воспевать ваше настоящее и будущее... Вот сейчас секретарь обкома партии товарищ Акулинцев рассказал, какие будут светлые здания в этом комплексе, какой будет великолепный зал для того, чтобы отмечать торжественные дни и события в жизни страны и университета, какие прекрасные аудитории откроются здесь. Он колоритно обрисовал, какой красивый город студенчества и ученых вырастет вскоре на этом пустыре. Я верю в это и хочу увидеть свершение наших замыслов. Я хочу положить и свой кирпич под то будущее здание, под тот будущий зал, в котором я мечтаю выступить со стихами. Спасибо, молодые друзья, за вдохновенье!

Вот что говорил тогда на митинге поэт Абдильда Тажибаев.

Университетград в Караганде не за горами!

«Простор», 1974, № 8

ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Казахские читатели с нетерпением ждали выхода в свет переводов произведений великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, выпущенных казахским издательством художественной литературы.

Выполняя свое обещание, издательство выпустило III том собрания сочинений Гоголя. В него вошли повести «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Коляска», «Записки сумашедшего» и «Рим».

Перевод произведений писателя, с необыкновенным разнообразием использовавшего в своем творчестве все богатства русского языка, умевшего облекать мысли в чеканную, отточенную форму, – дело чрезвычайно трудное. Поэтому переводчик, серьезно относящийся к сво-

Created by free version of 2PDF
Suleiov University

ему благородному труду, должен не только в совершенстве знать оба языка, но и быть взыскательным мастером родной литературы. Без этого не передать казахскому читателю стиль и образность Гоголя, самобытное гоголевское остроумие.

Чтение повестей Гоголя рецензируемого нами издания, при сравнении перевода с оригиналом, оставляет разное впечатление.

Повести «Невский проспект» (переводчик Г. Орманов), «Шинель» (переводчик Ж. Косубаев), «Портрет» (Д. Косанов) переведены умело, творчески, со знанием дела, с максимально возможной близостью к подлиннику. Они читаются так же легко, как оригинал.

Удачно переведены А. Хангельдиным повести «Нос» и «Записки сумасшедшего», в них есть только один изъян – некоторые диалоги не обладают той живостью, которая присуща оригиналу.

В основной своей части неплохо переведенный том повестей испорчен совершенно невежественными переводами «Коляски» и «Рима».

Переводчик «Коляски» А. Байтанаев взялся за дело, которое ему совершенно не по плечу. Он не понял и исказил смысл множества фраз повести. В тех случаях, когда смысл фраз им уловлен верно, Байтанаев не смог передать структуру, живость авторской речи Гоголя. Каждую фразу Гоголя, представляющую собой монолитное целое, передающую в чеканной форме определенную мысль, Байтанаев безжалостно разбивает на несколько коротких фраз. Это приводит к полной утрате особенностей гоголевского стиля.

Дьяконица у Байтанаева названа «женщиной, состоящей в низшей церковной должности». Это длинное и в основе своей неверное название, повторяется в переводе столько раз, сколько в оригинале слово «дьяконица».

Дьяконица, как известно, жена дьякона. Поскольку в казахском языке нет равнозначного слова, надо было оставить русское и пояснить его в примечаниях, а не выдумывать бессмыслицу.

Француз-дворецкий, то есть слуга из французов, у переводчика превращен в какой-то нелепый дворец-француз (сарай-француз).

Отрывок «Рим» переведен Ж. Жумакановым. Он тоже не справился со своей задачей. Текст пестрит такими же нелепостями, как у Байтанаева. Чувствуется, что переводчик хорошо владеет казахским языком и искажения, которыми уснащен перевод, – результат небрежного, недобросовестного отношения к делу.

Отрывок переведен исключительно плохо. Вот один из наиболее разительных примеров безответственности Жумаканова. Гоголевскому описанию распорядка дня молодого итальянца в Париже, в котором он

Created by free version of 2PDF
Buketov University

прожил четыре года, переводчик по своему произволу придал такую форму, что у читателя создается впечатление, будто молодой итальянец остановился в Париже на один день и назавтра собирается уезжать. Героя повести переводчик самовольно называет путешественником.

У Гоголя молодой итальянец каждый день просыпается утром в своей квартире и идет завтракать в кафе, а у переводчика он просыпается… в кафе.

Родного дядю князя переводчик с необычайной легкостью превратил в дядьку-слугу. Итальянец в Париже, тоскуя по родине, ходил только в одну итальянскую оперу, а у переводчика он только один раз ходил в итальянскую оперу.

Если бы переводчику было известно слово «Колизей», то он не написал бы фразу: «огромные дворцы Колизея», ибо Колизей – это не группа дворцов, а развалины огромного амфитеатра.

Приведенные примеры – только небольшая часть искажений в той, с позволения сказать, «обработке», которой подверг Гоголя тов. Жумаканов.

Большая доля вины за все эти искажения ложится на редактора тома тов. Днисламова, допустившего опубликование переводов, не имеющих почти ничего общего с оригиналом.

В переводе тома почему-то опущены примечания, которые есть в издании Гослитиздата и поясняют каждую повесть. Это тоже очень существенный недостаток. Примечания оказали бы неоценимую услугу казахским читателям в изучении творчества Гоголя.

В повестях «Портрет» и «Рим» излагаются взгляды Гоголя на искусство. С некоторой частью этих взглядов советский читатель не может быть согласен. Известно, что Белинский подверг критике первый вариант «Портрета», и писатель, следуя советам великого критика, переделал эту повесть. Но и во втором варианте (переведен именно он) Гоголь не смог полностью отрешиться от идеалистического взгляда на искусство. Поэтому комментарии, помещенные в издании, с которого делали перевод, совершенно необходимо было сохранить.

Книга хорошо оформлена. Не будь в ней искажающих оригинал переводов «Коляски» и «Рима», она могла бы стать значительным достижением в деле издания произведений классиков русской литературы на казахском языке.

Читатели хотят быть уверенными в том, что издательство оградит их в дальнейшем от плохих, недоброкачественных переводов.

«Казахстанская правда», 17 апреля 1952 г.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

О ПЕРЕВОДАХ НА КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАЯКОВСКОГО

Велика тяга казахского читателя к произведениям классика социалистического реализма Владимира Владимировича Маяковского. Однако казахская литература еще не имеет Маяковского достаточно полного, чтобы судить о многообразии его творчества, достаточно совершенного в переводе, чтобы слышать подлинный голос поэта.

К переводу произведений Маяковского казахские поэты возвращались не раз. Как результат их многолетней работы, издана на казахском языке маленькая книжка стихов, содержащая всего 29 стихотворений и поэму «Владимир Ильич Ленин».

Перевод произведений поэта, который «изводил единого слова ради тысячи тонн словесной руды», – дело, безусловно, труднейшее. Своеобразие стиля, ритмики Маяковского, его ступенчатая строка, частое применение слов и выражений, присущих только самобытному русскому языку, требуют большого, творческого труда переводчика. Но если переводчик будет относиться к творчеству Маяковского так, как сам поэт относился к своему творчеству, очевидно, можно добиться очень близкого к подлиннику звучания произведений Маяковского на казахском языке.

Часто говорят о том, что тот или иной поэт хорошо усвоил своеобразие стиля, ритма Маяковского и пишет по-маяковски. К таким поэтам относят Г. Орманова, Ж. Саина, А. Сарсембаева, К. Аманжолова, Т. Жарокова.

Безусловно, у всех у них есть близость к лучшему, талантливейшему поэту нашей советской эпохи, ибо нет такого советского поэта, который не испытал бы в той или иной мере влияние Маяковского. Но то обстоятельство, что к настоящему моменту переведена на казахский язык только незначительная часть произведений Маяковского, и то, что и это небольшое количество переводов имеет большие недостатки, говорит: наши поэты еще не сумели использовать творческое новаторство великого поэта, не перенесли его на ниву казахской поэзии и не развили его применительно к особенностям казахского литературного языка.

Как же выглядят те три десятка стихов и одна поэма, выпущенные на казахском языке?

Поэт Таир Жароков перевел «Левый марш», «Стихи о советском паспорте», «Во весь голос» и поэму «Владимир Ильич Ленин».

Created by free version of 2PDF
Sukhov University

В переводе «Левого марша» поэт сумел сохранить ритмику Маяковского и маршевый гул его строфы. Но эти достижения опытного поэта сведены на нет грубейшими, недопустимыми ошибками, явно извращающими содержание «Левого марша».

У Маяковского:

Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.

В переводе:
Разбив свою корону,
Британский лев,
Изрыгая пламя, пусть воет.

Еще более вопиющий ляпсус допущен в следующей строфе:

Там
За горами горя
Солнечный край непочатый.
За голод,
За мора море
Шаг миллионный печатай!

Эти «за» у Маяковского имеют смысл – по ту сторону. А переводчик понял эти «за» в смысле «за них», и в результате этого получилось так, что якобы поэт рекомендует «шаг миллионный печатать» для того, чтобы получить «голод, мора море». И в целом перевод этой строфы имеет такой курьезный вид:

Там,
за горою (?!)
в стране, утопающей в печали
и горе, (?!)
в знойную южную сторону, (?!)
за голод,
за страдания
шаг миллионный печатай,
перешагивая моря!

Created by free version of 2PDF
Sukeev university

Это извращение порождает второе:

«Пусть там (?!), нанявши банду,
окружат нас лавой»...

Никакими соображениями поэтического порядка такую несуразицу нельзя объяснить. Вольности, допускаемые поэтом-переводчиком ради сохранения других достоинств поэтического оригинала, если они существенно не изменяют содержание, извинительны. Но вольности, подобные вышеприведенным, говорят о том, что переводчик, не зная тонкостей русского языка, не счел необходимым долго задумываться и перевел по-своему.

Этим же объясняется неправильный перевод концовки такого произведения, как «Стихи о советском паспорте»:

Читайте,
завидуйте,
я –
гражданин
Советского Союза.

Здесь Маяковский говорит о здоровой зависти трудящихся буржуазных стран к счастливым гражданам нашей страны, и это «завидуйте» у него звучит как призыв к тому, чтобы трудящиеся массы устроили свою судьбу также счастливо.

У переводчика же получилось по-иному:

Көріңдер,
Күндесеңдер, күйініңдер –
Мен
Совет Одағының
азаматы!

Мы специально приводим эти две строки на казахском языке, ибо глагол «күндеу», от которого произошел «күндесендер» (если завидуете), на казахском языке имеет смысл нездоровой, мещанской зависти, а этот глагол еще дополнен глаголом «күйініңдер», который выражает бессильное озлобление, порождаемое этой завистью. Понятно, что подобная «вольность» ничем не может быть оправдана.

Первое вступление к поэме о пятилетке, названное Маяковским «Во весь голос», является крупнейшим произведением поэта, подводящим итог всей его поэтической деятельности. Нужно признать, что

Created by free version of 2PDF
Suketov University

перевод, сделанный Т. Жароковым, довольно убедительно передает живой разговор поэта со своими потомками. Очевидно, это результат напряженной и вдумчивой работы. Переводчик хорошо усвоил ритмику Маяковского и умеет применять ее в переводе. Поэт сумел даже сохранить частушечные речитативы того места в стихотворении, где автор дает убийственную характеристику «кудреватых митреек и мудреватых кудреек», нисколько не отвлекаясь от главной мысли. Однако и здесь встречаются места, где поэт-переводчик не понял мысль, выражаемую Маяковским.

Поэтом К. Аманжоловым переведены стихотворения «Ленинцы», «Март», «Прощание», «Прозаседавшиеся».

Нельзя отказать переводчику в умении передать с конкретной образностью мысль Маяковского. Но в ритмике переводов есть недостатки, которые при упорной работе были бы преодолены.

Переводы таких значительных произведений, как «Юбилейное», «Разговор с товарищем Лениным», «Нашему юношеству», «Сергею Есенину», «Барышня и Вульворт», сделаны К. Бекхожиным. Переводы эти далеки от Маяковского.

Некоторые казахские поэты стихи Маяковского стараются втиснуть в устаревший песенный размер, очень удобный для импровизации, но не для серьезной и углубленной работы над словом. Так переведено К. Бекхожиным замечательное по своему лиризму стихотворение «Юбилейное». Из этого стихотворения совершенно выхолощен ритм Маяковского. Обезображено стихотворение «Сергею Есенину». Погоня за собственным, созданным переводчиком, ритмом, за выдержанностью собственного размера разжижает энергичный стих Маяковского, заставляет приклеивать ложнозвучащие, мямлящие слова.

У Маяковского просто и сильно:

У народа,
у языкотворца,
умер звонкий
забулдыга подмастерье.

У переводчика запутанно и извращенно:

У народа, у точащей язык
говорливой публики,
Умер говорун с гулким голосом.

Created by free version of 2PDF

Есть ли в казахском языке возможности для выражения ярких мыслей-образов Маяковского? Есть. Они не использованы переводчиком только в результате крайне легкомысленного отношения к творчеству великого поэта.

Отрадно отметить, что переводы стихотворений «Лучший стих» и «Выволакивайте будущее», сделанные молодым поэтом М. Алимбаевым, выполнены безукоризненно. Это лучшие переводы во всем сборнике. Они доказывают, что Маяковского можно переводить на казахский язык, сохранив все достоинства оригинала. Очень жаль, что М. Алимбаев мало переводит Маяковского.

Из больших произведений Маяковского переведена на казахский язык поэма «Владимир Ильич Ленин».

В этом произведении, написанном непосредственно под впечатлением смерти Владимира Ильича Ленина, поэт создал образ великого вождя, образ, который остается непревзойденным во всей нашей литературе. Поэт-переводчик должен подходить к переводу этой поэмы как к важному этапу в своем собственном творчестве. Трудно переоценить воспитательное воздействие хорошо сделанного перевода на массы читателей.

Т. Жароков ясно чувствует внутреннюю энергию стиха Маяковского, ритм Маяковского. Это одно из больших преимуществ поэта-переводчика, делающее его переводы по ритмике наиболее близкими к оригиналу. Там, где он упорно работает над словом, у него получается неплохо. Но в этом упорстве у поэта-переводчика не хватает последовательности, что приводит к неодинаковости художественных достоинств отдельных частей поэмы, а незнание тонкостей русского языка и излишняя надежда на интуицию в осмыслении тех или иных затруднительных мест приводят его зачастую к погрешностям, которые резко снижают общее впечатление от перевода.

Первая часть поэмы тов. Жароковым переведена в основном хорошо. Но тем яснее выпячиваются досадные недостатки, свойственные его переводам. Вот один из многочисленных примеров.

В поэме есть место, где Маяковский раскрывает в полемическом тоне свое назначение, как певца «атакующего класса»:

Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:

Created by free version of 2PDF

- А где ж душа?!
Да это ж –
риторика!!
Поэзия где ж?
одна публицистика!

В переводе Т. Жарокова эта строфа звучит так:

Знаю,
лирик разъярится,
не стерпев,
критики
ринутся
с хлыстиками:
- Где же душа? –
Одна проза же!
Где же песни?
Скажут – нет в словах складности!

Нельзя согласиться с таким переводом, в корне извращающим мысли великого поэта. Мы хорошо знаем, как эстеты травили и ненавидели Маяковского именно за публицистическую заостренность его стихов, за их политическую направленность и глубокую партийность. И поэтому слова «одна публицистика» имеют стержневое значение в этой сфере. Не случайно оно и зарифмовано.

Следуя Маяковскому, необходимо было оставить слово публицистика на месте, а к нему, как говорил поэт, «Достать рифму во что бы то ни стало». Ведь можно придумать десятки вариантов группы слов, выражающих одну и ту же мысль – недовольство «чистого» лирика стихами Маяковского и ярость эстетствующего критика. Т. Жароков сделал наоборот – перевел почти точно первые две строки, а остальные кое-как приладил к первым, чем приглушил в переводе полемическую остроту строфы Маяковского, изуродовал ее.

В переводе хорошие строфы постоянно перемежаются с прямыми нелепостями. Например, после убедительных стихов о старшем «ленинском брате» – К. Марксе, который «грабящих прибавочную стоимость за руку поймал с поличным», следует у переводчика строфа:

Created by free version of 2PDF

Мелкие богачи
дрожали телом,
не смея смотреть
в животы толстых,
этих биржедержателей,
толстых дельцов, -
сказал Маркс, - сразу, топчи, в грандиозной
борьбе,
их, распухших от золота,
из теленка выросших в быка.

Смысл этих строк невозможно понять. У Маяковского это выглядит следующим образом:

Где дрожали тельцем,
не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,
Маркс
повел
разить
войною классовой
золотого,
до быка
доросшего тельца.

Здесь, конечно, извинительно то, что капитализм у переводчика не прямо назван, как у автора, «золотым, до быка доросшим тельцом», а просто «распух до золота и из теленка вырос в быка». Сила от этого не теряется. Но откуда взял переводчик «мелких богачей, не смеющих смотреть в животы толстых»? Это только ему одному известно. Маяковский говорит о смелости, которая появилась у рабочего класса, когда Маркс ясно указал на его жизненные цели и возможности, вооружил теорией научного социализма. В полном соответствии с этим Маяковский делает ударение на слове «классовой», зарифмовав это слово. Переводчик не имел права выбрасывать это стрежневое слово.

В первой половине второй части поэмы можно было бы сделать мелкие замечания, не имеющие принципиального значения. Далее следуют более грубые ошибки.

Sukhov university
Created by free version of 2PDF

Знакомясь с переводами Маяковского, невольно приходишь к мысли, что на казахском языке нет еще пока настоящего Маяковского, общающегося с нами, «как живой с живым говоря».

Созданию полноценных переводов произведений Маяковского на казахский язык мешает довольно легкое отношение некоторых поэтов-переводчиков к стихам великого поэта. Они со стихами Маяковского, видимо, поступают по тому принципу, который был высмеян Маяковским еще в начальную пору его поэтической деятельности:

Я раньше думал –
Книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный простак
пожалуйста!

Мешает созданию полноценных переводов также отсутствие глубокой, принципиальной критики со стороны литературной общественности. Появившиеся в журнале «Әдебиет және искусство» статьи Турганбаева и Нуркатова, а в альманахе «Казахстан» статья Нуркатова, посвященные переводам Маяковского, написаны поверхностно, без глубокого анализа ошибок, допущенных переводчиками. Понятно, что такая критика не поможет поэтам-переводчикам в их дальнейшей работе.

Хотим надеяться, что дальнейшая вдохновенная и взыскательная работа поэтов-переводчиков даст казахским читателям полноценного, полнокровного, многогранного Маяковского, говорящего во весь свой могучий голос с одним из народов своей Родины на его родном языке. Для этого у казахских поэтов есть все возможности.

«Казахстанская правда» 29 марта 1953 г.

Created by free version of 2PDF
Suketov University

О ХАЛТУРНОМ ПЕРЕВОДЕ И НЕВЗЫСКАТЕЛЬНЫХ ИЗДАТЕЛЯХ

Казахское учебно-педагогическое издательство выпустило в переводе на казахский язык сборник высказываний Н.Г. Чернышевского по педагогическим вопросам[4]. Такая книга нужна педагогам республики. Но переводчик подошел к делу настолько легкомысленно, что читая перевод, трудно представить себе, что автор оригинала – Н.Г. Чернышевский, глубокий мыслитель и замечательный мастер слова.

Книга открывается высказыванием Чернышевского, взятым из "Очерков гоголевского периода русской литературы":

Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами перед Родиной, его человеческое достоинство – силою его патриотизма.

В переводе эти слова выглядят так:

Историческое значение каждого русского великого человека выясняется его заслугами перед Родиной, его человеческое достоинство – его патриотическими силами.

На первый взгляд кажется, что перевод верен. Между тем, эта первая фраза книги – образец невзыскательности переводчика. Почему он говорит "выясняется", а не "измеряется"? Это слово есть и в казахском языке. Почему он говорит "патриотические силы"? Под патриотическими силами обычно подразумеваются силы страны, общества. У Чернышевского идёт речь о силе патриотических чувств отдельной личности, поэтому нужно было сказать и по-казахски "силою его патриотизма".

Далее в книге то и дело встречаются гораздо более серьёзные недостатки. Чернышевский пишет:

Не таково положение малороссских простолюдинов – людей едва грамотных или желающих учиться грамоте.

---

[4] *Н.Г. Чернышевский. «Избранные педагогические высказывания». Казахское учебно-педагогическое издательство, 1951 год*

Created by free version of 2PDF

В переводе: *"Положение простого народа Малороссии не такое, они люди или малограмотные, или стремящиеся уничтожить свою неграмотность".*

Чернышевский имел в виду ту незначительную часть простолюдинов, которые "едва грамотны или желают учиться грамоте". А перевод дает ложное представление, будто в пятидесятых годах прошлого века все украинцы простолюдины были малограмотны или "стремились уничтожить неграмотность".

В оригинале:

"Хотя просвещение есть корень всякого блага, но не всегда оно само по себе уже бывает достаточно для исцеления зла; часто требуются также и другие, более прямые, средства, потому что зло не всегда бывает основано непосредственным образом на одном только невежестве, иногда оно поддерживается и другими обстоятельствами, которые, конечно, в свою очередь порождены невежеством, но бывают такого свойства, что для уничтожения их невозможно и распространение просвещения".

В переводе:

"Однако, просвещение, хотя и является источником всех благ, оно само по себе не может исцелить от болезни зла. Ввиду того, что зло не основывается прямо на невежестве, иногда требуются другие прямые средства. Невежество иногда поддерживается и другими обстоятельствами, они, конечно, в свою очередь рождаются от невежества".

Чернышевский в приведенной цитате высказывается против той части либеральной интеллигенции, которая утверждала, что распространение просвещения может искоренить зло. Великий революционер-демократ не мог сказать прямо о том, что зло, невежество порождаются, прежде всего, условиями жизни народа при царизме, общественным строем того времени. Но Чернышевский под "прямыми средствами", которые требуются для "исцеления зла", подразумевает средства революционные, ведущие к изменению общественного строя.

Переводчик затуманил, исказил общественно-политический смысл высказывания.

В книге встречаются места, которые свидетельствуют о том, что переводчик подчас просто не понимает смысла оригинала.

Created by free version of 2PDF

"У них (у малороссов - Ред.), – пишет Чернышевский, – любовь к народности так сильна, что за снабжение народа книгами, наверно, примутся люди самые даровитые, и книги будут написаны ими очень хорошие. А достоинство популярных книг на малороссском языке возбудит соревнование и в нас: нам станет тогда совестно не потрудиться хорошенько для нашего племени".

В переводе: *"У них к книгам народная любовь такова, что за снабжение народа книгами возьмутся люди самые развитые, и выпущенные ими книги будут очень хорошо написаны. А достоинства книг для народа на малороссском языке и у нас вызовет соревнование; тогда нам стыдно будет не трудиться для того, чтобы выпустить книги для будущего своего поколения".*

Во-первых, Чернышевский имеет в виду не "народную любовь к книгам", а любовь украинской интеллигенции к народу, и, во-вторых, под "своим племенем" Чернышевский подразумевает не "будущее поколение", а русский народ того времени.

В оригинале:

"Развлечение внимания вредно, но ещё вреднее, когда внимание тупеет от монотонности".

Здесь Чернышевский подразумевает не развлечение в прямом смысле, а раздробление внимания между несколькими науками.

У переводчика же получилось такое "назидание": "Развлекаться вниманием (?!), это ещё вреднее".

Подобные нелепости встречаются чуть ли не на каждой странице перевода. Т. Байбатыров или не владеет в достаточной степени русским и казахским языками, или заведомо недобросовестно отнесся к порученному ему делу. Под его пером пламенные, глубоко эмоциональные высказывания великого патриота или искажаются, или превращаются в вялые, не захватывающие читателя нравоучения.

Книга изобилует грамматическими ошибками, опечатками. Многие примечания перепутаны, они не соответствуют высказываниям.

Переводчик, редакторы книги Ш. Байжанов и Е. Утебаев халатно подготовили книгу к печати. По их вине казахские читатели вынуждены знакомиться с высказываниями великого мыслителя в извращенном виде.

«Ленинская смена», 24 февраля 1953 г.

Created by free version of 2PDF

ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ КОМЕДИЯ

В Казахской драматургии комедия – самый неразвитый жанр. По существу ни одной полноценной комедии, резко и сильно обличающей отсталое, вредное, на сцене не появилось. Встречались лишь отдельные комические персонажи, выведенные не столько для обличения, сколько для оживления сценического действия.

Поэтому появление на сцене Театра для детей и юношества Казахстана обличительной комедии Ш. Хусаинова "Весенний ветер" представляет особенный интерес.

Драматург сделал центральным действующим лицом Мойтыка - человека, отягощенного многими пороками. Используя нетребовательность, а подчас и прямое ротозейство окружающих, этот "деятель" долго обманывал государство и колхозников.

...Молодой агромелиоратор Хорлан Елшибекова работает в передовом колхозе "Оскен". Соседний колхоз "Оркен", где председателем Мойтык, – один из самых отсталых в районе. Хорлан хорошо знает дела соседнего колхоза: там агрономом ее жених Нурым Тойшибеков. Она обнаруживает, что Нурым, проработав год, оказался ротозеем, проявил политическую слепоту, по существу прикрывал очковтирательство Мойтыка.

Хорлан смело берется за разоблачение Мойтыка и ставит вопрос о колхозе "Оркен" перед районными организациями. Но разоблачить Мойтыка не так-то легко. Это признает опытный председатель колхоза "Оскен" Торгын. Она говорит, что Мойтык – "это не такая болезнь, от которой можно легко вылечиться. Она раскинула корни через родственные, земляческие, дружеские и другие связи... Сколько людей объедалось с помощью Мойтыка... Всем колхозное добро таскал. Один поддерживает, другой помогает. Оттого он и до сих пор себя хозяином чувствует".

Выясняется, что Мойтык дает ложные сводки в районные организации, заставляет засевать необработанную землю. Преступление налицо. Но заворовавшийся руководитель решает спасти себя контрударом. Чтобы доказать, что якобы не он, а его противники – недобросовестные люди, Мойтык добивается принятия правлением колхоза решения, в котором вина развала колхоза возлагается на Нурыма, пишет клеветнические жалобы во все инстанции. Вкупе со своим приспешником Шаймуханом Мойтык подыскивает полезных ему людей в районных и областных организациях. Свои преступления он прикрывает

Created by free version of 2PDF

фальшивыми фразами о честности, правде. Таково лицо изворотливого хапуги.

Убедительна фигура Мойтыка и в спектакле. Артист К.Умурзаков обрисовал его скупыми, но выразительными приемами. Мойтык на сцене медлителен, надменен. Он умеет подчеркнуто спокойно говорить о правилах в хозяйственных делах колхоза, своих бесчестных "поставках" колхозного скота и продуктов приятелям. Автор правильно сделал, поставив в один ряд с Мойтыком подхалима и хамелеона Шаймухана. Это дало ему возможность полнее раскрыть черные души Мойтыка и Шаймухана и показать те нити, которые связывают их с некоторыми другими тунеядцами.

Типы, подобные Мойтыку, появляются не случайно. Не обладая достаточным образованием и политическим кругозором, попав в руководители, они зазнаются, кичатся успехами, достигнутыми коллективом, приписывают их себе. Правда, в пьесе мы видим колхоз отставшим, пора успехов позади. Но не вызывает сомнения, что сам факт длительного руководство колхозом, без требовательного, глубокого контроля, отсутствия критики, как сверху, так и снизу является причиной зазнайства Мойтыка, потери им чувства ответственности перед коллективом.

Там, где нет партийной требовательности и принципиальности, где руководители заражены беспечностью и ротозейством, там такой человек, как Мойтык, сущая находка для Шаймухана и его брата – директора экспериментальной базы исследовательского института. Этот "ученый" превратил базу в свою вотчину, Мойтыка – в собутыльника, колхоз, руководимый Мойтыком, – в дойную корову. Людям, подобным Шаймухану и его брату, все труднее становится действовать. Но было бы вредно недооценивать их умение приспосабливаться.

Делец от науки не появляется на сцене. Но все, что говорят о нем действующие лица, достаточно полно характеризуют его облик. Мы можем представить этого дельца, глядя на его брата Шаймухана. Эту роль изобразительно, почти гротескно играет артист К.Жакибаев. Наглый, крикливый в разговорах с рядовыми колхозниками, Шаймухан-Жакибаев притворно вежлив, предупредителен, медоречив, когда ему приходится сталкиваться с руководителями района или с теми, кто знает его и Мойтыка махинации, в ком он видит возможного разоблачителя.

Разоблачение Мойтыка и Шаймухана было бы не убедительным, если бы автор не показал положительных героев. Только показав их активное вмешательство в деле колхоза "Оркен", смог драматург рас-

Created by free version of 2PDF

крыть отношение партии, народа к врагам колхозного строя. Выведенные в пьесе честные советские люди, Хорлан, Торгын и другие обладают неистощимой энергией, рожденной верой в победу передового, нового в нашей жизни.

А.Ергожинова играет Хорлан живо, непосредственно. Ее Хорлан яростна, непримирима в изобличении Мойтыка, сердечна и приветлива к честным колхозникам, требовательна к любимому Нурыму. Все эти черты артистка сумела слить в цельный, жизненно достоверный образ передовой советской девушки, видящей свое счастье в счастье народа, неутомимо борющейся с теми, кто мешает движению вперед, присваивает и расточает плоды трудов коллектива. Совсем неудачна в спектакле Торгын. Заслуженная артистка С.Саттарова играет вяло, сухо. Спокойная, рассудительная, но настойчивая в пьесе, Торгын выглядит на сцене равнодушной, как бы нехотя вмешивающейся в дела соседнего колхоза.

Вызывает возражение образ Нурыма. Он борется с Мойтыком. Но для этого целый год Нурым, занимая позицию стороннего наблюдателя, по существу прикрывал черные дела Мойтыка и Шаймухана. Спрашивается, как стал он вдруг принципиальным коммунистом? Мы не видим превращения Нурыма из замкнувшегося в своей специальности человека в активного борца с расхитителями колхозного добра. А такое превращение не могло произойти мгновенно. Только осознав свои ошибки, душевно прозрев, мог стать Нурым поборником правды. Логически точное изображение развития характера Нурыма сделало бы этот образ более убедительным и поучительным. Неполно обрисованный в пьесе, не обрел убедительных черт Нурым и в спектакле. Рассеянным, углубленным в себе ходит по сцене артист М.Куланбаев. Он как бы оправдывает то безразличие, с каким относился его герой целый год к безобразиям, творимым Мойтыком. При таком толковании роли трудно понять, чем вызваны к нему чувства Хорлан.

Заведующую птицефермой Жупар, жену Мойтыка, автор наделил яркими чертами. Эта несколько грубоватая женщина высказывает правду решительно, в лицо. Мойтык побаивается ее, она горой стоит за колхозное добро, резко выступает против мужа-расхитителя. Но все это, как ни странно, нисколько не отражается на взаимоотношениях с Мойтыком. Драматург обеднил душевный облик Жупар, искусственно отделив в ней личное от общественного. Поэтому, очевидно, не смогла создать полнокровного образа и исполнительница роли Жупар К.Закарина. Она резко, напориста, но душевного волнения за идущего по пагубному пути мужа в Жупар нет.

Могут сказать, не слишком ли много требуем мы от автора, настаивая на развитии параллельных конфликтов наряду с основными?

Created by free version of 2PDF

Нам кажется, что нет. Коли автор выбрал такой емкий сюжет, он обязан обрисовывать все характеры полно, психологически правдиво. Для этого не надо вводить новых картин. Несколько точных, выразительных штрихов могут раскрыть персонаж значительно более многогранно.

Колоритны выведенные в пьесе образы трактористки Макпал (арт. Б. Буланбаева) и механика Кыраубая (арт. К. Кожабеков) - вожаков молодежи. Они глубоко чувствуют угрозу срыва весенних полевых работ, напористо берутся за вспашку целины и неотложные работы, необходимые для перехода на новую систему орошения. Зрители от души смеются над искренними шутливыми отношениями Макпал и Кыраубая, их юношеской наивностью.

Два горячих старика - мирабы Тойшибек (арт. И.Касымов) и Елшибек (арт. Д.Шарипов) постоянно ссорятся из-за дежурства у межколхозного распределительного щита. В их характере причудливо сплетены старые привычки и черты, приобретенные за годы советской жизни. Оба они стойкие поборники интересов колхоза, решительно вступают в борьбу против Мойтыка и его приспешника.

Чувство меры имеет большое значение в искусстве смешного. Оно не всегда соблюдается автором и постановщиком. Когда зритель видит, что Елшибек приходит в контору соседнего колхоза только для того, чтобы дополнить собой Тойшыбека, или когда Шаймухан падает, выходя из конторы правления колхоза, чтобы лишний раз насмешить публику, это вызывает досаду.

Комедия заканчивается изгнанием Мойтыка и Шаймухана из колхоза. Иначе и быть не может. Такова логика жизни, такова судьба всех, кто пытается тормозить наше движение вперед.

Большинство исполнителей - молодые артисты. Некоторые из них играют искренне, с воодушевлением. Но многим не хватает умения самостоятельно осмыслить роль. Они руководствуются только авторскими или режиссерскими указаниями о том, что нужно делать в той или иной сцене. Отсюда скованность движений, искусственные улыбки, чрезмерная крикливость в диалогах.

Будет хорошо, если драматург, постановщик А.Токпанов и актеры не успокоятся на достигнутом, продолжат работу над пьесой и спектаклем.

При всех недостатках постановка сатирической комедии "Весенний ветер" интересна. Спектакль получился обличительным и вместе с тем жизнеутверждающим. В этом его ценность, политическое значение. Спектакль явится одним из первых звеньев в развитии национальной комедии.

«Казахстанская правда», 14 июля 1953 г.

Created by free version of 2PDF

У ИСТОКОВ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ

Обычная для феодальных времен картина: два бая Иглик и Жуман не могут поделить между собой раздольную степь, по которой они кочуют. Играя на чувствах людей, разобщенных родовыми распрями, каждый из них собирает своих "сородичей", организует взаимные налеты – барымту. Страдают от этих схваток только бедняки. Сотни джигитов по прихоти богатых главарей рода бьются и калечат друг друга. Сарымсак, бедняк из аула Иглика, стал кривым, Жабай, бедняк-пастух, охромел, ослеп на один глаз. Уродство заставило его отказаться от мысли жениться на любимой Назыкеш.

С этими событиями и людьми мы сталкиваемся в начале первого тома нового романа Габита Мусрепова "Пробужденный край", вышедшего отдельным изданием на казахском языке.

На фоне таких безотрадных картин происходит незначительная, на первый взгляд, сделка. В 60-х годах прошлого столетия русские предприниматели Рязанов и Ушаков покупают за бесценок у первооткрывателя залежей угля казаха Байжана пространство нынешнего Карагандинского бассейна.

Такова завязка событий, благодаря которым автор раскрывает перед читателем картины знаменитых изменений в жизни казахского народа, изменений, вызванных проникновением капитализма в казахские степи.

Появление капиталистов-предпринимателей положило начало расшатыванию замкнутого-родового уклада феодального аула, усилило и культурное общение казахского народа с русским, обусловило появление казахского пролетариата, возглавившего борьбу трудящихся масс против социального неравенства. Борьбу эту казахские рабочие вели с помощью передовых представителей русского пролетариата.

Стремление показать все эти изменения в жизни казахской степи на судьбах отдельных героев из разных слоев аула предопределило многоплановость произведения. Автор вводит читателя в круг интересов многих лиц, сталкивающихся друг с другом в ожесточенной классовой борьбе.

С привлекательным образом будущего шахтера карагандинских копей вожаком рабочих Буланбаем мы знакомимся при таких обстоятельствах. В одной из схваток между джигитами Жуманом и Игликом вступают в единоборство два силача. Они так напрягают свои силы, что у коней подгибаются ноги. И все же джигиты не могут одолеть друг друга. В этот напряженный момент один из всадников неожидан-

Created by free version of 2PDF

но предлагает сопернику руку дружбы. "Пусть дерутся Жуман и Иглик, коли они сильны", - говорит он. Помирившиеся противники разъезжаются, дав друг другу слово никогда не вступать в схватки за интересы Жумана и Иглика. Это были Буланбай и Сугирали. Понимание того, что они являются слепыми исполнителями замыслов баев, созревало, очевидно, у них давно и проявилось в напряженный момент борьбы.

Попавший в немилость своего богатого покровителя, Буланбай становится бедняком и в конце концов идет в угольные шахты, превращается в рабочего. Попав в среду шахтеров, он впервые чувствует себя Человеком, впервые ощущает силу товарищества. Эти чувства в отзывчивой душе Буланбая умело укрепляют русские рабочие Андрей Быков, старик Шило, Михаил Неволя и другие. Буланбай духовно растет. Честность, отзывчивость создают ему большой авторитет среди товарищей, он становится вожаком шахтеров и возглавляет первые их попытки вести борьбу за свои права против владельцев предприятия.

Колоритны образы русских рабочих - Андрея Быкова, Михаила Неволи, старика Шило. Грамотный, развитый Быков становится вожаком не только русских, но и казахских рабочих.

Писатель показывает что важным звеном в становлении классового сознания тружеников-казахов является их единение с русскими пролетариями, стремление обогатить себя знаниями, которыми обладают русские товарищи. Бедняки-казахи, которым суждено стать первыми представителями казахского промышленного пролетариата – Буланбай, Жабай, Сугиралы и другие – перенимают у русских производственное мастерство, от общения с русскими людьми их внутренний мир становится богаче и многогранней.

Большой интерес представляет в романе Жуман – представитель патриархальной старины, скупой рыцарь родового аула.

Бай Иглик – тип феодала, приспосабливающегося к новым условиям. Он меняет приемы хозяйствования и подчинения себе окружающих. Правдивость образа Иглика заключается в том, что он, приспосабливаясь к капиталистическому методу хозяйствования, остается до мозга костей феодалом. Загребая большие куши за перевоз руды и меди с предприятий Рязанова и Ушакова, Иглик не брезгует и старыми приемами закабаления бедноты: весной, в джут, он дает джатакам пшеницу с тем, чтобы летом они отработали за каждый пуд по 10 дней.

Вторжение в степь капитала порождает хищников совершенно нового типа, их старания направлены к наживе денег. Таковы подрядчик Жумабек, юркий торговец Мусакай.

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

Роман написан образным, сочным языком. Это несомненное достижение автора, свидетельствующее не только о широких возможностях казахского языка, но и о большом значении вдумчивого изучения писателем лучших творений русской литературы.

Известно, что дружба между народами, отсутствие национальной вражды отвечает интересам трудящихся и противоречит интересам угнетателей, будь то русские капиталисты или местная феодальная знать и баи. Безусловно русские предприниматели должны были временно мириться с близким общением русских и казахских рабочих, пока последние не научатся промышленному труду, но это не значит, что такое общение было в интересах предпринимателей. История говорит о том, что угнетатели всегда, где только возможно, разжигали вражду между трудящимися различных наций, играя на религиозных и других чувствах.

Особенно активную роль в разжигании национальной розни в казахских степях играло всесильное, в изображаемый в книге период, мусульманское духовенство. Автор, показывая развитие дружбы между казахскими и русскими тружениками, обошел борьбу с силами, направленными против этой дружбы, и, таким образом, погрешил против правды жизни.

Если причиной коренных изменений в жизни казахских степей явилось проникновение капитализма, то провозвестниками того нового, что входило в жизнь казахов, являются представители рабочего класса.

Деятельность этих людей имела большое значение в прогрессивных преобразованиях жизни казахов. Прав автор, уделяя таким фигурам значительное место в романе. Но обрисовка этих образов в произведении вызывает у читателя чувство неудовлетворенности.

Изображая Елизавету Быкову, автор хотел представить читателю тип русского интеллигента, подвижнически посвятившего свою жизнь борьбе за правду и справедливость, носительницу чаяний рабочего класса. Внешне быстро осваивается в непривычной обстановке, находит общий язык с семьей Байжана, приобретает уважение бедняков-казахов. Она выступает организатором так называемого "совета", который по замыслу его создательницы должен обсуждать вопросы жизни рабочих. Но мы знаем, что шестидесятые и начало семидесятых годов были годами наибольшего развития народничества, отрицавшего, что будущее принадлежит пролетариату, неприязненно относившегося к рабочим. Марксизм тогда еще не получил распространения. Если вдуматься с этой точки зрения в то, что изображает Г. Мусрепов, то Быко-

Created by free version of 2PDF
Sukhov University

ва становится нереальной фигурой. Мы не можем представить себе, какие убеждения питают ее огромную энергию, когда она пережив тяжкие лишения, приезжает вместе с уральскими рабочими в казахские степи.

Правда, в шестидесятых и семидесятых годах были среди революционно настроенной интеллигенции люди, которые уже тогда чувствовали ложность народнических теорий. Образы людей, пронизанных сомнениями и не имеющих ясных целей, хорошо известны читателям по классическим произведениям русской литературы. Там они изображены во всей сложности и внутренней противоречивости. Автору "Пробужденного края" следовало уяснить себе, что противоречивость, заключенная в деятельности и духовном облике революционно настроенной русской интеллигенции того времени, не имевшей правильной, ясной теории и ясной цели, должна была найти отражение в образе Быковой.

Другой центральной фигурой в романе, чувствуется, должен был явиться предприниматель Никон Ушаков, хищник широкого размаха и мертвой хватки. Исключительная энергия и предприимчивость его характерны для периода бурного расцвета русского капитализма. Деятельность Ушакова целиком подчинена интересам наживы. Ради нее такие дельцы отбрасывали всякие принципы морали и человечности.

Жажда обогащения - основная движущая сила всех поступков Никона Ушакова. Для этого он ведет усиленную разведку недр, строит заводы и закладывает шахты. Ушаков делец дальновидный. Он не сразу завинчивает пресс, выжимающий соки из рабочих. Чтобы привлечь из аулов на шахты казахскую бедноту, он решает пока не урезать оплату за труд, создать сносные условия жизни, открыть в Акмолинске училище по подготовке техников горного дела. Первое создаст устойчивый состав рабочих и повысит их трудовую сноровку, второе даст возможность иметь на месте специалистов, работающих за невысокую плату. Все проникнуто трезвым расчетом человека, зорко видящего рост доходов в будущем. Если в этих действиях некоторые критики усмотрели "филантропические замашки", то так получается потому, что автор не сумел нарисовать образ предпринимателя Ушакова достаточно убедительно, изобразить со всеми присущими ему качествами.

На самом деле, в романе подчеркивается исключительная энергия Ушакова. Мы видим, с каким размахам Ушаков расширяет предприятие. И вот несмотря на яростную жажду наживы, Ушаков не борется с другими хищниками, вроде Рязанова. Наглый, предприимчивый делец и пройдоха, неустанно расширяющий зону своего господства в казах-

Created by free version of 2PDF
Sukeev University

ских степях, он должен был быть очень изворотливым в борьбе с теми, кто хочет овладеть всем, что он прибрал к рукам.

Но в романе матерый хищник Ушаков действует как марионетка промышленника Рязанова, живущего на Урале. Это явно противоречит свойствам натуры Ушакова, которыми наделил его автор.

Совместив падение Ушакова с волнениями рабочих на его предприятиях, автор невольно создает иллюзию о каких-то человеколюбивых, филантропических намерениях Ушакова, исполнению которых якобы помешал Рязанов.

Совершенно непонятно и то обстоятельство, что все начинания Ушакова направленные на обогащение компании, неизменно отвергаются Рязановым. А ведь Рязанов изображен предпринимателем не менее алчным, чем сам Ушаков.

Группируя так события и ситуации, писатель не смог глубоко, всесторонне показать подлинный облик предпринимателей, не создал цельных, психологических образов рыцарей наживы, объективно прогрессивная роль деятельности которых не является результатом их мнимой филантропичности. Их деятельность была прогрессивна вопреки личным стремлениям.

Изображаемый в романе период жизни казахского народа примечателен еще и тем, что в это время зарождается казахская трудовая интеллигенция. Зарождение ее – результат тесного сближения с русским народом. Семнадцатилетние сыновья Буланбая и Алшагира – Нартай и Алишер, учившиеся в Акмолинском горном училище, удивляют старого рабочего Михаила Неволю искусным сочинением послания Ушакову от имени рабочих. Когда семнадцатилетний Нартай в словесной схватке с хитрым баем Игликом дает последнему почувствовать свое превосходство, читатель чувствует: этот юноша учился недаром, он совершенно по-новому оценивает многие явления, недоступные пониманию аульных парней.

К сожалению, такое знаменательное явление, как появление первых представителей будущей казахской интеллигенции, показано недостаточно полно и многогранно. Повествуя об отправке юношей–казахов в горное училище (преимущественно сыновей бедняков) и в гимназию (детей баев), автор сосредотачивает основное внимание на антагонизме между ними, выражавшемся в частых драках. Само обучение, рост культуры выходцев из аулов, становление характеров, формирование взглядов молодежи из разных социальных слоев совершенно не показаны. Делая такое замечание, мы исходим из уверенности, что эти молодые люди должны занять значительное место во вто-

Created by free version of 2PDF
Sukkerov University

ром томе задуманного писателем художественного произведения о возникновении казахского рабочего класса. Обстоятельный показ формирования молодой интеллигенции дал бы автору возможность наглядно изобразить влияние русской культуры на зарождавшуюся казахскую национальную культуру.

Хочется надеяться, что работая над продолжением романа, Г.Мусрепов еще вернется к первому тому и сумеет исправить и дополнить то, что в первом издании книги вызывает неудовлетворенность. Такая работа сделает произведение еще более значительным и художественно ценным.

«Казахстанская правда», 4 апреля 1954 г.

ПЬЕСА О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

События, которые изображает С.Муканов в своей новой пьесе "Чокан Валиханов"[5] относятся к концу пятидесятых и началу шестидесятых годов прошлого столетия. Перед нами ревнители мелких интриг и карьеризма, бессовестно грабящие забитый, темный народ. Такого типа люди окружали Ч.Валиханова в бытность его чиновником Западно-Сибирского губернаторства.

Вот генерал-губернатор Гасфорт, высокопоставленный царский чиновник, не гнушающийся брать взятки. Он лицемер: бахвалится своим покровительством Чокану и в то же время является соучастником подлых интриг против него. Другая характерная фигура – хитрый и коварный барон Фредерике, опасающийся, что смелый и умный Валиханов займет его место. Султангазы Аблайханов, переводчик при канцелярии губернатора – двуличный подхалим, снедаемый завистью к своему родственнику. Выведены в пьесе царский чиновник, высокомерный князь Чернышев и представитель нарождающегося в казахских степях капитализма толстосум Малтабар.

Независимо и гордо держится Чокан среди этих чуждых, враждебных ему по духу людей. Но он связан с ними служебными отношениями, зависит от них. Все помыслы Валиханова направлены на облегчение участи своего народа. Он убежден, что хороший правитель при желании может многое сделать. Однако тщетно доказывает Валиханов Гасфорту необходимость преобразований.

---

[5] Советский Казахстан, 1954, № 7

Created by free version of 2PDF
Suretey university

Чокан только что вернулся из опасного и изнурительного путешествия в Кашгарию. С огромным риском для жизни он изучал этот край и представил царскому правительству ценные сведения политического характера, а русскому географическому обществу - отчет о своих научных наблюдениях. Успехи Валиханова по службе и в науке становятся предметом зависти и недоброжелательства. Независимые суждения его дают возможность врагам плести сеть подлых интриг, доносов, готовить ему удары в спину.

Однако Чокан имеет не только врагов, но и друзей. Это петрашевец Дуров, известные ученые Семенов-Тяншанский, Потанин и другие. Они поддерживают в Валиханове веру в себя, указывают ему на необходимость самоотверженно трудиться во имя счастья народа. Именно после разговора с Дуровым, Чокан убеждается, что у него "...иного советчика, кроме Петербурга, нет".

С.Муканов правильно наводит читателя на мысль о том, что сын народа Чокан едет в Петербург не только потому, что он чиновник и должен представить отчет, но еще и потому, что для осуществления основной цели его жизни - помочь своему народу - он не видел другого пути. При этом автор имеет в виду Петербург Добролюбова и Чернышевского и других передовых русских мыслителей. В финале пьесы к умирающему Чокану приезжают Катя Гутковская и Семенов-Тяншанский. Юноши–казахи, устроенные Валихановым в школу, клянутся идти по его пути.

Драматург не придерживается точных дат и событий жизни Чокана Валиханова. Однако вымышленное им в основном не противоречит нашим представлениям об образе этого выдающегося представителя казахского народа и об обстановке, в которой развивалась трагедия его жизни.

Чокан Валиханов занимает центральное место в пьесе. Это дает возможность писателю выявить особенности характера героя. Убедительно изображены его сложные отношения с родственниками, постепенно нарастающее в нем отчуждение от спесивых и никчемных ханских потомков, его близость к простым людям. Автор правильно отошел и от внешней занимательности, которая была характерна для его первой попытки создать драматургический образ Чокана Валиханова[6].

Однако трактовка образа Чокана в некоторых эпизодах новой пьесы вызывает существенные возражения. Особенно это относится к сцене встречи Чокана с Н.Г.Чернышевским. Она представляется при-

[6] Муканов С. «Нить Ариадны». Изд. «Искусство», 1945

Created by free version of 2PDF

митивной, неестественной. Виной тому – стремление автора, вопреки исторической правде, приукрасить образ самого Валиханова.

После приема у царя Чокан немедленно приезжает к Авдотье Панаевой, где его дожидается Чернышевский, и с апломбом изрекает: "С сегодняшнего дня я в войне с царем. Все иллюзии, туманившие мою голову, рассеялись при личной встрече с нашим повелителем. И я бесповоротно встаю на путь войны с монархией".

Нельзя психологически оправдать такой внезапный поворот в мировоззрении Чокана. Вдабавок, по воле драматурга, Валиханов и Чернышевский произносят весьма напыщенные тосты.

Современники отзываются о Чернышевском, как об исключительно сдержанном, скромном человеке, нелепо даже думать, что он когда-нибудь мог допустить выспренние разговоры по поводу своих убеждений и разглагольствования политического характера. Поэтому тост в случайной обстановке, на квартире Панаевой, которая никогда не была его единомышленницей, совершенно неестественен для революционера-демократа. Можно верить – при воображаемой встрече (поскольку достоверность ее не установлена) Чернышевский мог сочувственно отнестись к самородку Чокану, дать ему некоторые весьма осторожные советы, однако встреча, расписанная Мукановым в новой пьесе, не возвеличивает, а принижает образы выдающихся людей того времени.

В силу сложившихся обстоятельств Валиханов не мог возвыситься до взглядов Чернышевского на монархический строй.

Искусственно появление П.П.Семенова-Тяншанского, который после тирады Чокана против монархии убегает для того, чтобы Чернышевский, по воле Муканова, легкомысленно порекомендовал Панаевой записать: "Испуг либерала". Уважение, которое питал великий мыслитель к науке, не позволило бы ему так отзываться о выдающемся географе.

Слабо представлены образы близких друзей Чокана – Потанина и Дурова. Непосредственного участия в событиях они не принимают и появляются лишь для того, чтобы узнать о здоровье Чокана, поговорить. Следовательно, пути, по которым доходили до Чокана передовые мысли, идеи, а приходили они именно через русских друзей, затушеваны.

Очень неудачен образ Кати Гутковской. Она не принимает непосредственного участия в главных событиях жизни Валиханова и присутствует в пьесе лишь для того, чтобы дать те или иные разъяснения относительно его характера. Сусальной, а следовательно неправдоподобной выглядит в пьесе возлюбленная Чокана – Айжан. Вряд ли была

Created by free version of 2PDF

необходимость изображать ее личностью необычной, изучившей персидский и арабский языки, постигшей литературу Востока.

Запоминаются своей характерностью изображенные драматургом отрицательные персонажи, особенно трусливый лицемер Гасфорт, хитрый Фредерике, грубый, самонадеянный купец Малтабар, бессердечный и продажный брат Чокана – Жакуп.

Серьезным недостатком пьесы С.Муканова является бедность речевых характеристик героев. В пьесе все говорят однотипными фразами. От этого особенно страдает речь самого Валиханова. Современники отмечают, что Чокан обладал замечательным юмором: "Острил он зло, я редко встречал человека с таким острым, как бритва, языком" (Ядринцев). К сожалению, С. Муканов не смог вложить в уста Чокана ни одной запоминающейся остроты.

В переводе Б. Лавренева бедность языковых характеристик персонажей пьесы еще более углублена. Безусловно, переводчик должен следовать за оригиналом.

Однако опытный драматург, мастер диалога, должен был обратить внимание автора на этот большой изъян пьесы, посоветовать С. Муканову улучшить оригинал.

Перевод сделан явно торопливо. Об этом говорит множество неточностей. Некоторые места перевода имеют смысл, противоположный тому, что сказано в оригинале. В подлиннике Султангазы говорит о "спасении ханских потомков", а у переводчика он "ратует за спасение народа"; у переводчика Чокан серьезно замечает дяде Мусе, что тот "показывает свое превосходство над ханскими потомками". В подлиннике Валиханов иронизирует по поводу самомнения дяди.

Обидно за переводчика, когда он вкладывает в уста Чокана плоскую фразу: "Что значат мои дела перед лицом народа?". Нельзя поверить, что Б. Лавренев не мог найти лучший разговорный вариант для выражения мысли: "Нельзя ставить личные интересы выше интересов народа". Вряд ли по-русски хорошо звучит выражение "молодые шалости", заменяющее собой слово оригинала "шалости молодости".

В своей новой пьесе С.Муканов вплотную подошел к удачному художественному воплощению образа Чокана Валиханова. Предстоящая постановка пьесы в Казахском академическом театре драмы явится серьезной проверкой сценической жизнеспособности произведения. Но несомненно, что драматургу надо еще настойчиво поработать над его художественной отделкой. Образ Чокана Валиханова должен получить достойное художественное и сценическое воплощение.

«Казахстанская правда», 15 декабря 1954 г.

Created by free version of 2PDF

ЖИЗНЕРАДОСТНАЯ КИНОКОМЕДИЯ

В кинокомедии "Девушка-джигит", поставленной П.Боголюбовым по сценарию Ш. Хусаинова и В. Абызова, нет острых драматических столкновений; происходящие в ней события развиваются плавно, зачастую почти в водевильном стиле. Организующей силой в фильме является веселый, жизнерадостный смех.

Девушка скачет на резвом коне по долине у снежных гор. Конь под нею горячится, но девушка словно приросла к его спине – видно мчаться на иноходце ей привычно. Задорно поет она свою песню.

Я как подснежник хороша
Я точно ветер горный свежа...

Такова лучшая табунщица конезавода Галия Ерденова, приемная дочь директора завода Тараса Пятихатки и его жены Марьяны. Девочку взяла на воспитание эта добрая супружеская пара. Галия любит Айдара – коневода из соседнего колхоза. Айдар тоже любит Галию и мечтает на ней жениться.

Есть у Айдара и другая мечта – вырастить в колхозе таких же резвых и красивых скакунов, какие есть на конезаводе. Для того, чтобы купить для колхоза племенных жеребцов, необходимо разрешение председателя колхоза. Но что делать, если председатель колхоза, отец Айдара, человек осмотрительный, привыкший прежде чем решить что-либо, семь раз прикинуть, стоящее ли это дело.

Айдар просит разрешения купить для колхоза трех племенных жеребцов, но Дощан, считая, что "нет плохих коней, а есть плохие джигиты", отказывает ему. Галия, которой сообщили об отказе Дощана дать деньги на покупку коней, понимает этот отказ по-своему: значит отец Айдара не хочет, чтобы она стала женой его сына.

Такова завязка тех комических событий, которые легли в основу фильма. Дальнейшее развитие событий построено в основном на заблуждении директора передвижного магазина Ангарбая, влюбившегося в Галию и считающего, что Галия тоже влюблена в него. Заблуждение это выясняется только в день свадьбы Галии, когда Ангарбай чувствует себя уже "почти не холостым".

Молодая актриса Л.Абдукаримова-Неустроева создала обаятельный образ девушки, выросшей на степном приволье, не уступающей в искусстве верховой езды лучшим наездникам. Недаром ее прозвали девушкой-джигитом. Воспитанная в семье добрых и трудолюбивых

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

украинцев Тараса и Марьяны, она исключительно честно ("по-комсомольски", говорит Тарас) относится к своим обязанностям старшего табунщика. Что касается сердечных дел, то здесь она горда, своенравна, капризна. Но за внешней неприступностью скрывается сердце не умудренной жизненным опытом девушки, сердце, склонное к глубоким терзаниям и сомнениям. Потому-то так часты резкие и быстрые перемены в ее настроении. Эти противоречивые черты характера Галии Л.А бдукаримова-Неустроева передает с большой непосредственностью.

Сложен и противоречив образ Ангарбая. Директор "магазина на резиновом ходу" труслив. Он убегает даже от маленькой, безобидной собачонки; завидев коров, не может сидеть у руля автомобиля. Но он до самозабвения предан своему делу, и когда сдутый ветром красный шар попадает на рога быку, Ангарбай отважно бросается к грозному животному. Ангарбай по-детски простодушен. Он искренне верит в то, что Галия любит его, хотя ни разу не говорил с ней о своих чувствах. Наконец, Ангарбай благороден: когда он узнает, что Галия любит не его, а Айдара, он решительно уступает дорогу своему счастливому сопернику.

Объединив эти противоречивые свойства в облике Ангарбая, режиссер и актер М. Суртубаев сумел создать правдивый комический образ, этого очень нелегко было достигнуть. Отрадно, что постановщики отыскали самобытный комический талант и помогли полнокровно раскрыть его впервые выступающему в кино актеру.

Отлично сыграл К. Байсеитов роль исполняющего обязанности директора треста конезаводов – Журки. Журку-Байсеитова буквально распирает самодовольство. Даже поняв, что на митинге аплодировали не его длинной речи, а тому что он наконец, кончил ее, Журка мрачнеет, но не отвлекшись от досадной мысли, он тотчас становится в позу высокомерного индюка. Очень удачно артист исполняет куплеты самодовольного чинуши. Решая гротескно-комический образ бездарного руководителя, К. Байсеитов талантливо высмеял этот тип номенклатурного чиновника.

Несколько скованно ведет роль Айдара артист К. Кожабеков. Здесь, возможно, во многом повинны авторы сценария. Айдар в меньшей степени, чем другие персонажи, наделен комическими чертами. Этот образ выпадает из комического контекста картины, ему недостает дружески-иронических оттенков, которыми наделены остальные участники веселых событий.

Мягко, задушевно играет роль матери Галии – Марьяны В. Сошальская. Тарасу (артист А. Алексеев) недостает непосредственности.

Created by free version of 2PDF
Sukkelev University

Он слишком подчеркнуто передает украинский юмор, которым наделили образ сценаристы. Но Марьяна и Тарас почти все время вместе, и перед зрителями возникает правдивый облик двух пожилых людей, с большой сердечностью и душевной щедростью воспитывающих приемную дочь-казашку. Их радует трудолюбие и смелость Галии, тревожат ее девичьи раздумья. Авторы фильма обрисовали присущую передовым людям нашей страны широту взглядов, чувство интернационализма.

Запоминается аксакал (артист Кожамкулов С.) – задорный и неутомимый распорядитель колхозных праздников.

Лаконично и броско очерчены и другие персонажи: Василек (арт. И. Боголюбов), Мурат (С. Тельгараев), Баршагуль (Б. Римова). Недостаточно выразительным получился лишь образ председателя колхоза Дощана. Артист А.Мухамедьяров не использовал в полной мере колоритный диалог, написанный для этой роли сценаристами.

В сценарии "Девушки-джигита" все подчинено единому стремлению – ввести побольше смешных, но жизненно правдивых и поучительных коллизий. Такое стремление оправдывается поставленной целью – создать жизнерадостную кинокомедию. Однако вряд ли она смотрелась бы с таким интересом, если бы режиссеры В. Степанов, С. Ходжиков, кинооператор В. Масленников, художники П. Зальцман, Ю. Мингазетдинов, М. Титунов не проделали большой и вдумчивой творческой работы по ее воплощению на экране. А они поставили фильм изобретательно, остроумно; комизм ситуаций подкупает естественностью, непринужденностью.

Хороши в фильме пейзажи. Истинно поэтически снято начало осени в горах, идущие на пастбища отары овец, косяки лошадей.

"Девушка-джигит" – большое достижение казахской кинематографии. Тем более необходимо сказать о недостатках этой искрящейся весельем комедии. Не может не вызвать упреков музыкальное оформление фильма. В песнях и музыкальном сопровождении эпизодов мало национальных мелодий. Это особенно заметно в первой песне Галии, весьма слабой, невыразительной. Песня "Жар-жар" в конце фильма почти не похожа на народный первоисточник. Очевидно композитору В.Соловьеву-Седому надо было глубже познакомиться с казахской музыкой. Тексты песен почему-то создавались на русском языке, а не на казахском. Для национальной кинокомедии вряд ли это правомерно. Так же как и музыку, это лишило песни национального своеобразия.

Если бы удалось избежать этих промахов, картина несомненно могла получиться более яркой, ее песни и мелодии вошли бы в жизнь.

Created by free version of 2PDF

Игра большинства актеров, работа постановщика и художников заслуживает высокого одобрения. Остается пожелать творческому коллективу Алма-Атинской киностудии продолжить плодотворно начатую работу по созданию национальной кинокомедии.

«Казахстанская правда», 6 июля 1955 г.

"ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ"

Назыма Хикмета на казахской сцене

Пьеса Назыма Хикмета "Легенда о любви" ("Фархад и Ширин"), созданная на сюжет известной восточной легенды о любви художника (в иных вариантах-камнетеса) Фархада к царевне Ширин, является восторженным гимном человеку и любви во всеобъемлющем значении этого слова. Во имя любви к народу Фархад вступает в единоборство с Железной горой. Он говорит Ширин: "В то время, когда люди мрут как мухи, пить из серебрянных кувшинов воду с Железной горы? Нет, надо, чтобы эта вода забила в мраморных фонтанах Арзена. И она забьет!".

Глубокое философское осмысление темы, широта охвата человеческих чувств в их волнующем и динамическом развитии – вот та основа, которая дала возможность автору вывести в своей пьесе цельные характеры, психологически верные и меткие коллизии. Поэтому пьеса представляет собою благодатный, но вместе с тем и трудный для сценического воплощения материал.

Коллектив Казахского академического театра драмы смело подошел к созданию спектакля "Фархад и Ширин" на основе многогранного, требующего больших творческих исканий, произведения Назыма Хикмета.

Успех спектакля определяется прежде всего правильной трактовкой образов основных героев – Ширин и Фархада.

Обаятельная Ширин – Ш. Жандарбекова. Первая ее встреча с Фархадом – огромное потрясение для обоих. Ширин охвачена новым, большим чувством, но в то же время она еще ребенок. Любовь к Фархаду, овладевшая всем ее существом, не мешает Ширин быть по-детски непосредственной, простодушно лукавой.

Большое впечатление оставляет сцена, когда Ширин, бежавшую с Фархадом, приводят во дворец. Перед разгневанной царицей – уже не

Created by free version of 2PDF
Buketov University

подросток, а женщина, познавшая радость любви, отстаивающая свое право любить и быть счастливой. Об этом говорит ее решительный вид, ее твердый голос: отныне Мехменэ Бану не сестра ей, а царица, отнявшая у Ширин Фархада.

Не менее впечатляюща сцена объяснения Мехменэ Бану и Ширин.

Только сейчас Ширин понимает, насколько она, ослепленная любовью, была эгоистична по отношению к сестре. Ее мучат угрызения совести. Терзания этой чистой души передаются Ш.Жандарбековой с большой силой.

В замечательных по своему лиризму монологах Фархада и Ширин звучат глубокие раздумья о любви, о необходимости борьбы за счастье. Но и в этих сценах своенравную Ширин не покидает ребячливость. "Какие тонкие и черные усы!" – восклицает она, обращаясь к Фархаду. Эти слова произносятся артисткой с неоправданным комизмом, который явно не вяжется с серьезностью монологов. В подобную крайность Ш. Жандарбекова впадает в сцене, где Фархад и Ширин принимают решение бежать от грозной царицы. Эти недостатки в игре Ш. Жандарбековой, вызванные, как нам кажется, неправильной режиссерской установкой, могут быть легко исправлены.

Трудную роль Фархада играют молодые артисты И. Ногайбаев и Н. Жантурин. В их исполнении Фархад привлекает искренностью, благородством своих намерений, непосредственностью и силой чувств.

Фархад-Ногайбаев несколько угловат в движениях, манеры его грубоваты. Выходец из народа, он резок и решителен, смел и отважен. Артист несколько затушевывает лиризм характера Фархада, которым наделен этот образ автором. В характере Фархада-Жантурина преобладает именно это качество, тогда как черты решительности и смелости не раскрыты достаточно глубоко.

В игре И. Ногайбаева и Н. Жантурина чувствуются большие потенциальные возможности для развития образа. Следует пожелать артистам дальнейших творческих поисков, дальнейшей напряженной работы над ролью.

В последнем акте пьесы "Фархад и Ширин" автор доходит до больших социальных обобщений. С особой силой звучит тема народа. Народ – животворный источник богатырской силы и неиссякаемого оптимизма Фархада. С волнением смотрится финальная сцена, когда толпы народа, пришедшие к Фархаду, благославляют его на великий труд: "Бей черные скалы, Фархад, бей! Вода Железной горы, брызни скорей! В наши кувшины лейся полней! Бей, Фархад, бей!" Эта важная

Created by free version of 2PDF
Suketow University

по своему звучанию сцена единения Фархада с народом успешно решена творческим коллективом.

Крайне сложен характер Мехменэ Бану. Это не только грозная и всесильная царица, но и любящая сестра, которая ради выздоровления Ширин идет на самопожертвование. Это, наконец, женщина с горячим сердцем, страдающим от любви к Фархаду.

Следует отдать должное заслуженной артистке республики Х. Букеевой — она блестяще справилась с ролью. Внутренняя борьба, переживаемая царицей, разрешается Букеевой без мелодраматизма, без эффектных движений. Но за внешним спокойствием мы видим женщину сильной воли, идущую ради спасения сестры на великую жертву, которую требует от нее волшебник – она должна стать уродом.

Слова таинственного незнакомца сбылись: лицо Мехменэ становится уродливым, но она по-прежнему молода и жаждет счастья. Мучительные терзания царицы выражены в сильном монологе. Однако его правильному восприятию мешают ненужные, чисто внешние эффекты вроде падения героини на широкой и довольно крутой лестнице. Режиссеру спектакля народному артисту республики М.И. Гольдблату, а также актрисе следует пересмотреть трактовку этой сцены.

Пьеса Назыма Хикмета отличается не только большим числом действующих лиц, но удивительной многогранностью выведенных в ней характеров. Даже персонажи, появляющиеся в небольших эпизодах выписаны выпукло и мастерски. Это дает богатейший материал для режиссера и актеров, большинство которых со вкусом и тактом проводят эпизодические роли. Запоминается кормилица в исполнении заслуженной артистки республики С. Майкановой. Обаятелен отец Фархада (заслуженный артист республики А. Касенов). Хорошее впечатление остается от образа Эшрефа, созданного заслуженным артистом республики К. Кармысовым. Художник Эшреф – творчески бессилен, пока им движет мелкая зависть и эгоизм. Он находит свое место в искусстве лишь через любовь к людям. Интересен народный артист республики Е. Омирзаков в роли трусливого лекаря.

Роль волшебника – всевидящего и всезнающего человека со страшным лицом и мефистофельскими жестами – исполняют заслуженные артисты К. Кармысов и М. Сыздыков. Надо сказать, что в сцене заклинания К. Кармысов излишне тороплив в движениях. Это в определенной степени снижает образ таинственного волшебника.

Полностью отвечает режиссерскому замыслу яркое, выдержанное в сказочных тонах, декоративное оформление художника В.В. Голубовича. Этого нельзя сказать о разностильной музыке композитора

Created by free version of 2PDF

В.В. Великанова, которая не только не способствует правильному восприятию зрителями происходящего на сцене, но часто отвлекает их внимание.

Спектакль "Фархад и Ширин" в Казахском академическом театре драмы свидетельствует не только о зрелости творческого коллектива, но и о его больших возможностях.

«Казахстанская правда», 20 марта 1955 г.

БОЛЬШАЯ ТЕМА ЖИЗНИ

Спектакль "Вчера и сегодня" в Казахском академическом театре драмы

Драматург Ш. Хусаинов был известен как автор легких комедий. Он привлек внимание зрителей пьесами "Шаншарлар" (написана в с авторстве с К.Куанышбаевым) и "Алдар Косе". Обладая чувством юмора, он увлекался в них чисто комедийными ситуациями и характерами, рассчитанными на незлобивый смех.

Вскоре драматург преодолел это увлечение и посвятил две свои пьесы темам современности. В комедиях 'Весенний ветер" и "Баловник", также насыщенных смешными ситуациями и положениями, он остро высмеял некоторые пороки, встречающиеся в нашей жизни.

Новая пьеса Ш.Хусаинова "Вчера и сегодня", поставленная Казахским академическим театром драмы, – первая попытка драматурга показать на сцене культурный рост казахского народа, одной из характерных черт которого является формирование талантливой советской национальной интеллигенции. Деятельность ее лучших представителей посвящена борьбе за счастье народа. На этом пути, естественно, встречаются трудности, временные неудачи.

Во время одной из таких неудач в жизни главного героя пьесы "Вчера и сегодня" директора треста совхозов, ученого Марабая Акжалова мы и знакомимся с ним. План Марабая – коренным образом изменить облик просторов, над которым он работал долгое время, признан специальной комиссией негодным, направление работы руководимого им треста неправильным. Акжалова снимают с работы.

Фигура Марабая противоречива. Это крупный ученый, умеющий заглядывать в будущее и выдвигать принципиально новые идеи и от-

Created by free version of 2PDF

стаивать их, но он слабый руководитель треста, плохо разбирается в людях. "Кем ты себя окружал?" – упрекает его брат Мардан.

Не устроена и семейная жизнь Акжалова. Жена его Алма – мещанка, все интересы ее сводятся к нарядам, разъездам по дачам и курортам. В дни когда Марабай оказался временно побежденным и ему особенно нужна поддержка любимой женщины, все старания Алмы направлены на то, чтобы изгнать отца Марабая - старика Акжала. Марабай любит свою жену, во многом уступает ей. По просьбе Алмы он рекомендовал ее родственника директором совхоза. Тот развалил хозяйство. Недруги Марабая используют и эту ошибку как одно из доказательств его неспособности руководить трестом. Таким образом, недостатки Акжалова дают возможность охаять его как руководителя и заодно как ученого.

Драматург создал многогранный образ главного героя, сатирически заострил присущие ему недостатки, которые зачастую считают мелкими на фоне широкой деятельности даровитых работников. На самом же деле эти недостатки являются тем уязвимым местом, куда легко наносить удары противникам нового. Они используют такие слабости, чтобы очернить полезного обществу человека.

Образ интересен тем, что дан драматургом в развитии. Марабай растет в ходе борьбы за свою идею, закаляет характер, познает и исправляет свои ошибки.

Нужно сказать, что фигура Марабая не нашла еще достаточно полного сценического воплощения. Артист И.Ногайбаев правдиво изображает Марабая в сценах, где на героя обрушиваются один удар за другим и проявляется духовная стойкость его. Однако актеру еще необходимо много поработать над ролью, чтобы передать все оттенки сложного облика Марабая. Однообразные, нарочито эффектные жесты, велеричивое декламаторство совсем не характерны для много пережившего ученого, обладающего оптимизмом и чувством юмора.

Директором треста становится главный противник Марабая – Есиркеп (нар. артист республики Е.Умурзаков). Интриган и карьерист Есиркеп решителен и настойчив, когда надо устроить очередную неприятность Марабаю. С исступлением фанатика рассуждает Есиркеп о том, что казахское животноводство может развиться лишь на бескрайних просторах и погибнет, если распахать степь и поставить скот в стойла. Можно подумать, что он и впрямь озабочен судьбой общественного животноводства. Есиркеп настолько хитер, что не прочь, очернив Марабая, воспользоваться его идеями. Именно к этому клонятся его разглагольствования о том, что план Марабая – одно, а сам Марабай – это другое. Есиркеп вероломен и жесток. Придя к Марабаю

Created by free version of 2PDF
Sukkov University

с единственной целью – сообщить потрясающую весть о том, что его жена отравилась, Есиркеп заводит лицемерный разговор о примирении и смысле жизни. Артист ведет роль не шаржируя, с большим чувством меры и достигает сатирического эффекта.

Жена Марабая Алма (Б.Римова) вначале – пустенькая женщина, в представлении которой вся деятельность мужа направлена на то, чтобы создать ей всяческие условия, блага жизни. Ее существование наполнено мелкими домашними страстями и интересами. Любя мужа, она не уважает отца его. Она уходит от Марабая в самый тяжелый для него день жизни.

Артистка естественно проводит сцены, где Алма проявляет вздорность и озлобленность, разит окружающих острым языком. К сожалению, этой естественности не достает Римовой в первом акте.

Если Алма зла и несдержанна, то жена Сабатая - Марьяш (Х.Елебекова) обладает большим тактом, сердечностью и умом. Надо иметь немалую силу воли, чтобы жить с неисправимым подхалимом и плохим семьянином, воспитывать четырех детей. И когда Марабай делится своими переживаниями с Марьяш, зрители чувствуют, что эта женщина может ободрить его добрым словом. С большим внутренним чувством ведет свою роль Х.Елебекова.

Бывший заместитель Марабая Сабатай (засл. артист Казахской ССР Ж.Огузбаев) и управделами Удери (засл. артист Казахской ССР С.Тельгараев) – люди, не имеющие никаких принципов. Их откровенное подхалимство, их трусость – порождение страха обывателей за собственное благополучие. Оба исполнителя играют в гротескно-сатирическом плане, внося немало комического оживления в драматические коллизии спектакля.

Агроном Нияз сознает, что правота на стороне Марабая, но обывательская психология обрекает его на бегство от борьбы, на поиски тихого житья. Это недостаточно понял артист С.Дарбасов. Он держит себя весьма независимо, будто Нияз имеет собственное мнение о происходящем. В нечеткости этого облика виновен и автор, недостаточно определенно обрисовавший его.

Привлекательны два друга – старики Акжал и Федор Федорович. Эти образы выписаны автором любовно и выразительно. Со сдержанным юмором, в мягких тонах играют их артисты Р.Сальменов и А.Нурбеков.

Акжал Сальменов жаждет счастья своим детям, живет их радостями, тяжело переживает их горести. Его русский друг Федор Федорович Воробьев – труженик – скотовод. Своим природным умом угадывает он правоту Марабая и активно отстаивает его от нападок. Движения Воробьева-Нурбекова угловаты, говорит он несколько несклад-

Created by free version of 2PDF

но. За этой неуклюжестью зритель чувствует внутреннюю убежденность Воробьева, его веру в дело, которое он отстаивает.

Невыразительными получились в спектакле агроном Серик (арт. Б.Сулейменов), директор совхоза Захаров (засл. артист.республики К.Адильчинов). Объясняется это, на наш взгляд, не слабой игрой артистов, а недорисованностью персонажей в самой пьесе.

Серик и Захаров изображены активными защитниками плана Марабая. Слово план в ходе событий повторяется много раз. Вся борьба разгорается вокруг него. За план садится молодой агроном Серик и доделывает его. В припадке страха Алма сжигает план. Марабай и Серик воссоздают его лучше прежнего. Но содержание самого творения зрителю не совсем ясно. Невольно соглашаешься с тем же Есиркепом, когда он в упор спрашивает Серика: "Конкретно. Что ваш план предполагает делать?" Такой конкретности в речи Серика нет, он продолжает говорить общие фразы о том, что план решает все проблемы агротехники и животноводства.

Туманность в изложении замысла Акжалова снижает в известной мере и образ главного героя пьесы.

Известно, что крупные народнохозяйственные идеи, выдвинутые учеными с широким кругозором, вроде Марабая, не являются готовыми, законченными. Необходима большая работа коллектива для того, чтобы идея превратилась в конкретные проекты, которые можно практически осуществить.

Когда молодой, только что окончивший институт агроном садится за стол и под руководством Марабая быстро набрасывает "план", который на заседании у директора института столь же быстро утверждается (так это изображено в пьесе), то такое облегченное решение серьезной проблемы вызывает вполне законное недоверие зрителя.

Несмотря на существенные недостатки, спектакль смотрится с интересом. Это результат того, что автор всесторонне показал борьбу Марабая за осуществление своего замысла, остро бичует карьеристов и подхалимов, двуличие, мещанские взаимоотношения в быту.

Молодой режиссер А. Ибрагимов, для которого "Вчера и сегодня" является первой постановкой, проделал немалую работу по сценическому воплощению пьесы.

Спектакль заинтересовал зрителей, и это обязывает автора и творческий коллектив поработать над дальнейшим его совершенствованием.

«Казахстанская правда», 7 февраля 1956 г.

Created by free version of 2PDF

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

Трудно, пожалуй, назвать в республике такого актера, который был бы так известен широкому зрителю, как народный артист Казахской ССР Серке Кожамкулов. Кто видел его на сцене, тот надолго запечатлел в своей памяти проникновенную простоту его игры, его своеобразный, творческий почерк, покоряющее обаяние. Образы, созданные артистом, поразительно живучи.

Причина этого кроется прежде всего в том, что С.Кожамкулов актер большого природного дарования. Его биография неотделима от его творчества, от развития Казахского национального театрального искусства.

Свою работу в казахском искусстве С.Кожамкулов начал с 1919 г., когда он, вступив в Тургае в отряд Джангельдина, создал драматический кружок. Кружковцы инсценировали фельетоны, разоблачавшие контрреволюционеров, баев и их приспешников.

В 1924 году С.Кожамкулов был мобилизован партией на борьбу с преступностью и работал следователем в Кустанайским уезде.

"Это была, – вспоминает Серке, – тяжелая работа, требовавшая большого напряжения. Кулаки и баи, контрреволюционные элементы не гнушались любыми средствами для борьбы против установления советской законности". Но даже в этой суровой обстановке Кожамкулов организует драмкружок, который выступает с инсценировками и скетчами на базаре.

В январе 1926 года в Кзыл-Орде открылся первый профессиональный казахский театр. Исполнилась мечта Серке – он становится одним из ведущих артистов нового театра. С этого момента его жизнь определилась длинной цепью созданных им образов, постоянными муками и радостями вдохновенного творчества.

Отличительная черта Кожамкулова-актера – это, прежде всего, простота, жизненность, типичность создаваемых им образов. Для каждого из них он находит свои особые краски. Кто смотрел постановки "Козы-Корпеш и Баян-Сулу" Г. Мусрепова и "Енлик-Кебек" М. Ауэзова, тот хорошо знает насколько близки по своим судьбам образы степных феодалов Карабая и Есмамбета; оба они жестоки и деспотичны, оба являются причиной трагической судьбы влюбленных Козы и Баян, Енлик и Кебек. Но как они мало похожи друг на друга в исполнении Кожамкулова! Серке удалось избежать штампов, повторов в изображении этих людей не только благодаря хорошему знанию эпохи, родив-

Created by free version of 2PDF
Suleyev University

шей Карабая и Есмамбета, но и благодаря тонкому чувству страстей, двигающих этими характерами.

Трудолюбие, беспрестанные поиски – характерная черта творчества Серке. Как только дана ему роль, он буквально "заболевает" ею.

Часто опытный актер, уверенный в своих силах, не отдается весь игре. Для Кожамкулова нет разницы между репетицией и сценой, он считает, что если актер еще на репетиции не почувствовал настоящего вдохновения, то нет ему удачи и на сцене.

Кожамкулов вспоминает, как трудно давалась ему роль Яго в "Отелло" Шекспира. Это было в 1937 году, когда еще Серке не был близко знаком с творчеством великого драматурга.

– Образ Яго, – говорит актер, – многогранен. Меня поразило также богатство языка Шекспира, так блестяще переданное в переводе М.Ауэзова. Чем больше вчитывался и вдумывался в смысл шекспировской трагедии, тем больше ощущал свое бессилие.

Легко было играть лицемера и лжеца в пьесах современных драматургов, если он к тому же и труслив, и подл, и нечист на руку, не имеет никаких представлений о чести. Но в Яго два совершенно противоположных человека: один – мил, прост, добродушен, умен, другой – злой, хитрый, отвратительный. И сколько мгновенных неуловимых переходов от одного Яго к другому! "Отелло" – трагедия, переигранная в течение трех веков во многих театрах мира. Классическое толкование ее постановки оставил К.С. Станиславский. Но и он не дает готового рецепта, а заставляет обдумывать каждую деталь, меньше доверять своей интуиции, больше проверять ее.

– Мучительные сомнения, – продолжает Кожамкулов, – продолжались несколько месяцев. В роли Яго я имел успех, меня хвалили в печати, хвалил режиссер, зрители аплодировали, но сам я испытывал чувство неудовлетворенности. Мой Яго был слишком прямолинеен. Я ошибочно считал, что лицемерие, ханжество – постоянные свойства его характера и этим снизил типичность образа.

После "Отелло" я многое переоценил в своем творчестве, стал относиться к передаче человеческих характеров менее однобоко, искать в каждом из них то многообразие жизненных начал, которые делают образ живым и полноценным.

Народный артист республики С.Кожамкулов никогда не претендует на ведущие роли. В этом сказывается не только скромность Серке, но и истинно творческое отношение к искусству. Ведь в хорошей пьесе не может быть маленьких, незапоминающихся ролей. Искусство актера и заключается именно в том, чтобы даже из эпизодических персонажей

Created by free version of 2PDF
Sukatov University

создать запоминающиеся образы. Поэтому-то над некоторыми "малыми" ролями Серке приходится работать не меньше чем над ведущими.

Серке Кожамкулову недавно исполнилось шестьдесят лет, но он полон творческого горения.

«Казахстанская правда», 2 декабря 1956 г.

ПЬЕСА О ТОКАШЕ БОКИНЕ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ

В дни празднования 40-летия Великого Октября Республиканский русский театр драмы показал зрителям столицы спектакль "Степное зарево" – автор пьесы З. Шашкин и М. Гольдблат.

...1916 год. Народ не желает продолжать преступную войну, лучшие сыны его гибнут на фронтах, в тюрьмах, ссылках, на каторге. Предводитель восстания казахов против царя Токаш Бокин арестован и ждет суда.

Тревожно в городе. ...Кажется, спокойно чувствует себя только богатый купец Закир: "...Я вышел на улицу и сразу успокоился: вижу, преступников на каторгу гонят, полиция порядок держит, дом аллаха полон молящихся... значит, все на месте, крепко стоим на ногах, тревожиться нечего". Но хитрый купец не столько спокоен, сколько старается внушить людям, что все хорошо "под крыльями аллаха". По всему видно, что назревают времена решительных событий в жизни народа.

На этом тревожном фоне, хорошо изображенном в первой картине, и выводятся положительные персонажи пьесы, кипучая деятельность которых отражает характерное для тех лет бурное течение событий.

Токаш Бокин (артист Б.Костин) – революционер-большевик; в нем органически сочетаются бесстрашие с большой задушевностью и лиризмом, темперамент борца с разящим остроумием, вера в светлое будущее народа с непримиримой ненавистью к его угнетателям.

Эти черты, присущие лучшим представителям нашей партии, проявляются в Токаше индивидуально, преломляясь через национальную психологию, психологию выходца из степи. Токаш – сын бедных родителей, случайно попал в гимназию (невежественные баи посылали учиться вместо своих детей сирот или детей бедных родителей) и при его любознательности и способности получил хорошее образование. Вместе с тем он представитель "низшей" расы. Большевистский интер-

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

национализм в нем сочетается с болью за унизительное положение своего народа.

Токаш влюблен в русскую девушку Зою, связанную с ним общностью борьбы за народное дело, но в ауле его ждет очень хорошая, застенчивая, по-детски наивная и в то же время смелая, как джигит, Рахимаш, с которой он обручен еще в детстве.

Все это дает большой простор для артиста. Б.Костин достигает убедительности в сценах допроса Токаша и суда. Однако ему еще надо много поработать над тем, чтобы усилить национальные черты в характере Токаша. В игре артиста нет той еле уловимой пластики в движениях, мимике, в интонациях, которая связана с национальными обычаями и нравами.

В адрес авторов пьесы можно сделать один упрек: он касается взаимоотношений Токаша с Рахимаш. Ведь эта девушка очень близка Токашу не только потому, что любит его, но и потому, что Токаш бесконечно ценит ее большую душу и мужество, безотчетное стремление к добру. Но вот, когда Рахимаш обречена на замужество с ненавистным Закиром, Токаш ничего не может предпринять, кроме бесплодной ссоры с Сятом. Зритель не в силах оправдать поступок героя, скажем, занятостью его большими делами, ибо видно, что Токаша очень мало тронула трагедия девушки.

И еще замечание. Бокин был пламенным оратором, он часто выступал на митингах в Верном, много времени проводил в аулах, поднимая бедноту на борьбу за Советскую власть. К сожалению, эта область деятельности Токаша совершенно не нашла отражения в спектакле. Он мало действует в народе, почти не связан с ним. Пожалуй, этим можно объяснить то, что образ Токаша, хорошо и верно очерченный в первой половине спектакля, постепенно тускнеет, если не сказать больше – исчезает из поля нашего зрения. Его заслоняют колоритные фигуры купца Закира и атамана Малышева.

Думается, что неоправданно много в пьесе и спектакле занимает психологическое раскрытие переживаний атамана. Токаш Бокин и народ отодвигаются в этой сцене на задний план.

Акын Курушпай (засл. артист республики А.Закк) – близкий и преданный друг Токаша. Это человек неиссякаемого оптимизма даже в самые тяжелые моменты жизни. Осужденный на двадцатилетнюю каторгу, Курушпай, выходя из зала суда, спокойно говорит в ответ на угрозы солдата-конвоира: "Стрелять будешь! Не имеешь права. Царь мне двадцать лет жизни дарил!".

Created by free version of 2PDF

А.Закк естественен в роли Курушпая. Досадно только, что он не до конца отработал произношение некоторых казахских слов.

Трудно что-либо сказать о трактовке образа коммуниста-революционера Березовского. Он решен авторами пьесы в каноническом плане, мало индивидуализован. Потому-то артист К. Олегов, играющий Березовского, не смог полностью использовать свои творческие возможности.

Удачно выступает в роли Зои – дочери атамана Малышева П. Янщикова. Мужеством, решительностью веет от этой девушки. Ее необычная для того времени любовь к казаху вполне естественна: она знает Токаша лучше и больше, чем кто-либо другой.

Рабочий-казах Ташен Утепов, человек с несколько угловатыми движениями, прямолинейным характером, – преданный борец за правду. Он знает, что правда на стороне Токаша и Березовского, и бескорыстно помогает им. Он мало рассуждает, но много делает. Эти черты характера Ташена выразительно передаются артистом В.Ахромеевым.

Колоритно очерчен образ Сята Ниязбекова (артист Н.Чичев).

Сят – волостной правитель, но в отличие от других правителей, он гуманен, и этим завоевал большую популярность. Сят желает добра своему народу, искренне радуется тому, что из казахов растут образованные люди, к которым он прежде всего относит Токаша и адвоката Джайнакова. Правда, Сяту невдомек, почему два умных казаха не могут поладить между собой. Артист Н.Чичев верно раскрывает противоречия в убеждениях Сята.

Интересна в роли Рахимаш И.Аркадьева. Наивность и непосредственность, смелость и застенчивость органически сочетаются в характере Рахимы-Аркадьевой. К сожалению, у Аркадьевой нет-нет да и промелькнут жесты и движения, которые можно выдать не столько за выражение застенчивости наивной Рахимы, сколько за неуверенность в игре самой артистки.

Обаятельный образ матери-казашки создает народная артистка Казахской ССР Е.Кручинина. Неторопливые движения, спокойная уверенная интонация, мужественное отношение к превратностям судьбы передаются артисткой с покоряющей простотой и правдивостью. Много перенесла мать в жизни, но она твердо уверена, что все на земле идет к лучшему, а это лучшее связано с ее сыном Токашем. Сколько энергии проявляет старая женщина, защищая Рахиму, как человечна она и чутка, когда, переборов вековые предубеждения, благословляет брак сына с русской девушкой.

Created by free version of 2PDF

Запоминается в роли верненского воротилы купца Закира народный артист республики С.Ассуиров. Закир хорошо знает силу денег и уверенно использует ее. Вот почему он так преисполнен чувства собственного достоинства в обращении с сильными - атаманом Малышевым, прокурором Марковым и какого-то брезгливого презрения к менее сильным - Джайнакову, Ятшайло и другим.

Почему же, спрашивается, сильный и уверенный в себе Закир связался с цыганкой Чайори, почему не может отказаться от ее услуги? Потому, что внутреннее чутье подсказывает: недалек конец благополучия. Это-то и заставляет Закира обратиться к услугам цыганки: "Может что хорошее подскажет?".

Внутреннюю, еле заметную для простого глаза линию маловерия Закира в свои силы, в силу денег тонко проводит артист Ассуиров.

Цыганка Чайори (роль ее одинаково хорошо исполняет Л.Ярошенко и Л.Кюн) усиливает это чувство обреченности представителей класса богатых.

Прокурор Марков и атаман Малышев - оба из мира хищников, наживавшихся на темноте степных жителей. Зловещую фигуру хладнокровно-расчетливого, жестокого и мстительного прокурора создает артист А.Шепеленко.

Атаман Малышев (засл. артист республики Е.Диордиев) запоминается своей решительностью, несдержанностью и порывистостью. В словесном поединке Малышева с Березовским Диордиев тонко проводит внутреннюю линию поражения атамана, ничем внешне не выдавая его моральную беспомощность. Несколько мелодраматичен Е.Диордиев в сцене объяснения Малышева с дочерью, кстати сказать, неудачной и в самой пьесе.

Слабым получился в пьесе и спектакле образ Джайнакова (артист Е.Аренский). Мы видим не Джайнакова - преуспевающего адвоката, не Джайнакова-барина, остроумного собеседника и дельца в среде верненской аристократии, а заурядного чиновника в сюртуке, с портфелем в руках, с прилизанными волосами и маловыразительными жестами.

Мы уже говорили выше, что цыганка Чайори как бы подчеркивает в спектакле моральную обреченность Закиров, Малышевых и других. Но когда Чайори помогает революционерам в решительные моменты восстания, то это уже кажется совершенно неправдоподобным.

Трудно также объяснить, почему атаман Малышев - человек решительный и злой, убедившись в том, что его дочь революционерка, отпускает Зою в самый опасный для его карьеры и жизни момент.

Created by free version of 2PDF

Мы сознательно не остановились на мелких недостатках в игре актеров. Они объясняются, главным образом тем, что, как это ни странно, русский театр драмы впервые показал спектакль о борьбе казахского народа за свое счастье, и актеры еще не имеют достаточного опыта в создании сценических образов казахов. Однако спектакль "Степное зарево" показывает, что театру по плечу эта задача.

Пьеса "Степное зарево" не имеет единой, стремительно развивающейся сюжетной линии. Отдельные этапы революционных событий в Верном являются в ней и этапом революционной деятельности Токаша Бокина. Отсюда известная фрагментарность самого спектакля, поставленного народным артистом республики М.Гольдблатом.

Основное же достоинство новой, несомненно интересной и серьезной работы театра, по нашему мнению, состоит в ее идейной насыщенности, в том, что в ней верно показан героизм народа, духовное единение трудящихся различных национальностей и, прежде всего, русских и казахов в борьбе за победу власти Советов. И это главное.

«Казахстанская правда», 22 декабря 1957 г.

"БОЛЬНЫЕ ЗУБЫ"

Пьеса узбекского драматурга А. Каххара на сцене Казахского театра драмы

Казахский академический театр драмы поставил пьесу узбекского драматурга А.Каххара «Больной зуб». Отрадно, что театры столицы республики не впервые знакомят нас с искусством братского народа. В предыдущем сезоне в театре драмы с успехом шла пьеса того же автора "Шелковое сюзане", а в репертуаре ТЮЗа представлена комедия Б.Рахманова "Сердечные тайны".

Новая пьеса А. Каххара направлена против пережитков прошлого, остро и зло бичует их носителей.

На окраине большого города в своем особняке живет зубной врач Марасуль Хузурджанов. Врач он молодой, начинающий, но откуда у него свой дом, собственный "ЗИМ", прекрасно сшитые костюмы?

Автор комедии прямо не указывает на источники доходов врача. Впрочем, догадаться об этом нетрудно. Мать Хузурджанова - старушка себе на уме, целыми днями бегает с узелками и ведрами и, видимо,

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

неплохо приспособилась к торговым делам на рынке. У самого врача в особняке – рабочий кабинет, где он принимает больных, занимается частной практикой. В страсти к обогащению сын с высшим образованием мало отличается от неграмотной матери.

Марасуль холост. Ему нужна жена. Вероятно, когда он учился в институте, были девушки, которые могли бы ему понравиться. Но разве такой обыватель может найти общий язык с морально здоровыми людьми?

Матери Хузурджанова нужна женщина-помощница, сама она не успевает управлять большим хозяйством. Возникает идея женитьбы Марасуля на ученице 9 класса Насибе. Марасуль, врач, кажется ей верхом совершенства, и она соглашается выйти замуж. Хитрый делец оформляет с помощью взяток незаконный брак.

Веселая, беззаботная, видящая все в радужном свете Насиба превращается в рабыню въедливой старушки-хозяйки и феодала-мужа. С этого момента внимание зрителя приковано к драматической судьбе девушки-подростка, ставшей жертвой еще бытующих в нашей среде феодально-байских пережитков.

Роль Насибы, на наш взгляд, самая сложная в пьесе. Если остальные герои остаются на протяжении всего спектакля теми же, кем были они вначале, то Насиба испытывает также жизненные потрясения, которые не оставляют буквально ничего от ее радужный мечты. Попав в семью бесчувственных скопидомов, она живет в постоянном страхе перед мужем и свекровью. Насиба становится матерью, и постепенно в ней просыпается чувство собственного достоинства, зреет ненависть, которые приводят к полному разрыву с семьей Хузурджановых.

В первых картинах мы видим Насибу еще жизнерадостной, верящей в Марасуля, увлеченную им, наконец, обрадованную возможностью ездить на "ЗИМе", хорошо одеться. Но вот слышится властный окрик свекрови, и мы чувствуем, как содрогается сердце подростка.

Следует сказать что актриса С.Огузбаева, исполняющая роль Насибы, еще мало живет жизнью героини, сложные психологические колебания, которые происходят в душе подростка, отображаются актрисой подчас чисто внешне, без глубоких переживаний. Но сценические данные актрисы дают возможность предполагать, что уже в следующих спектаклях, глубже вжившись в роль Насибы, она сможет создать обаятельный образ молодой женщины.

Большого комедийного мастерства достигла Сыздыкова К. в роли свекрови Насибы Фатимы. Игра актрисы поражает тонким знанием психологии тех представителей старого поколения, в душу которых

Created by free version of 2PDF

крепко вжилось представление о деньгах, как о всемогущей силе, способной властвовать над людьми. И как же не верить Фатиме силе денег, если она живет в достатке за их счет, если она выгодна женила сына на эти деньги, если и сын-то идет на поводу у матери, потому что она владеет капиталом. К.Сыздыкова умело, выразительными штрихами передает бездушие, лицемерие Фатимы и те особенности ее характера, которые связаны с прошлым положением женщины в узбекской семье.

Главными виновниками несчастья Насибы являются врач Марасуль, зампредрайисполкома Заргаров. Это типичные "больные зубы" в нашем обществе, которые мешают нашей жизни, нашему труду. Кто из них более опасен? Пожалуй, каждый опасен по-своему.

Артист Г. Сулейменов уверенно ведет роль Марасуля. Он с таким вдохновением уговаривает Насибу выйти за него замуж, с таким серьезным видом обещает сделать ее "академиком", что, кажется, и сам уверовал в реальность своих обещаний. В последней сцене, когда Насиба уходит, Марасуль-Сулейменов не проявляет особой растерянности, остается верным себе. Это настораживает зрителя, заставляет его приглядеться к подобным марасулям, которые еще ходят среди нас.

Артист Жолымбетов хорошо понял безвольную, легко поддающуюся вредным влияниям натуру Заргарова и достигает большой правдивости в своей игре, хотя в сцене подготовки доклада и в некоторых других местах он переигрывает, теряет чувство меры в достижении смешного.

Роль жены Заргарова - Окилы в пьесе эпизодична. Окила появляется на сцене всего только два раза и то ненадолго. Несмотря на это, волевая женщина-мать, стоически принимающая удары, надолго запомнится зрителю благодаря чрезвычайно сдержанной, эмоциональной игре актрисы Б.Римовой.

Запоминаются зрителю и директор школы Пулатжан (народный артист Казахской ССР К.Куанышбаев), который обаятелен в своей жизненной простоте и отеческом отношении к ученицам. В каждом его слове, в каждом движении чувствуется житейская мудрость, умение просто и ласково поговорить о самом сложном.

Хороша в роли хищницы-жены Заргарова артистка Х. Жиенкулова, особенно в сцене встречи с прежней женой Заргарова. Когда Окила – Римова входит спокойной походкой, обычная наглость мгновенно слетает с Гумрихон - Жиенкуловой, ее морально подавляет чувство достоинства скромно одетой женщины-труженицы, она мечется, не

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

зная, как себя вести. Привлекателен образ Рахилы - матери Насибы (арт. З. Курманбаева).

Не удовлетворяет образ Зухры, в роли которой выступает народная артистка Казахской ССР Р.Койшибаева. Но вина в этом не столько артистки, сколько драматурга. Зухра похожа на один из многочисленных персонажей, бытовавших до последних дней в нашей литературе. В необходимые для автора моменты подобные герои произносили те или иные высокопарные речи назидательного характера.

Комедия "Больные зубы" имеет свои особенности. Наш зритель привык к пьесам на современные темы, где обычно отрицательный герой в конце концов превращается в кающегося грешника, глубоко переживающего свои плохие, вредные поступки. Однако в действительности не всегда бывает так. Вредные явления поразительно живучи. Поэтому зрителя настораживает то, что к концу комедии Заргаров, снятый с работы, едет в область, к друзьям за новой должностью, а Марасуль говорит уходящей Насибе: "...когда одумаешься и вздумаешь возвратиться, в этом доме будет сидеть другая женщина".

Спектакль, несмотря на отдельные недостатки, оставляет отрадное впечатление. Это второй спектакль, поставленный молодым режиссером А. Ибрагимовым, в котором он проявил достаточно художественного вкуса и чутья.

Следует отметить, хороший перевод пьесы, выполненный К. Мухамеджановым. Ему удалось сохранить и передать свежее остроумие в диалогах, присущее автору пьесы.

«Казахстанская правда», 22 января 1957 г.

«МАЙРА»

Новый спектакль Казахского республиканского театра драмы

В Казахском академическом театре драмы с успехом идет спектакль "Майра", поставленный по одноименной пьесе А. Тажибаева.

Майра была одной из популярных песенниц казахского народа, талантливой гармонисткой: ее веселые, иногда печальные, но всегда проникновенные лирические песни, тексты к которым она сама сочиняла, известны во всех уголках Казахстана.

Created by free version of 2PDF
Suketov University

Дочь бедных родителей, испытавшая на себе гнет женского бесправия, Майра, прожив очень сложную, тяжелую жизнь, умерла в начале тридцатых годов.

В народе сохранилось о Майре представление как об удивительно одаренной женщине, рожденной для выражения народной печали и радости. Создавая образ Майры, автор использовал многие факты из жизни народной певицы.

На фоне глубокого социального перелома, связанного с Октябрьской революцией, он создает образ женщины-казашки, которую поиски свободы для личного счастья и своего искусства приводят в ряды борцов за равные права.

1918 год. Майра – молодая женщина, ей 20 лет. Ее три года тому назад постигло страшное несчастье – выдали замуж за нелюбимого байского сына. Другая женщина, может быть, как это часто бывало, смирилась бы со своей участью. Но не такова Майра. Она слишком любит свои песни, свое искусство, чтобы преждевременно расстаться с ними. Она слишком молода, чтобы не бороться за личное счастье.

Одна она решается на неслыханное дело: бежит из байского дома. Молодежь прииртышского города восторженно встречает Майру. Было бы другое время, она живо водворена была бы обратно в "законный" дом, но не так легко это сделать, когда революция, неся свободу обездоленным, докатилась до берегов Иртыша.

Майра полюбила революционера Мурада, отбывшего три года царской каторги. Его ясный взгляд на жизнь, мужество, нетерпимое отношение к несправедливости привлекают молодую женщину. Их роднит страстная любовь к поэзии, один природный дар: оба они акыны.

Но положение Майры тяжелое – она беглянка-жена, чужая собственность: ее преследует всемогущий степной владыка Тайман; к ней воспылал страстью ее бывший знакомый по медресе Дурбит, молодой кутила, человек хитрый и решительный. И, наконец, Майре вовсе не известно, любит ли ее Мурад. Ее обуревают сомнения: наверное она слишком легкомысленна, слишком много показного в ее поведении, чтобы ее мог полюбить такой серьезный, волевой, рожденный для больших дел человек. Внешне бодрая, веселая, жизнерадостная Майра страшно угнетена действительностью своего положения, своим бессилием перед стечением обстоятельств.

"Не обдели, природа-мать, счастьем меня. К тебе тяну слабые ладони свои!" – восклицает она.

Created by free version of 2PDF

Задушевным лиризмом, трогательной женственностью наделил автор Майру. Но это не мешает ей в решительные минуты проявлять огромную волю и мужество. Большим внутренним обаянием наделила Майру заслуженная артистка Казахской ССР Х. Букеева. Отточенная пластика в движениях, проникновенный голос, изобилующий разнообразием интонаций, убедительно передающий тончайшие нюансы душевных переживаний, – все это результат большой и вдумчивой работы артистки над созданием образа. Особенно волнует зрителя Майра-Букеева в конце первого акта, когда произносится монолог, передающий всю глубину переживаний Майры.

В несколько ином плане играет артистка Б. Римова. Ее Майра выглядит более решительной и волевой. "Майра сделана из молнии и огня!" – восклицает один из персонажей пьесы. Это определение в большой степени можно отнести к Майре-Римовой. Б. Римова – артистка, обладающая счастливым даром перевоплощения, она на сцене живет жизнью Майры, ее движения (хотя они иногда и излишне порывисты), интонации ее голоса (хотя они и менее богаты оттенками, чем у Х. Букеевой) подкупают искренностью и непосредственностью. Она хорошо передает своеобразие национального характера Майры и заслуженно пользуется успехом у зрителей.

И все-таки, на наш взгляд, сценическое воплощение образа Майры находится в большом отдалении от образа этой женщины, сложившегося в народе. Майра-певица, Майра-гармонист-виртуоз, душа тоев и игр – такой она была в жизни. Такую Майру театру трудно было создать, а драматической актрисе трудно воспроизвести виртуозное искусство Майры, да и сама задача театра, как и автора пьесы, в данном случае – раскрыть по возможности ярче душевную драму Майры, которая, в конце концов, привела ее к страшному надлому. Но даже с учетом этих специфических обстоятельств при дальнейшем совершенствовании спектакля следует иметь в виду, что Майра и искусство неотделимы.

Жизненные противоречия в пьесе разрешаются через борьбу сильных страстей, наделенных недюжинной волей людей. Вот порочный Дурбит, грубо устраняющий все преграды на пути к обладанию Майрой, вот феодал Тайман, с истинно олимпийским спокойствием отсчитывающий пред лицом разгневанной толпы деньги, полученные за продажу снохи (Майры), вот молодая девушка Айбарша, у которой страстная любовь к Дурбиту превращается в не менее страстную ненависть. Персонажи говорят образным, сочным, изобилующим живыми эпитетами языком.

Created by free version of 2PDF

С большой силой играет роль Дурбита заслуженный артист республики К. Кармысов. Главное достоинство его игры – отточенная согласованность каждого движения, мимики с интонациями голоса, с паузами, рассчитанными на передачу тех или иных моментов переживаний. К. Кармысов – мастер сценической техники, у него в совершенстве отработан образ, он с удивительной точностью повторяет все движения и интонации в каждой следующей постановке пьесы. Но в этом, пожалуй, и сила актера, и его слабость. Истинная жизнь на сцене предполагает элементы неожиданных, новых находок, которые усиливают правдивость образа от игры к игре и каждый раз по-новому волнуют зрителя. Вот почему второй раз смотришь на игру К. Кармысова с уже ослабшим интересом.

Хорошо ведет роль степного феодала Таймана, отличающегося властностью и беззастенчивостью, засл. артист республики А. Хасенов. У Таймана-Хасенова нет того размаха в стремлении к достижению целей, которыми наделен Дурбит. Он жаден и скуп, но он человек постепному с большим кругозором, решителен в своих поступках и резок.

Если Дурбит погибает от руки справедливого возмездия, а Тайман бежит со своим скотом и кланом в "соседние мусульманские государства", то их прислужник адвокат Акаев теряет в жизни и пути, и цели. Этот образ решен автором логически правильно. Он был лакеем и, потеряв хозяев, остался ни с чем. Такова судьба всех трусливых натур, судьба попутчиков, не имеющих собственных жизненных принципов. Акаев с удовольствием устроился бы к новому хозяину, но он угадывает, что наступает совсем новая, неведомая жизнь, когда исчезнут условия для прислужничества и продажи совести. Эту роль с большим тактом и умением ведет нар. артист республики К. Бадыров.

Не может удовлетворить зрителя образ Мурада. Автор не смог его наделить теми сильными, впечатляющими чертами, какими наделены другие главные персонажи пьесы. А артист И. Ногайбаев однообразной игрой снижает его до уровня обычных носителей бесстрастных сентенций назидательного характера. Очевидно, драматургу и актеру необходимо в дальнейшем поработать над решительным совершенствованием образа Мурада.

Сложен в пьесе образ Бахтияра. Он обладает более широкими взглядами на вещи, чем окружающие его. Эта честная, возмущенная несправедливостями жизни натура. Любимая им девушка ослеплена Дурбитом, и он "истину находит в вине". Острый язык его не дает никому спуску. Он тянется к Мураду. Он погибает в борьбе за справедли-

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

вость. Но в игре нар. артиста Каз ССР М. Суртубаева есть излишнее стремление окарикатурить образ. Это особенно заметно в первом акте спектакля.

В пьесе большое место уделено девушке Айбарше. Это привлекательная героиня, она вся отдается охватившему ее чувству любви, а потом жгучей ненависти. Засл. артистка республики А. Мусабаева исполняет эту роль очень жизненно, хотя и недостаточно полно передает потрясающую драму, которая пронеслась над головой этой глубоко страстной натуры.

Хорошо получились в спектакле образы родителей Майры: отца Уалия (засл. артист республики С. Тельгараев), матери Зару (засл. артистка республики С. Майканова), образ матроса Александрова (Г. Сулейменов). С большим мастерством исполняет роль слуги и наперсника Дурбита – Баттала нар. артист Казахской ССР Е. Умурзаков. Следует отметить, что большая серьезная и вдумчивая работа всего творческого коллектива театра и режиссера-постановщика А. Токпанова с автором пьесы значительно обогатила первоначальный вариант "Майры". Многие характеры стали более глубокими и яркими. Совместная работа над пьесой с автором становится хорошей традицией творческого коллектива театра. "Майра" на сцене Казахского республиканского драмтеатра – интересный, запоминающийся спектакль.

«Казахстанская правда», 16 июня 1957 г.

Created by free version of 2PDF
Suketov University

СОДЕРЖАНИЕ

Книга вторая

Статьи, рецензии, рассказы, очерки, эссе

1. Святое дело Чокана 7
2. Об академике Сатпаеве 112
3. Рассказ А.А. Плетнева о том, как он вора поймал 139
4. Грани творчества 163
5. Человек, родившийся на верблюде 187
6. Его интересно было слушать 230
7. Сергей Исакович Никитин 239
8. Нефть, уголь и вода в химии и энергетике 255
9. Пушкин и Маяковский 295
10. Второй в республике 313
11. Повести Гоголя на казахском языке 332
12. О переводах на казахский язык произведений Маяковского 335
13. О халтурном переводе и невзыскательных издателях 343
14. Обличительная комедия 246
15. У истоков великой дружбы 350
16. Пьеса о Чокане Валиханове 355
17. Жизнерадостная кинокомедия 359
18. Легенда о любви 362
19. Большая тема жизни 365
20. Народный артист 369
21. Пьеса о Токаше Бокине 371
22. Больные зубы 375
23. Майра 378

Created by free version of 2PDF

Suketov university

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 24 п. л.
Тираж 500. Заказ № 90
Отпечатано в типографии ТОО «Арко»,
г. Караганда, ул. Ленина, 2.

Buketov university
Created by free version of 2PDF